

ТЕКСТ ЯЗЫК ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 2

МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКИНА

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусское общественное объединение преподавателей
русского языка и литературы
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русский дом в Гомеле
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Пензенский государственный университет

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 2

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2021

УДК 81.161.(08)
ББК 81.2Рус
Т30

Печатается по решению научно-методического совета УО МГПУ им. И. П. Шамякина
(протокол № 6 от 17.11.2021)

Редакционная коллегия:

С. Б. Кураш, кандидат филологических наук, доцент (ответственный редактор);
А. М. Аमतов, доктор филологических наук, профессор;
Н. А. Илюхина, доктор филологических наук, профессор;
Г. И. Канакина, кандидат педагогических наук, профессор;
В. В. Шур, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:

доктор филологических наук *Е. В. Ничипорчик*
(Гомель, Беларусь);
доктор филологических наук *И. И. Чумак-Жунь*
(Белгород, Россия)

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий
УО МГПУ им. И. П. Шамякина и приказу по университету № 980 от 14.10.2021 г.

Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 2 / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.:
Т30 С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. – 216 с.
ISBN 978-985-477-778-8.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов XI Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русского слова в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина 18–19 ноября 2021 г.

Во второй части сборника публикуются работы в области филологического анализа художественных текстов, в том числе посвящённые русским поэтам и писателям, чьи юбилейные даты отмечаются в 2021 году (Л. Андрееву, М. Булгакову, В. Далю, Ф. Достоевскому); рассматриваются вопросы исследования текста и текстовых категорий в аспекте проблем взаимодействия языков и культур, освещаются актуальные проблемы школьного и вузовского преподавания русского языка, литературы и речеведческих дисциплин.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.
Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-985-477-778-8 (ч. 2)
ISBN 978-985-477-776-4

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 821.161.1.09 "18"

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. И. ДАЛЯ «ПИСЬМА К ДРУЗЬЯМ ИЗ ПОХОДА В ХИВУ»

Л.Б. Гурьянова,

старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка»

Пензенского государственного университета,

г. Пенза, Российская Федерация

E-mail: lyudmila010159@yandex.ru

В статье анализируется малоизвестное произведение русского писателя, этнографа и собирателя фольклора, лексикографа В. И. Даля «Письма к друзьям из похода в Хиву». Цель статьи – привлечь внимание к лексическому своеобразию данного произведения и выявить определенные тематические группы в его тексте. Кроме того, важно обратить внимание на соотношение материалов «Толкового словаря живого великорусского словаря» и текста произведения, что позволит студентам расширить свой словарный запас и глубже познакомиться с оригинальным стилем В. И. Даля. В дальнейшем планируется рассмотреть особенности данного произведения как сочинения эпистолярного жанра.

Ключевые слова: «Письма к друзьям из похода в Хиву», В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», филологический анализ текста.

LEXICAL FEATURES OF VI DAL'S WORK «LETTERS TO FRIENDS FROM HIking TO KHIVA»

L.B. Guryanova,

Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Methods

of Teaching the Russian Language,

Penza State University

Penza, Russian Federation

E-mail: lyudmila010159@yandex.ru

The article analyzes the little-known work of the Russian writer, ethnographer and collector of folklore, lexicographer V. I. Dal «Letters to friends from a campaign in Khiva» The purpose of the article is to draw attention to the lexical originality of this work and to identify certain thematic groups in its text. In addition, it is important to pay attention to the ratio of the materials of the «Current Dictionary of the Living Great Russian Dictionary» and the text of the work, which will allow students to expand their vocabulary and get to know more deeply the original style of V. I. Dahl. In the future, it is planned to consider the features of this work as a composition of the epistolary genre.

Key words: «Letters to friends from a campaign in Khiva», V. I. Dal, «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language», philological analysis of the text.

Введение

Под филологическим анализом художественного текста принято понимать «всесторонний, глубокий анализ текста, т.е. органичное соединение литературоведческого и лингвистического анализа» [3, с. 3]. Если с точки зрения литературоведения важно определить жанр, художественный метод, композицию и систему образов произведения, то с точки зрения лингвистики актуально проанализировать «языковые средства, которые автор отобрал и объединил в единое и качественно новое целое» [3, с. 3]. Известно, что «любой текст, в том числе и художественный, являясь, с одной стороны, самодостаточным объектом, объектом материальной культуры, с другой стороны, связан нерасторжимыми узами с личностью автора, со временем и местом написания, с конкретной ситуацией, вызвавшей то или иное литературно-художественное произведение» [1, с. 30–31].

Безусловно, за последнее время расширился список авторов, произведения которых рассматриваются на занятиях по филологическому анализу художественного текста в вузе, к сожалению, незначительное место среди них занимают рассказы, повести и очерки Владимира Ивановича Даля.

А между тем, начиная с 1830-х годов, он стал выступать в печати как прозаик, которому принадлежат повести «Цыганка», «Бедовик», «Савелий Граб, или Двойник», «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» «Павел Алексеевич Игривый», очерки «Болгарка», «Уральский казак», «Денщик», «Петербургский дворник». Он являлся автором циклов рассказов «Картины из русского быта», «Солдатские досуги», «Матросские досуги». Его произведения печатались в популярных журналах XIX в. «Северная пчела», «Москвитянин», «Русская беседа», «Библиотека для чтения».

К сожалению, творчество В. И. Даля в вузах и школах Российской Федерации изучается только обзорно, хотя своеобразие его художественных произведений отмечалось еще при жизни автора. В. Г. Белинский, давая оценку ранним произведениям В. И. Даля, писал: «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» [2, с. 345]. В письме к П. А. Плетнёву от 4 декабря 1846 года Н. В. Гоголь, говоря о творчестве В. И. Даля, отмечал: «Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни... Его сочинения – живая и верная статистика России. Всё, что не достанет он из своей многообещающей памяти и что ни расскажет достоверным языком своим, будет драгоценным подарком» [4, с. 424].

Цель нашей статьи – привлечь внимание к лексическому своеобразию произведения В. И. Даля «Письма к друзьям из похода в Хиву», опубликованного им в 1867 году в журнале «Русский архив». Всего таких писем 10, каждое датируется, в отдельных случаях сообщается место его написания. Задачи нашего исследования связаны с выявлением слов определенных тематических групп в тексте произведения.

Методы и материалы исследования

В качестве метода исследования используется описательный, который позволяет наблюдать за единицами языка, производить обобщение анализируемого материала, его интерпретацию и классификацию. Кроме того, мы выявляем соотношение слов в произведении «Письма к друзьям из похода в Хиву» и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

Результаты и их обсуждение

Известно, что во время службы в Оренбурге В. И. Даль изучал фольклор народов, населяющих обширные степные территории: казаков, татар, башкир, казахов, калмыков, знакомился с их традициями и обрядами. Большое впечатление на него произвел Хивинский поход 1839–1840 гг. под предводительством В. А. Перовского, участником которого он был и который был продиктован объективными причинами. Во-первых, это был один из этапов присоединения к России Средней Азии, попытка реализации политики Российской Империи в регионе. Во-вторых, формальным его поводом было освобождение находящихся в плену в Хиве россиян, которых продавали на невольничьих рынках. В-третьих, среди участников похода были исследователи территории между Каспийским и Аральским морями, которые должны были определить, может ли Аральское море стать новым стратегически важным портом Российской Империи. Несмотря на неудачу похода в целом, хивинский хан пошел на некоторые уступки и выполнил ряд требований русской стороны. Проанализировав итоги Хивинского похода, правительство увидело его основные недочеты: просчеты в подготовке, значительные человеческие потери, сложные погодные условия, что в дальнейшем учитывалось при освоении новых земель.

Известно, что во время Хивинского похода В. И. Даль не только помогал губернатору В. А. Перовскому, но и лечил раненых, а также собирал географические и этнографические сведения о народах Средней Азии. Но, пожалуй, самым значительным его вкладом в историю данной экспедиции стали «Письма к друзьям из похода в Хиву». Само

произведение предваряют заметки П. И. Бартенева, основателя журнала «Русский архив», посвященного всестороннему освещению истории России: «Мужество в перенесении тяжких лишений и бедствий, коими ознаменовался Хивинский поход, составляет славу русского имени, и мы искренно радуемся, что счастливый случай дал нам возможность познакомить читателей «Русского архива» с живыми подробностями этого смелого и необыкновенного, по всей обстановке своей, предприятия. У одного из участников похода, нашего известного писателя (бывшего в то время чиновником особых поручений при В. А. Перовском), Владимира Ивановича Даля, отыскалась снимочная тетрадь тонкой китайской бумаги, на которой (по способу, дающему два подлинника вдруг) сухими чернилами отпечатались письма, посылаемые им с похода, к родным и знакомым. Приносим нашу благодарность многоуважаемому В. И. Далю за дозволение напечатать нижеследующие выдержки из этой тетради» [7, т. 8, с. 439]. Перед читателями не просто сухой подробный отчет, а художественное произведение, передающее чувства автора и его отношение к происходящему.

Особый интерес для читателей представляет лексическое богатство данного произведения. Писатель стремится к понятийной точности в описании героев Хивинского похода. Уточнить значение многих забытых и устаревших слов студентам помогает «Толковый словарь живого великорусского языка» (далее Словарь).

Прежде всего, он характеризует их с точки зрения принадлежности к различным воинским званиям и должностям. Многие воинские звания того времени были заимствованы преимущественно из немецкого языка; некоторые из них сопровождалась такими элементами как *гоф*, которое «ставится перед званиями и должностями соединенно, для указания принадлежности их двору, прямо или почетно» [6, т. 1, с. 388], или *обер*, которое имеет значение «главный, старший, высший, начальствующий» [6, т. 2, с. 579] и «введено у нас для означения старшинства чина, звания и должности» [6, т. 2, с. 579], например, гофмаршал или обер-гевальдигер, обер-квартирмейстер, обер-провиантмейстер.

Некоторые военные чины относятся к устаревшей лексике, например, *гевальдигер* – «офицер, заведывающий военной полицией, полицейской частью при войсках» [6, т. 1, с. 347], *хорунжий* – «кто носит военную хоругвь, знаменщик» [6, т. 4, с. 562].

Поскольку Хивинский поход был массовым, то и людей, которые выполняли в нем различные обязанности, было немало. Среди них можно выделить *поводатарей*. Словарь дает нам возможность не только узнать лексическое значение слова, но и познакомиться с синонимами к нему: «Поводчик, -чица, поводарь, поводырь, поводатарь м. водырь, вожак, вожатый, водчик» [6, т. 3, с. 140]. Размещением участников похода занимался *квартирьер* – «военный чин, посылаемый вперед отряда, для заготовки помещений, ночлегов» [6, т. 2, с. 102]. Кроме того, размещением участников занимался *квартирмейстер* – «офицер, располагающий войска на квартиры и заведующий приемкою для них продовольствия» [6, т. 2, с. 102]. Поскольку перемещение участников похода производилось не только на лошадях, но и на верблюдах, то среди участников были и *верблюдочики* – «погонщики, вожаки при верблюдах» [6, т. 1, с. 178]. «Солдат фурштата или военного обоза» [6, т. 4, с. 539] были принято называть фурлейторами, а провиантмейстер заведовал «заготовкой и хранением провианта» [6, т. 3, с. 472].

Сам поход осуществлялся в зимнее время, требовал долгих переходов, поэтому его участники не имели постоянного места жительства, но В. И. Даль как его участник подробно описывает их жизнь в *кибитке* – «крыше на дугах» [6, т. 2, с. 106]. Чаще всего синонимом к слову *кибитка* служит или *юлама*, т.е. «маленькая, дорожная кибитченка» [6, т. 2, с. 106] или *кают-компания*. Видимо, в походе он вспоминал свою морскую службу. Самым приятным считалось время, которое участники похода проводили у *чувала* – «комнатного камина» [6, т. 4, с. 611], для дополнительного тепла нередко кутаясь в *кошму* – «войлок, полсть, сваленную из овечьей шерсти» [6, т. 2, с. 183]. Кроме кибиток, в обозе был *амуничник* – «помещение для склада амуниции» [6, т. 1, с. 15].

Конечно, участки похода должны были получать продовольствие, которое, с одной стороны, было сытным, с другой стороны, однообразным. В. И. Даль вспоминает разнообразные виды мяса: баранину, говядину, жеребятинку; *селянку* – «горячую похлебку с мясом, капустой, луком, огурцами» [6, т. 4, с. 172], *пельмени* – «род вареников, начиненных мясом; иногда рыбой, капустой, грибами, редькой» [6, т. 3, с. 29], *кашу* – «густоватую пищу, крупу вареную на воде или на молоке» [6, т. 2, с. 100]. Причем, говоря о каше, в Словаре он приводит ее разнообразные виды: «гречневая, пшенная, полбеная, ячная, овсяная, ржаная» [6, т. 2, с. 100].

Из напитков он упоминает *чай* – «настой листьев чайного дерева» [6, т. 4, с. 580] и *сбитень* – «горячий напиток, из подоженного меда с пряностями» [6, т. 4, с. 141]. Когда он рассказывает о Масленице, которая прилась на время похода, вспоминает о *блинах* – «роде хлебного из жидко растворенного теста, поджаренного лепешкой на сковороде» [6, т. 1, с. 97].

В тексте писем упоминается большое количество наименований разнообразной одежды, которая, прежде всего, помогала согреться в зимнее время. В. И. Даль довольно подробно описывает внешний вид участников похода. Кроме традиционной шинели, для их обмундирования использовался *тулуп* – «полная шуба, без перехвата, а халатом, обнимающая все тело, весь стан» [6, т. 4, с. 442]. Из Словаря мы узнаем, из чего обычно изготавливали данный вид верхней одежды: «простой тулуп бывает овчинный, бараний; тулуп домашний, смущатый, беличий и пр.» [6, т. 4, с. 442]. Кроме того, участники похода носили *салопы*, хотя в Словаре данный вид одежды указан как разновидность верхней женской и представлял теплый «род круглого плаща» [6, т. 4, с. 131]. Поскольку в походе принимали участие представители разных национальностей, то они использовали одежду, характерную для разных местностей. В. И. Даль упоминает *совик* – «арх. сиб. совок, вологодск. самоедская верхняя оленья шуба, круглая, нераспашная, рубахой; шьется шерстью наружу, с куколем или наголовником, почему зовется и куклянкой (камч.): нередко и рукавицы пришивные; надевается на малицу; по-самоедски соуок, что, кстати, переделано в совик, потому что куколь придает лицу совиный образ. Совик короче, но просторнее малицы» [6, т. 4, с. 254], *даху* «сиб. монг. шуба, надеваемая шерстью вверх, наружу; она бывает жеребья, или оленья, козуличья, собачья, овчинная; яргак, ергак сиб. оренб.» [6, т. 1, с. 416], *ергак* «м. ергач, яргак сиб. оренб. тулуп или халат из жеребьячьих, пыжиковых, козульих, сурочьих и иных короткошерстных шкур, шерстью наружу; иногда дают ему покрой нашей одежды, даха» [6, т. 1, с. 520].

Под верхней одеждой были надеты или *рубаха* – «одежда из числа белья, надеваемая под низ, на тело» [6, т. 4, с. 106], или *халат* – «татарск. комнатная, домашняя, широкая одежда восточного покроя» [6, т. 4, с. 541], или кафтан – «татарск. верхнее, долгополое мужское платье разного покроя» [6, т. 2, с. 98], или *архалук* – «полукафтанчик» [6, т. 1, с. 22]. В связи с морозами эти виды одежды могли комбинироваться.

В качестве головного убора нередко использовалась *скуфья* – «комнатная шапочка», которая иначе называлась «скуфейка, ермолка, тюбетейка, фес, еломок, шуточн. наплешник» [6, т. 4, с. 214]. Для выхода на улицу использовали *наушники* – «пришитые к шапке боковые лопасти, или отдельные повязки, накладки, для защиты ушей от стужи» [6, т. 2, с. 489].

Руки помогали согреть рукавицы – «кулачные перчатки, с одним только напалком для большого пальца» [6, т. 4, с. 110], они могли быть: «голицы, кожаные; вареги, вязанные шерстяные; мохнатки, меховые, шерстью наружу» [6, т. 4, с. 110].

Ноги согревали *чулки* – «исподняя, вязаная долгая обувь, заменяемая иногда кофетками, носками, получулками (чулочками вор.), или онучами, портянками, подвертками» [6, т. 4, с. 614]. Чаще всего участники похода носили *сапоги* – «ожн. высокая обувь, из передов, задников и голенища, с подошвою» [6, т. 4, с. 137].

Таким образом, описывая Хивинский поход и его участников, В. И. Даль использует разнообразный лексический материал.

Выводы

Конечно, невозможно в рамках одной статьи подробно проанализировать весь текст этого малоизвестного произведения, но и приведенный материал позволяет увидеть лексическое богатство и понятийную точность его языка, энциклопедизм знаний автора о жизни русского народа и разных народностей Российской Империи. Нельзя не согласиться с Е.И. Головановой, что «он стремился к широкому внедрению в литературную речь лексики, возникшей в народной среде. В ней он видел источник ясности и образности языка. Не случайно так много примеров включения выразительных средств из народной речи содержится в разных сочинениях В. И. Даля» [5, с. 11]. Изучение произведения В. И. Даля «Письма к друзьям из похода в Хиву» поможет студентам обратить внимание на стиль автора, отметить его лексическое своеобразие, поможет сопоставить текст художественного произведения и «Толкового словаря живого великорусского языка». В дальнейшем это произведение будет рассмотрено с точки зрения своеобразия эпистолярного жанра.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
2. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. – С. 315–359.
3. Болдина, Н. Н. Филологический анализ произведений М. Ю. Лермонтова : учеб.-метод. пособие / Н. Н. Болдина ; Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2005. – 163 с.
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. / Н. В. Гоголь ; ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. М. Томашевский. – М. : Л. : АН СССР, 1951–1952. – Т. 8: Статьи. – 815 с.
5. Голованова, Е. И. В. И. Даль как языковая личность : модель лексикографического описания / Е. И. Голованова // Мир русского слова. – 2012, № 2. – С. 5–12.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1–4. Т. 1 : А–З. – 1989. – 699 с. ; Т. 2 : И–О. – 1989. – 779 с. ; Т. 3 : П. – 1990. – 555 с. ; Т. 4 : Р–V. – 1991. – 683 с. – Доп. тит. л. изд. : СПб. ; М., 1882.
7. Даль, В. И. Собрание сочинений : в 8 т. / В. И. Даль. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2017. – Т. 8: Письма к друзьям из похода в Хиву. – С. 438–497.

References

1. Babenko, L. G. (2004) *Filologicheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik; Praktikum* [Philological analysis of a literary text. Theory and Practice: Textbook; Workshop]. 2-e izd. Moscow. (In Russ).
2. Belinskij, V. G. (1956) *Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda. Stat'ya vtoraya i poslednyaya. Belinskij V. G. Poln. sobr. soch. : v 13 t.* [A Look at Russian Literature of 1847. The second and last article. Belinsky V. G. collection Op. : in 13 volumes]. Moscow, v. 10. Stat'i i recenzii, 315–359 (In Russ).
3. Boldina, N. N. (2005) *Filologicheskij analiz proizvedenij M. YU. Lermontova: uchebno-metodicheskie posobie* (Penzenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V. G. Belinskogo) [Philological analysis of the works of M. Yu. Lermontov: teaching aids (Penza State Pedagogical University named after VG Belinsky)]. – Penza (In Russ).
4. Gogol', N. V. (1951–1952) *Poln. sobr. soch. [Complete. collection Op.]*. M.; L., v. 8, Stat'i (In Russ).
5. Golovanova E. I. (2012) V. I. Dal' kak yazykovaya lichnost' : model' leksikograficheskogo opisaniya // *Mir russkogo slova* [V.I. Dal as a linguistic personality: a model of lexicographic description. *World of the Russian word*]. – № 2, 5–12 (In Russ).
6. Dal', V. I. (1991) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. – M., 1989–1991, v. 1–4 (In Russ).
7. Dal', V. I. (2017) *Sobranie sochinenij : V 8 t. T.8 : «Pis'ma k druz'yam iz pohoda v Hivu»* [Collected works: In 8 volumes. Vol. 8: "Letters to friends from a trip to Khiva"]. – M., 438–497 (In Russ).

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВОГО МИРА

(на материале романа В. В. Быкова «Сотников»)

И.А. Даниленко,

доцент кафедры иностранных языков Педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия
E-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

К.С. Даниленко,

учитель изобразительного искусства, Разуменская средняя общеобразовательная школа №1
Белгородского района Белгородской области, г. Белгород, Россия
E-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

DEICTIC MEANS AS THE BASIS IN BUILDING A TEXT WORLD (based on the novel by V. V. Bykov "Sotnikov")

I.A. Danilenko,

associate professor, department of foreign languages, pedagogical institute
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
E-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

K.S. Danilenko,

teacher of fine arts,
Razumenskaya secondary school No. 1
Belgorod district of the Belgorod region", Belgorod, Russia
E-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

В статье рассматривается теория текстовых миров. Согласно этой теории, автор и читатель, взаимодействуя друг с другом посредством текста совместно творят текстовый мир. Для создания текстового мира необходимо задать его рамки: временные, пространственные, указать персонажей. Для этого автор использует дейктические средства.

В своём исследовании мы использовали материал повести Василя Быкова «Сотников», поскольку автор избегает прямых указаний на место и время. При помощи когнитивно-герменевтического анализа нами были выявлены дейктические средства, которые обеспечивают построение верного текстового мира.

Ключевые слова: текстовый мир, дейктические средства, текст, когнитивно-герменевтический анализ.

The article deals with the theory of text worlds. According to this theory, the author and the reader, interacting with each other through a text, jointly create a text world. To create any text world, it is needed to set its frames: temporal and spatial coordinates, to specify the characters. To archive this, the author uses deictic means.

In our research, we used the material from the tale "Sotnikov" by Vasil Bykov, since the author avoids direct references to place and time. With the help of cognitive-hermeneutic analysis, we have identified deictic means that allows to create the correct text world.

Key words: text world, deictic means, text, cognitive hermeneutic analysis.

Введение

Исследованию текста посвящено большое количество научных работ. Одно из направлений, открывающих перед исследователем большие горизонты, является относительно недавно предложенная «теория текстовых миров». Идея текстовых миров уникальна тем, что учитывает роль читателя в его построении. Каждый реципиент текста является полноправным творцом текстового мира наравне с самим писателем. Теория текстовых миров не рассматривает текст как итог писательского творения, указывает на то, что это инструмент взаимодействия автора и читателя.

Цель исследования – рассмотреть дейктические средства как инструмент создания текстового мира. Под дейктическими средствами мы понимаем любые лексические единицы, которые ориентируют читателя в произведении: помогают ему правильно определить место, время и действующих персонажей. Дейктические средства, употреблённые автором и верно интерпретированные читателем, являются основой построения текстового мира.

Материалом исследования послужила повесть белорусского писателя Василя Владимировича Быкова «Сотников». В этом произведении Василь Быков избегает прямых описаний места и времени событий и не даёт прямолинейных описаний главных героев, однако, умело применяя дейктические средства позволяет читателю безошибочно определить пространственно-временные рамки событий и раскрывает характеры самих главных героев. В процессе исследования нами был применён метод когнитивно-герменевтического анализа текста, который заключается в осмыслении и толковании элементов текста.

Результаты и их обсуждение

Основоположником теории текстовых миров выступил голландский учёный Пол Верт. Основная идея состоит в том, что текстовый мир – это совместное творение писателя и читателя. «Текстовый мир представляет собой концептуальное пространство, которое создают отправитель и получатель, взаимодействуя с текстом» [3, с. 45]. Текст при таком взаимодействии выступает как инструмент, как посредник в общении отправителем (писателем или говорящим) и получателем (слушающим или читающим). Для того, чтобы это пространство могло быть создано обе стороны (говорящий и слушающий) должны «понимать», о чём идёт речь. Другими словами, они постоянно «договариваются» о значении и процесс в итоге получается динамическим. Помимо значения самого текста, на создание текстового мира влияет наличие, и характер фоновых знаний двух субъектов взаимодействия. При каждом новом восприятии текста новым читателем выстраивается новый текстовый мир: «Значение и понимание не являются предопределёнными или фиксированными, они постоянно развиваются на основе непосредственной договоренности участников дискурсивного мира» [4, с. 20]. Отсюда и возникает различное, индивидуальное отношение читателей к прочтённому тексту. Говоря простым языком, «нравится» текст или «не нравится». Для создания текстового мира необходимы оба субъекта: тот, кто порождает текст и тот, кто его воспринимает. При этом, если это устный разговор, то момент творения текста и момент его восприятия совпадают. Но если разговор происходит по телефону, то двух субъектов объединяет только время, но не место. При чтении написанного текста отправителя и получателя ничего не объединяет. Такой текстовый мир Гавинс определил, как «расщеплённый» [4, с. 26].

Если рассмотреть теорию текстовых миров на примерах разных видов искусств, то искусство театра объединяет отправителей и получателей как во времени, так и в пространстве. Искусство кинематографа являет собой, как и литература, пример расщеплённого текстового мира. При этом отправитель и получатель не только не объединены ни временем, ни пространством, но при этом ещё отправитель и не знает своего получателя.

В своём исследовании мы придерживаемся определения текстового мира данного самим Полом Вертом: «концептуальный сценарий, содержащий достаточную информацию для понимания высказываний, с которыми они соотносятся» [6, с. 7]. Интересно отметить, что из трёх элементов необходимых для построения текстового мира – автор, текст, получатель – первые два неизменны, а получатель всегда новый. Именно он и является причиной того, что каждый новый текстовый мир не похож на предыдущий.

Процесс создания текстового мира начинается с определения пространственно-временных рамок. «Дейктические средства могут указывать на участников, обстановку, временную и пространственную локализацию сообщаемого факта и пр.» [3, с. 48].

Имея временные рамки, текстовый мир заполняется фреймами, причём, важны лишь те фреймы, что имеют отношение к содержанию. Если субъектами текстового мира (писателем и читателем) будут актуализироваться не подходящие или разные фреймы, дискурс не будет иметь смысл. Кроме того, важно, что на создание текстового мира влияет «наличие, и характер фоновых знаний двух субъектов взаимодействия» [2, с. 36]. Если понятие или явление не доступно для читателя, то текстовый мир не будет построен – текст останется не понятым.

Проиллюстрируем невозможность построения текстового мира из-за несоответствия образов в сознании автора и читателя на примере «Слова о полку Игореве». Одним из первых обширных трудов, посвящённых «Слову...» на английском языке, был сделанный в начале XX века перевод, снабжённый обширной вступительной речью, выполненный Леонардом А. Мангусом. Поскольку английский читатель не был хорошо знаком с историческим контекстом, в котором создавалось произведение, то А. Мангус снабдил свой перевод исторической справкой, рассказывающей о Древней Руси. Интересно, что ещё до формулирования Полом Вертом своей теории Леонард Мангус понимал, что, если не ввести читателя в курс дела, а именно не объяснить ему суть происходящих событий, то ему не удастся погрузить читателя в атмосферу произведения. Иными словами, он искусственно обозначил временные рамки текстового мира.

В исторической справке содержалась и информация о самом князе Игоре, тем самым обозначалось и главное действующее лицо произведения. Это отнюдь не означает, что потенциальные читатели не имели понятия о средневековье, но они вполне могли не знать о событиях средневековья на Руси, а знания о средневековой Англии вряд ли бы помогли выстроить верный текстовый мир, то есть автор и читатель, два субъекта будущего текстового мира договорились о временных и пространственных рамках и о действующих лицах текста заранее.

Стоит, однако, отметить, что Мангус всё же допустил ошибку. В попытке передать атмосферу произведения, а именно древнерусский слог, автор перевода решил употребить английские устаревшие формы глаголов и местоимений, не имеющих хождения в современном английском языке, тем самым, вызвав в сознании читателей образ Англии XVII века, а не Киевской Руси XII века [5]. Таким образом, дискурс получился искажённым, а текстовый мир неверно выстроенным.

Важнейшей характеристикой текстовых миров является отсутствие статики. Если один реципиент воспринял текстовое сообщение по-своему, то другой вполне может понимать прочитанное совершенно по-другому. Это зависит от культурного опыта конкретного человека. Чтобы этого избежать, автору приходится включать в текст элементы, направляющие дискурс в нужное русло. Чтобы сориентировать читателя, автор описывает действия персонажей, местность или события, во время которых разворачивается действие. Так, в повести «Сотников», Василь Быков с первого предложения даёт понять читателю где и когда происходит действие:

«Они шли лесом по глухой, занесенной снегом дороге, на которой уже не осталось и следа от лошадиных копыт, полозьев или ног человека» [1]. В этом предложении Василь Быков употребил сразу несколько дейктических средств для обозначения рамок текстового мира. Временные рамки очерчены как, не странно, проксемой *«занесенной снегом дороге»* – действие происходит зимой. Под проксемой мы понимаем лексические единицы, описывающие положение героев в пространстве.

Другая проксема *«шли лесом»* очерчивает пространственные рамки повествования. Безусловно. Такие координаты не делают место и время исключительными, однако, Василь Быков и не ставит перед собой подобной задачи. Он рассказывает историю, которая «могла бы быть» «где-то в лесах Белоруссии во время Великой Отечественной Войны».

Временные рамки войны автор очерчивает, упоминая немцев:

«Но все же приходилось быть настороже, особенно после Глинян, возле которых они часа два назад едва не напоролась на немцев» [1]. Упоминание деревни, в которой можно было «напороться» на немцев должно вызвать в сознании читателей период оккупации во время Великой Отечественной Войны. Кроме того, знание, что оккупирована была лишь европейская часть СССР тоже вызывает в сознании читателя определённое место действия.

По ходу повествования Василь Быков несколько раз упомянет «отряд», имея в виду партизанский отряд Рыбака и Сотникова. Но в первый раз он даёт понять, что роман о партизанах так:

«Впрочем, случайная стычка в лесу или в поле не очень страшила Рыбака: у них было оружие. Правда, маловато набралось патронов, но тут ничего не поделаешь: те, что остались на Горелом болоте, отдали им что могли из своих тоже более чем скудных запасов» [1]. Фраза «у них было оружие» заслуживает отдельного внимания. С одной стороны, наличие оружия уже делает Рыбака и Сотникова не гражданскими, но одновременно с этим эта фраза подчёркивает, что они и не из регулярной армии: из фразы следует, что оружия вполне могло и не быть.

Фраза «те, что остались на Горелом болоте» подразумевает, что есть ещё несколько человек, которые ждут их возвращения, скорее всего это отряд партизан.

Здесь же автор сообщает читателю о трудном положении отряда: «отдали им что могли из своих тоже более чем скудных запасов».

Так, при помощи вышеперечисленных дейктических средств Василь Владимирович Быков очерчивает временные и пространственные рамки действия и вводит главных героев.

Выводы

Итак, подведя итог, скажем, что текстовый мир – это совместное творение говорящего, либо пишущего и слушающего, либо читающего. В зависимости от субъектов общения один и тот же текст может быть понят по-разному. Это объясняет, как одно и то же художественное произведение может быть по-разному понято в разных обществах или даже от человека к человеку.

При построении текстового мира крайне важно, чтобы смыслы, заложенные автором, были правильно интерпретированы читателем. Построение текстового мира начинается с очерчивания его рамок: временных пространственных с указания действующих лиц. Для этого автором применяются дейктические средства точность которых обуславливается интенцией автора.

Литература

1. Быков, В. В. Сотников – 1970. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=5513&p=1>. – Дата доступа: 06.09.2021.
2. Даниленко, И. А. Этапы создания текстового мира на примере произведения Ф.С.Фитцджеральда «Tender is the night» / И. А. Даниленко // Лингвистические горизонты. – 2017. – С. 35–39.
3. Кушнерук, С. Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики / С.Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 45–51.
4. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh University Press, 2007.
5. Mangus, L. A. The Tale of the Armament of Igor. AD 1185: A Russian Historical Epic. – Oxford, 1915.
6. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – L. : Longman, 1999.

References

1. Bykov, V. V. *Sotnikov*. 1970. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [Somikov] <https://www.litmir.me/br/?b=5513&p=1>. – Data dostupa: 06.09.2021 (In Russ).
2. Danilenko, I. A. *Jetapy sozdanija tekstovogo mira na primere proizvedenija F. S. Fitzdžeral'da «Tender is the night»*. *Lingvisticheskie gorizonty [Stages of creating a text world based on the novel by F. S. Fitzgerald's «Tender is the night». linguistic horizons]*. – 2017. – P. 35–39 (In Russ).
3. Kushneruk, S. L. *Teorija tekstovyh mirov kak issledovatel'skaja programma v ramkah kognitivnoj lingvistiki*. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki. [Text world theory asa research program within cognitive linguistics. Problems of cognitive linguistics]* 2011. – № 1. pp. 45–51 (In Russ).

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВАЯ АДМЕТНАСЦЬ ПАЭЗІІ АЛЕСЯ РАЗАНАВА Ў ПЕРЫЯД ТВОРЧАГА СТАНАЎЛЕННЯ

Г.М. Дашкевіч,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

Важным аспектам літаратуразнаўства з'яўляецца далучэнне да вывучэння аднаго з яго самых складаных адгалінаванняў – жанрава-стылёвага зместу мастацкага твора. Творчасць А. Разанава якраз засведчыла неабходнасць асэнсавання гэтай праблемы ў новым ракурсе: з улікам тых навуковых даследаванняў, якія ўяўляюць сабой прадмет канцэптуальнай гаворкі для выяўлення аўтарскага светаразумеўня, пошуку свайго адметнага почырку на шырокіх даяглядах паэтычнага спасціжэння жыцця. Зварот да яго творчасці будзе заўсёды запатрабаваны самім часам. У гэтым нам бачыцца грамадская і навуковая значнасць падобнага даследавання. Аналіз асноватворных жанрава-стылёвых элементаў у мастацкай сістэме А. Разанава дазваляе выявіць своеасабліваць мастацкага светабачання таленавітага паэта, вызначыць адметнасці яго непаўторнага аўтарскага стылю, жанравыя новаўвядзенні. А праблема творчай індывідуальнасці застаецца на сённяшні час адной з вызначальных праблем сучаснага літаратуразнаўства.

Ключавыя словы: жанр, стыль традыцыйнае, наватарскае, паэтычная сістэма, мастацтва, філасафічнае, інтэлектуальнае.

GENRE-STYLE FEATURE OF ALES RYAZANOV'S POETRY IN THE PERIOD OF CREATIVE FORMATION

G.N. Dashkevich,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Mozyr, Belarus

An important aspect of literary criticism is the introduction to the study of one of its most complex branches – the genre and style content of a work of art. The work of A. Ryazanov just testified to the need to comprehend this problem in a new perspective: taking into account those scientific studies that are the subject of conceptual speech to identify the author's worldview, to search for his distinctive handwriting on the broad prospects of poetic comprehension of zhytssh. The appeal to his work will always be in demand by time itself. This is what we see as the social and scientific significance of such a study. Analysis of the fundamental genre-style elements in the artistic system of A. Riazanova allows us to identify the originality of the artistic worldview of a talented poet, to determine the features of his unique author's style, genre innovations. And the problem of creative individuality remains for today one of the defining problems of modern literary criticism.

Key words: genre, traditional style, innovative, poetic system, art, philosophical, intellectual.

Уводзіны

Стылявая панарама беларускай паэзіі сканцэнтравала ў сабе ўсе этапы гістарычнага шляху свайго развіцця. Беларускі верш дасягнуў сусветнага ўзроўню дзякуючы плённаму развіццю новых вобразна-асацыятыўных і жывапісна-пластычных магчымасцей, паяднанню філасафічнага і эмацыянальнага, адметна-рэчыўнага і духоўнага, народна-песеннага і касмічнага пачаткаў. Фарміраванне стылю асобнага мастака немагчыма ўявіць без усяго літаратурнага працэсу. У. Гніламёдаў выдзяляе некалькі мастацка-стылёвых плыняў: “лірыка-апавадальную, рамантычную, публіцыстычную, філасофска-аналітычную, мастацка-сінкрэтычную і “універсальна-інтэлектуальную” [1, с. 236] Універсальна-інтэлектуальную форму плённа асвойваў Алесь Разанаў. Побач з ім М. Купрэў, А. Глобус, А. Бембель і іншыя творцы, якія знайшлі свае шляхі да актуалізацыі інтэлектуальнага напрамку ў паэтычным творы.

Мэты і задачы: вызначыць спецыфіку стварэння жанрава-стылёвай сістэмы паэзіі А. Разанава ў перыяд творчага станаўлення.

Метады і матэрыял даследавання

Даследаванне жанрава-стылёвай адметнасці паэзіі А. Разанава грунтуецца на аснове параўнальнага-тыпалагічнага і аналітычнага метадаў аналізу твораў. Матэрыял даследавання – зборнікі паэзіі А. Разанава 70-х гадоў і літаратуразнаўчыя працы, прысвячаныя яго творчасці.

Вынікі і іх абмеркаванне

Філасафічна-аналітычная паэзія А. Разанава спалучае шматгранную, сакавітую метафарычнасць і філасофскую змястоўнасць. духоўныя пошукі яго як творцы філасофскага светабачання прывялі да інтэлектуалізму, сталасці паэтычнага мыслення ўжо ў першых яго зборніках. Першая кніга паэта “Адраджэнне” (1970 г.) была заўважана крытыкай. Адзін з самых яркіх даследчыкаў беларускай паэзіі Р. Бярозкін, а таксама паэт А. Вярцінскі адзначылі неардынарнасць таленту маладога паэта. Даволі насцярожана была ўспрынята творчая манера маладога Разанава, адкрыты пошукавы, наватарскі характар яго паэзіі, смелае спалучэнне рыфмаванага сілаба-танічнага і нерыфмаванага, свабоднага верша. Яго мастацкім прыярытэтам, яркай прыкметай індывідуальнага стылю стала смеласць, адкрытасць, раскаванасць зместу і формы ў самым лепшым сэнсе гэтага слова:

*Калі ўсе згублены ключы,
калі – ні шанца,
анічога,
усё ж ідзі,
любі,
крычы
і пасягай на перамогу [2, с. 461].*

Рамантычнасць светаадчування маладога паэта А. Разанава, яго права на эксперыментальныя мастацкія пошукі і адкрыцці знайшлі яскравае пацвярджэнне ў наступных радках:

*Я маю права ўсё закрэсліць
і потым
нанава пачаць [2, с. 6].*

Прага самапазнання, навізны, пашырэння творчага дыяпазону прывяла паэта да плённай перакладчыцкай дзейнасці. З цягам часу А. Разанаў стане стваральнікам некалькіх анталогій замежнай паэзіі, будзе перакладаць з нямецкай, польскай, балгарскай, чэшскай, славацкай, славенскай, македонскай, сербахарвацкай, латышскай, грузінскай і іншых моў свету. Паэт добра ўсвядоміў запавст свайго духоўнага настаўніка М. Багдановіча аб стварэнні такіх твораў, якія адпавядалі б самым значным дасягненням твораў літаратуры свету. Прыцягальная сіла самаадукацыі, спазнання свайго і сусветнага прывяла паэта да новых грунтоўных мастацкіх адкрыццяў. Таму не дзіўна, што кніга “Адраджэнне” была ацэнена крытыкам І. Ралько як “сведчанне паглыблення інтэлектуальнасці і публіцыстычнай завостранасці вершаў... і адначасова – сур’ёзная прыкмета ранняй сталасці паэтычнага мыслення” [3; 7].

Яшчэ ў пачатку 70-х гадоў беларуская паэзія стала на шлях абнаўлення. Яна пачынае асвойваць навукова-тэхнічныя тэрміны, смела выкарыстоўваць іх у паэтычных творах. Нагадаем, што ў рускай літаратуры гэтая з’ява найбольш плённа адбілася ў творчасці выдатнага паэта А. Вазнясенскага. У паэме А. Куляшова “Цунамі” з вышыні сённяшняга часу можна пераканацца, з якой настойлівасцю і заклапочанасцю паэт гаворыць аб будучыні свету, аб агамнай пагрозе. Яго прадчуванні сталі знакавымі для многіх твораў. Не менш значны ўплыў аказала на плеяду маладых творцаў М. Танка, яго арганічная паяднанасць з верлібрам, смелы пошук новых сродкаў метафарычнасці, пазначаных суладдзем моцнай народнай асновы і інтэлекту.

Натуральнае імкненне да філасафічнасці і асваення новых вершаваных форм станюча праяўляецца ў другім зборніку А. Разанава “Назаўжды”, які выйшаў у 1974 годзе. Паэт паўстае як прадстаўнік пакалення, якое генетычна ўвабрала боль і горыч бацькоў і дзядоў, што прайшлі праз вогнішчы вайны. У цэнтры ўвагі – рэальныя гістарычныя асобы: абаронцы Брэсцкай крэпасці (паэма “Назаўжды”), Рагнеда, Кастусь Каліноўскі, дзекабрысты. В. Бечык заўважае рамантычную накіраванасць, пачуццёвую раскаванасць, “асабліваю чуйнасць да ўсіх галасоў жыцця, да гукаў, колераў, свабодных і натуральных праяў навакольнай існасці” [4, с. 216].

Разам з тым, крытыка звярнула ўвагу на паглыбленне ў паэзіі А. Разанава трагічнага, драматычнага погляду на з’явы жыцця:

*Не распнутае доляю ўбогай,
не пранізанае свінцом,
Абкладаецца сэрца аблогай,
Заціскаецца жорсткім кальцом [5, с. 19].*

*Мысліць воблака і зіма,
мысліць возера і дарога...*

*Ды няма ў іх, няма ў іх, няма
неспасціглага сэрца жывога.*

*Грукачы, грукачы, грукачы,
уцякай у туман, у бязмежнасць...*

*Раскрычаліся крумкачы,
абвяшчаючы непазбежнасць [5, с. 19].*

У вершы “Радзіма” трапяткое сэрца паэта напоўнена драматычнымі ўяўленнямі аб бацькаўшчыне, яе будучыні. “Я ў весялосці не з табой, з табой у роздуме і скрусе”, – адзначае паэт. Ён не хоча звяртацца да яе, адзінай і непаўторнай, “ні з нараканнем, ні з мальбой”:

*Ты не ўмяшчаеешся ў куток,
дзе трызніць Буг, дзе Белавежа...*

*Твае не вызначыць мне межы
і не намацаць твой выток.*

*У свет балючы дабяла,
у снежны свет – мае усходы
ідуць: там ты... там ты была!..*

Ты ўся наводдалі заўсёды [5, с. 11].

Ідэйна-стылёвай дамінантай кнігі “Назаўжды”, на наш погляд, з’яўляецца вобраз сэрца, пранізанага болем і спадзяваннем на лепшы лёс беларусаў.

Верш “Шчасце” таксама напісаны ў традыцыйным ключы. Але ў ім адшліфавана, прапушчана праз сэрца кожнае слова, кожны гук. У ім існуе радасць адкрыцця. Талент перамагае смерць. Застаюцца песні, вершы, энсрґія спакутаванай, але непераможнай душы. Зноў згадваюцца бессмяротныя радкі Максіма-Кніжніка з верша “Жывеш не вечна, чалавек”; заклік паэта жыць так, “каб хвалявалася жыццё, каб больш разгону ў ім было, каб цераз край душы лусцё не раз, не два пайшло” [6, с. 121].

Аб духоўнай цэльнасці дбае і разанаўскі лірычны герой. У вершы-звароце да музыкі творца заклікае аддаць усе сілы людзям. У гэтым – шчасце, перамога над небыццём:

Твой недаступны лёс,

музыка,

пасуе велічы тваёй.

Як неадкладную пазыку,

Як у глыбіні з галавой,

да ачмурэласці,

да стомы

аддаць ўсё, усё аддаць

і – неістотнаму самому –

хадзіць,

смяяцца,

уздыхаць [5, с. 34].

У. Калеснік – адзін з першых даследчыкаў творчасці А. Разанава – выдзяляе ў яго вершах два струмені – эмацыянальны і мысліцельны. Роздум і хваляванне ў такіх тыпах паэтычнага маналогу “б’юць тады ў адну кропку, ідучы з розных кірункаў”, “патока свядомасці бурліць супярэчнасцямі, але імкне да яснасці” [7, с. 284].

П. Марціновіч у сваёй рэцэнзіі на кнігу “Назаўжды” скупавата, асцярожна, на наш погляд, асэнсоўвае першую нізку пункціраў А. Разанава. Што да паэмы “Назаўжды”, то крытык выказвае захапленне з’яўленню ў творы “радэнаўскага мысліцеля”, які з вышыні вякоў сцвярджае “непераходзячыя гуманістычныя каштоўнасці” [8, с. 166]. Але не менш важнай для сённяшняга разумення творчасці Разанава з’яўляецца думка крытыка пра “зашыфраванасць” асобных радкоў паэмы.

У жанравых адносінах зборнік “Назаўжды” вабіць паяднаннем сюжэтнага верша і верша-роздуму, верша-закліку і балады, верша рыфмаванага і свабоднага. Значная ўвага надаецца ў кнізе “Назаўжды” асваенню жанру пункціраў. Пункціры – паэтычныя мініяцюры ад трох да сямі або васьмі радкоў, насычаныя толькі адной, але важкай, значнай думкай, вобразам, назіраннем. У кнізе “Алесь Разанаў. Праблема мастацкай свядомасці” Г. Кісліцына выдзяляе майстэрскае валоданне таленавітага паэта вершаванай тэхнікай, яго ўдалую спробу скандэнсаваць у адным творы канкрэтны жыццёвы матэрыял і “плыні свядомасці”, “пафаснасць і майстэрскае валоданне вершаванай тэхнікай” [9, с. 72]:

*Кожны ведае сябе дастаткова,
Каб мець пра сябе ўяўленне...
Але і што і хто мы,
не нам стане вядома [5, с. 78].*

*Не вернецца воін,
вандроўнік не вернецца.
вернецца сейбіт...
Заўсёды
вяртаецца сейбіт [5, с. 61].*

У зборніку “Назаўжды” А. Разанаў у большай частцы сваіх пункціраў прэтрымліваецца класічнай рыфмоўкі і рытмікі. З часам у яго творчасці адбудуцца істотныя змены. Пункціры стануць “тым самабытным зернем, з якога вырасла моцнае, “разгалістае” дрэва разанаўскай паэзіі, – версэты, паэмы, вершаказы, зномы, вершасловы” [10, с. 45], – піша Т. Ціхановіч. Даследчыца прасочвае тэндэнцыю эвалюцыі пункціраў як жанра паэзіі А. Разанава.

Асабліва гарманічна спалучаюцца пункціры беларускага майстра з творчасцю японскага паэта XVII ст. Мацуа Басэ, які распрацаваў жанр хоку, блізкі да пункціраў. «Першае, што звяртае нашу ўвагу, – агульнае ў характары пазнання свету, філасофска-інтэлектуальная заглыбленасць і скандэнсаванасць думкі. Па-другое, – фармальная блізкасць – адсутнасць рыфмы, невялікі памер, монастрафічнасць, некалькі рытмічных груп, няроўных па колькасці складоў, “прычынна-выніковы” сінтаксіс. Улічваючы гэта, паміж хоку і пункцірамі можна было б паставіць знак роўнасці. Мы лічым, што пункціры – адзін з прыкладаў дыялагічнасці разанаўскай паэзіі з сусветным мастацкім вопытам. Дыялог вядзецца на мове вечных катэгорый, адзінакаштоўных як для японца, так і для беларуса» [10, с. 46], – адзначае Т. Ціхановіч.

Малая форма разанаўскага пункціра падштурхоўвае да глыбокага роздуму, самазаглыблення, самааналізу, значных філасофскіх абагульненняў. Асацыятыўны

падтэкст заснаваны на лаканічнасці думкі, глыбіні яе дамінуючай дэталі, якая не звужае змест, а стварае шырокія магчымасці для яго развіцця, абуджае фантазію чытача, свет яго ўяўленняў, выходзіць прагу самаўдасканалення, якой надзелены паэт ад прыроды, якую ўвабраў разам з малаком маці. У малую, мінімальную вершаваную форму А. Разанаў імкнецца ў класі максімальны, агульначалавечы змест.

Вывады

Такім чынам, наватарская сутнасць А. Разанава праявілася ўжо ў самым пачатку яго літаратурнай творчасці. Яго зборнікі “Назаўжды” і “Каардынаты быцця” засведчылі, што ў беларускай паэзіі з’явіўся неардынарны талент, які здольны спалучыць, творча пераасэнсаваць лепшыя здабыткі сусветнай і беларускай паэзіі. Жанрава-стыльовы напрамак А. Разанава 70-х гадоў пачаў вызначацца новаўвядзеннем элементаў нерыфмаванага верша, спалучэннем традыцыйнага і наватарскага выкарыстання жанрава-стылевай палітры, якая паяднана са зместам, як дрэва з карэннем, і адсвечвае глыбіннай філасафічнасцю. Стыль паэта вызначаецца лаканізмам, гранічнай сцісласцю. Лірычнае “я” А. Разанава сканцэнтравана на трываласці народных каранёў, народнай маралі, гістарычнага шляху беларусаў як нацыі, непарыўнай сувязі асобы з бацькаўшчынай і сусветам.

Літаратура

1. Гніламёдаў, У. Паэзія і стыль / У. Гніламёдаў // *Польмя*. – 1991. – № 2. – С. 229–249.
2. Разанаў, А. Адрэджэнне : вершы / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1970. – 140 с.
3. Ралько, І. Пошукі сутнасці / І. Ралько // *Літаратура і мастацтва*. – 1971. – 28 мая. – С. 7.
4. Бечык, В. Прад высокую красою / В. Бечык. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 271 с.
5. Разанаў, А. Назаўжды: Вершы і паэма / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 112 с.
6. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – Т. 1: Вершы. паэмы. пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 752 с.
7. Калеснік, У. Берасцейскае вогнішча / У. Калеснік // *Польмя*. – 1974. – С. 161–188.
8. Марціновіч, П. Слова ў пошуку / П. Марціновіч // *Малодосць*. – 1975. – № 1. – С. 164–166.
9. Кісліцына, Г. М. Аляксандр Разанаў: Праблема мастацкай свядомасці / Г. М. Кісліцына. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – 143 с.
10. Ціхановіч, Т. А. Паэзія Аляксандра Разанава: наватарства, жанравыя пошукі / Т. А. Ціхановіч // *Беларуская мова і літаратура*. – 2006. – № 11. – С. 42–57.

References

1. Gnilamjodaw, U. (1991). Pajezija i st"l". *Polymja*. № 2. – S. 229–249 (In Bel.).
2. Razanaw, A. (1970). *Adradzhjenne: Vershy*. – Minsk, Mast. lit (In Bel.).
3. Ralko, I. (1979). Poshuki sutnasci. *Litaratura i mastactva*. – 1971. – 28 maja. – S. 7 (In Bel.).
4. Bechyk, V. (1984). *Prad vysokaju krasoju*. – Minsk, Mast. lit. (In Bel.).
5. Razanaw, A. (1974). *Nazawzhdy: Vershy i pajema*. Minsk, Mast. lit. (In Bel.).
6. Bagdanovich, M. (1991). *Powny zbor tworaw: u 3 t. T. 1: Vershy. pajemy. peraklady, nasledavanni, charnawyja nakidy*. – Minsk, Navuka i tjehnika (In Bel.).
7. Kalesnik, U. (1974). Berascejskae vognishcha. *Polymja*. – S. 161–188 (In Bel.).
8. Marcinovich, P. (1995). Slova w poshuku. *Maladosc*". № 1. – S. 164–166 (In Bel.).
9. Kislicyna, G. M. (1997). *Ales Razanaw: Prablema mastackaj svjadomasci*. – Minsk, Belarus. navuka (In Bel.).
10. Cihanovich, T. A. (2006). Pajezija Alesja Razanawa: navatarstva, zhanravyja poshuki. *Belaruskaja mova i liaratura*. – № 11. – S. 42–57 (In Bel.).

ВІДЫ МАРКЕРАЎ І ПРЫЁМЫ АКТУАЛІЗАЦЫІ ПРАСПЕКТЫЎНАЙ ПРАСТОРЫ Ў ТВОРАХ В. ПАТАВАЙ І Л. РУБЛЕЎСКОЙ

В.П. Дзігадзюк,

аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: Valya.digadyuk@mail.ru

В статье исследуется репрезентация текстовой категории проспекции в произведениях О. Ипатовой и Л. Рублевской. Выявлены и систематизированы виды маркеров композиционно-текстовой проспекции – коммуникативные и модально-смысловые, а также их подвиды – репрезентативные, директивные, комиссивные, вопросно-ответные комплексы, дебитивные, потенциальные, гипотетические. Выделены значения высказываний, в которых маркируется проспективное пространство в зависимости от коммуникативной цели текстоструктуры – предположения, предвидения, рассуждения, утверждения, просьбы, угрозы. Исследованы логико-семантические приёмы актуализации проспекции на основе отношений разных видов – включения, присоединительного сопоставления, присоединительно-целевые, присоединительно-причинные отношения.

Ключевые слова: категория проспекции, форма дисконтинуума, логико-семантические приёмы, модально-смысловые маркеры, коммуникативные маркеры

TYPES OF MARKERS AND METHODS OF ACTUALIZATION OF PROSPECTIVE SPACE IN THE WORKS OF V. IPATOVA AND L. RUBLEVSKAYA

V. P. Digadyuk,

Graduate of the Department of Belarusian and Russian Philology,
MSPU named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus
E-mail: Valya.digadyuk@mail.ru

The article examines the representation of the text category of prospect in the works of O. Ipatova and L. Rublevskaya. The types of markers of compositional and textual type of prospect such as communicative and modal-semantic ones are identified and systematized. The subtypes such as representative, directive, commissive, question-answer complexes, debitive, potential, hypothetical are distinguished. The meanings of statements are highlighted in which the prospective space is marked depending on the communicative purpose of the text structure, i.e. assumptions, foresight, reasoning, statements, requests, threats. The logical-semantic methods of actualizing of prospect on the basis of relations of different types, such as inclusion, connecting comparison, connecting target, connecting reason, were investigated.

Key words: category of prospect, form of discontinuum, logical-semantic methods, modal semantic markers, communication markers

Уводзіны

Шырокае функцыянаванне тэкставых катэгорый патрабуе комплекснага і ўсебаковага іх вывучэння ў мастацкіх тэкстах рознай накіраванасці. Шырокі дыяпазон сродкаў і спосабаў іх рэпрэзентацыі становіцца ключавым момантам пры іх кваліфікацыі і сістэматызацыі, а навуковы кірунак даследавання мовы мастацкага тэксту становіцца адным з прыярытэтных у сучасным мовазнаўстве.

Аktуальным пытаннем сучаснай лінгвістыкі на сённяшні дзень выступае тэкставая катэгорыя *проспекцыі*. У гісторыі мовазнаўства названая праблема вывучалася ў межах розных лінгвістычных напрамкаў, кваліфікацыя яе ажыццяўлялася з улікам тэарэтычных асноў кожнай з іх. Метадалагічныя прынцыпы філасофіі, мовазнаўства, літаратуразнаўства, гісторыі дазволілі разглядаць катэгорыю часу ў мастацкіх тэкстах розных тыпаў і аналізаваць яе ў канцэптах «хранатопа» [2], «семіёсферы» [6], «канцэптасферы» [7], «кантынуума» [4]. Пры гэтым час разглядаўся як граматычная катэгорыя, якая актуалізуецца з дапамогай граматычных сродкаў.

На аснове метадалагічных прынцыпаў *структурнага напрамку* разглядалася мадэляванне часавых адносін у мастацкім тэксце і іх асаблівасцей, якія праяўляюцца ў мнагамернасці, абарачальнасці, бесперапыннасці і дыскрэтнасці, суб'ектыўнасці, нелінейнасці [3; 5; 7; 10]. Моўнае выражэнне часу вызначалася пэўнай сістэмай моўных сродкаў, якія разглядаліся на ўзроўні тэксту. Далейшыя даследаванні ў гэтай галіне атрымалі новы напрамак, прынцыпы якога асноўваліся на вызначэнні тэкставых катэгорый рознага парадку [1; 4; 8–11]. Адным з метадалагічных прынцыпаў катэгарыяльнага падыходу выступае функцыянальны стыль тэксту і правільнае ўспрыманне змястоўна-канцэптуальнай інфармацыі, што дазволіла вылучыць дзесяць тэкставых катэгорый, праспекцыю ў прыватнасці [4]. Праспекцыя разглядаецца як граматычная катэгорыя, кваліфікуецца як форма дыскантынуума, якой характэрны часавыя зрухі ў будучае і ажыццяўляецца адносна паслядоўнасці падзей, якія суадносяцца з умоўнай кропкай адліку.

Як паказаў аналіз навуковай літаратуры, пытанню катэгорыі часу прысвечана значная колькасць прац. Пры гэтым на сённяшні дзень не вывучаны асаблівасці рэпрэзентацыі формы дыскантынуума ў беларускім мовазнаўстве. Названы напрамак даследавання з'яўляецца сучасным і перспектыўным.

Актуальнасць вывучэння дадзенай лінгвістычнай з'явы абумоўлена неабходнасцю выявіць моўную рэпрэзентацыю адзінкі, а таксама адсутнасцю ў навуковай літаратуры даследавання катэгорыі праспекцыі ў беларускім мовазнаўстве.

Мэта даследавання ў артыкуле – выявіць прыёмы і віды маркераў рэпрэзентацыі праспекцыі ў гістарычнай прозе В. Іпатавай і Л. Рублеўскай.

Метады і метадалогія даследавання

Для правядзення падобнага аналізу – вызначэння значэнняў праспекцыі – упершыню былі выкарыстаны метадалагічныя прынцыпы камунікатыўнага падыходу, семантычных, тэкставых і сінтаксічных катэгорый, а таксама сюжэтна-кампазіцыйныя асаблівасці мастацкіх твораў В. Іпатавай і Л. Рублеўскай. На аснове названых параметраў вылучаны кампазіцыйна-тэкставы тып праспекцыі, які ўключае камунікатыўныя, мадальна-сэнсавыя маркеры, логіка-семантычныя прыёмы актуалізацыі тэкставай праспекцыі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У залежнасці ад сродкаў рэпрэзентацыі катэгорыі праспекцыі ў ваказваннях з рознай камунікатыўнай мэтай былі вылучаны чатыры **віды камунікатыўных маркераў праспекцыі** – рэпрэзентатыўны, дырэктыўны, камісіўны, пытальны адказныя комплексы. Кожны від уключае спецыфічныя значэнні.

Найбольш ужывальнымі з'яўляюцца *рэпрэзентатыўныя маркеры праспекцыі*, якія ўключаюць віды, вылучаныя намі на аснове камунікатыўнай сітуацыі канстатацыі, прагнозу. У творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай вызначаецца праспекцыя ў выказваннях са значэннем меркавання, прадбачання, разважання, сцвярджэння, інфармацыйнага дапаўнення. У прыкладзе *Недзе там, глыбей, – бібліятэка. Што там? Магчыма, ён ніколі пра гэта не даведаецца...* (В. Іпатава) форма дыскантынуума маркіруецца канструкцыяй *ніколі не * буд. час* у выказванні са значэннем меркавання. *Дырэктыўныя маркеры праспекцыі* выяўлены намі ў праспектыўна выражаных выказваннях пабуджальнага характару з мэтай рэалізацыі нейкіх дзеянняў і вызначаюцца значэннямі забароны, просьбы, парады, прапановы: – *Давай вось. Паснедаем, ахвяру прынясём багам і – у дарогу. А яна не малая! Калі яшчэ ў Полацаку будзем!* (В. Іпатава).

Зрэдку вызначаюцца *камісіўныя маркеры*, якія назіраюцца ў праспектыўна выражаных выказваннях камунікатыўнага напрамку з мэтай аказаць уздзеянне на гаворачага. У творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай намі вылучана праспектыўная прастора ў адзінках са значэннем пагрозы і прадстаўлена невялікай колькасцю ўжывання: – *Хопіць... а то паскарджуся кадзі... Павешу цябе, паганая наложніца... Джыніцца... – мармытаў ён* (В. Іпатава).

Іншы раз *пытальна-адказныя комплексы* выступаюць як запрос інфармацыі праспектыўнага напрамку з мэтай атрымання адказу: – *Калі мы пойдзем туды? – глуха сказаў Алекса, і Нігмат пасур’ёзнеў, адказаў коротка: – Заўтра на дасвеціці* (В. Іпатава).

У ходзе даследавання вылучаны **від мадальна-сэнсавых маркераў праспекцыі**, які падзяляецца на шэсць падвідаў у залежнасці ад рэпрэзентацыі праспекцыі ў выказваннях тэмпаральных значэнняў мадальнага характару – дэбітыўныя, патэнцыяльныя, гіпатэтычныя, імператыўныя, інтэнцыянальныя, аптатыўныя маркеры праспекцыі.

Класіфікацыя маркераў праспекцыі на аснове ўжывання ў выказваннях мадальных значэнняў – гіпатэтычнасці, разважання, няўпэўненасці – абумоўлена аднесенасцю формы будучага часу да поля нерэальнасці. Вызначэнне падвідаў катэгорыі заснавана на лексіка-семантычным, лексіка-граматычным узроўнях мастацкага тэксту.

У творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай *дэбітыўныя* маркеры праспекцыі кваліфікуюць часавую прастору ў выказваннях са значэннем неабходнасці, павіннасці: *Трэба нешта рабіць, трэба добра пакумекаць, пакруціць галавой, каб усё-такі дабрацца да сталіцы булгар, але застацца вольным чалавекам* (В. Іпатава); *патэнцыяльныя* – магчымасці/немагчымасці: – *Але магу я дапамагчы нямнога. Памагу коньмі, каб ты мог разам з жанчынай скакаць у пустыню, дзе згубяцца ўсе сляды. Памагу табе прыпасамі і вадою. Можна, ты не загінеш на зваротным шляху. Разам з ёю. Пустыня не для жанчын* (В. Іпатава); *гіпатэтычныя* – меркавання, прадбачання: – *Бачыш, я стары. Вось-восць памру, і душа мая адляціць да Армузда* (В. Іпатава); *імператыўныя* – забароны, прапановы, просьбы: – *Блаславі мяне, маці... Ты блаславі, таму што праклянуць мяне свае, родныя* (В. Іпатава); *інтэнцыянальныя* – намеру, мэты: *Ён сам стаміўся і ад жыцця, і ад людскіх нягод, але недзе, як вугельчык, тлела надзея ўсё-ткі знайсці і вырасіць вучня, каб пакінуць пасля сябе на зямлі чалавека, які б пераўзышоў яго ўменнем і ведамі* (В. Іпатава); *аптатыўныя* – пажадання, волі, ахвоты, імкнення: *А можна, гэта стукае маё? Ці мы зрабіліся нечым адным, і сэрца ў нас адно, і адзін боль, і адно жыццё?... Толькі б гэтае імгненне ніколі не канчалася!* (Л. Рублеўская).

Супастаўленне ўжывання мадальна-сэнсавых маркераў праспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай дазваляе адзначыць падабенствы ў семантычным плане, у той час як значныя адрозненні былі заўважаны ў моўным выражэнні.

У ходзе даследавання вылучаны **логіка-семантычныя прыёмы актуалізацыі праспекцыі**, якія ўключаюць адносіны далучальнай неадпаведнасці, далучальнага супастаўлення, уключэння, далучальна-заклучальныя, далучальна-мэтавыя, далучальна-прычынныя адносіны. Класіфікацыя логіка-семантычных прыёмаў рэалізацыі праспекцыі асноўваецца на логіка-семантычным узаемадзеянні кампанентаў выказвання, адносіны паміж якімі выступаюць сродкам пераходу ў прастору будучага, напрыклад, адносіны далучальнага супастаўлення:

– *Шкада?! Яна пойдзе адразу ў Ірыі. А мы з табой яшчэ колькі нажывём, столькі нагрэйм!* (В. Іпатава); далучальна-прычынныя: *Ён ведае, што робяць у сутарэннях Жоўтага Дому. Ломяць усіх. Ну, хіба... за адным выключэннем. Але ён, Люцыян Нічыпаровіч, занадта стары. І занадта шмат людзей можна пацягнуць за сабой* (Л. Рублеўская).

Вынікі

У ходзе праведзенага даследавання намі выяўлены кампазіцыйна-тэкставы тып праспекцыі, у межах якога актуалізацыя формы дыскантынуума ажыццяўляецца з дапамогай камунікатыўных, мадальна-сэнсавых маркераў, на аснове логіка-семантычных прыёмаў. Былі выяўлены агульныя і спецыфічныя рысы ў рэпрэзентацыі катэгорыі праспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай. У якасці параметраў выкарыстоўваліся

ўніверсальныя асаблівасці – наяўнасць катэгорыі праспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай і магчымасць яе рэпрэзентацыі моўнымі сродкамі. Да спецыфічных параметраў адносім сжэтна-кампазіцыйныя асаблівасці мастацкага тэксту Л. Рублеўскай і В. Іпатавай, што ўплывае на тыпа- і відаўтварэнне праспекцыі і на сродкі і спосабы яе маркіроўкі.

Як паказала даследаванне, моўная рэпрэзентацыя катэгорыі праспекцыі ў супастаўляемых творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай мае больш падабенстваў, чым адрозненняў. Як правіла, агульныя характарыстыкі былі выяўлены ў відавым і падвідавym плане, у той час як значныя адрозненні былі вызначаны ў іх колькаснай рэпрэзентацыі, што абумоўлена сюжэтна-кампазіцыйнымі асаблівасцямі мастацкіх твораў супастаўляемых аўтараў.

Спецыфіка моўнай рэпрэзентацыі праспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай абумоўлена тыпам сюжэта, колькасцю сюжэтных ліній і персанажаў. *Статычны від сюжэта твораў* В. Іпатавай з адной сюжэтнай лініяй і нязначнай колькасцю персанажаў дае магчымасць рэалізацыі праспекцыі ў выказваннях са значэннем меркавання, разважання, прадбачання, што дазваляе вылучыць спецыфічныя віды камунікатыўных маркераў рэпрэзентатывага падвіду праспекцыі; мадальных маркераў патэнцыяльнага, аптатывага і гіпатэтычнага падвідаў.

Дынамічны від сюжэта твораў Л. Рублеўскай са значнай колькасцю дыялогаў і дзеючых персанажаў дазваляе выявіць спецыфічныя рысы ў рэпрэзентацыі праспекцыі камунікатыўнымі маркерамі ў тэкстасструктурах са значэннем сцвярджэння з дапамогай рэпрэзентатывага маркераў, са значэннем просьбы, прапановы, парады, забароны з улікам дырэктывага маркераў, а таксама мадальных дэбіватывага і імператывага.

Літаратура

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – М. : Флинта, 2019. – 448 с.
2. Бахтин, М. М. Время и пространство в романе // М. М. Бахтин // *Вопр. лит.* – 1974. – № 3. – С. 133–179.
3. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 278 с.
4. Гальперин, И. Р. Ретроспекция и проспекция в тексте / И. Р. Гальперин // *Науч. докл. высш. шк. : Филол. науки.* – 1980. – № 5. – С. 44–52.
5. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Филол. фак. Моск. гос. ун-та, 1998. – 524 с.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
7. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // *Избр. работы* : в 3 т. – Л., 1987. – Т. 1 : Развитие русской литературы X–XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. – С. 260–654.
8. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхрон.-сопостав. очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 168 с.
9. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
10. Тураева, З. Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Либроком, 2016. – 216 с.
11. Черняховская, Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы / Л. А. Черняховская // *Вопр. языкознания.* – 1983. – № 6. – С. 117–126.

References

1. Arnol'd, I. V. (2019) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* : sb. st. [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow : Flinta, 44 (In Russ).
2. Bahtin, M. M. (1974) *Vremja i prostranstvo v romane. Vopr. lit.* [Time and space in the novel. *Vopr. lit.*]. – № 3, 133–179 (In Russ).
3. Valgina, N. S. (2003) *Teorija teksta : ucheb. posobie* [Text theory: textbook. Stipend]. Moscow: Logos, 278 (In Russ).
4. Gal'perin, I. R. (1980) *Retrospekcija i prospekcija v tekste. Nauch. dokl. vyssh. shk. Filol. nauki.* [Retrospection and prospectus in the text. *Scientific docl. higher School of Philology*]. № 5, 44–52 (In Russ).
5. Zolotova, G. A. & Onipenko N. K. & Sidorova M. Ju. (1998) *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Filol. fak. Mosk. gos. un-ta, 524 (In Russ).

6. Lotman, Ju. M. (1970) *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow : Iskusstvo, 384 (In Russ).
7. Lihachev, D. S. (1987) *Pojetika drevnerusskoj literatury. Izbr. raboty : v 3 t. T. 1 : Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov. Pojetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian literature. Selected works : in 3 vols. Vol. 1: The development of Russian literature of the X–XVII centuries. Poetics of ancient Russian literature]. – L., 260–654 (In Russ).
8. Matveeva, T. V. (1990) *Funktional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij : sinhron.-sopostav. ocherk* [Functional styles in the aspect of text categories: synchron.- I'm sorry. essay]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 168 (In Russ).
9. Myshkina, N. L. (1998) *Vnutrennjaja zhizn' teksta: mehanizmy, formy, harakteristiki* [The inner life of the text: mechanisms, forms, characteristics]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 152 (In Russ).
10. Turaeva, Z. Ja. (2016) *Kategorija vremeni: vremja grammaticheskoe i vremja hudozhestvennoe (na materiale anglijskogo jazyka): ucheb. posobie* [Time category: grammatical time and artistic time (based on the material of the English language): study. stipend]. – Moscow : Librokom, 216 (In Russ).
11. Chernjahovskaja, L. A. (1983) *Smyslovaja struktura teksta i ee edinicy. Vopr. jazykoznanija*. [Semantic structure of the text and its units. Vopr. linguistics.]. – № 6, 117–126 (In Russ).

УДК 821.161.1.09-21 Булгаков

О СВОЕОБРАЗИИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ПЬЕСЕ М. А. БУЛГАКОВА «ДНИ ТУРБИНЫХ»

И.П. Зайцева,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Феномен диалогической речи, осмысливаемый во множестве исследований достаточно длительное время, на новейшем этапе лингвистического знания, оказался в центре внимания многих сформировавшихся на рубеже XX и XXI вв. дисциплин (лингвистическая прагматика, психопоэтика, коммуникативная стилистика текста и т. п.). Это значительно расширило диапазон аспектов изучения диалога и позволило получить целый ряд исследовательски значимых результатов – как для собственного лингвистики, так и для различных междисциплинарных областей. Одним из таких результатов видится более глубокое и всестороннее осмысление диалога в художественной (в частности – в драматургической речи), что в данной публикации проиллюстрировано анализом диалогического фрагмента пьесы М. А. Булгаков «Дни Турбиных».

Ключевые слова: диалогическая речь, драматургический диалог, коммуникативная ситуация, коммуниканты, интенция, коммуникативная стилистика художественного текста, персонаж пьесы.

ABOUT THE SINGULARITY OF THE DRAMATURGICAL DIALOGUE IN THE PLAY BY M. A. BULGAKOV “TURBIN’S DAYS”

I.P. Zaitseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of World Languages Department
of “Vitebsk State University named after P. M. Masherov”.
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: irinazaj91@mail.ru

The phenomenon of dialogical speech, which has been comprehended in many studies for a rather long time, at the newest stage of linguistic knowledge, was in the focus of attention that emerged at the turn of the 20th and 21st centuries. disciplines (linguistic pragmatics, psychopoetics, communicative stylistics of the text, etc.). This significantly expanded the range of aspects of the study of dialogue and made it possible to obtain a number of research-relevant results – both for one’s own linguistics and for various interdisciplinary fields. One of these results is seen as a deeper and more comprehensive understanding of the dialogue in the artistic (in particular, in the dramatic speech), which in this publication is illustrated by the analysis of the dialogical fragment of the play by M. A. Bulgakov “Turbin’s Days”.

Key words: dialogical speech, dramatic dialogue, communicative situation, communicants, intention, communicative stylistics of a literary text, character of a play.

Развитие на новейшем этапе лингвистического знания дисциплин с преимущественно коммуникативной ориентированностью закономерно стимулировало и более глубокую и /или разноаспектную разработку ряда традиционно изучаемых в языкознании понятий и категорий, которые образуют основной терминологический фонд блока научных филологических направлений (причём в число таких терминов входят как уже давно известные в науке, так и возникшие буквально на наших глазах): *речь, речевая деятельность, диалог, монолог, коммуникативная ситуация, интенция, коммуникант, коммуникативная перспектива, дискурс* и др.

К понятиям, достаточно давно вызывающим интерес лингвистов, вне всякого сомнения, принадлежит понятие «диалог», осмысление которого, как представляется, позволяет проиллюстрировать указанную выше особенность весьма наглядно. Так, к примеру, в более поздних определениях диалога в большей мере стали учитываться составляющие коммуникативной ситуации, что проявилось, во-первых, в расширении набора признаков, которые принимаются во внимание при характеристике данного термина-понятия, во-вторых – в акцентировании в каждом из этих признаков значимости его в коммуникативной процессе. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно сравнить, например, определения диалога в разных изданиях энциклопедии «Русский язык», разделённых более чем двумя десятилетиями: вышедшего под редакцией Ф. П. Филина в 1979-м [10] и под редакцией Ю. Н. Караулова в 2003-м [11 – второе издание, переработанное и дополненное; первое датируется 1997-м годом].

1) «Диалог (от греч. Dialogos – разговор, беседа) – форма речи, которая характеризуется сменой высказываний двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Высказывание говорящего в диалоге называют репликой. Реплики в диалоге обращены к собеседнику (собеседникам).

Как правило, в каждой из последующих реплик сокращается всё, что известно из предыдущей или из ситуации. Поэтому некоторые реплики могут быть поняты только в связи с ситуацией: «Что это?» (слышны звуки музыки) – «Это отец». – «Я не знал, что твой отец играет на виолончели» (Тургенев)» [10, с. 74];

2) «Диалог (от греч. dialogos – разговор, беседа) – форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих. Коммуникативное намерение, определяющее структуру диалога, содержит противопоставление инициативного и реактивного содержания реплик, связь которых образует, как правило, смысловое целое. Логическая (тематическая) связь (вопрос – ответ, сообщение-разъяснение / добавление / возражение / согласие/оценка; формулы речевого этикета) стимулирует конструктивную (лексико-грамматическую) связь: Ты куда? – На работу. Отсутствие таких связей возможно при реакции говорящего не на речь, а на ситуацию речи: Ты куда? – Отойди от двери, простудишься» (выделено мною. – И. З.) [11, с. 119].

Сравнивая приведённые определения, несложно заметить, что в первом из них явно преобладает **структурно-семантический** подход, господствующий в лингвистике середины XX-го столетия; второе же определение в большей степени акцентирует внимание на коммуникативно-прагматической основе диалогического общения, поскольку опирается на такие категории коммуникативной лингвистики как *деятельность говорящих, коммуникативное намерение, инициативное и реактивное содержание реплик* и под., что отражает процесс замены структурно-семантической парадигмы **КОГНИТИВНО-**

коммуникативной, очевидно утвердившейся в языкознании XXI столетия. Примечательно, что во втором из определений, сформулированном Т. Г. Винокур, и традиционные, ранее также выделяемые и характеризующие лингвистами признаки диалога трактуются как в значительной степени как обусловленные своеобразием коммуникативного контекста, в котором то или иное диалогическое образование возникает и функционирует.

В ещё большей степени учитывается обусловленность диалога компонентами коммуникативной ситуации (*коммуникативный контекст, статус участников коммуникации* (говорящего и слушающего) и их *коммуникативные намерения* и т. п.) в определениях диалога, которые помещены в справочные пособия последнего десятилетия. Так, например, Л. Р. Дускаева, автор дефиниции диалога в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» (2014), определяя диалог как «форму речи, состоящую из регулярного обмена высказываниями – репликами между двумя (и более) говорящими, противопоставленную монологу», особое внимание уделяет такой важной составляющей коммуникативного процесса, как **интенции** коммуникантов. При описании диалога в этом источнике отмечено, каким образом интенция, способная к трансформации, в ходе протекания диалога может существенно трансформировать его содержание: «...диалогическая интенция отличается гибкостью и изменчивостью. Говорящий – по собственному усмотрению или под давлением ситуации – может изменить своё речевое намерение в ходе общения, внести в него серьёзные коррективы, изменить его вплоть до диаметрально противоположного или же вообще отказаться от своего первоначального замысла. В связи с этим в речевом общении выделяются первичная, и вторичная интенции. Последняя возникает под влиянием ситуации и/или контекста. Так, например, к изначальному намерению сообщить что-то у говорящего может возникнуть по разным коммуникативным причинам дополнительная цель – уговора, призыва к вниманию, выражения удивления и др.» (выделено мною. – И. 3.) [6, с. 127]. Отчётливо означен коммуникативный аспект осмысления диалога и в «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой, изданном в 2010 году, что подтверждает приводимый далее фрагмент из словарной статьи «Диалог» этого источника: «**ДИАЛОГ** – непосредственное речевое общение двух или нескольких лиц...; процесс и **продукт речевой деятельности** коммуникантов, при котором каждое высказывание обращено непосредственно к собеседнику, а собеседники постоянно меняются ролями говорящего и слушающего... **Поскольку диалог процессуален и тесно связан с ситуацией общения, к нему применимо понятие дискурс. По типу отношений между участниками общения** диалоги делятся на кооперативные (говорящие имеют общие цели и/или стремятся к психологическому единству, по М. Ломоносову, это «согласные разговоры») и конфликтные (говорящие не совпадают по своим целям и/или разъединены психологически, «прекословные разговоры», по М. Ломоносову) (выделено мною. – И. 3.) [8, с. 88–89].

Активизация внимания к коммуникативно-деятельностному аспекту изучения лингвистических явлений, прежде всего наблюдаемых в *речевой* сфере, не только так или иначе затронула мере практически все разрабатываемые сегодня направления лингвистики, в том числе и дисциплины, изучающие художественную речь (стилистику художественной речи, лингвистическую поэтику и т. д.), но и стимулировала появление новых филологических областей исследования языка, функционирующего в эстетически осложнённом виде. Так, экстраполяция идей и методов коммуникативной лингвистики на области, где основным объектом изучения является художественная речь, обусловила появление *коммуникативной стилистики художественного текста* – «нового направления современной функциональной стилистики, ...изучающего целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» [1, с. 157].

Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что изучение художественных дискурсов различной жанровой принадлежности, среди прочего и с позиций коммуникативистики (теории и практики речевой коммуникации, лингвистической прагматики и т. п.) является весьма перспективным аспектом, в том числе и для расширения набора конституирующих жанровых признаков произведений, принадлежащих к разным литературным родам. Приоритетного внимания в этом случае заслуживают те явления, которые не относятся к уникальным (т. е. имеющим место лишь в одном из родов художественной литературы), а обнаруживаются как в прозе, так и в лирике и/или драматургии, но наделяются в каждой из групп произведений, наряду со сходными, и специфическими функциями, обусловленными своеобразием художественного отражения действительности.

Так, в частности, художественный диалог – это характерный признак как драматургических, так и прозаических литературных произведений; однако в каждом из словесно-художественных дискурсов – прозаическом либо драматургическом – это качество отличается несомненным своеобразием. При этом диалог в художественной литературе (т. е. диалог, являющийся одной из композиционно-речевых зон драматургических и прозаических художественных текстов) в принципе, безусловно, не может быть отождествлён с диалогом в практическом общении (в частности, в разговорной речи). «Художественный диалог – органическая часть художественного произведения, написанная автором этого произведения. Это часть художественного текста. Текстовый характер художественного диалога проявляется в определенной организации как содержания, так и формы, что резко отличает художественный диалог от разговорной речи» [9, с. 190]. Все элементы художественного диалога, таким образом, оказываются подчинёнными единой текстовой структуре, что принципиально отличает его от нетекстовой речи (к примеру, разговорной). Это, в свою очередь, приводит к большей связности элементов художественного диалога, в результате чего обеспечивается и более явная и многогранно значимая осложнённая сложность каждого слова, каждой фразы, включённой в художественную диалогическую структуру.

В разных художественных дискурсах – в драматургии и прозе – отличия между диалогом – формируются под влиянием комплекса функций, которые «закреплены» за данной формой речи жанрово-родовыми требованиями. Так, если в художественной прозе диалог представляет собой *одну из составных частей текста*, то в драматургических произведениях диалог – *основная, преобладающая часть художественной текстовой структуры*. «В драме решающее значение имеют высказывания персонажей, которые знаменуют их волевые действия и активное самораскрытие...; произнесенные действующими лицами слова составляют в тексте сплошную, непрерывную линию... Соединяя диалогическую разговорность и монологическую риторичность, речь в драме концентрирует апеллятивно-действенные возможности языка и обретает особую художественную энергию» [12, стб. 243–244].

Драматургический диалог, таким образом, с одной стороны, противопоставлен диалогу в обычном общении, в живой речи; с другой стороны, «диалог на сцене отличается от диалога в других жанрах художественного творчества, как он отличается и от диалога в жизни» [2, с. 214], что схематически можно представить следующим образом:

Диалог, происходящий в естественных условиях ↔ Драматургический диалог ↔ Диалог в других жанрах художественной литературы

Активная разработка феномена диалога с коммуникативных позиций в настоящее время обеспечила дополнительные возможности для изучения этой категории в художественной речи, в частности выдвинув в центр внимания исследователей «проблему эффективности текстовой деятельности автора и адресата с учётом специфики их языковой личности, сферы общения, целей и задач, жанрово-стилевых и других

особенностей текста» [1, с. 159]. Это закономерно расширило диапазон интерпретирования драматургических произведений, которые, по общему мнению (см., например, одну из наиболее авторитетных работ по языку драматургии – работу Т. Г. Винокур [4]), всё ещё остаются наименее изученными среди художественных дискурсов.

Подтвердим всё сказанное анализом диалогического фрагмента из известной пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» [3], где эстетически осмыслен один из наиболее комичных эпизодов драматургического действия – внезапное появление в киевской квартире Турбиных Лариона Суржанского, «кузена из Житомира».

«Николка отворяет дверь.

Появляется в передней Лариосик с чемоданом и с узлом.

Лариосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. (*Выбегает за дверь, на лестницу.*)

Лариосик. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! (*Входит в комнату.*) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать её самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Моё почтение.

Лариосик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (*Всем.*) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам всё объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Лариосик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (*Читает*)...

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Лариосик. Как – с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

Алексей. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?» [3].

При явной стилизации приведённого драматургического диалога (по сути являющегося полилогом) под разговорную речь и в целом традиционном структурировании (чередующиеся реплики *связаны* между собой, хотя и разнообразными способами – при помощи семантических, синтаксических и иного рода средств), в нём, безусловно, чувствуется и «рука» автора. М. А. Булгакову удаётся при внешней простоте диалога (спонтанности и под.) таким образом организовать диалогический дискурс, чтобы передать адресату собственное отношение ко всем действующим лицам пьесы, хотя ключевой фигурой в данном случае, конечно, является именно Ларион Суржанский.

Произведённое этим, появившимся внезапно, персонажем впечатление оказывается настолько далёким от того, которое существовало в сознании Турбиных: Алексея, Елены и Николки, – что они довольно долго его не узнают. Однако адресат (читатель / зритель) о личности Лариона довольно полное представление. Это происходит, во-первых, в результате того, что автор-драматург наделяет этого персонажа чрезвычайно яркой речевой характеристикой (свойственные Лариону витиеватые обороты, неоправданный пафос произносимого – в частности, церемонные этикетные обороты и т. п.); во-вторых – в результате подтекстовой связности всех произносимых Ларионом реплик, которая обеспечивается автором при отборе и организации используемого языкового материала.

Именно второй из отмеченных параметров и отличает диалог в драматургическом произведении, созданном талантливым автором, от диалога в практическом общении (речи нехудожественной) – при чрезвычайной их внешней похожести.

Таким образом, при интерпретации диалога в пьесе недостаточно рассмотреть лишь вербальный уровень диалогического образования, а непременно следует выявить и проанализировать сформировавшиеся в данном случае связи (помимо *текстовых* – *внетекстовые* и *подтекстовые*), существенно углубляющие смысловые пласты (зоны автора и зоны персонажей) драматургического дискурса.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н. С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – С. 157–162.
2. Будагов, Р. А. О сценической речи / Р. А. Будагов // Будагов, Р.А. Писатели о языке и язык писателя / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 205–222.
3. Булгаков, М.А. Дни Турбиных Пьеса в четырёх действиях / М. А. Булгаков // М. А. Булгаков. – Собрание сочинений. – Том 2. – СПб. : Азбука-Классика, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://2queens.ru/Articles/Biblioteka-Skachat-elektronnye-knigi/Bulgakov-MA-Dni-Turbinyh.aspx?ID=2126>. – Дата доступа : 12.09.2021.
4. Винокур, Т. Г. Диалог / Т. Г. Винокур // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 119–120.
5. Винокур, Т. Г. О языке современной драматургии / Т. Г. Винокур // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М. : Наука, 1977. – С. 130–197.
6. Дускаева, Л. Р. Диалог / Л. Р. Дускаева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Чл. редкол.: Г. А. Копнина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 127–128.
7. Зайцева, И. П. Перспективы коммуникативной стилистики художественного текста (на материале произведений М/Булгакова) / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования, 2018. – № 1 (15). – С. 122–134.
8. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
9. Полищук, Г. Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г. Г. Полищук, О. Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 188–199.
10. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.
11. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Изд-во Большая Российская энциклопедия, 2003. – 704 с.
12. Хализев, В. Е. Драма / В. Е. Хализев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 243–244.

References

1. Bolotnova N.S. (2003). Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka*. [Literary stylistics. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language*. Kozhina, M.N. (Ed.)], Moscow, Flinta Publ., pp. 157–162 (in Russ.).
2. Budagov R.A. (1984) O stsenicheskoy rechi. Budagov R.A. *Pisateli o yazyke i yazyk pisatelya* [About stage speech. Budagov R.A. *Writers about the language and language of the writer*], Moscow, Moscow University Publ. house, pp. 205–222 (in Russ.).

3. Bulgakov M.A. (2002). Dni Turbinykh. Pyesa v chetyrekh deystviyakh. Bulgakov M.A. *Sobraniye sochineniy*. Tom 2. [Days of the Turbins. A play in four acts. Bulgakov M.A. *Collected Works*. Vol. 2], Saint Petersburg, Azbuka-Klassika Publ. Retrieved September 15 2021 from: <http://2queens.ru/Articles/Biblioteka-Skachat-elektronnye-knigi/Bulgakov-MA-Dni-Turbinyh.aspx?ID=2126> (in Russ.).

4. Vinokur T.G. (2003). Dialog. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. [Dialogue. *Russian language. Encyclopedia*. Karaulov Yu.N. (Ed.)], Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Scientific Publ., pp. 119–120 (in Russ.).

5. Vinokur T.G. (1977). O yazyke sovremennoy dramaturgii. *Yazykovyye protsessy sovremennoy khudozhestvennoy literatury. Proza*. [About the language of modern drama. *Language processes of modern fiction. Prose*], Moscow, Nauka Publ., pp. 130–197 (in Russ.).

6. Duskayeva L.R. (2014). Dialog. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii) : slovar-spravochnik*. [Dialogue. *Effective verbal communication (basic competencies): reference dictionary*. Skovorodnikov A.P. (Ed.)], Krasnoyarsk : Sib. Feder. University Publ., pp. 127–128 (in Russ.).

7. Zaitseva I.P. (2018). Perspektivy kommunikativnoy stilistiki khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy Mikhaila Bulgakova). *Kommunikativnyye issledovaniya*. [Prospects for the communicative stylistics of a literary text (based on the works of Mikhail Bulgakov). *Communication Research*], 1 (15), pp. 122–134 (in Russ.).

8. Matveyeva T.V. (2010). *Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov*. [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 562 p. (in Russ.).

9. Polishchuk G.G. & Sirotnina O.B. (1979). Razgovornaya rech i khudozhestvennyy dialog. *Lingvistika i poetika*. [Conversational speech and artistic dialogue. *Linguistics and poetics*], Moscow, Nauka Publ., p. 188–199 (in Russ.).

10. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. (1979). [Russian language. *Encyclopedia*. Filin F.P. (Ed.)], Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 432 p. (in Russ.).

11. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. (2003). [Russian language. *Encyclopedia*. Karaulov Yu.N. (Ed.)], Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Scientific Publ., 704 p. (in Russ.).

12. Khalizev V.E. (2001). Drama. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. [Drama. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Nikol'yukin A.N. (Ch. ed. and compiled)], Moscow, NPK Intelvac Publ., columns 243–244 (in Russ.).

УДК 81'37:811.161.1

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОКСЮМОРОНА

Л.П. Колоколова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,

г. Стерлитамак, Россия

E-mail: kollidia@rambler.ru

В статье анализируются основные тенденции динамики научного интереса к оксюмору. С применением методов анализа и обобщения систематизации и типологизации на материале работ представителей современной русистики выявлен и описан ряд этапов в изучении оксюморана, статус которого рассматривается как аналитическая единица, а его стилистические свойства – как вторичные при сохранении преемственности взглядов. Делается вывод о том, что перспективы в изучении оксюморана сосредоточены в его дальнейшем взаимодействии с лингвистикой текста / дискурса, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией и другими актуальными ответвлениями современного языкознания.

Ключевые слова: оксюморон, денотат, текст, составные наименования, аналитизм.

TO THE PROBLEM OF OXYMORON STUDY

L.P. Kolokolova,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Russian Language and Literature,

Sterlitamak Branch of Bashkir state university,

Sterlitamak, Russia

E-mail: kollidia@rambler.ru

The article analyzes the main trends in the dynamics of scientific interest in oxymoron. Using methods of analysis and generalization of systematization and typology based on the works of representatives of modern Russian studies identified and described a number of stages in the study of oxymoron, whose status is considered as an analytical unit, and its stylistic properties – as secondary while maintaining the continuity of views. It is concluded that perspectives in the study of oxymoron are focused in its further interaction with text / discourse linguistics, cognitive linguistics, psycholinguistics, cultural linguistics and other relevant branches of modern linguistics.

Key words: oxymoron, denotation, text, compound names, analyticism.

Введение

Язык содержит в себе большое множество явлений, которые требуют многостороннего изучения, а в некоторых случаях и новаторского рассмотрения. При этом очень важно и достоверно выявить специфику исследуемого объекта без искажения традиционной сути и утраты связи с уже сложившимся мнением относительно исследуемого объекта. Именно так возникает попытка рассмотреть в оксюмороне аналитическую единицу текста, а также указать вторичные свойства стилистики оксюморона при сохранении преемственности научных взглядов.

Целью данной статьи является лингвопрагматическое осмысление оксюморона в семантическом пространстве текста.

С учетом поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) определить с традиционной точки зрения значение оксюморона;
- 2) указать отличительные признаки оксюморона в сравнении с составными наименованиями;
- 3) охарактеризовать оксюморон как знаковую сущность;
- 4) рассмотреть функциональную нагрузку оксюморона в тексте.

Методы и материал исследования

В рамках статьи использовались такие методы исследования, как метод объяснительного аналитического описания, обобщения, систематизации и типологизации на материале работ представителей современной русистики, которые позволили рассмотреть традиции и новации в лингвопрагматическом осмыслении оксюморона. Материалом исследования являются аналитический анализ научных работ, посвященных семантике текста, с использованием средства языковой выразительности – оксюморона.

Результаты и их обсуждение

С традиционной точки зрения, оксюморон рассматривается в качестве приема, который основан на контрасте и представляет собой сочетание единиц лексики, являющихся противоположными друг другу по значению. Под оксюмороном понимается художественный логический оборот понятий, являющийся противоречивым и не сочетаемым друг с другом [3, с. 138]. Основное значение оксюморона состоит в том, что посредством этой фигуры речи в тексте художественного направления обеспечивается эффект комичности, а в лирических произведениях оксюморон передает богатство чувств его семантического пространства.

Оксюморон – это такое явление, которое вступает в оппозицию языковому стандарту. Однако не следует понимать оксюморон как грубое отступление от общих принципов развития языка. Семантика оксюморона многообразна. Оксюморон строится по конкретным языковым схемам. Исследователи, анализируя структуру оксюморона, выделяют следующие его модели: модель подчинительного словосочетания (*сладчайший недуг, огорчать радостью, льдистая огненность, память о будущем* и др.), модель одной синтаксической формы (*застенчиво-наглый, печально-веселые, богодьявол* и др.) и дистрибутивно-контекстуальные (*Кто мне в задаче исправит ошибку?//Солоно – солоно сердцу досталось//Сладкая – сладкая ваша улыбка* и др.). Следует подчеркнуть, что в рамках последней модели можно выделить оксюмороны, равные предложению и оксюморон-текст.

Х. М. Ханиева, анализируя отличительные признаки, сближающие оксюморон и фразеологизм с составными наименованиями, приходит к следующей сопоставительной характеристике:

– оксюморон является средством аналитики по выделению денотатов, которые обладают противоречивым характером. Составляющие оксюморонного сочетания не теряют номинативности. Оксюмороны приобретают семантический план, состав которых образуют слова в переносном смысле;

– единицы оксюморона осуществляют фиксацию существенных признаков отражаемого, причем число аналогичных аналитем не значительно, им характерна образность, а ряд оксюморонов, также как и фразеологизмы, являются ярким представителем логически несовместимых явлений и отношений;

– содержащиеся в структуре оксюморона слова, аналогично составным наименованиям, имеют свободное значение. Данное качество приравнивает оксюморон и фразеологические единства и сочетания. Единица оксюморона является подвижной;

– взаимосвязь элементов аналитем оксюморона придерживается современных языковых норм;

– сочетания оксюморона формируют фразеологическую языковую основу [2, с. 32].

Объединяя признаки словосочетания, составного наименования и фразеологизма и сохраняя обособленность, сочетаниям оксюморонов отводится важное место в системе единиц номинации вторичного аспекта. В состав таких оксюморон входит, в первую очередь, атрибуция и аналитизм, выполняющие значимую роль в подвижности номинативного поля.

В настоящее время становится все более очевидным, что оксюморон является проявлением аналитизма семантики, именуемый вторичной аналитической формой. Аналитемы оксюморона образуются на основе некоторой синтаксической модели и обладают денотативной соотнесенностью. При всем этом оксюморон является сложным, противоречивым и порой не доступным однословному толкованию денотатом (например, *веселый меланхолик, нежная грусть, праздничная повинность, ложь будет правдой, мирный разбойник, беззвучный крик, томительно-страшное наслаждение, не-гулянье, день был без числа, это будет вчера* и т. д.).

Кроме того, под оксюморонном понимается знаковая сущность, которая соотносится с противоречивым денотатом в виде явления, предмета, отношения или состояния, выражая сложное и целостное определение. Однако в этом случае можно столкнуться с вопросом относительно области денотации. Область, определяющая возникновение оксюморона, является сложной, неоднозначной и не лежащей на поверхности сложившейся реальности. В данном случае речь идет о динамической денотации, определяемой полярностью.

Исследователи обращают внимание на признаки оксюморона, одним из которых является прозрачность денотата, это можно наблюдать в функционировании общеупотребительных фраз (например, *живой труп, добровольно-принудительный, чертовски хорош, ужасно красив* и прочее). В оксюморон объединяются противоположности в единстве смысла, и он признается лингвистическим символом, имеющим подчинительную базу, в которой происходит подчинение слабого понятия более сильным понятием.

Исходя из вышесказанного, оксюморон, представляющий собой соединение более отдаленных понятий, признается наиболее сжатым, подвижным явлением в сфере использования, с легкостью выходит за пределы авторского текста. Так, в качестве примера можно привести словесные соединения: *умный дурак, наивный хитрец, бедный богач, живой труп, молодой старик, взрослый ребенок* и прочие, которые с яркостью отражают денотат, исходя из чего, наделяются свойством общеупотребительных

оксюморонов: *Разумихин вовсе не так прост, как нам сразу показалось, это не только умный дурак, но и наивная шельма* (И. Анненский). *Он погрозил мизинцем, и пенсне сверкнуло в его руке длинным рапирным блеском, стоит ли тебе, наивный хитрец, встретить на пути лесоруба, вооруженного топором и воспламененного великой идеей?* (Л. Леонов).

Номинативная функция данного знака является важнейшей функцией языковой единицы в речи, определяемая сферой их использования. Оксюморон находится в составе данных знаков, при этом по своей структуре он является очень разнообразным: от слова до предложения, а также текстового расподобления. По этой причине выделяют:

- оксюмороны-слова (*не-гулянье, надменно-нежный*);
- оксюмороны-словосочетания (*грех молить, ужасно красивый, прекрасная катастрофа*);
- оксюмороны-предложения (*Дай мне приют, чтоб добраться к себе, Дай немому, чтоб сказать о Тебе, Дай мне оглохнуть, чтоб слушать Тебя, Дай мне ослепнуть, чтоб видеть Тебя* (С. И. Липкин);
- оксюморон-текст (например, *«Господин Прохарчин», «Гробовщик»*).

Совершенно очевидно, что у оксюморона сложная семантика. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что оксюморон является удвоением, характеризуемым «семантическим орнаментом». Интерес вызывает нестандартная взаимосвязь противоположных друг другу вещей, при которых один предмет противоречит другому. Сущность оксюморонных элементов не только является отражением друг друга, но и характеризуется тесной связью и причастностью друг к другу. Между данными элементами формируется определенный семантический смысл, динамика которых выражается взаимосвязью между положительным и отрицательным полюсом. Оксюморон является интересным в качестве формы аномалии семантики.

Более того, следует обратить внимание на очевидность игровой сущности изучаемого явления. Необходимо отметить, что оксюмороны, с исторической точки зрения, восходят к народным стихам-перевертышам и детским «нелепицам», которые отражают и причудливый, и нереальный мир, представленный в фантастическом плане повествования. Приведем следующий пример: *«Слепой подглядывает, Глухой подслушивает, Безногий в догон побежал, Немой караул закричал»* (К. Чуковский). Как правило, желаемая нелепица достигается в детской песне тогда, когда неотъемлемые функции одного предмета навязываются другому предмету, а функции второго навязываются первому. Аналогичным образом формировались народные песни-небывальщины. Как первые, так и последние сближаются, в первую очередь, собственной парадоксальностью, состоящей в сочетании несочетаемого, выражаемой словесной игрой. В оксюморном тексте образуется «перевертыш» более высокой степени, то есть это сочетание, которое наделено номинативной функцией. Если с одной стороны он показывает идею абсурда и игры, то с другой – он является одним из методов познания всего мира посредством языка, а также способом сообщения об этом мире. Думается, что оксюморон признан порождением живой речи и результатом осмысления действительности не только одним человеком, а целым народом, что свидетельствует о том, что это является не обычным явлением аномалии семантики, а лингвистическим фактом, который освоен языковым носителем [4, с. 99–100].

Большой вклад в разработку целостного понимания оксюморона внес Н. Ф. Алеференко. Исследователь считает, что оксюморон представляет рафинированный вариант перевертыша. Здесь за новой формой закреплен денотат реальный или гипотетический. Можно сказать, что оксюморон возникает в результате развития и углубления смысла и в какой-то степени формы народной потешки. Обозначение денотата через нестандартную номинацию типа оксюморона не случайно, а существование потешек, перевертышей говорит о том, что стремление к подобному наименованию лежит

в народных корнях и не противоречит народному сознанию. Эту мысль подтверждает и наличие в языке фразеологизмов-оксюморонов (термин Синюка). Думается не совсем правомерно относить к фразеологизмам оксюморонные сочетания типа *горькая радость* и *скупающее веселье*, но бесспорно то, что противоречие лежит в основе следующих фразеологизмов: *выйти сухим из воды*, *всего ничего*, *сам не свой*. Анализируя закономерности порождения знаков вторичной номинации, Н. Ф. Алеференко считает, что интерес представляет разговорный (естественный) дискурс, позволяющий рассмотреть культурологическую сущность вторичного семиозиса в разных коммуникативно-прагматических ситуациях. Вторичный лгвосемиозис экспрессивно-образных средств обычно осуществляется на базе бессубъектного естественного дискурса, включающего в свой состав высказывания, тексты, а также разного рода прагмалингвистические и социокультурные контексты [1, с. 67–70].

Установлено, что единица оксюморона является проекцией антонимии и служит признаком денотата, который воспринимается полярностью. Знаковая денотатная материализация выявляется уровнем соотношения и связи противоположных понятий, а сам оксюморон является следующим этапом в знаковой денотатной материализации [3, с. 140]. Также как и все остальные знаки, оксюморон является условным. Такая условность дает возможность объединять противоположные сущности денотата. Являясь составляющей оксюморона, антонимы подвержены не только лексико-семантическому, но и грамматическому преобразованию элементов.

Оценивая оксюморонную прагматику, необходимо принимать во внимание, прежде всего, ее традиционную сущность как приема стилистики, а также то, что оксюморон является некой аналитической номинативной единицей, проявляющей себя в основном в художественном тексте и разговорной речи [1, с. 156]. Эти сферы употребления речи дают основу выбора следующих функций оксюморона: номинативная; образно-креативная или воспроизводящая; эмотивная или стилистическая; функция контрастного переосмысления или метафорическая; дистрибутивная или текстоорганизующая; когнитивная.

Каждая из указанных функций предполагает решение ряда частных функциональных задач. Первые и последние представлены в оксюмороне в совокупности и находятся в своеобразном гармоничном равновесии, причем одна не может заменять другую или быть вытеснена другой. Иначе говоря, оксюморон одновременно называет, познает, создает и расширяет образное восприятие текста.

Перечисленные функции единиц оксюморона отражаются в художественном тексте и разговорной речи, что объясняется характеристикой стилевых узусов большим лингвопрагматическим потенциалом.

Выводы

Анализ значительного материала показал, что оксюмороны – явление гораздо более сложное и разнообразное по своему составу, чем их принято представлять, поскольку помимо разнообразных стилистических функций, они могут выполнять и номинативную функцию.

Возможно, оксюморон как отдельное явление в языке еще не закономерное явление, но некоторые его признаки позволяет говорить о том, что наличие оксюморонных сочетаний обусловлено общими закономерностями развития языка. Появление в языке таких знаков, как оксюморон обусловлено спецификой языка как формы организации и воплощения человеческого сознания. Оксюморонное сочетание говорит о нестандартном осмыслении действительности в сложном знаке. Подобные анализемы рождены стремлением выйти за пределы стандартной номинации, поиском предельно адекватного мира человека посредством языка. Совершенно очевидно, что перспективы в изучении оксюморона сосредоточены в его дальнейшем взаимодействии с лингвистикой текста / дискурса, когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией и другими актуальными ответвлениями современного языкознания.

Літаратура

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 272 с.
2. Ханиева, Х. М. Оксюморон как стилистически дифференцированная антонимия в разноструктурных языках // *Lingua-universum*. – 2018. – № 1. – С. 32–34.
3. Шарипова, А. Д. Оценочный оксюморон как стилистическая фигура // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2019. – № 4–1. – С. 138–141.
4. Шестакова, Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XXвеков). – Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2009. – 209 с.

References

1. Alefirenko, N.F. (2008). *Phraseology in the light of modern linguistic paradigms*. Moscow, Elips.
2. Khanieva Kh.M. (2018). Oxymoron as a stylistically differentiated antonymy in multi-structural languages. *Lingua-universum*. No. 1. P. 32–34.
3. Sharipova, A. D. (2019). Evaluative oxymoron as a stylistic figure. *Student electronic journal STRIZH*. – No. 4–1. S. 138–141.
4. Shestakova E.G. (2009). *Oxymoron as a category of poetics (based on the material of Russian poetry of the 19th – first third of the 20th centuries)*. Donetsk, NORD-PRESS.

УДК 821.161.3

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ РАДЗІМЫ: УВАСАБЛЕННЕ СЮЖЭТАЎ НАРОДНЫХ ПАДАННЯЎ У ЛІТАРАТУРНАЙ БАЛАДЗЕ ПАЧАТКУ XIX СТ.

П.Р.Кошман,

дацэнт, кандыдат філалагічных навук,
дэкан факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадрў
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: pauloko7h@gmail.com

Артыкул прысвечаны праблеме станаўлення вобраза Радзімы ў літаратуры пачатку XIX ст. у кантэксце творчага пераймання сюжэтаў народных паданняў. З улікам культурна-гістарычных абставін эпохі раскрыты працэс гістарычнай актуалізацыі фальклорных аповедаў у жанры балады, выяўлена іх роля ў развіцці ўяўленняў аб адметнасці роднага краю. У цэнтры даследавання знаходзіцца месца дзеяння твораў Я. Чачота, А. Міцкевіча, Т. Лады-Заблоцкага і іншых аўтараў. На аснове іх аналізу робіцца вывад аб значымасці выкарыстання сюжэтаў фальклорных паданняў у літаратурнай рэпрэзентацыі Радзімы, пашырэння часавых і прасторавых абсягаў яе вобраза.

Ключавыя словы: Радзіма, літаратура XIX ст., вобраз, прастора, час.

REPRESENTATION OF THE MOTHERLAND: THE EMBODIMENT OF THE PLOTS OF FOLK LEGENDS IN A LITERARY BALLAD OF THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

P.R. Koshman,

associate Professor, Cand. Phil. D.,
Dean of the Faculty of Advanced Training and Staff Retraining,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: pauloko7h@gmail.com

The article is devoted to the problem of the formation of the image of the Motherland in the literature of the early XIX century in the context of creative imitation of the plots of folk legends. Taking into account the cultural and historical circumstances of the epoch, the process of historical actualization of folklore stories in the ballad genre has been revealed, their role in the development of ideas about the peculiarities of the native land has been revealed. The place of action of the works of Ya. Chechot, A. Mickiewicz, T. Lada-Zablotsky and other authors have been investigated. The conclusion about the importance of using folklore stories in the literary representation of the Motherland has been made as well the temporal and spatial areas of its image have been expanded.

Key words: Motherland, literature of the XIX century, image, space, time.

Уводзіны

Пачаты ў XIX ст. працэс актыўнага пераймання мастацтвам слова вобразна-тэматычнага зместу фальклорнай традыцыі, яе прынцыпаў паэтызацыі акаляючай рэчаіснасці выяўляе важны пераходны этап ад этнічнай да нацыянальнай культуры. Гэтыя змены найперш азначалі павелічэнне маштабаў карціны свету за кошт станаўлення таго шырокага ўяўлення аб сваёй супольнасці і прасторава-часавых абсягах яе існавання, якое выходзіла за межы паўсядзённага вопыту чалавека. Шматлікія праявы самабытнасці беларусаў, зафіксаваныя ў фальклору, дзякуючы літаратуры набывалі агульны выгляд і тое асаблівае эмацыянальнае напаўненне, якое вызначае ўспрыманне Радзімы.

Мэты і задачы

Дадзены артыкул скіраваны на даследаванне асаблівасцей выкарыстання фальклорных характарыстык свайго краю ў паэтычных тэкстах першай паловы XIX ст. як працэсу мастацкага канструявання вобраза Радзімы. Дасягненне адзначанай мэты прадугледжвае вылучэнне сюжэтаў народных паданняў, якія склалі аснову рэпрэзентацыі роднай зямлі ў тагачаснай літаратуры, вызначэнне ролі мастацкіх твораў у фарміраванні ўяўленняў аб часе і прасторы быцця беларускага этнасу.

Метады і матэрыялы даследавання

Даследаванне зыходзіць з разумення літаратуры як працэсу, абумоўленага культурнага-гістарычнымі абставінамі. Увага да перыяду першай паловы XIX ст. абумоўлена яго важнасцю ў станаўленні вобразнай сістэмы новай беларускай літаратуры. У сваю чаргу пашыраная традыцыя ўвасаблення сюжэтаў народных паданняў у жанры балады, вызначае выбар гэтых тэкстаў у якасці матэрыялу даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Народныя паданні ад самага пачатку існавання новай беларускай літаратуры сталі важнай крыніцай яе сюжэтнага ўзбагачэння. Сюжэты народных твораў, прысвечаныя тлумачэнню адзнак мясцовага ландшафту, трывала ўвайшлі ў тэматычнае кола беларускай літаратуры, паслужылі крыніцай натхнення для твораў А. Міцкевіча, Я. Чачота, Т. Лады-Заблоцкага і іншых знакавых аўтараў у гісторыі беларускага пісьменства.

Значнасць прысутнасці падання ў творчасці пісьменнікаў-пачынальнікаў сведчыць аб адпаведнасці гэтага фальклорнага жанру ідэйна-эстэтычным задачам развіцця новай беларускай літаратуры. На пачатку XIX ст. пазітыўная ацэнка вуснай паэтычнай спадчыны з боку літаратараў была агульнай тэндэнцыяй, сфарміраванай пад уплывам рамантызму. Прыхільнікі гэтага мастацкага напрамку аддавалі перавагу выяўленню незвычайнага, выключнага, і ў яго пошуках звярталі ўвагу на фальклор, акцэнтавалі ўвагу на мясцовых адзнаках пейзажу. Відавочна, што ўласціваць паданняў праз незвычайны сюжэт раскрываць адметнасць мясцовасці цалкам адпавядала эстэтычнай праграме рамантызму. Апаведы людзей пра тое, як іх мясціны звязаны з таямнічымі ці даўнімі падзеямі, давалі пісьменнікам багаты матэрыял для творчай фантазіі, служылі ўдзячнай асновай для выяўлення мясцовага каларыту.

Разам з выражэннем рамантычнага светаўспрымання, якое дамінавала ў тагачасных еўрапейскіх літаратурах, выкарыстанне народных паданняў працавала непасрэдна на вырашэнне найважнейшай унутранай задачы беларускага мастацтва слова – выяўленне ўнікальнасці свайго свету, яго гістарычнай значымасці. “Тапанімічныя паданні, – па словах В. Бяловай, – складаюць важны пласт вуснай гісторыі кожнага рэгіёна, з’яўляючыся своеасаблівым акумулятарам гістарычнай памяці народа” [1, с. 248]. Сюжэты паданняў, адлюстроўваючы народныя трактоўкі падзей мінулага, сталі эфектыўным сродкам рэпрэзентацыі адметнасці беларускай гісторыі і яе калектыўнага ўсведамлення. Выкарыстоўваючы фальклорны матэрыял, літаратура пашырала ўяўленні аб даўнасці, аўтэнтычнасці і багацці беларускай гісторыі, пераканаўча сцвярджала на фактах рэчаіснасці і мастацтва пераемнасць паміж учарашнім і сённяшнім днём.

Літаратурная паэтызацыя сюжэтаў народных паданняў уключала іх адаптацыю пад актуальныя задачы. Тыпалогія абранага фальклорнага матэрыялу, адметнасць яго ідэйнай інтэрпрэтацыі дае падставы для вызначэння кола тых пытанняў, якія хвалявалі пісьменнікаў-пачынальнікаў. Так, створаныя паводле народных паданняў баллады Я. Чачота сведчаць пра асаблівую аўтарскую цікавасць да фальклорных сюжэтаў, дзе паказваецца народнае асуджэнне заган чалавека і катастрафічныя наступствы яго злачынных учынкаў. Здрада прыводзіць замак да заняпаду (“Наваградскі замак”), грэх забойства становіцца прычынай знішчэння горада (“Свіцязь”), царква правальваецца пад зямлю разам са сваімі скавпнымі гаспадарамі (“Падземны звон на горцы ў Пазяневічах”), не на ратным полі, а ў пагоні за пустой славай гіне воін Бекеш (“Бекеш”), за жорсткасць і пагарду да сялян караецца смерцю пан (“Узногі”).

У гісторыка-сацыяльным кантэксце першай паловы XIX ст. усе гэтыя сцэны з твораў Я. Чачота выклікаюць непасрэдныя асацыяцыі з заняпадам Рэчы Паспалітай. Надзеі канца XVIII ст., якія прывялі да знішчэння гэтай некалі магутнай дзяржавы, за кароткі час не маглі яшчэ самі па сабе набыць міфалагічнага ўспрымання, але ў многім вызначалі танальнасць літаратурнага ўспрымання гісторыі краіны. Траўма, нанесеная гонару шляхецкага саслоўя, дыктавала асаблівы інтарэс яго прадстаўнікоў да тых мясцін, якія актуалізавалі пытанне захавання спадчыны. Узятая з фальклорных апавяданняў вобразы зніклых гарадоў, разбураных замкаў, шматлікіх курганаў склалі дамінанту гістарычнага ландшафту Радзімы ў літаратуры першай паловы XIX ст. Гэтыя месцы памяці, якія ў народных версіях служылі найперш доказам далучанасці канкрэтнай мясцовасці да гістарычнага часу, у літаратурнай трактоўцы набывалі больш шырокае гучанне, паўставалі характарыстыкамі ўсёй краіны.

Актуалізацыя матываў народных паданняў узрастала разам з той мерай творчай свабоды, якую праяўлялі аўтары, працуючы з фальклорным матэрыялам. Прынамсі, дадзеная тэндэнцыя прасочваецца пры параўнанні баладаў Я. Чачота, Т. Зана, А. Міцкевіча, заснаваных на народным паданні пра горад, які існаваў на месцы возера Свіцязь. Першыя два аўтары прытрымліваліся фальклорнай версіі, выяўляючы яе прычынна-выніковы ланцужок з тыповых эпізодаў злачынства, пракляцця і гібелі. Заканчваліся баллады сцэнай гібелі горада, якая сцвярджала ідэю незваротнасці пакарання, але рабіла гэта занадта шырока – помста аднаму злачынцу стала прычынай гібелі ўсіх жыхароў. Такая сітуацыя лакальнага апакаліпсісу засталася ў творах без належнага абгрунтавання, а таму адпавядала не столькі народнаму погляду на справядлівасць, колькі тым фактам айчынай гісторыі, калі памылкі аднаго чалавека прыводзілі да пакутаў многіх іншых. Яшчэ большую сілу абагульненне матыву затанулага горада набыло ў баладзе “Свіцязь” А. Міцкевіча. У ёй славы аўтар, значна адыходзячы ад першакрыніцы, прадставіў гераічную версію гібелі горада – яго жыхары перад пагрозай няволі абіраюць смерць для сябе і для ворагаў. Тым самым у творы загучаў пафас самаахвярнасці, неўласцівы фальклорнай традыцыі, але запатрабаваны ў тагачасным кантэксце.

Агульнай рысай балад пра Свіцязь Я. Чачота і А. Міцкевіча з’яўляецца прысутнасць у іх творах апавядальніка. Ён інфармуе чытача аб падзеях, якія адбыліся ў мінулым на месцы возера, настойліва запрашае наведаць тутэйшыя мясціны. Наратар у Я. Чачота раіць не прапусціць карыснае для душы і прыемнае для вока відвішча па дарозе з Мышы ў Наваград, а ў А. Міцкевіча абавязкова спыніцца ў бару каля Плужынаў. Такія звароты да чытача адмыслова акцэнтавалі ўвагу на сувязі міфічнага сюжэта з рэальнай прасторай, вылучалі яе ўнікальны воблік і, урэшце, садзейнічалі асэнсаванню ўнікальнасці акаляючай прасторы. Успрыманне яе вобразна, канкрэтызаванага геаграфічнымі назвамі і паэтызаванага незвычайнымі фальклорнымі матывамі, спрыяла ўзнікненню асабістага складніка ў адносінах да краю, садзейнічала прызнанню яго сваім, родным.

Літаратурныя творы, будучы для тагачаснага чытача адной з асноўных крыніц ведаў, у значнай ступені ўплывалі на ўяўленне той прасторы, якая знаходзілася за межамі непасрэднага паўсядзённага вопыту. Сюжэты паданняў, трапляючы ў літаратуру, надавалі вядомасць пэўным мясцінам, а іх сукупнасць складала важны фактычны матэрыял для канструявання цэласнага вобраза роднай зямлі. Так, кожная балада Я. Чачота, расказваючы незвычайную гісторыю, указвала на цалкам рэальны географічны пункт, выносіла яго адрас у заглавак твора. Мышанка, Узногі, Свіцязь, Пазяневічы, Калдычэва, Наваградак, Вільня, – гэтыя тапонімы з назваў чачотавых тэкстаў, вызначаныя, як відаць, жыццёвымі маршрутамі самога аўтара, бачыліся ў літаратуры асобнымі праявамі адной краіны, давалі магчымасць у іх разнастайнасці адшукаць агульнае.

Пераймаючы рысы народнага падання, аўтары звычайна клапаціліся аб тым, каб паведаміць, дзе знаходзіцца той аб'ект, што паслужыў крыніцай калектыўнай фантазіі і іх ўласнага натхнення. Напрыклад, Т. Лада-Заблоцкі ў баладзе “Зачараваная дзяўчына” палічыў неабходным двойчы абазначыць прастору аповеду. Твор пачынаецца са знаёмства з месцам дзеяння: у прыгожай даліне, “дзе Віцьба ў Дзвіну апускае пеністыя хвалі” [2, с. 143], стаяў некалі велічны замак, і заканчваецца аўтарскім каментарыем аб тым, што ў дзяцінстве сам “чуў гэтае паданне з вуснаў сляпога старца на гары Вегзаль, уласна на тым месцы, дзе, паводле гэтае балады, была калісьці даліна, на якой узносіўся зачараваны замак” [2, с. 150]. Цэнтральным вобразам балады паўстае локус замка, у межах якога разгортваецца рамантычная фабула твора з уласцівымі ёй героямі – доблесным рыцарам і зачараванай прыгажуняй. Разам з тым уважлівыя адносіны аўтара да географічных каардынат вызначаюць той пункт гледжання на сюжэт пра незвычайны замак, калі і княжыч з Полацка, і зачараваная каралеўна з Царграду з’яўляюцца ў ім, каб прадставіць гістарычную адметнасць таго самага месца, дзе Віцьба стагоддзямі ўпадае ў Дзвіну. Развіваючы гэтую тэму паціцянавання свайго краю, Т. Лада-Заблоцкі адзначаў агульнаславянскія вытокі сюжэту балады, падкрэсліваў, што “Беларусь на пачатку свайго існавання належала да сістэмы рускіх княстваў і мела з імі пастаянныя адносіны” [2, с. 150].

Зварот да народных паданняў дазваляў мастацтву слова пазначаць тыя рысы, якія характарызувалі тэрыторыю пражывання беларускага этнасу. На гэтай своеасаблівай літаратурнай карце Беларусі побач з гарадамі і замкамі – вобразамі, якія па сваёй сутнасці захоўвалі памяць аб мінулым дзяржавы, занатоўваліся і аб’екты, што называецца, лакальнага значэння. У баладзе “Дзве бярозы” Я. Баршчэўскага ў статусе такой слаўтасці паўстаюць пераплеценныя кронамі дрэвы, якія людское ўяўленне параўнала з постацямі закаханых. У заўвагах аўтар удакладняў іх месцазнаходжанне: “У Полацкім павеце ёсць возера Шэвіна, пры ім на ўзгор’і стаяць дзве бярозы, якія люд называе «Дзявочыя слёзы» і на якія дзяўчаты вешаюць вянкi з кветак «Іван ды Мар’я»” [3, с. 59]. У сваю чаргу народнае павер’е пра возера, заселенае незвычайнага выгляду рыбай стала зыходнай кропкай у стварэнні сюжэту балады А. Грозы “Глухое возера”. У каментарыях да твора яго аўтар адзначаў: “У Віцебскай губерні ў Себежскім павеце ў маёнтку Арэхаўна ёсць возера, званае Глухое. Гавораць, што ў тым толькі возеры ловацца чорныя карасі (я бачыў іх, незусім чорныя, але цёмнага колеру). Сцвярджаюць навакольныя жыхары, што іх ніколі ўдзень злавіць не можна, толькі ўначы, і то ў час калі ўсё засыпае і калі яны выходзяць з сеткай так скрытна, што іх ніхто не бачыць” [4].

Прывязка да мясцовасці, зробленая аўтарамі ў згаданых прыкладах, несла інфармацыю пра канкрэтнае месца бытавання народнага падання, але не звужала магчымасцей рэпрэзентацыі агульнай беларускай адметнасці. Улічваючы дастатковую аднароднасць беларускай прыроды, яе характэрныя аб’екты, лясы, азёры і ўзгоркі, не мелі нейкага асаблівага рэгіянальнага зместу. Адзіства прыродных вобразаў і агульнасць фальклорных матываў іх асэнсавання ўяўлялі тую аснову матэрыяльнага і духоўнага быцця беларускага этнасу, якая дзякуючы літаратуры паступова атрымлівала прызнанне сваёй адметнасці.

Вывады

Такім чынам, літаратура Беларусі пачатку XIX ст. плённа скарысталася фальклорнай традыцыяй спасціжэння адметнасці лакальнай прасторы. Тагачасная літаратурная балада, пераймаючы разам з сюжэтамі народных паданняў і іх функцыю вылучэння рэальных мясцін праз незвычайны змест, стала эфектыўным сродкам рэпрэзентацыі вобраза Радзімы. Прадстаўленая ў мастацкіх творах разнастайнасць фальклорных матываў і прасторавых аб'ектаў, іх паэтычнае ўзвышэнне садзейнічала пашырэнню ўяўленняў аб адметнасці роднага краю, прызнанню яго каштоўнасці.

Літаратура

1. Белова, О. В. Предания / О. В. Белова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 246–249.
2. Lady-Zabłocki, T. Zakłeta dziewica / T. Lady-Zabłocki // Rubon. – 1847. – Т. 7. – S. 143–150.
3. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1998. – 480 с.
4. Groza, A. Gluche jezioro. Powieść Gminna Białoruska / A. Groza // Rubon. – 1849. – Т. 10. – S. 161–171.

References

1. Belova, O.V. (2009). Predanija. Slavjanskije drevnosti.; Jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t. [Legends. Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic dictionary : in 5 vols.]. Moscow : International Relations. 4, 246–249 (In Russ).
2. Lady-Zabłocki T. (1847). Zakłeta dziewica. Rubon. 7, 143–150 (In Polish).
3. Barshchjeuski, Ja. (1998). Vybranyja tvory [Selected Works]. Minsk : Belaruski knigazbor (In Belarus).
4. Groza, A. (1849). Gluche jezioro. Powieść Gminna Białoruska. Rubon. 10, 161–171 (In Polish).

УДК 811.161.1.0 (176)

КОНЦЕПТ «Я» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТРАВЕСТИЙНЫХ ТЕКСТАХ

В.В. Кузьмич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: wowenciy@ yandex.ru

В статье рассматриваются дискурсивные аспекты травестийных текстов. В центре внимания находится концепт «Я». В исследовании применялась совокупность методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод концептологического анализа, который опирается на методы дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики слова с учетом выполняемой им роли в авторском тексте. Методом исследования репрезентации **травестийных** концептов является дискурсивный анализ пародийных текстов, в ходе которого выявляются аллюзии и реминисценции, составляющие коммуникативную номинацию травестийного текста. Выявлена и описана травестийная репрезентация концепта «Я» на примере пародий на нескольких авторов. Делается вывод о том, что травестирование концептов способно служить одной из форм литературной критики, позволяет лучше понять многие аспекты творчества писателей.

Ключевые слова: дескрипторы языковой личности, травестия, концепт, коммуникативная номинация.

THE CONCEPT OF "I" AND ITS REPRESENTATION IN TRAVESTY TEXTS

V.V. Kuzmich,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail wowenciy@ yandex.ru

The article deals with the discursive aspects of travesty texts. The focus is on the concept of "I". The study used a set of methods and research techniques of a descriptive nature. The leading among them is the method of conceptual analysis, which is based on the methods of definitional, component, contextual analysis, as well as on the functional-semantic method, which consists in determining the features of the semantics of a word, taking into account the role it plays in the author's text. The method of studying the representation of travesty concepts is a discursive analysis of parody texts, during which allusions and reminiscences that make up the communicative nomination of a travesty text are revealed. The travesty representation of the concept "I" is identified and described on the example of parodies of several authors. It is concluded that the concept travesting can serve as one of the forms of literary criticism, allows you to better understand many aspects of creativity

Что значит «Я»? Я бывают разные
(А. А. Милн в переводе Б. Заходера)

Введение

Тексты литературных пародий относятся к наиболее семиотически усложненным, поскольку требуют от реципиента значительных интеллектуальных усилий для декодирования. Это процесс, связанный с выявлением так называемой коммуникативной номинации (КН). Осуществляется он в результате постижения реципиентом ряда коммуникативных подноминаций [4].

Методы и материал исследования

В исследовании применялась совокупность методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод концептологического анализа, который опирается на методы дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики слова с учетом выполняемой им роли в авторском тексте. Методом исследования репрезентации **травестийных** концептов является дискурсивный анализ пародийных текстов, в ходе которого выявляются аллюзии и реминисценции, составляющие коммуникативную номинацию травестийного текста. Материал исследования – тексты литературных пародий, представленные в сборнике пародий [2].

Результаты и их обсуждение

Еще в середине XIX века группа литераторов создала пародийный образ писателя Козьмы Пруtkова. В тексте, принадлежащем якобы реальному писателю «Честолубие», в качестве коммуникативных подноминаций используется длинный перечень качеств, ассоциирующихся с именами великих людей прошлого: сила Самсона, ум Сократа, легкие Клеона, красноречие Цицерона, злость Ювенала и т. д. После получения всех этих замечательных качеств поэт собирается украсть из тьмы «имя славное Пруtkова, имя громкое Козьмы».

Общий смысл (коммуникативная номинация) этого травестийного текста сводится к тому, что имя Козьмы Пруtkова объединяет в себе все лучшие качества великих людей прошлого.

Другая пародия К. Пруtkова называется «Мой портрет»: *Когда в толпе ты встретишь человека, который наг, чей лоб туманнее Казбека, неровен шаг...*

Хотя совокупный автор, известный под именем Козьмы Пруtkова, прямо указывал, что это пародия на конкретное стихотворение поэта Евгения Боратынского «Когда взойдет денница золотая...», многие считают, что это портрет самого Козьмы Пруtkова. Эта пародия в 70-е годы XX века даже входила в школьную хрестоматию по русской литературе. То, что это пародия, ясно даже и без специального уведомления авторов. Так, для строчки «который наг», предлагается вариант: «На моем фрак».

Известно, что «ячество» никогда не считалось положительным качеством в менталитете славянских народов, что отражено в известной фразе «Я – последняя буква алфавита».

Через 50 лет Игорь Северянин написал стихотворение, которое можно считать автопародией: *Я гений Игорь Северянин, своей победой упоён, Я повсеградно оэкрашен, Я повсесердно утверждён! Я покорил литературу, Взорлил, гремящий на престол! И т. д.*

Через 100 лет после Козьмы Пруткова поэт Евгений Евтушенко написал стихотворение – манифест «Я разный...»:

Я разный, я натруженный и праздный. Я целе- и нецелесообразный. Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый...

Такое «ячество» не могло пройти мимо внимания критики, тем более, что поэту на тот момент исполнилось только 23 года. Одной из форм такой критики был целый вал пародий на это стихотворение.

Пародист А. Иванов в пародии «Снеги и я» удачно травестировал эту черту творчества Е. Евтушенко:

*Идут белые снеги, а по-русски снега. Это значит, на свете наступила зима...
Весь от гордости синий, осознал я в борьбе, что любил я Россию, как искусство в себе.
И ещё (уж простите) понимаю скорбя, что любил я в России большей частью себя.*

Претекстом для автора пародии послужил каркас стихотворения «Идут белые снеги». В качестве коммуникативных подноминаций А. Иванов использует как прямые текстовые включения из исходного текста Е. Евтушенко, так и различные аллюзии и реминисценции: любить искусство в себе, а не себя в искусстве, образ Степана Разина с намеком на искусственность такого включения. В настоящем стихотворении у Евтушенко: *Дух её пятистенков, дух ее сосняков, её Пушкина, Стеньку и её стариков.* Пародист травестирует этот образ, используя лобовую рифму: *вот гляжу я на стенку, нет на ней ничего, вспоминаю я Стеньку ни с того ни с сего.*

С одной стороны, этот упрек пародиста справедлив, потому что у Евтушенко часто встречаются подобные рифмы, подобранные по случайному созвучию: «*Я вспоминаю Тыко Вылку и как держал свою он вилку...*». С другой стороны, образ Степана Разина не раз использовался поэтом. В поэме «Братская ГЭС» ему посвящена целая глава.

На это же стихотворение Владлен Бахнов в рамках своего цикла «Белеет парус одинокий» написал известную пародию, которую он так и назвал: Я.

Я парус, море я в тумане голубом. / Я сам в себе белею одиноко, / Я сам себя ищу в стране далёкой / и кинул сам себя в краю родном. / Ах, я волна, играю я водою, / и, изменяясь десять раз на дню, / Я ветер, гнущий мачту над волною, / и мачта я, и сам себя я гну. / Я разный, я такой многообразный... / Я разный, я такой многообразный, / и расплываясь в разные края, / Я не бегу от счастья понапрасну, / поскольку счастье – это тоже я...

Коммуникативная номинация данной пародии фактически совпадает с пародией А. Иванова. При различной форме реализации КПН главный посыл обеих пародий состоит в высмеивании эгоцентризма поэта. Используя внешний антураж стихотворения Лермонтова с его ключевыми словами, пародист умело травестирует общий смысл текста, подводя реципиента пародии к главной мысли: *Прошу я только бури Аплодисментов. В этом мой покой.* Неожиданный анжабеман с переносом слова «Аплодисментов» подчеркивает мысль, ради которой и была написана пародия.

Как известно, чтобы текст пародии был успешно декодирован реципиентами, автор пародии просто обязан максимально полно отражать дескрипторы языковой личности травестируемого автора. В литературной пародии это может напоминать дружеский шарж, но иногда пародист достаточно нелицеприятно относится к негативным, по его мнению, качествам травестируемого автора. Так, в цикле пародий «Таганка-75» актер и поэт Леонид Филатов отразил такую черту текстов Евтушенко, как амикошонство, стремление быть со всеми «на дружеской ноге». Эту его черту отразил пародист А. Иванов в пародии, которую он назвал «Панибратская ГЭС». Однако сам поэт достаточно спокойно отнесся

к такой критике. В. И. Новиков приводит такой отзыв Е. А. Евтушенко об этой пародии: «Иванов написал обо мне хлесткую, весьма неллицеприятную, но обворожительную пародию с колючим остроумным названием «Панибратская ГЭС». Зачем же опускаться до глупости, обиды? Умный противник полезнее дурака – обожателя» [3, с. 509].

Евтушенко часто подчеркивал свою известность во всем мире, как среди простых людей, так и среди сильных мира сего. В своей автобиографии он писал: «Негр не приближался к нам, а надвигался на нас. Негр уже не шел, а бежал, раскинув руки для объятий, и из его уст вырвалось задыхающееся: «Эв-ту-ченко» [1, с. 8].

В пародии Л. Филатов перечисляет людей разных национальностей, которые как бы приняли непосредственное участие в жизни пародируемого поэта:

Мне говорил портовый грузчик Джо, подпольный лидер левого движенья: Я плохо понимаю по-русски, Женья, но знаю, что Таганка – хорошио». Потягивая свой аперитив, мне говорил знакомый мафиозо: Таганка, Женья, это грандиозно! Мадонна, мне бы этот коллектив... О том же, сохраняя должный пыл, мне говорили косвенно прямо – Рабиндранат Тагор и Далай-лама, и шашииншах... фамилию забыл.

Коммуникативная номинация и общий посыл текста данной пародии вовсе не сводится к обличению именно Евтушенко, поскольку написана к юбилею театра на Таганке, но использование особенностей языковой личности знаменитого поэта позволяет глубже раскрыть смысл травестийного текста.

Выводы

Таким образом, травестирование концептов текста позволяет автору пародии выполнить роль своеобразного критика, выявить и рельефно показать в гиперболизированном виде черты (дескрипторы) языковой личности пародируемого автора.

Литература

1. Евтушенко, Е. А. Волчий паспорт / Е. А. Евтушенко М, Вагриус, 1998. – 573с.
2. Советская литературная пародия : в 2-х т. / сост., вступ. ст. и коммент. Б. М. Сарнова. – М., Советский писатель, 1988. – 732 с.
3. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Советский писатель, 1989. – 538 с.
4. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ. – 1989. – 179 с.

References

1. Evtushenko, E. A. (1998). *Volchiy passport* [Wolf's passport]. – Moscow : Soviet writer (In Russ).
2. *Sovetskaya literaturnaja parodiya* (1998) [Soviet literary parody]. Moscow : Academy (In Russ).
3. Novikov, V. I. (1989). *Kniga o parodii* [A book about parody]. – М. : Soviet writer (In Russ).
4. Sakharny, L. V. (1989). *Vvedeniye v psicholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. – Leningrad : LSU (In Russ).

УДК 807

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

О.В. Ланская,

кандидат филологических наук, учитель Муниципального бюджетного
общеобразовательного учреждения средняя школа № 14,
г. Липецк, Россия

E-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

В статье на материале «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского рассматривается художественное пространство текста. Актуальность темы определяется назревшей необходимостью целостного исследования категории пространства. Цель работы – анализ пространственных конкретизаторов – предполагает постановку и решение следующей задачи: выявить основные виды категорий пространства в художественном

тексте. В результате исследования приходим к выводу, что через понятие «пространство» раскрываются скрытые смыслы текста, фиксируются духовные доминанты, отразившиеся в творчестве великого русского писателя.

Ключевые слова: пространство, словосочетание, сема, лексема, синонимы.

ART SPACE IN THE STORY OF F. M. DOSTOEVSKY "NOTES FROM THE UNDERGROUND"

O.V. Lanskaya

Candidate of Philological Sciences,
teacher of the Municipal budgetary educational institution secondary school № 14,
Lipetsk, Russia
E-mail: o.vlad.Lanskaja @rambler.ru

In an article based on the material "Notes from the Underground" F.M. Dostoevsky examines the artistic space of the text. The relevance of the topic is determined by the urgent need for a holistic study of the category of space. The purpose of the work – the analysis of spatial concretizers – involves the formulation and solution of the following task: to identify the main types of categories of space in a literary text. As a result of the study, we come to the conclusion that through the concept of "space" the hidden meanings of the text are revealed, the spiritual dominants reflected in the work of the great Russian writer are recorded.

Key words: space, phrase, sema, lexeme, synonyms.

Художественное пространство – одна из основных категорий, связанных с образной системой произведения. Текст, созданный автором и преобразенный восприятием читателя, – своеобразное «энергетическое поле, насыщенное смысловыми разрядами» [3, с. 265].

Объектом настоящего исследования является языковое воплощение художественного пространства в повести Достоевского «Записки из подполья». Предмет исследования составляет совокупность элементов пространственной структуры произведения великого русского писателя.

Поставленные **цели и задачи** предполагают комплексную методику: функциональный (анализируются содержание и форма); исторический (привлекаются факты истории русского языка); описательный (привлекаются факты языка второй половины XIX века).

Текст Достоевского открывает словосочетание *записки из подполья*, которое связано с пространственным ориентиром – границей. Это место неисполненной мечты, непригодное для жизни, пространство души, которая осознает мир через трагедию. Отсюда готовность всех ненавидеть, считать окружающих ничтожествами. Подполье предполагает раздробленность, одичалость, делает людей несчастными. Попытки вырваться из подполья изменяют привычное течение времени, оказывают влияние на других. При этом опасность обозначенного пространства заключается в том, что оно способно разрастаться, овладевать мыслями и чувствами людей. В связи с этим можно утверждать, что Достоевский, раскрывая психологию человека, совершил одно из величайших открытий. Его герой вначале кажется обычным, но потом выясняется, что он готов на любое преступление, что рациональность и страсть в его сознании совмещаются и приобретают разрушительную силу. Фактически автор приходит к выводу: «причина подполья – уничтожение веры в общие правила. "Нет ничего святого" [5, т. XVI, с. 330].

Действие в произведении происходит в Петербурге, городе, который вызывает у героя противоречивые ощущения. Чувствует себя повествователь в Петербурге несчастным: «Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания <...> той позиции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать в *Петербурге*, самом отвлеченном и умышенном городе на всем земном шаре»

[т. V, с. 101]. Северная столица для героя явление выдуманное, безжалостное по отношению к человеку, связанное с историей Государства Российского. Именно этот город порождает подполье. Человек боится этого непредсказуемого пространства, но в то же время не может и не хочет его покинуть, потому что оно неотделимо от его души. Отсюда использование эмоционально окрашенного предложения, глаголов *остаюсь, не выеду*, лексического повтора: «Но я *остаюсь в Петербурге; я не выеду из Петербурга!*» [т. V, с. 101]. Такое начало текста свидетельствует об обреченности героя пространству [3, с. 90]. По этому поводу М.М. Бахтин пишет, что «герой интересуется Достоевского не как элемент действительности, обладающий определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками» [2, с. 51], а как «*особая точка зрения на мир и на себя самого* (курсив автора. – О.Л.)» [2, с. 51]. Исследователь отмечает, что «окружающий его (героя – О.Л.) внешний мир и быт вовлекаются в процесс самосознания» [2, с. 54]. При этом самопознание связано с пространственными категориями, через них осознается и реализуется. Отсюда использование в тексте ключевых слов *угол* (в значении «всякий стык двух стен» [4, т. IV, с. 468]), *курятник* (в значении «место, куда запирают курь, хлевок» [4, т. II, с. 224]), *хоромы* (в значении «жилыя деревянные строения» [4, т. IV, с. 561]). Через данные лексические единицы фиксируется представление повествователя об окружающей действительности. Так, *угол* в славянской мифологии – «часть дома или другого хозяйственного строения, отделяющая "свое" (замкнутое) пространство от "чужого" (открытого, не освоенного человеком)» [1, с. 471]. В тексте это место, символизирующее одиночество, оторванность от людей, неуверенность в себе, неудовлетворенность жизнью: «<...> я тотчас же вышел в отставку и поселился у себя в *углу*. Я и прежде жил в этом *углу*, но теперь я поселился в этом *углу*» [т. V, с. 101].

В тексте слово *угол* имеет синоним *комната*, смыслы которого выявляются через определения *дрянная, скверная*. Отмечается также, что находится это жилище на окраине столицы: «*Комната моя дрянная, скверная на краю города*» [т. V, с. 101]. Замкнутость в «дрянном» пространстве деформирует души подпольных людей, уродует их представление о мире.

Перечисленные номинации свидетельствуют о том, что пространство, которое связано с данными лексемами, породило с одной стороны, мечтателя; с другой – антигероя, человеконенавистника, который никогда не изменит своих взглядов. Любовь, добро для него – понятия литературные. Идеалов не существует. Есть точка зрения, что «сам подпольный человек как живой парадокс и нарушение всех рациональных представлений о homo sapiens служит лучшей иллюстрацией принципа: $2 \times 2 = 5$ » [7, с. 245]. Это своего рода показатель своеволия.

Пространство определяется и с помощью словосочетания *хрустальный дворец* с семами 'неподвижность', 'застывшие формы', 'мертвый локус': «В *хрустальном дворце* оно (страдание. – О.Л.) и немисливо: страдание есть сомнение, есть отрицание, а что за *хрустальный дворец*, в котором можно усомниться?» [т. V, с. 119]. С одной стороны, данная единица обозначает жилище; с другой – мечту, которая не может быть неизменной: «Вы верите в *хрустальное здание*, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша» [т. V, с. 120]. Словосочетание *хрустальное здание* связано с отсутствием у повествователя веры, в то же время со страхом отказа от собственного мнения.

С точки зрения языка слово *дворец* имеет синонимы *курятник* и *хоромы*. В тексте же повествователь высказывает мысль о том, что разница в восприятии данных понятий существенная: «Вот видите ли: если вместо *дворца* будет *курятник* и пойдет дождь, я, может быть, и влезу в *курятник*, чтоб не замочиться, но все-таки не приму за *дворец*

из благодарности, что он меня от дождя сохранил» [т. V, с. 120]. Рассказчик словно возражает своему невидимому собеседнику, вступает с ним в диалог: «Вы смеетесь, вы даже говорите, что в этом случае *курятник* и *хоромы* – все равно. Да, отвечаю я, – если б надо было жить только для того, чтоб не замочиться» [т. V, с. 120].

Сравнивая *курятник*, *хоромы*, *дворец*, слова, вступающие в антонимические отношения. Повествователь размышляет о свободе выбора. При этом представление о данном понятии реализуется в тексте через слова *желание*, *хотение*, словосочетание *забрал в голову*, восходящие к смыслу «крайний индивидуализм», что подтверждается повторением притяжательного местоимения *мое*: «Но что же делать, если я *забрал себе в голову*, что живут и не для одного этого и что если уж жить, так уж жить *в хоромах*. Это *мое хотение*, это *желание мое*» [т. V, с. 120].

Исследуемые пространственные образы в представлении рассказчика связаны со словом *идеал* (в значении «мысленный образец совершенства чего либо, въ какомъ либо роде <...> образец-мечта» [4, т. II, с. 8]), которое, в свою очередь, восходит к слову *идея* (с семой 'видеть'[10, т. IV, с. 117]): «Вы его (хотение. – *О.Л.*) выскоблите из меня только тогда, когда *перемените* желанья мои. Ну, *перемените*, *прельстите* меня другим, дайте мне другой *идеал*» [т. V, с. 120]. Словосочетание *дайте идеал*, связанное с представлением о нравственном законе, духовных доминантах, характеризует героя как человека циничного, беспринципного, потому что на самом деле идеала у него никакого нет.

Следует также обратить внимание на слова *перемените*, *прельстите*. Перечисленные номинации – своеобразный ключ к сознанию героя, который не понимает, что может изменить его представление о мире и о самом себе. При этом с точки зрения смыслов слово *прельстить* (в значении «пленять, привлекая увлекать, манить, обаять, соблазнять, раздражать чувства, страсти и покорять, обольщать» [4, т. III, с. 393]) приобретает семы 'обманный' [10, т. 3, с. 358], 'обмануть', 'соблазнить', 'не выполнить данного обещания'.

Человек из подполья не идет на компромиссы. В связи с этим возникает конфликт, что зафиксировано рядом глаголов: «*Уничтожьте* мои желанья, *сотрите* мои идеалы, *покажите* мне что-нибудь лучше, и я за вами пойду» [т. V, с. 120]. Данный пример свидетельствует о том, что герой-парадоксалист ведомый. При этом человек из подполья конфликтует и с самим собой, и людьми, которые его окружают. Он всех ненавидит.

Кажется, что материальное для героя не главное, но вспомним, как он тщательно готовится к встрече с незнакомым офицером, для того чтобы отомстить ему; как хлопочет, чтобы у окружающих сложилось представление о его статусе в обществе. Это для него важно.

Обращает на себя внимание противопоставление «*венец желаний – капитальный дом*». Данные словосочетания – понятия несовместимые: «Я не приму за *венец желаний* моих – *капитальный дом*, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет» [т. V, с. 120]. Слово *венец* «в разные времена и у разных народов символизировал жертву, жертвенность... мужество, смелость ... честь, справедливость» [8, с. 32]. Для герой «Записок» эти понятия не существуют.

Размышления героя в главе «Подполье» завершаются описанием снега, фиксацией времени: «*Нынче* идет снег, почти *мокрый, желтый, мутный*. *Вчера* шел тоже, на *днях* тоже шел» [т. V, с. 124]. Определения *мокрый, желтый, мутный* символизируют неопределенность, попытку осознать свое «я», погружение человека в подсознание, в котором его собственная личность представлена как единственная ценность. Время, когда герой начинает писать записки, словно останавливается. Фиксируется движение по кругу. За счет повторения глагола *шел* оно воспринимается как замкнутое лишенное

смысла: *нынче – вчера – на днях*. Само слово *снег* через слово *зима* приобретает смысл не только как 'холодное время года', но и 'беда, несчастье, опасность' [Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)]. Это время года помогает герою вспомнить о прошлом. В части «По поводу мокрого снега» герой, перемещаясь во времени, делает попытку выбраться из подполья. По этому поводу исследователь В. Н. Захаров пишет: «На смену самолюбванию приходят постыдные воспоминания, наступает безжалостная "самоказнь", начинается суд совести над самим собой» [6, с. 253]. Далее отмечается, что «вторая часть повести знаменует пробуждение христианского чувства в душе героя, и выражается оно не в былых поступках, а в их нравственной оценке "теперь"» [6, с. 253], но такого рода «раскаяние» запоздалое. В то же время есть точка зрения, что «сознания греха у своевольного человека (курсив автора. – О.Л.) не может быть по определению: у него нет ни <...> сознания закона, ни Бога в душе, т. е. совести» [9, с. 113].

В начале главы повествователь вновь подчеркивает, что он «ни с кем не водился и даже избегал говорить и все более и более забивался в свой угол» [т. V, с. 120]. Он живет прошлым, вспоминает тех людей, которые служили с ним в канцелярии, учились. При этом по прошествии многих лет продолжает чувствовать себя оскорбленным, ненавидит тех, кого уже давно нет рядом, мечтает о мести. И эта ненависть к давно прошедшему убивает, в первую очередь, его самого.

Итак, художественное пространство в повести Достоевского «Записки из подполья» особое, философское. С данным понятием, которое реализуется через пространственные конкретизаторы (ключевые слова, словосочетания), связаны человеконенавистнические размышления героя-индивидуалиста. Оно, порождение времени, социальной среды, с одной стороны, реальное; с другой – вымышленное, созданное воображением героя-парадоксалиста, отражение его больного, изломанного сознания. Трагедия подполья, по мнению автора, – это отсутствие в душе героя любви, милосердия, сострадания. Подполье – деформированное пространство, которое способно погубить все живое, потому что в нем нарушаются все нравственные законы.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Угол / Т. А. Агапкина // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 471 – 472.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Из-во «Э», 2017. – 640 с.
3. Вайман, С. Т. Гармонии таинственная власть. Об органической поэтике / С. Т. Вайман. – М. : Советский писатель, 1989. – 368 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз : Медиа, 2006.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – 1973. – Т. 5 – С. 99–179.
6. Захаров, В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества / В. Н. Захаров. – М. : Индрик, 2013. – 456 с.
7. Есаулов, И. А. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского : коллективная монография / И. А. Есаулов, Б. Н. Тарасов, Ю. Н. Сытина. – М. : Индрик, 2021. – 336 с.
8. Копалинский, В. Словарь символов / В. Копалинский. – Калининград : ФГУИПП Янтар. сказ, 2002. – 267 с.
9. Ломоносов, А. Г. Федор Достоевский / А. Г. Ломоносов. – СПб. : Наука, 2017. – 255 с.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – М. : Изд-во Астрель : Изд-во АСТ, 2004.

References

1. Agapkina, T. A. (2002). Ugol. *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, S. 471 – 472 (Russ.).
2. Bahtin, M. M. (2017). *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «E».
3. Vajman, S. T. (1989). *Garmonii tainstvennaya vlast'. Ob organicheskoy poetike*. Moscow, Sovetskij pisatel' (Russ.).
4. Dal', V. I. (2006). *Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V 4 t. Moscow, Rus. yaz.

5. Dostoevskij, F. M. (1972). *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah*. T. 5. Leningrad, Nauka, S. 99 – 179.
6. Zaharov, V. N. (2013). *Imya avtora – Dostoevskij. Oчерk tvorchestva*. Moscow, Indrik (Russ.).
7. Esaulov I.A., Tarasov B.N., Sytina Yu.N. (2021). *Analiz, interpretacii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo*. Moscow, Indrik (Russ.).
8. Kopalinskij, V. (2002). *Slovar' simvolov*. Kaliningrad, FGUIPP «Y Antar. skaz» (Russ.).
9. Lomonosov, A. G. (2017). *Fedor Dostoevskij*. Sanct-Peterburg, Nauka (Russ.).
10. Fasmer, M. (2004). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4-h t*. Moscow, ООО «Izdatel'stvo Astrel'» (Russ.).

УДК 821.161.3-1

ФУНКЦЫЯ НАВАННЕ ЗВАРОТКАЎ У ТЭКСТАХ БЕЛАРУСКІХ ЧАРАДЗЕЙНЫХ КАЗАК

Л.М. Мазуркевіч,

дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sidora-71@tut.by

Ю.В. Белягова,

студэнтка 3 курса факультэта дашкольнай і пачатковай адукацыі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: yulya.belyagova@mail.ru

В статье анализируются особенности функционирования обращений в текстах белорусских волшебных сказок, обусловленные спецификой данного жанра, способного передать естественную интонацию живой речи. Использование методов описания и контекстного анализа позволяет проследить структурно-семантическую организацию обращений и стилеобразующую функцию их. Выявленные обращения, различные по своей семантике и структуре, в сказках выполняют такие основные текстообразующие функции, как привлечение внимания собеседника, выражение отношения говорящего к собеседнику, передачу отношений между собеседниками. Делается вывод о том, что обращение – неотъемлемая часть художественного пространства белорусских волшебных сказок, важнейшее средство интерпретации сказочных текстов.

Ключевые слова: белорусские волшебные сказки, обращение, структурно-семантические особенности, текстообразующие функции обращений.

FUNCTIONING OF DIRECT ADDRESS IN THE TEXTS OF BELARUSIAN MAGIC FAIRY TALES

L.M. Mazurkevich,

Docent, PhD, associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sidora-71@tut.by

Yu.V. Belyagova,

3d year student, Faculty of Preschool and Primary Education,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: yulya.belyagova@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the direct address functioning in the texts of Belarusian fairy tales, such features are derived due to its genre, which can convey the natural intonation of native speech. The use of description method and context analysis method allows the authors to trace the structural and semantic nature of direct address and their style-forming function. In fairy tales such examples of direct address, which are different in their

semantics and structure, perform the following basic text-forming functions – attracting the interlocutor's attention, expressing the speaker's attitude to the interlocutor, transferring relations between interlocutors. It is concluded that direct address is an essential part of the belles-lettres space of Belarusian fairy tales, it is the most important means of interpreting fairy tale texts.

Key words: Belarusian fairy tales, direct address, structural and semantic features, text-forming functions of direct address.

Уводзіны

Зваротак – гэта слова або спалучэнне слоў, што абазначаюць асобу або прадмет, да якога непасрэдна звернута выказванне. Звароткі належаць да эмацыянальна-валявой сферы маўлення, якое ажыццяўляецца ў вуснай і пісьмовай формах [4, с. 220]. Зваротак традыцыйна выконвае ў маўленні некалькі функцый, асноўнымі з якіх, як правіла, з'яўляюцца наступныя: намінацыйная, камунікатыўная, эмацыянальна-ацэнная. Гэта абумоўлена тым, што зваротак не толькі абазначае асобу ці прадмет, да якіх непасрэдна звернута выказванне, але і характарызуе іх, змяшчае ацэнку, прыцягвае ўвагу да зместу выказвання і г. д. Асабліва выразна гэта праяўляецца ў казках, дзе зваротак з'яўляецца неад'емнай часткай сінтаксічнай арганізацыі тэксту.

Неабходна адзначыць, што і ў беларускім, і ў рускім мовазнаўстве па-рознаму вызначаецца сінтаксічны статус зваротка, што праяўляецца ў існаванні некалькіх падыходаў да вывучэння граматычнай прыроды яго [3]. Нягледзячы на гэта, безумоўным з'яўляецца той факт, што зваротак у сказе выконвае важную канструктыўную, а не службовую ролю. Накіраванасць (зварот) змешчанага ў сказе паведамлення да канкрэтнай асобы ці прадмета або з'явы з'яўляецца асноўнай, найбольш істотнай адзнакай зваротка як члена сказа, прызначанага для ўскладнення яго структуры [2, с. 29].

Асноўная мэта работы – прасачыць адметнасці функцыянавання звароткаў у тэкстах беларускіх чарадзейных казак. Рэалізацыя акрэсленай мэты прадугледжвае пастаноўку і вырашэнне наступных задач: прасачыць структурна-семантычныя адметнасці звароткаў, выявіць асаблівасці функцыянавання іх у казачных тэкстах.

Матэрыялам для даследавання паслужылі выбраныя з народных чарадзейных казак сінтаксічныя канструкцыі, з уключанымі ў іх склад звароткамі, разгледжаныя з выкарыстаннем метадаў кантэкстнага аналізу і апісання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Пашыранае ўключэнне звароткаў у структуру простага сказа, у склад дыялагічных рэплік, а таксама сказаў з прастай мовай з'яўляецца характэрнай адзнакай сінтаксісу беларускіх народных чарадзейных казак. Пераважна ў ролі звароткаў выкарыстоўваюцца назоўнікі, якія абазначаюць асоб паводле разнастайных адзнак і прыкмет: роднасці і сваяцтва (*айцец, бабка, бацюхна, брат, дзядулька, дачушка, жонка, кумочак, матка, мачаха, сынку, папенька, татка, швагер, цётушка* і інш.), роду заняткаў, займаемай пасады, сацыяльнай прыналежнасці (*жабрак, паночку, мужык, купец, дзякан, кароль, каваль, казачнік, песеннік, салдат* і г.д.), узросту, імені і мянушцы (*дзецючок, малы, малады, дзівіца, дзеўка, хлопчык, юнак, Васька-Папяльшыка, Іван Знайдзён, Іванька, Іван Іванавіч, Пакацігарошак, Мікіта, Мал-Мальшыок, Ох, Хомка* і інш.), якой-небудзь знешняй ці ўнутранай прыкметы (*дурань, гад, злодзей, караўка нямытая; душачка, Юда* і т. д.).

Досыць актыўна выкарыстоўваюцца звароткі-сімвалы, што з'яўляюцца назвамі абстрактных паняццяў, неадушаўлёных прадметаў, найменнямі расліннага і жывёльнага свету: *Трубі, Марозік, твая пара; Каток-галубок, аддзяры мне смалу з вачэй; Ды вось, каточак, мой галубочак, просіць баба сальца!; Сані, станавіцеся самі, запрагайцеся; Здароў, чапля!; Гусі, гусі, я вас з'ем; Яблынка-галубачка!; А дзякуй жа табе, Гора, што ты хоць аслабіла мяне; Здароў, Крыўда!; Здароў, здароў, Праўда!; Дай-ка адпачнем, нячыстая сіла!; Ручнічок, раскаціся, нясі мяне к той царэўне!; Гэй, кіёчак мой!; Прыплыві,*

чаўночак, на беражочак!; А што, птаства, вы на свеце лётаеце, ці не чулі, ці не бачылі, дзя Шклянныя горы знаходзяцца?; Жаронцы, жаронцы, дайце мне мукі пшоннае; Дзіва, збірайся і за парог выбірайся!; Певень, певень, вазьмі мяне з сабою! і інш. Такія рытма-меладычныя паўторы звязаны, безумоўна, з вусным характарам бытавання казак, што надае казачным тэкстам выразную экспрэсіўнасць.

Шырока прадстаўлены ў тэкстах чарадзейных казак звароткі, выражаныя формамі былога клічнага склону. Сярод іх пераважна вылучаюцца словы са значэннямі роднасных і сваяцкіх адносін, сацыяльнага статусу, назоўнікі з абстрактным значэннем, назвы прыродных з'яў: Глядзі ж, княжа, змей цябе паджыдае; Ну, нічога, суседзе, дагонім, адбяром!; Няможна было, пане, некалі было; Не журыся, чалавеча, я ўжо тут; Дзякуй табе, малойча, што ты мяне ад смерці збавіў!; Мой сынку, не турбууй ты мяне штодзень...; Добры дзень, ветру, хацеў я тваёй сіле падзівіцца!; Дзе ж ты, браце, быў?; Ну, хлопча, гэта ты маеш выбавіць маю дачку? і г. д.

У аналізуемых тэкстах дастаткова часта ў якасці зваротка ўжываюцца словы з так званай нязменнай функцыяй. У выніку частага выкарыстання асобныя з іх страцілі сваё лексічнае значэнне і традыцыйна называюць любую асобу, да якой звяртаюцца: А што, мае сынкi, ці задаволены вы маёй узнагародай?; Ну, давайце, братцы, абедаяць!; Дай, брат, аддыхнуць!; Адкуль вы, дзеткі?; Стой, дзядулька, не бі мяне.

Вылучаныя звароткі маюць развітую і неразвітую структуру. Неразвітыя звароткі выражаюцца ў большасці сваёй назоўнікамі. Развітыя звароткі структурна арганізаваны са спалучэнняў назоўнікаў ці субстантываванах прыметнікаў і залежных ад іх слоў, што дазваляе выказаць абсалютна любыя мадальныя адценні (просьбы, падзякі, замілаванасці і т. д.): Дзень добры, дзень добры, Іван Іванавіч купецкі сын!; Што ты, Іван Іванавіч, наськіх цароў царэвіч, што ты плачаш?; Добры дзень, мілая і родная сястра!; Дзякуй табе, мілая, родная галубка!; Калі, сын мой мілы, цябе пабачу зноў?; Айцец мой мілы, калі ласка, прашу вас, каб з майго жалеза зрабілі булаву і інш.

У склад развітых звароткаў вельмі часта ўключаюцца займеннікі, якія набываюць станоўчую семантыку дзякуючы іншым найменням, што ўваходзяць у склад зваротка: Бацюхна мой мілы, бацюхна мой радзімы; Матушка мая любезная!; Муж мой любы, муж мой верны!; Ды вось, каточак, мой галубочак, хоча мая баба, каб я быў шляхціцам!; Мой панок, мой залаты, не магу сказаць: што ваша ласка, то і дасце!

Выразным характарыстычным сродкам казачных персанажаў з'яўляюцца прыдаткі, якія дастаткова часта ўключаюцца ў склад звароткаў, указваючы на спецыфічныя характарыстычныя рысы, уласцівыя казачным персанажам: Што, Іванька Шывар – добры маладзец, коней завёў?; Што ж ты, Іван Залатыя гузікі, на чужую старану свае косці занёс?; Добры дзень, Дубін-багатыр!; А ну, Гара-Гаравік, раскапай гару!; Здароў, Іскарка-парубак Дзявочы сын!; Мал-Мальшыок, не думай, маліся богу, лажыся спаць...; Ах, мядзведзь-залатавух, стань перада мной!; А ну-тка ты, Дуб-Дубавік, заставайся тут, ці не лепі ты згатуеш!.

Выяўленыя ў тэкстах чарадзейных казак звароткі паводле ўжывання кваліфікуюцца як адзіночныя (Ну, Іван Знайдзён, пара жарабца выбіраць; Ты чаго, воўчае мяса, ржэш?) і паўторныя (Эй, купцы, купцы! Грабцы, грабцы! Грабіце да маёй крутой гары...; Слугі, слугі, сячыце яго, сячыце яго!; Сурвэтка, сурвэтка! Падай мне дванаццаць багатыроў!; Дзед, дзед, чаго табе трэба?; Бабка, бабка, што мы будзем рабіць з гэтым жытам?; Чалавек, чалавек, не руш маю хатку, а на табе бараньку), прычым функцыянаванне паўторных звароткаў пераважае ў выпадку, калі неабходна падкрэсліць, узмацніць эмацыянальную выразнасць іх. У такім разе зваротак размяшчаецца ў пачатку сказа, што абумоўлена неабходнасцю яго лагічнага выдзялення. І такая пазіцыя зваротка з'яўляецца ў тэкстах казак дастаткова пашыранай. Больш таго, у многіх тэкстах

адзначаецца вынясенне зваротка за межы сказа: *Васька-Папялышка! Мы б з усёй радасцю, але ж наш айцец не такі!; Дзеўка-дзявіца, руса касіца! Ці тчэш ты?; Ну, Сучкін сын Залатыя гузікі! На табе жменьку льну, садзіся на гэтага каня, запалі лён і едзь кругом свету; Здароў, здароў, Івашка Мядзведжае вушка! Слыхам было слыхаць, а цяпер і на вочы відаць; Іван Царэвіч! Не бі мяне: я табе дам малака і ваўчанёначка!*. Такое размяшчэнне абумоўлена выразнай актуалізацыяй яго ў структуры тэксту.

У межах акрэсленых моўных адзінак вылучаюцца і так званыя складаныя звароткі, якія ўтвораны з некалькіх кампанентаў або некалькіх спалучэнняў, што ўяўляюць сабой зварот да адной асобы ці прадмета, які змяшчае больш пашыраную, у адрозненне ад звычайнага зварота, характарыстычную адзнаку: *Айцец мой радзімы, айцец мой любімы!; Бацюхна мой любезны, бацюхна мой радзімы!; Дзеўка-дзявіца, руса касіца, адчыніся!; Ды вось, каточак, мой галубочак!* і інш.

Вывады

Выяўленыя звароткі абсалютна разнастайныя паводле семантыкі і структуры, што робіць іх яркім сродкам тэкстаўтварэння. Яны выконваюць такія асноўныя тэкстаўтваральныя функцыі, як прыцягненне ўвагі суразмоўцы, выражэнне адносін гаворачага да суб'екта, перадачу адносін паміж імі. У казачных тэкстах звароткі набываюць разнастайныя сэнсавыя адценні: пашчоты, радасці, замілаванасці, просьбы, папроку, падзякі, злосці і г. д., выконваючы паралельна ацэначную функцыю, паколькі перадаюць суб'ектыўныя адносіны гаворачага да адрасата.

У адпаведнасці з сэнсавымі і стылістычнымі функцыямі звароткі пераважна сустракаюцца ў дыялагічным маўленні, так як адрасаваныя канкрэтным асобам (жывёлам, персаніфікаваным прадметам).

Такім чынам, зваротак – даволі пашыраны структурны кампанент сінтаксічных канструкцый тэкстаў чарадзейных казак, неад'емная частка мастацкай прасторы беларускіх народных казак, найважнейшы сродак інтэрпрэтацыі казачных тэкстаў.

Літаратура

1. Беларускія народныя казкі / склад.: Г. А. Барташэвіч, К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 480 с.
2. Бурак, Л. І. Зваротак у беларускіх жніўных песнях / Л. І. Бурак // Весн. БДУ. Сер. 4. – Мінск, 1994. – № 3. – С. 28–33.
3. Капцюг, І. У. Сінтаксічныя ўласцівасці зваротка: гістарыяграфічны аспект / І. У. Капцюг // Весці БДПУ. Сер. 1. – Мінск. – 2005. – № 2. – С. 65–68.
4. Малажай, Г. М. Зваротак / Г. М. Малажай // Беларуская мова : Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; пад рэд. А. Я. Міхневіча, рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 220.

References

1. Belaruskija narodnyja kazki [Belarusian folk fairy-tales] (1981). / Sklad. G. A. Bartashjevich, K. P. Kabashnikau. – Minsk (In Bel.).
2. Burak, L. I. (1994). Zvarotak u belaruskich zhniunyh pesnjah [Direct address in Belarusian harvest songs]. – Minsk (In Bel.).
3. Kaptsjug, I. U. (2005). Sintaksichnyja uascivasci zvarotka: gistaryjagrafichny aspekt [Syntactic role of direct address: historiographic aspect]. – Minsk (In Bel.).
4. Malazhaj, G. M. (1994). Zvarotak [Direct Adress]. Belaruskaja mova: Encykl. – Minsk (In Bel.).

МОТИВЫ «ШЕСТОДНЕВА» В СОЗНАНИИ ГЕРОЕВ А. П. ЧЕХОВА

С.Ю. Николаева,

профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Рассматриваются мотивы и идеи «Шестоднева», их вариации, которые присутствуют в творчестве А. П. Чехова на всем его протяжении. Выявляются художественные функции этих мотивов. Делается вывод о том, что «Шестоднев», наряду с «духовным лечебником» и многими другими произведениями древнерусской литературы, писатель использовал в процессе разработки собственной художественной концепции и тем самым воплотил свой – христианский – идеал нравственно развивающейся личности. Обращение Чехова к древнерусскому книжному наследию, к традициям древнерусского искусства слова следует рассматривать в контексте проблемы «духовного реализма» как типа творчества.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Иоанн экзарх Болгарский, Владимир Мономах, «Шестоднев», Н. И. Новиков, жанровая система, древнерусская традиция, духовный реализм, экология, натурфилософия, кризис религиозного сознания.

THE MOTIVES OF "SHESTODNEV" IN THE MINDS OF THE HEROES OF A. P. CHEKHOV

S.Yu. Nikolaeva,

Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Philological Foundations of Publishing and Literary Creativity of Tver State University Tver, Russia

E-mail: synikolaeva@rambler.ru

The motives and ideas of "Shestodnev", their variations, which are present in the work of A. P. Chekhov throughout its entire course, are considered. The artistic functions of these motifs are revealed. It is concluded that "Shestodnev", along with "spiritual healer" and many other works of ancient Russian literature, the writer used in the process of developing his own artistic concept and thereby embodied his Christian ideal of a morally developing personality. Chekhov's appeal to the Old Russian book heritage, to the traditions of the Old Russian art of words, should be considered in the context of the problem of "spiritual realism" as a type of creativity.

Keywords: A. P. Chekhov, John Exarch of Bulgaria, Vladimir Monomakh, "Shestodnev", N. I. Novikov, genre system, Ancient Russian tradition, spiritual realism, ecology, natural philosophy, crisis of religious consciousness.

Введение

А. П. Чехов – наряду с Ф. М. Достоевским – фактически стал тем писателем XIX века, с которого можно начинать историю собственно экологической проблематики в русской литературе. Можно было бы, очевидно, объяснить это и факторами внешними, объективными, и факторами внутренними, индивидуальными – научным подходом, мировосприятием медика, естествознателя. Однако недостаточно просто найти место писателя в историко-литературном «экологическом» ряду. Нужно определить и его своеобразие как художника, специфику его «экологической поэтики».

В частности, картина мира, существующая в сознании чеховских героев, восходит так или иначе к натурфилософии «Шестоднева» и других памятников, испытавших на себе влияние «Шестоднева» и развивавшим его идеи о красоте и мудрости божественного мироустройства, о многообразии человеческих лиц и единстве человечества, об особом и predetermined положении каждой песчинки, растения, животного, человека в мире. Возможно, Чехов воспринял эти идеи через посредство сочинений Владимира Мономаха, ссылки на которые с пометой «Мировоззрение» не раз встречаются в материалах к «Врачебному делу» [11, т. 16. с. 291, 334, 337, 354] (о влиянии «Шестоднева» на Мономаха см.: [5, с. 137–139]).

Так, в «Агафье» (1886) огородник Савка, ленивый и беспечный, «как птица небесная», вдруг начинает философствовать по поводу обреченности: «Про что ни говори, все любопытно. Птица таперя, человек ли... камешек ли этот взять – во всем своя умственность!» [11, т. 5, с. 27]. В рассказе «Свирель» (1887) пастух Лука Бедный, сокрушаясь о скорой всеобщей гибели, вместе с тем восхищается: «Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари – все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает»; «Земля, лес, небо... тварь всякая – все ведь это сотворено, приспособлено, во всем умственность есть...» [11, т. 6, с. 323, 327].

Любопытно, что Лука, всю жизнь проживший в средней полосе России, придает своим наблюдениям обобщающее, глобальное значение – например, он рассказывает об исчезновении рыбы «и в морях, и в озерах, и в реках», об уменьшении количества воды в болотах, прудах, омутах, ручьях [11, т. 6, с. 324]. Вообще он тяготеет к «энциклопедизму» и уж если упоминает про рыбу, то называет целый ряд наименований: щуку, налима, язя, леща, ерша; если заведет речь про дичь и зверье, то описывает гусей, журавлей, уток, тетеревов, дупелей, бекасов, куликов, скворцов, орлов, соколов, филинов, волка и лисицу, медведя и лося: «Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева – туча-тучей! <...> Дупелям, бекасам да кроншнепам переводу не было, а мелкие чирята да кулики, все равно как скворцы или, скажем, воробцы – видимо-невидимо!» [11, т. 6, с. 323]. Эта своеобразная эстетика множества объясняется в рассказе Божьим промыслом, «Божьими делами» и имеет своим источником «Шестоднев». Иоанн Экзарх Болгарский призывал своих читателей радоваться красоте мира, «взирая на дела Божии»: «И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами. Для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? <...> Когда же увидим его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленеющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то восхвалим Господа... Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков, и иных птиц, а они бесчисленны, – тогда мы, умиляясь, славим творца» [8, с. 185, 191].

Цели и задачи

«Шестоднев» Иоанна Экзарха оказал серьезное влияние на последующую литературу и использовался Владимиром Мономахом для обоснования своей политической концепции централизованной власти и феодального землевладения, автором «Слова о гибели Русской земли» – для характеристики Руси дотатарской эпохи и в связи с Батыевым нашествием. Как показала Н. С. Демкова, к «Шестодневу» обращался и Аввакум в своих обличениях «никониан» и «алманашиков» [3].

Прежде чем определять специфику чеховской интерпретации мотивов «Шестоднева», укажем на важнейшую ступень в освоении этого памятника, который, будучи переводным, вполне «обрусел» и сформировал целую литературную традицию на русской почве. Такой ступенью стала одна из программных статей Н. И. Новикова – еще одно, по-видимому, опосредующее звено между древнерусской культурой и Чеховым. Сочинение издателя журнала «Утренний свет» под заглавием «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру» представляет собой вариацию на темы «Шестоднева»:

«...Бог нас сотворил <...>. Мы дело рук его <...>. ... как владыки мира, как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят <...>. Бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе <...> ...нам небо и земля свои услуги

оказуют; ...луна освещает нам зрелище природы; звезды украшают своды небесные; зефир, шумящий древесными, веет нам благоуханием, собранным со цветов; бдящий соловей увеселяет пением наш слух; словом, вся тварь стремится к нам, дабы доставить или выгоду какою, или удовольствие» [7, с. 390–391].

Восхищение мировой гармонией, премудростью божественного мироустройства, продиктованное «Шестодневом» и завещанное литературной традицией, для всех авторов, обращавшихся к данной теме и к данному источнику, становилось отправной точкой для размышлений о человеке. По сути дела, «Шестоднев» – один из первых памятников христианской книжности, где возникает проблема «человек и природа». И решение этой проблемы (в духе христианского универсализма) состоит не только в признании единства человека и мира Божьего, но и в утверждении идеи человеческой личности. Люди должны «еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться!» [8, с. 185]. «Шестоднев», таким образом, отразил завершающий этап самосознания человека, подтвердив, что человек создан по образу и подобию Божьему, что он венец творения и цель его, что в своем высоком призвании и достоинстве он близок к Богу. По мнению А. Я. Гуревича, «средневековье имело ясную идею человеческой личности, ответственной перед Богом и обладающей метафизическим неуничтожимым ядром – душою», но личности, не способной «осознать себя как единую развивающуюся сущность» [2, с. 315–318]. Новаторство Новикова состояло в том, что он, призывая к осознанию высокого достоинства человека и божественного начала в нем, преследовал просветительские цели, пытался развивать и воспитывать умы и души молодого поколения. Он полагал, что высокие помыслы человека о себе самом заставят его чтить достоинство в каждом человеке (подразумевалось: в любом человеке независимо от социального положения).

Методы и материал исследования

Чехов, безусловно, учитывал позицию Новикова и переосмысливал ее, так как устами одного из своих героев говорил: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко?» [11, т.13, с. 143]. Чеховские трактовки мотивов «Шестоднева» примыкают не столько к новиковским, сколько к древнерусским: к Мономаху, противопоставлявшему гармонию мира княжеским распрям, к «Слову о погибели Русской земли», сокрушенно повествующему о «болезни христианом», к Аввакуму, поучавшему боярыню Морозову, что солнце одинаково светит и боярыне, и простому мужику. Автор «Свирели», «Агафьи», «Святою ночью» в своем творчестве сосредоточился на анализе нравственного несовершенства и противоречивости человека.

Результаты и их обсуждение

Герой рассказа «Свирель» не радуется красоте мира, а тоскует о его гибели и об измельчании человеческой породы, тогда как восхищение мирозданием становится уделом одних поэтов, одиноких и не понятых людьми (сочинитель акафистов в «Святою ночью» в каждой строчке собирает воедино красоту молнии, неба, солнца, ветра, цветов). Сетования Луки Бедного звучат так: «Нечего греха таить, плошаем из года в год. Ежели теперича в рассуждении господ, то те пуще мужика ослабли. Нынешний барин все превзошел, такое знает, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядеть на него, так жалость берет... Худенький, мозглявенький, словно венгерец какой или француз, ни важности в нем, ни вида – одно только звание, что барин. Нет у него, сердешного, ни места, ни дела, и не разберешь, что ему надо. Али оно с удочкой сидит и рыбку ловит, али оно лежит вверх пузом и книжку читает, али промеж мужиков топчется и разные слова

говорит, а которое голодное, то в писаря нанимается. Так и живет пустяком, и нет того в уме, чтобы себя к настоящему делу приспособить. Прежние бары наполовину генералы были, а нынешние – сплошной мездрюшка!» [11, т. 6, с. 325–326].

Человек приближается к божеству благодаря своей способности мыслить – так считали и Иоанн Экзарх («Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю – злаками и деревьями, и море, рыбами всякими исполненное, ... и переходя к человеку, ... не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан тогда ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц. И все пояса, и звезды, эфир, и все небеса, и в тот же час вновь оказывается в своем теле? На каких крыльях он взлетел? Каким путем прилетел?» [8, с. 193–195]), и тем более просветитель Новиков («Человеки преимущественно... имеют... возможность мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать» [7, с. 391]).

Но способы познания мира человеком могут быть порочными и лукавыми, ум и знание сами по себе не спасают от греха и гибели. Поэтому и «Шестоднев» гласит, что человеку, кроме познания мира («восшествия через видимое к невидимому» [8, с. 191]), необходима вера. К этой мысли присоединяется и Чехов, в творчестве которого гносеологическая проблематика сочетается с аксиологической, этической и который понимает, что «во многом знании много печали», что некоторые открытия в области естественных наук позволяют совершить прорыв в естествознании, но ставят под сомнение само существование человечества. Чеховский Лука не случайно говорит: «На кой прах людям ум перед погильею-то? Пропадать и без всякого ума можно... бог человеку ум дал, а силу взял» [11, т. 6, с. 325]. Наивный и мудрый Лука подразумевает силу прежде всего физическую (пресловутое «вырождение»), но вместе с тем и нравственную, духовную: «Удивление! <...> И куда оно все девалось? <...> Лет сорок я примечаю из года в год Божьи дела и так понимаю, что все к одному клонится. <...> Пришла пора Божьему миру погибать» [11, т. 6, с. 323].

Продолжением этих мыслей становятся монологи Хрущова («Леший») и Астрова («Дядя Ваня»): «Человеку даны разум и творческая сила, чтобы приумножить то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а только разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее»; «все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется, точно так вы безрассудно губите человека, и скоро... на земле не останется ни верности, ни чистоты... во всех вас сидит бес разрушения» [11, т. 12, с. 140,144]. Можно заметить, что Чехов ставит проблему так, как, в сущности, ее будут ставить его далекие потомки-продолжатели: Ч. Айтматов, В. Астафьев, Б. Васильев, В. Крупин, В. Распутин и многие, многие другие наши современники. Иначе говоря, Чехов и в этом аспекте, как и во многих других, предопределил направление литературного процесса в XX веке.

Рассуждения Луки Бедного, Хрущова и Астрова обычно воспринимают в контексте экологической проблематики или в связи с общественными настроениями 1880-х гг. [1; 4]. Не оспаривая значения научной прозорливости Чехова-естественника, подчеркнем, что особую глубину образам и мотивам его произведений придает в данном случае литературный контекст, в котором эти произведения создавались. На интертекстуальном уровне в монологах героев «Свирели», «Лешего», «Дяди Вани» и других присутствуют мотивы и реминисценции из древнерусской книжности. Кроме уже упоминавшегося «Шестоднева» и «Почтения» Мономаха следует назвать также «Домострой», осуждавший ложную мудрость (к коей относил «чародейство, и волхование, и колдовство, звездочетье, чернокнижье, чтение отреченных книг, альманахов, гадальных книг, шестокрыла») и считавший ее следствием гибель человека и мира: «...наводит Бог по нашим грехам

когда голод, когда мор, а то и пожар, а то и потоп, а то и пленение и смерть от язычников; ...то бездожде, то бесконечные дожди и неблагоприятные лета, зима непригодная, и лютые морозы, бесплодие земли и всякой живности – скотине, и зверю, и птицам, и рыбам, и всяким хлебам скудость; утрата родителей, и жены, и детей от тяжелых и ...внезапных смертей после тяжелых и горьких страданий» [9, с. 99].

Оказывается, «погибель всему миру», которую столь тоскливо пророчат Лука и Мелитон, уже не раз имели место в истории, и каждый раз это происходило тогда, когда в душе человека или в отношениях между людьми возникали противоречия, торжествовали пороки гордости и высокоумия, алчности и потребительского взгляда на мир, когда утрачивалась вера в Бога и любовь к миру. Одна из главных коллизий всего чеховского творчества – разлад между человеком и природой (миром, Богом), утрата, по словам Астрова, «непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям» [11, т. 13, с. 84].

Выводы

«Шестоднев», наряду с «духовным лечебником» сатирической и несатирической направленности и многими другими произведениями древнерусской литературы [6, с. 61–72, 359], Чехов широко использовал при создании характеристик своих персонажей, в процессе разработки собственной художественной концепции и тем самым воплотил собственный нравственный идеал, связанный с христианским универсализмом и труженичеством. Это «христианский идеал нравственно развивающейся личности» [6, с. 70]. Для чеховских героев – а может быть, и для самого Чехова – «инобытие, духовная ипостась бытия не менее, а более реальна, чем видимая нам физическая материя, природный и социальный миры» [10, с. 71]). Поэтому обращение Чехова к древнерусскому книжному наследию, к традициям древнерусского искусства слова следует рассматривать и осмысливать в рамках такого типа творчества, как «духовный реализм» [10, с. 78].

Нравственные процессы, происходившие в душе современного человека в условиях глобального религиозного и экологического кризиса, развитие ноосферы – вот что было предметом художественного исследования Чехова. Древнерусские источники понадобились ему для достижения наибольшей убедительности и достоверности создаваемых образов.

Литература

1. Грачева, И. В. Рассказ А. П. Чехова “Свирель” в контексте общественно-литературных настроений восьмидесятых годов XIX в. / И. В. Грачева // Филологические науки, 1994. – № 5–6. – С. 102–108.
2. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Изд. 2-е. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
3. Демкова, Н. С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума / Н. С. Демков // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. – Т. 19. – Л. : Наука, 1963. – С. 367–372.
4. Долотова, А. М. Зачем срубили березняк и сосновый бор? (От “Наивного лешего” – к “Дяде Ване”) / А. М. Долотова // Чеховиана : Статьи, публикации, эссе. – М. : Наука, 1990. – С. 83–91.
5. Лихачев, Д. С. “Шестоднев” Иоанна Экзарха и “Поучение” Владимира Мономаха / Д. С. Лихачев // Исследования по древнерусской литературе. – Л. : Наука, 1986. – С. 137–139.
6. Николаева, С. Ю. Сатирический рецепт и «врачество духовное» в творчестве А. П. Чехова / С. Ю. Николаева // Вестн. Тверского гос. ун-та : Серия: Филология. – 2020. – № 1 (64). – С. 61–72.
7. Новиков, Н. И. Избранные сочинения / Н. И. Новиков. – М. : ГИХЛ, 1951. – 787 с.
8. Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М. : Худож. лит., 1980. – 704 с.
9. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М. : Худож. лит., 1985. – 638 с.
10. Редькин, В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. – 2018, № 1. – С. 71–78.
11. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов // Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. – М. : Наука, 1974–1983.

References

1. Grachev, I. V. (1994). Rasskaz A. P. Chekhova "Svirel" v kontekste obshchestvenno-literaturnykh nastroyeniy vosmidesyatykh godov XIX v. *Filologicheskiye nauki*. [A. P. Chekhov's short story "The Pipe" in the context of social and literary moods of the eighties of the XIX century. *Philological sciences*]. 5–6, 102–108 (In Russ).
2. Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoy kultury*. [Categories of medieval culture]. Moscow : Art. (In Russ).
3. Demkova, N. S. (1963). Ioann ekzarkh Bolgarskiy v sochineniyakh Avvakuma. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury*. [John the Exarch of Bulgaria in the writings of Avvakum. Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. – 19, 367–372 (In Russ).
4. Dolotova, A. M. (1990). "Zachem srubili bereznyak i sosnovyy bor?" (Ot "Naivnogo leshego" – k "Dyade Vane"). *Chekhoviana: Stati, publikatsii, esse. M.: Nauka*. ["Why did they cut down the birch and pine forests?" (From the "Naive leshy" – to "Uncle Vanya"). *Chekhov: Articles, publications, essays*]. – Moscow. – 83–91 (In Russ).
5. Likhachev, D. S. (1986). "Shestodnev" Ioanna Ekzarkha i "Poucheniye" Vladimira Monomakha. Likhachev D.S. Issledovaniya po drevnerusskoy literature. L.: Nauka. 1986. ["Shestodnev" John the Exarch and the "Teaching" by Vladimir Monomakh. Likhachev D. S. Research on Old Russian literature. L.: Nauka]. – 137–139 (In Russ).
6. Nikolayeva, S. Yu. (2020). Satiricheskiy retsept i «vrachestvo dukhovnoye» v tvorchestve A. P. Chekhova. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. [Satirical recipe and "spiritual medicine" in the works of A. P. Chekhov. *Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*]. – 1 (64), 61–72 (In Russ).
7. Novikov, N. I. (1951). *Izbrannyye sochineniya*. M.: GIKhL. [Selected works]. Moscow: GIHL. (In Russ).
8. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XII vek* (1980). M.: Khudozh. lit. 1980. [Monuments of literature of Ancient Russia: XII century]. – Moscow : Art. lit. (In Russ).
9. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka* (1985). M.: Khudozh. lit. 1985. [Monuments of literature of Ancient Russia: The middle of the XVI century]. – Moscow : Art. Lit. (In Russ).
10. Redkin, V. A. (2018). Dukhovnyy realizm kak khudozhestvennyy metod sovremennoy literatury. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. [Spiritual realism as an artistic method of modern literature. *Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*]. – 1, 71–78 (In Russ).
11. Chekhov, A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 30 t. Sochineniya: V 18 t. Pisma: V 12 t. M. : Nauka. – 1974–1983*. [The complete collection of works and letters: In 30 vols. Essays: In 18 vols. Letters: In 12 vols.]. Moscow : Nauka (In Russ).

УДК 81'42

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ (на материале произведения Л. Н. Андреева «Весной»)

Е.А. Огнева,

доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия
E-mail: ogneva@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема моделирования текстовых когнитивных конструкций, интерпретируемых в качестве смысловых конструкций текста. Моделируется синергия пространственно-временного континуума в биполярном художественном концепте «свет-тьма», репрезентированном в произведении Л. Н. Андреева «Весной». Устанавливается, что биполярный художественный концепт «свет-тьма» сопряжен с художественным концептом «пространство» и художественным концептом «время». Выявляется высокая частотность биполярных номинантов, маркирующих противопоставление света и тьмы в когнитивно-сюжетной канве произведения, что является отличительной чертой идиостиля писателя.

Ключевые слова: художественный текст, текстовые когнитивные конструкции, моделирование, художественный концепт, биполярный концепт.

MODELING OF TEXT COGNITIVE CONSTRUCT IN L.N. ANDREEV'S "IN SPRING"

E.A. Ogneva,

Lecture. Doctor of Philology, head of department of foreign languages
Belgorod National Research University,
Belgorod, Russia
E-mail: ogneva@bsu.edu.ru

The article deals with the issue of modeling of text cognitive structures interpreted as semantic text constructs. The synergy of the space and time continuum is modeled in the be-polar literary concept named of "light and darkness". This concept presented in L. N. Andreev's "Spring". In this novel the be-polar literary concept named of "light and darkness" is connected with literary concept named of "space" and literary concept named of "time". The high frequency of be-polar nominanees as markers of light and darkness opposition in the cognitive and plot frame is identified as the parameter of writer's idiosyncrasy.

Key words: literary text, text cognitive constructs, modeling, literary concept, be-polar concept

Введение

Художественный текст представляет собой формат знания, в котором вербализуется авторская концептуальная картина мира» [9, с. 11]. В повествовательном тексте авторская картина мира предстаёт в виде совокупности когнитивных артефактов. По мнению Л. В. Татару, «повествовательные тексты рассматриваются и самими нараторами как когнитивные артефакты» [12, с. 24]. Поскольку картина мира «соотносится с совокупностью знаний человечества в определенный исторический период» [5, с. 18], то эти знания со временем предстают «когнитивными артефактами» [14, с. 726–735].

Исследование когнитивных артефактов текста основано на его моделировании. Ещё В. А. Штоф писал, что «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте» [13, с. 19]. Р. Г. Пиотровский обращал внимание на тот факт, что модели могут служить средством изучения или описания внутреннего строения оригинала (структурные модели), его поведения (функциональные модели) и развития (динамические модели) [8, с. 86–96].

В. И. Карасик уточняет, что модель «как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [4, с. 6]. В свете этого свойство моделируемости действительности рассматривается как «определяющее когнитивно-логические принципы действия знаковых моделей» [11, с. 116]. В результате комплексного интерпретационного процесса «формируется представление о концептуальных структурах и возможностях их описания с помощью когнитивных моделей» [6, с. 16–17], в которых текст является «динамической средой, обладающей смысловой многомерностью, обусловленной своеобразием, выразительностью, образностью, эмоциональностью и экспрессивностью» [2, с. 275].

Рассмотрение художественного текста в виде совокупности текстовых когнитивных конструктов и их последующее моделирование проявляет специфику текстовой репрезентации авторской картины мира в виде совокупности художественных концептов, формирующих концептосферу художественного текста, которая с течением времени предстает в виде совокупности когнитивных артефактов. Художественные концепты подразделяются на простые и бинарные, то есть двудерные концепты, среди которых можно выделить парные художественные концепты, биполярные художественные концепты [10] и дуальные художественные концепты, под которым понимается «двудерный текстовый концепт, имеющий контекстуально обусловленную диаду ядер и сопряженных номинативных полей» [3, с. 3–4].

Бинарность художественных концептов вытекает из природы построения когнитивно-сюжетной матрицы художественного текста.

Цели и задачи

Исследование нацелено на моделирование биполярного художественного концепта «свет-тьма» в качестве текстового когнитивного конструкта. Достижению поставленной цели способствуют следующие основные задачи: 1) интерпретация концептосферы художественного произведения в качестве простых и бинарных художественных концептов, 2) рассмотрение биполярного художественного концепта «свет-тьма», 3) выявление специфики построения биполярного художественного концепта «свет-тьма», 4) выявление частотности номинантов этого концепта в концептосфере художественного произведения Л. Н. Андреева «Весной».

Методы и материал исследования

Исследование проводится посредством применения метода когнитивно-герменевтического моделирования текстовых когнитивных конструктов. В качестве материала исследования выступает художественное произведение Л. Н. Андреева «Весной».

Результаты и их обсуждение

Когнитивно-герменевтическое таксономическое моделирование концептосферы художественного произведения Л. Н. Андреева «Весной» выявило превалирование простых, то есть одноядерных художественных концептов над бинарными, то есть двухядерными художественными концептами. Необходимо отметить, что в большинстве концептосфер художественных произведений различных авторов наблюдается схожее явление. Однако, концептосфера художественного произведения Л. Н. Андреева «Весной» характеризуется высокой частотностью номинантов, формирующих номинативное поле биполярного художественного концепта «свет-тьма». Под биполярным художественным концептом понимается один из типов бинарных художественных концептов, в котором ядрами предстают слова-антонимы.

Когнитивно-герменевтическое моделирование показало, что биполярный художественный концепт «свет-тьма» сопряжен с двумя одноядерными концептами: художественным концептом «пространство» и художественным концептом «время», что является отличительной чертой построения рассматриваемого произведения «Весной».

В качестве иллюстрации выявленного сопряжения трех концептов приведем следующие контексты.

Пример 1. *«Ночь была черна от низкого, покрытыми черными тучами неба и от черной земли, которая вся за последние дни пропиталась дождевой водой и когда свет из окна падал на протоптанную среди грязи тропинку, она лоснилась, как черный атлас. Фонарей на этой захолустной улице не было»* [1, с. 3].

В рассматриваемом контексте выявлены следующие номинанты биполярного художественного концепта «свет-тьма»: 1) номинанты, составляющие номинативное поле ядра «свет»: *свет, лоснилась*; 2) номинанты, составляющие номинативное поле ядра «тьма»: *ночь, (ночь) черна, покрытое черными тучами небо, черная земля, фонарей не было*. Примечательно, что в данном контексте количество номинантов, репрезентирующих свет в два раза меньше, чем количество номинантов, репрезентирующих тьму. Номинант *ночь*, входящий в номинативное поле ядра «тьма», является одновременно и номинантом художественного концепта «время», поскольку это хронема. Вторая выявленная хронема – это словосочетание *«последние дни»*. В состав номинантов номинативного поле ядра «тьма» *покрытое черными тучами небо* и *черная земля* входят полярные проксемы «небо – земля», тем самым сопрягая биполярный художественный концепт «свет-тьма» с художественным концептом «пространство». В целом, фокус описания смещается от тьмы к свету, тогда как в следующем примере фокус описания смещается от света к тьме.

Пример 2. «Когда Павел вышел на берег реки и уже не видно было силуэтов домов и огоньков в окнах, тьма стала глубокой» [1, с. 3].

В контексте выявлен один номинант номинативного поля ядра «свет» номинант *огоньки* и один номинант номинативного поля ядра «тьма» – номинант *тьма стала глубокой*. В качестве проксема писателем применен номинант *берег реки*, который является пейзажной единицей. В качестве хронем, указывающих на время суток, предстают номинант *огоньков в окнах*, относящийся к номинативному полю ядра «свет» и номинант *тьма стала глубокой*, входящий в номинативное поле ядра «тьма».

Таким образом, сопряжение номинативного поля биполярного художественного концепта «свет-тьма» с двумя одноядерными концептами художественным концептом «пространство» и художественным концептом «время» способствует созданию модели текстовых когнитивных конструкторов.

Выводы

Моделирование текстовых когнитивных конструкторов способствует, в целом, комплексной интерпретации концептосферы художественного текста, и интерпретации составляющих её когнитивных конструкторов, часть из которых со временем становится когнитивными артефактами. Одним из таких когнитивных артефактов видится биполярный художественный концепт «свет-тьма», репрезентированный в художественном произведении Л. Н. Андреева «Весной», описывающей сочетания света и тьмы в жизни людей более ста лет тому назад.

Исследование показало, что в рассматриваемом произведении Л. Н. Андреева биполярный художественный концепт «свет-тьма» сопряжен с двумя одноядерными художественными концептами: концептом «пространство» и концептом «время». Выявленное сопряжение одноядерных и двудерных концептов в концептосфере художественного произведения «Весной» является одним из параметров идиостиля Л. Н. Андреева.

Литература

1. Андреев, Л. Н. Весной // Полное собрание сочинений : в 23 т. / Л. Н. Андреев. – М. : Наука, 2014.
2. Гершанова, А. Ф. Динамические процессы когнитивной оценочной семантики в художественном дискурсе / А. Ф. Гершанова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXII. – С. 275–278.
3. Даниленко, И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование архитектоники дуального художественного концепта “любовь – одиночество” (на материале произведения Ф. С. Фитцджеральда “The Great Gatsby”) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.2019 : теория языка / И. А. Даниленко. – Белгород, 2019. – 26 л.
4. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 328 с.
5. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
6. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации / С. Л. Кушнерук. – М. : Флинта, 2019.
7. Огнева, Е. А. Алгоритм интерпретации художественного концепта время (на материале романа Д. де Мопсэ «Ребекка») / Е. А. Огнева, Е. И. Бузина. – 2019. – № 4 (94). – С. 275–279.
8. Пиотровский, Р. Г. Моделирование в лингвистике // Вопросы романского и общего языкознания / Р. Г. Пиотровский. – СПб : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – С. 86–96.
9. Попова, Т. Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство / Т. Г. Попова, А. О. Шубина // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 1 (177). – С. 10–12.
10. Прохорова, А. В. Речевая репрезентация биполярности художественной картины мира : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Прохорова. – Елец, 2018. – 26 л.
11. Салмина, Л. М. Н. В. Крушевский и когнитивная логика языка // Л. М. Салмина / Николай Крушевский: научное наследие и современность : материалы Междунар. науч. конф. “Бодуэновские чтения”. – Казань : Новое знание, 2002. – С. 111–117.
12. Татару, Л. В. Композиционный ритм и когнитивная логика нарративного текста / Л. В. Татару // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – СПб, 2008. – № 11 (75). – С. 23–27.

13. Штоф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штоф. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 304 с.
14. Nemeth, C. P. et al. Using cognitive artifacts to understand distributed cognition / C. P. Nemeth; R. I. Cook; Oapos; M. Connor; P. A. Klock // Systems, Man and Cybernetics, Part A, IEEE Transactions on Volume 34, Issue 6, Nov. 2004. – Pp. 726–735.

References

1. Andreev, L. N. (2014). *Vesnoj [In spring]*. – Moscow : Nauka (In Russ).
2. Gershanova A.F. (2015). Dinamicheskie processy kognitivnoj ocenochnoj semantiki v hudozhestvennom diskurse. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. [Dynamic process of cognitive value semantics in literary discourse. *Cognitive research of language*]. – 32, 275–278 (In Russ).
3. Danilenko, I. A. (2019). *Kognitivno-germenevticheskoe modelirovanie arhitektoniki dual'nogo hudozhestvennogo koncepta "ljubov' – odinochestvo" (na materiale proizvedenija F. S. Fitzdžeral'da "The Great Gatsby")*. Avtoreferat diss. kand. filol.n po special'nosti 10.02.19 – teorija jazyka [Cognitive-hermeneutic modeling of architectonics of duel literary concept "love-loneless" in Fitzgerald's "The Great Gatsby"]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. – Belgorod (In Russ).
4. Karasik, V. I. (2013). *Jazykovaja matrica kul'tury [Language matrix of culture]*. Moscow : Gnozis (In Russ).
5. Kolshanskij, G. V. (1990). *Ob#ektivnaja kartina mira v poznanii i v jazyke [Objective world view in language cognition]*. – Moscow : Nauka (In Russ).
6. Kushneruk, S. L. (2019). *Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: Opyt sopostavitel'nogo issledovanija reklamnoj kommunikacii [Cognitive and discursive worldmodeling. Experience of comparative research of advertising communication]*. – Moscow : Flinta (In Russ).
7. Ogneva, E. A. & Buzina E. I. (2019). *Algoritm interpretacii hudozhestvennogo koncepta vremena (na materiale romana D. dju Mor'e «Rebecca») [Interpreting algorithm in literary concept named of "Time" in du Maurier's "Rebecca"]*. – 4 (94), 275–279 (In Russ).
8. Piotrovskij, R. G. (1998). Modelirovanie v lingvistike. *Voprosy romanskogo i obshhego jazykoznanija*. [Modeling in linguistics. *Issues of Romanic and general linguistics*]. Saint-Petersburg, RSPU named after A. I. Herzen, 86–96 (In Russ).
9. Popova, T. G. & Shubina A.O. (2010). Hudozhestvennaja kartina mira kak konceptualizirovanoe hudozhestvennoe prostranstvo. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika*. [Literary worldview as conceptual literary space. *Proceeding of South-Ural state university. Linguistics*]. – 1 (177), 10–12 (In Russ).
10. Prohorova, A. V. (2018). *Rechevaja reprezentacija bipoljarnosti hudozhestvennoj kartiny mira*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. n. [Speech representation of be-polar in literary world view] [Author's abstr. cand. philol. diss.]. – Elec. (In Russ).
11. Salmina, L. M. (2002). N.V. *Krushevskij i kognitivnaja logika jazyka. Nikolaj Krushevskij: nauchnoe nasledie i sovremennost'*: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. "Bodujenovskie chtenija" [N.V. *Krushevski and cognitive logics of language. Nicolas Krushevski: scientific heritage and modernity*]. [Material of international scientific conference]. – Kazan : New knowledge, 111–117 (In Russ).
12. Tataru, L. V. (2008). *Kompozicionnyj ritm i kognitivnaja logika narrativnogo teksta. Izvestija RGPU im. A.I. Gercena Serija «Obshhestvennye i gumanitarnye nauki»* [Composition rhythm and cognitive logics of narrative] [Proceeding of RSPU named after A.I. Herzen]. – Saint-Petersburg, 11 (75), 23–27 (In Russ).
13. Shtof V.A. (1966). *Modelirovanie i filosofija [Modeling and philosophy]*. – Moscow ; Leningrad : Nauka (In Russ).
14. Nemeth, C. P. [et al.]. (2004). *Using cognitive artifacts to understand distributed cognition / C. P. Nemeth; R. I. Cook; Oapos; M. Connor; P. A. Klock*. Systems, Man and Cybernetics, Part A, IEEE Transactions on Vol. 34, Issue 6, Nov, 726–735.

УДК 81'27: 81'42

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» (к 100-летию учреждения Советского Союза)

С.А. Приходько,
Новозыбковский краеведческий музей,
Новозыбков, Россия
E-mail: sergey.museum@yandex.ru

Противостояние по линии «мы» – «они» («материалисты» – «идеалисты»), воплощённое на страницах полемической книги В. И. Ленина, проходило в Российской империи после Первой русской революции. Возникшая многопартийность привела к обострению политико-философской конкуренции, которая выплеснулась на страницы книг и газет.

В настоящей статье рассматривается функционально-семантическое разнообразие риторического вопроса в трактате «Материализм и эмпириокритицизм». Учитывается специфика речевого воздействия риторической структуры. Важной категорией ленинского риторического комплекса признаётся восклицание.

Автор анализирует не только вопросительные фигуры, но и сопутствующий полемический арсенал. В. И. Ленин использовал следующие приёмы: возвеличивание, вопрос, восклицание, обращение, повтор и уничтожение. Эффект воздействия текста «Материализма и эмпириокритицизма» возрастает благодаря множеству полемических средств: глагола, междометия, местоимения, причастия, существительного и частицы.

Широкий спектр полемических приёмов и средств позволяет разнообразить изложение, заинтересовать читателя, объяснить ему сложные вопросы и в результате убедить его в правильности материалистической парадигмы.

Ключевые слова: риторический вопрос, экспрессивный синтаксис, полемический трактат «Материализм и эмпириокритицизм», вопросно-ответный ход, синтаксическое средство, полемический дискурс В. И. Ленина, печатный спор.

THE RHETORICAL QUESTION AS AN INSTRUMENT OF EXPRESSIVE SYNTAX IN V.I. LENIN'S POLEMICAL TREATISE "MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM" (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET UNION)

S.A. Prikhodko,

Novozybkov Local Lore Museum, Novozybkov, Russia

E-mail: sergey.museum@yandex.ru

The confrontation along the line of "we" – "they" ("materialists" – "idealists"), embodied in the pages of V. I. Lenin's polemical book, took place in the Russian Empire after the First Russian Revolution. The resulting multiparty system led to an aggravation of political and philosophical competition, which splashed out on the pages of books and newspapers.

This article examines the functional and semantic diversity of the rhetorical question in the treatise "Materialism and Empirio-Criticism". The specificity of the speech impact of the rhetorical structure is taken into account. Exclamation is recognized as an important category of V. I. Lenin's rhetorical complex.

The author analyzes not only the interrogative figures, but also the accompanying polemical arsenal. V.I. Lenin used the following techniques: exaltation, question, exclamation, appeal, repetition and humiliation. The effect of the text of "Materialism and Empirio-Criticism" increases due to a variety of polemical means: verbs, interjections, pronouns, participles, nouns and particles.

A wide range of polemical techniques and means allows you to diversify the presentation, interest the reader, explain complex issues to him and, as a result, convince him of the correctness of the materialist paradigm.

Key words: rhetorical question, expressive syntax, polemical treatise "Materialism and Empirio-Criticism", question-and-answer move, syntactic means, polemical discourse of V.I. Lenin, printed dispute.

Риторический вопрос в качестве дискурсивного феномена в целом и текстовое явление в частности традиционно привлекает к себе внимание исследователей [1; 2; 4; 5].

Противостояние в неперIODической и регулярной печати в Российской империи в постреволюционном контексте и в условиях многопартийности носило острый характер. Столкновение мнений выразилось в выходе книг и статей. Наиболее обширным и самым известным печатным памятником первого десятилетия XX в. является книга «Материализм и эмпириокритицизм». Безусловно, изучение ленинского текста продолжается и в XXI столетии.

Автору любой книги, заинтересованному в общении с широкой аудиторией, приходится создавать атмосферу диалога искусственно, на своих правилах, вследствие отсутствия реального собеседника. Значительную группу синтаксических инструментов В. И. Ленина образуют приёмы, ориентированные на создание диалогической атмосферы, на общение с виртуальным читателем. К ним относятся различного рода риторические

структуры (вопрос и восклицание). Целью настоящей статьи является выявление функционально-семантического значения риторического вопроса (вопросно-ответного хода) в полемической книге «Материализм и эмпириокритицизм». Задачами данного исследования являются: уточнение значения соответствующих терминов; определение релевантных полемических инструментов В. И. Ленина; дефиниция эмоционально нейтральных и эмоционально окрашенных конструкций; вскрытие механизма речевого воздействия на адресата.

Риторический вопрос – вопрос только по форме, на самом деле, он не требует ответа, так как ответ заключён в самом вопросе [7, с. 83]. Тот факт, что вопросительные высказывания в зависимости от ситуации общения могут приобретать дополнительные оттенки смысла, указывается в трудах зарубежных лингвистов [9].

Отечественные филологи подтверждают, что чрезвычайно важным в словесном споре является массированное использование активизирующих читательское восприятие полемических и диалогических тактик и риторических приёмов [8, с. 26]. Риторический вопрос в качестве синтаксического средства в вербальной деятельности В. И. Ленина ориентирован на построение диалогической речи, гладко протекающей ввиду отсутствия реального коммуниканта, выражающего сомнение в правильности выдвигаемого тезиса.

Эффективность скрытых посылок объяснили ещё советские языковеды: «Действенность имплицитной информации основана на относительной сложности ее извлечения, точнее, на том, что адресат уже затратил на ее получение дополнительные интеллектуальные усилия» [3, с. 15].

Риторический вопрос в полемическом трактате «Материализм и эмпириокритицизм» выполняет ряд функций: является языковым средством констатации факта, который предлагается читателю для дальнейшего анализа; побуждает адресата к ответной реакции, которая может быть выражена в виде мысленного ответа на данный вопрос или в форме самостоятельных рассуждений на бумаге; поддерживает релевантные полемические средства.

Одиночная риторическая конструкция

Перед цитатой из идеалистической книги В. И. Ленин подготовил читателя к правильному (для лидера русских материалистов) восприятию цитаты риторическим восклицанием: «*Мах путает здесь, по обыкновению, а махисты смотрят и молятся на путаницу!*» [6, с. 184]. Легко дефинировать в сложносочинённом предложении приёмы генерализации и оценки.

Затем В. И. Ленин привёл фрагмент из работы Э. Маха «Познание и заблуждение» и принялся его разбирать с помощью вопроса, на который никто не мог ответить, кроме самого автора: «*Ну, разве же это не образец путаницы?*» [6, с. 185]. Выразительность риторического средства возрастает благодаря комбинации междометия и частицы.

Ниже приведён пример, в котором снова после цитаты следует риторический вопрос. Как и в предшествующем контексте, ответом на него является восклицание: «*Не правда ли, мило? Сей субъект взялся публично болтать о философии марксизма, чтобы заявить, что ему "неясны" элементарнейшие положения материализма!*» [6, с. 187].

В нижеследующем вопросе В. И. Ленин квалифицирует идеалиста П. С. Юшкевича и его сторонников как не очень понятливых субъектов. Таким образом, в вопросительной конструкции репрезентирована скрытая оценка обобщённых оппонентов: «*Казалось бы, это так ясно, что даже гг. Юшкевичи могли бы понять суть вопроса?*» [6, с. 190].

После каскада из цитат и комментариев В. И. Ленин спросил сам себя и в качестве ответа обвинил немецкого субъективиста Ф. А. Ланге в неспособности построить стройную концепцию даже на готовом фундаменте: «*И это вам не Ланге? К готовым*

выводам о кризисах, ни на каплю не прибавляя ни конкретного материала, ни выяснения природы кризисов, пришивается биологически-энергетическая этикетка» [6, с. 353]. Повторы частицы «ни» в ответном предложении призваны закрепить в памяти адресата недостатки идеалистических утверждений.

Цепочка риторических предложений

В следующем контексте, связанном с разгромом постулатов русского эмпириокритика В. А. Базарова, бурю эмоций В. И. Ленин выразил графически, сопроводив вопросительный знак восклицательным и вторым вопросительным знаками: *«И это рассуждение материалиста?! Если "вид" есть результат действия "вещей в себе" на органы чувств, то из этого следует, что вещи не существуют независимо от каких бы то ни было органов чувств??»* [6, с. 91].

Ниже приведены примеры нагнетания вопросов в «Материализме и эмпириокритицизме» без двойных конечных знаков. Адресата В.И. Ленин указывал не во всех подобных контекстах и конструировал полемику в координатах «мы» vs «они». В процессе создания обвинительного потока В. И. Ленин ответил цепочкой вопросов на вопрос, осложнённый встроенным восклицанием: *«Мы спрашиваем: занимается ли Базаров наездническими упражнениями против Плеханова (которого махисты же возвеличивают в единственного представителя материализма!) или выяснением вопроса о материализме? Если Плеханов вам показался неясным или противоречивым и т. п., отчего не взяли вы других материалистов? Оттого, что вы их не знаете? Но невежество не есть аргумент»* [6, с. 91]. Повторяющееся местоимение «вы» представляется маркером имплицитного апеллиатива. Также важным речевоздействующим инструментом в каждом предложении является негативная оценка.

Многие примеры употребления риторического вопроса в полемическом трактате «Материализм и эмпириокритицизм» являются эмоционально нейтральными.

Вопрос-рассуждение:

«В чем же состоит связь философского идеализма с отделением материи от движения, с устранением вещества от силы? Не "экономнее" ли в самом деле мыслить движение без материи?» [6, с. 288].

Вопрос-рассуждение со скрытым обращением:

«Если энергия есть движение, то вы только передвинули трудность с подлежащего на сказуемое, только переделали вопрос: материя ли движется? в вопрос: материальна ли энергия? Происходит ли превращение энергии вне моего сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т. п.?» [6, с. 292]. Личное местоимение «вы» позволяет имплицитно включить в процесс коммуникации отсутствующего конкурента.

В большинстве случаев в «Материализме и эмпириокритицизме» оценочные коннотации являются эмоциональными.

Вопрос-оценка:

«Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?» [6, с. 352]. Синонимический ряд и уничтожение позволяют сконцентрировать негативный заряд в одном предложении.

Риторический абзац

Единое вопросительное предложение (или цепочку вопросов) В. И. Ленин выносил в отдельный абзац для большей выразительности и обеспечения перехода от одной части дискурса к другому элементу, создав универсальное средство графического выделения.

Вопрос-обращение к оппоненту:

«Итак, закон, что за осенью следует зима, за зимой весна, не дан нам в опыте, а создан мышлением, как средство организовать, гармонизовать, согласовать... что с чем, товарищ Богданов?» [6, с. 182].

Вопрос-констатация:

«Над кем смеялся наш Ворошилов-Юшкевич?» [6, с. 223]. В риторическом вопросе В. И. Ленин отождествил русского ревизиониста П. С. Юшкевича с отрицательным литературным персонажем Ворошиловым и имплицитно напомнил читателю, что не является единственным противником отечественного эмпириокритика.

Вопрос-связка:

«Каковы же результаты этого разбора?» [6, с. 315]. Риторический абзац обеспечивает переход между микротемами, связанными с разбором позиции французского позитивиста А. Рея.

Если предыдущий вопрос-переход не пропитан эмоциями, то следующая конструкция высмеивает оппонента материалистического лагеря: *«В самом деле, неужели всерьез можно говорить о координации, неразрывность которой состоит в том, что один из членов потенциален?»* [6, с. 84].

В отличие приведённых примеров, следующая риторическая конструкция переполнена эмоциями. Смысловый участок текста содержит не одну вопросительную структуру, а два риторических вопроса и ответ.

Вопрос-размышление:

«Не догадывается ли теперь г. Валентинов с братией, что Маркс мог назвать путаницей у Дицгена только то, что сближает Дицгена с Махом, который шел от Канта не к материализму, а к Беркли и к Юму? Или, может быть, материалист Маркс назвал путаницей как раз материалистическую теорию познания Дицгена, одобрил же его отступления от материализма? Одобрил то, что расходится с написанным при его участии "Анти-Дюрингом"» [6, с. 265]. Возвышающее наименование «господин» сочетается с уничижителем «братия». Вопрошающий В. И. Ленин подчёркивал в каждом предложении, что идеалисты способны создавать исключительно «путаницу», поясняя позицию немецкого философа К. Маркса.

Можно сделать вывод, что единичное вопросительное предложение (или цепочку вопросов) В. И. Ленин часто выносил в отдельный абзац для большей выразительности, заострения внимания адресата и обеспечения перехода от одной части дискурса к другому элементу. В сочетании с многочисленными релевантными полемическим приёмами и средствами в полемическом трактате «Материализм и эмпириокритицизм» риторические структуры способствуют построению аргументации.

Таким образом, риторический вопрос в полемическом дискурсе В. И. Ленина реализует речевое воздействие, в результате которого достигается коммуникативно-прагматическая цель полемического словотворчества – убеждение адресата в правоте материалистов. Риторическое восклицание признаётся частотным средством усиления риторического вопроса. Широкий спектр знаменательных и служебных частей речи, выступающих как средства вербализации спора, позволяет создавать пролонгированный эффект. Примечательно, что в книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин позволял себе интерпретировать не только противников, но и союзников.

В новых коннотациях В. И. Ленина заключается причина их полифункциональности и разноплановости. Чередование риторических структур оживляет полемику, делает её понятной адресату, раскрывает основу конфликта дефиниций, мягко включает читателя в печатный спор.

Литература

1. Аксенова, Г. Н. Когнитивные стратегии аргументативной речевой деятельности (на материале судебной речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. Н. Аксенова. – Барнаул, 2003. – 24 л.
2. Баликоева, М. И. К проблеме риторического вопроса / М. И. Баликоева, Г. М. Засева // Научное наследие. – 2020. – № 57. – С. 52–56.
3. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория коммуникации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / А. Н. Баранов. – М., 1990. – 46 л.
4. Белоколоцкая, С. А. Риторический вопрос как средство организации дискурса / С. А. Белоколоцкая // Известия ТГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 509–516.
5. Кильмухаметова, Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) / Е. Ю. Кильмухаметова // Вестн. ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2006. – № 4. – С. 77–82.
6. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. – М., 1989. – 508 с.
7. Шердакова, Л. Н. Риторический вопрос в языке произведений В. И. Ленина / Л. Н. Шердакова // Русский язык в школе. – 1972. – № 2. – С. 82–85.
8. Шильникова, О. Г. Литературная критика в контексте русской журналистики: генезис, принципы функционирования, типология текстов : автореф. дис. ... докт. филолог. наук : 10.01.10 / О. Г. Шильникова. – Воронеж, 2011. – 43 л.
9. Hentschel, E. Ist das nicht Interessant? Zur Funktion Verneinter Fragen / E. Hentschel // LiLi. Zeitschrift für Linguistik und Literaturwissenschaft. – Heidelberg, 1986. – S. 73–86.

References

1. Aksenova, G. N. (2003). Kognitivnye strategii argumentativnoj rechevoj deyatel'nosti (na materiale sudebnoj rechi). [Cognitive strategies of argumentative speech activity (based on the material of judicial speech)]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. – Barnaul (In Russ).
2. Balikoeva, M. I. & Zaseeva G.M. (2020). K probleme ritoricheskogo voprosa. *Nauchnoe nasledie*. [On the problem of a rhetorical question. *Scientific heritage*]. 57. – 52–56 (In Russ).
3. Baranov, A.N. (1990). Lingvisticheskaya teoriya kommunikacii (kognitivnyj podhod). [Linguistic theory of communication: cognitive approach]. [Author's abstr. doct. philol. diss.]. Moscow (In Russ).
4. Belokolockaya, S. A. (2011). Ritoricheskij vopros kak sredstvo organizacii diskursa. *Izvestiya TGU. Gumanitarnye nauki*. [Rhetorical question as a means of organizing discourse. *News of TSU. Humanitarian sciences*]. – 1. 509–516 (In Russ).
5. Kil'muhametova, E. Yu. (2006). Ritoricheskie voprosy kak kosvennye rechevye акты (na materiale francuzskogo yazyka). *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki (filologiya)*. [Rhetorical questions as indirect speech acts (based on the material of the French language). *Bulletin of TSPU. Series: Humanities (philology)*]. – 4. 77–82 (In Russ).
6. Lenin, V. I (1989). Materializm i empiriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii. [Materialism and Empirio-Criticism. Critical notes on a reactionary philosophy]. Moscow (In Russ).
7. Sherdakova, L.N. (1972). Ritoricheskij vopros v yazyke proizvedenij V. I. Lenina. *Russkij yazyk v shkole*. [The rhetorical question in the language of V.I. Lenin's papers. *Russian in school*]. 2. – 82–85 (In Russ).
8. Shil'nikova, O.G. (2011). Literaturnaya kritika v kontekste russkoj zhurnalistiki: genезis, principy funkcionirovaniya, tipologiya tekstov. [Literary criticism in the context of Russian journalism: genesis, principles of functioning, typology of texts]. [Author's abstr. doct. philol. diss.]. – Voronezh (In Russ).
9. Hentschel, E. (1986). Ist das nicht Interessant? Zur Funktion Verneinter Fragen. *LiLi. Zeitschrift für Linguistik und Literaturwissenschaft*. – Heidelberg. – 73–86.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА (на материале произведений В. Быкова)

Л.В. Прохоренко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: lydmilavaleriavna@gmail.com

Статья посвящена одной из важных проблем в филологии – анализу особенностей перевода на близкородственные языки. Рассмотрены основные аспекты перевода: адекватность, общие требования к художественному переводу; вопросы, касающиеся особенностей профессионального перевода; вопросы языкового билингвизма авторских переводов некоторых произведений В. Быкова.

Анализ переводов произведений В. Быкова показывает богатство изобразительных средств родного языка, красоту его звучания, а также убеждает в том, что белорусский оригинал – это высококачественное произведение, которое трудно передать на другом языке. Было отмечено, что варианты перевода на русский язык отличаются большим разнообразием, что обусловлено различными причинами, особенностями индивидуального стиля переводчика.

Ключевые слова: перевод, оригинальный текст, адекватность, стиль, билингвизм, художественный перевод, эквивалентность

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE ORIGINAL AND THE TRANSLATION (based on the material of V. Bykov's works)

L.V. Prokhorenko,

Candidate of philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, the Republic of Belarus

The article is devoted to one of the most important problems in philology – the peculiarities of the translation of phraseological units from Belarusian into Russian. The main aspects of translation are considered: adequacy, general requirements for literary translation; questions regarding the features of professional translation. Analysis of the translations of V. Bykov's works shows the richness of the visual means of the native language, the beauty of its sound, and also convinces us that the Belarusian original is a high-quality work that is difficult to convey in another language. It was noted that the options for translating units into Russian are very diverse due to various reasons: the presence of lacunae of a linguistic and non-linguistic nature, the characteristics of the individual style of the translator.

Key words: translation, original text, adequacy, style, bilingualism, literary translation, equivalence.

Введение

В последнее время при обсуждении проблем развития общелитературного языка и национальной культуры так или иначе возникают проблемы языковой коммуникации, билингвизма, диалога культур, их взаимодействия и взаимовлияния.

Проблема перевода литературных произведений очень актуальна для нашего времени. Качество переводов далеко не всегда высокое, авторский стиль передаётся не слишком удачно. Читатель, знакомый со стилем автора по другим переводам (а ещё лучше – читающий автора в оригинале), может сказать, что перевод фальшивый, и не передает духа оригинала. Когда речь идет о переводе технической и научной литературы, самое главное – не уклоняясь от оригинала, передать смысл, но для художественной литературы этого недостаточно. Переводчик должен почувствовать и передать авторский стиль.

В. Быков использует свой родной язык, переводчик же пользуется несколько иным инструментом – языком русским. Задача переводчика – создать адекватное произведение со всеми сильными и слабыми художественными сторонами оригинала, как можно меньше

от него уклоняясь. Переводчик – такой же писатель, соавтор произведения. Перевод – искусство, а не наука, он индивидуален и субъективен.

Существует такое понятие, как подстрочник. Это перевод, сделанный в точности, до запятой, текст, в котором теряется большая часть художественных достоинств оригинала, авторский стиль. При механическом переводе текст становится холодным, обезличенным, скучным. Иногда переводчик так вольно обращается с текстом, что авторского в нём почти ничего не остаётся: подобный текст превращается в пересказ.

Современная теория исповедует принцип адаптации, задача которой осложняется рядом факторов: многозначностью слов, синонимией, национальными реалиями, «игрой слов», основанной на специфических особенностях определенного языка, и системой культурных, языковых и мировоззренческих характеристик того или иного народа. А ещё переводчику надо перестраивать синтаксис предложений, выбирать наиболее подходящие эквиваленты, разъяснять читателю неологизмы и аллюзии автора. От личности переводчика, особенностей его восприятия и умения формировать определенные образы зависит очень многое. Недаром одно и то же произведение интерпретируется разными переводчиками по-разному.

Целью статьи является сравнительно-сопоставительный анализ произведений В. Быкова и их вариантов, принадлежащие не только мастерам перевода, но и сделанных самим автором.

Методы и материал исследования

Были использованы метод контекстного и текстологического анализа, описательный метод. Материалом исследования послужили произведения В. Быкова.

Результаты и их обсуждение

Имя В. Быкова известно во всём мире. Его произведения опубликованы более чем на пятидесяти языках и в первую очередь – на русском. Раннюю повесть «Журавлиный крик» (1960) перевела на русский язык В. Рудова, повесть «Третья ракета» (1962) – Н. Горбачев, «Обелиск» (1971) – Г. Куренев.

Чаще других переводил произведения В. Быкова на русский язык Н. Горбачев, поэтому мы обратились к его работам, например повесть «Третья ракета», которая в творческой биографии В. Быкова знаменует весьма важный рубеж: она выдвинула его в первый ряд военных писателей.

Н. Горбачев сохраняет в переводе «Третьей ракеты» типично Быковскую связь героического и обыденного, когда фронтовая повседневность в высшей степени драматична. Со стороны лексического соответствия перевод безукоризнен, он звучит натурально, в нём отсутствует языковая искусственность и натянутость. Переводчика нельзя упрекнуть в непонимании и неправильной передаче смысла отдельных слов или целых выражений:

«Буслы часта з'яўляюцца тут у сонечныя надвячоркі, лятаюць і кружацца, пэўна выглядаючы дзе якую балацявіну, трысняговую старыцу, лужок, каб палавіць спажывы, напіцца, а то і проста на буслінаму звычайу пастаяць у роздуме на адной назе. Але цяпер яны нікуды не могуць спусціцца, бо скрозь – ля старыц, у прырэчных балацявінах, на ўсіх лужках і дарогах – людзі. Не спраўляюцца буслы наглядзець што здатнае, як на зямлі пачынаюць грукатаць стрэлы – недзе там, у ветранай прасторы, злосна фыркаюць чмялі-кулі, буслы палахліва кідаюцца прэч – адлятаюць на захад, некуды ў бок недалёкіх Карпат» [1, с. 105].

«Аисты часто прилетают сюда в погожую предвечернюю пору и кружатся, наверно высматривая какое-нибудь болотце, камышовую заводь или лужок, чтобы поискать корма, напиться, а то и просто, по извечному обычаю, в раздумье постоять на одной ноге. Но теперь возле заводей, у приречных болот, на всех полях и дорогах –

люди. Не успевают птицы сколько-нибудь снизиться, как на земле начинают трещать пулеметные очереди, высокий голубой простор зло прошивают невидимые имели-пули, аисты пугливо бросаются в стороны и торопливо улетают к предгорьям Карпат» [5, с. 180].

Н. Горбачев обошелся с произведением достаточно свободно. Он изменил строго выверенную структуру текста, переставил абзацы, сократил либо дополнил их, заменил некоторые лаконичные и незначительные детали, использованные В. Быковым в обрисовке персонажей и их душевного состояния. В результате значительно изменился стиль повествования, нарушилась психологическая точность образов: «Як кольвечы мы ўсё ж вывалакваем гармату на пляцоўку, заносім станыны, Жаўтых, прыгнуўшыся, кідаецца туды-сюды, як запёрты ў клетку тыгр. Нізка схілены вусаты твар яго люты і страшны, на лапатках мокрая плямы ад поту» [1, с. 164].

«Кое-как мы все же вытаскиваем пушку на площадку, заносим станыны, Желтых, пригнувшись, кричит, командует, помогает затолкать пушку на место. Низко склоненное лицо его в поту и грязи» [5, с. 234].

Писатель изображает героя в момент большого психологического напряжения с помощью ярких эпитетов. В переводе же дано довольно спокойное описание действий героя, в результате чего образ просто нивелируется.

Ещё один пример: «Цяпер я адзін. Адзін з маёю вялікай мукай, любай маёю дзяўчынай. Я ўражаны яе пагібеллю, уражаны вайною, мой свяшчэнны пякучы намер, як сухая груда ад кулі, рассыпаўся сёння ўшчэнт. Відаць, я слабы, я маленькая парушынка ў гэтых вялікіх жорнах вайны, што са страшэннай сілай перамолваюць людскія жыцці. У мяне не хапае ўжо маёй душэўнай сілы, каб супрацьстаяць пагібелі, змагацца, абараняць толькі сябе» [1, с. 219].

“Теперь я один. Один со своей бедой и своей несчастной любовью. Впервые я так безысходно чувствую нелепую свою беспомощность в этих огромных жерновах войны, что со страшной силой перемалывают тысячи людских жизней и уже дошли до моей” [5, с. 282].

В этом случае В. Быков передал внутренний монолог обессилевшего, разочарованного, душевно надломленного человека. Н. Горбачев снова значительно упростил психологический рисунок, который стал блеклым, невыразительным.

Можно сказать, что в переводе «Третьей ракеты» теряется то, что составляет сущность быковского стиля: философская глубина содержания, раскрытие богатства мыслей и чувств человека, лаконизм, напряженность и выразительность повествовательной манеры, выверенность жанровой формы, выразительность композиционных приёмов, яркая образность. Видимо, недаром писатель был разочарован русскоязычным вариантом своего произведения и занялся авторскими переводами.

В авторизованном варианте вышли такие повести «Круглянский мост» (1969), «Сотников» (1970), «Дожить до рассвета» (1973), «Волчья стая» (1974), «Его батальон» (1975), «Пойти и не вернуться» (1978), «Знак беды» (1982), «В тумане» (1987), «Карьер» (1986) и др. Иногда случалось так, что повесть сначала выходила на русском, а потом уже на белорусском языке. Например, повесть «Сотников» впервые вышла из печати в журнале «Новый мир», а через полгода была напечатана в журнале «Полымя». Таким образом, можно сказать, что В. Быков в равной степени владеет мастерством писателя и мастерством переводчика.

Рассмотрим переводческие манеры автора на некоторых примерах. Повесть «Сотников» – одно из самых глубоких и совершенных произведений писателя, которое дорого ему. Возможно, по этой причине в авторизованном переводе, который близок оригиналу, можно отметить тщательный подбор каждого слова.

Для наглядного примера сопоставим отрывки: *«Яны ішлі моўчкі па ранейшых сваіх слядах – цераз прыгуменне, уздоўж плота, выйшлі на касагорыну ля хмызняку. У вёсцы ўсё было ціха, нідзе з вокнаў не выбівалася ні плямкі святла, па-начному сонна шарэлі ў прыцемку заснежаныя стрэхі, сцены, платы, дрэвы ў садках»* [2, с. 35].

«Они шли молча по прежним своим следам – через гумно, вдоль проволочной ограды, вышли на склон с кустарником. В деревне все было тихо, нигде не проглянуло ни пятнышка света из окон; в сумерках по-ночному сонно серели заснеженные крыши, стены, ограды, деревья в садах» [6, с. 338].

Не всегда В. Быков переводил с белорусского на русский столь буквально, да это и невозможно, если пересозданием произведения занимается сам автор, поскольку *«...в переводе изначально, временами совсем неожиданно, проявляются различные стилевые несовершенства оригинала, уточняется психология героев, некоторые мотивировки их поступков»* [4, с. 100]. И действительно, в самых напряженных эпизодах произведения, когда герои переживают сильные душевные муки, писатель в значительной степени изменяет, корректирует текст, совершенствует его художественную сторону. Например: *«У ім усё нервова затрэслася ад гневу, які, аднак, вярнуў рэшыту ягонае сілы, і Сотнікаў неяк узгробся пад сцяной на адну нагу і павярнуўся да таго Стася. Ён, можа, толькі цяпер адчуў, якая яна, гэта Дзёмчыха, і міжвольна памкнуўся абараніць яе»* [2, с. 76].

«Взрыв гнева, однако, вернул часть его сил. Сотников как-то вскарабкался под стеной и, весь трясясь, повернулся к Стасю. В этот момент он не подумал даже, что его крик может оказаться последним, что полиция может пристрелить его. Он не мог не вступить за эту несчастную Демчиху, перед которой оказался безмерно виноват сам» [6, с. 381].

В авторизованном переводе текст значительно расширяется за счёт мотивировки поступка Сотникова. Писатель раскрывает его мысли и тем самым усиливает психологизм. Кульминационный момент – сцена казни Сотникова – пересоздан В. Быковым очень основательно и скрупулезно:

«Падстаўка яго кіўнулася ў раптам аслабленых руках Рыбака, які нязграбна курчыўся ўнізе, баючыся і, мабыць, не могучы наважыцца на апошнюю і самую страшную цяпер справу. Недзе заду мацюкнуўся Будзіла, і Сотнікаў, каб апярэдзіць непазбежнае, здаровай нагой штурхануў ад сябе цурбан» [2, с. 140].

«Подставка его опять пошатнулась в неожиданно ослабевших руках Рыбака, который неловко скорчился внизу, боясь и, наверное, не решаясь на последнее и самое страшное теперь для него дело. Но вот сзади матерно выругался Будила, и Сотников, вдруг потеряв опору, задохнувшись, тяжело провалился в черную, удушливую бездну» [6, с. 447].

Смерть Сотникова – «агитационная». Своим мужеством он стремится поддержать людей, согнанных к месту казни. Кроме того – и это самое важное, – опередив Рыбака, он сам выталкивает из-под своих ног чурбан и таким образом даёт Рыбаку возможность не превратиться окончательно в чудовище, остаться человеком, выбраться из жуткой трясины предательства или хотя бы остановиться. Эта сцена очень важна для понимания характера Сотникова.

В авторском переводе кардинально меняется психологический рисунок. Сотников не отталкивает от себя подставку, а просто теряет опору, это значит, позволяет Рыбаку осуществить казнь, не даёт ему возможности «реабилитироваться». Несколько строк изменяют идейную направленность повести и её первоначальный замысел, что позволяет говорить о новой редакции произведения. Повесть «Сотников», пожалуй, единственное произведение, в котором автор сделал достаточно важные смысловые и идейные правки.

Другие его переводы также оригинальны. При внимательном исследовании выявляется богатство мыслей и чувств Петрока и Степаниды, очевидное и в авторском переводе «Знака беды». Вот пример:

«Было ёй да гаркоты крыўдна ў душы і боязна, і чула яна: магчымасці яе людскага жыцця ўсё вузели – змяніліся. З кожным днём на свеце ўсё горшала, вайна ўчэпістай лапаю падбіралася ўсё бліжэй, а цяпер ды і зусім улезла ў хату на самы покуць, пад абразы. І што было рабіць апроч як бедаваць, лямантаваць, плакаць? Але слязьмі ды крывёю і так набрыняла зямля, што з таго шкоды вайне? Тады што ж – трываць усё моўчкі, чакаць лепшай часіны? Чула яна сваім сэрцам: за меншай бядой заўсёды дбае большая, тады заякочаеш, але хто табе паможжа?» [3, с. 47].

«На душы было тревожно и горестно, чувствовала она: возможности человеческой жизни сходили на нет. Война хватистой лапой подбиралась под иконы, в застолье. Но слезами и кровью и без того переполнилась нынче земля. Тогда что ж остается – терпеть всё и ждать лучших времен? Вряд ли дождёшься. Чувствовала она своим сердцем: за малой бедой последует беда большая, вот тогда зареветь и никто тебе не поможет» [7, с. 48].

Из этих отрывков видно, что авторский перевод очень близок оригиналу и хорошо передает душевные переживания героини. Каждая линия, каждый штрих ложатся на задуманный писателем эпизод внутреннего состояния Степаниды. Этот совершенный рисунок ничего не утратил и при авторском переводе, в котором талантливому прозаику удалось сохранить свой стиль.

Следует отметить, что при авторском переводе возникает ряд проблем: близость белорусского и русского языков порождает явление двуязычной полисемии и синонимии. Кроме того, билингвизм писателя и окружения, в котором он живет, иногда приводит к смешению элементов родного языка и языка перевода. Например, в авторском переводе повести «Знак беды» В. Быков использует транскрипцию отдельных белорусских слов вместо их перевода на русский язык: *сцезжка – стежка, спаліць – спалить, сваячок – своечок* и т. п. Иногда писатель использует кальки: *вяскоўцы – деревенцы, местачкоўцы – местечковцы, свінчо – свинёнок*. Есть в повести случай транскрибирования белорусскоязычного выражения, которое абсолютно искусственно и стилистически неправильно звучит по-русски: *«зіма паварочвала на вясну»* [3, с. 132], *«зима поворачивала на весну»* [7, с. 131].

В. А. Мясникова выделяет четыре типологических группы писателей по способу проявления билингвизма в творчестве: «Даследчыкі вызначылі некалькі тыпалагічных груп білінгвізму: 1. Творчасць на беларускай мове і аўтарскі / пераклад на рускую мову і наадварот; 2. Паралельная творчасць на рускай і беларускай мовах; 3. Часовы ці пастаянны пераход з двухмоў'я на аднамоў'е; 4. Творчасць толькі на рускай мове, пры якой пісьменнік адносіцца да беларускай літаратуры» [8, с. 59].

В. Быков относится к той типологической группе двуязычных писателей, которые, создавая то или иное произведение, публикуют его в авторском переводе на русский язык, что позволяет отнести автора к первой группе.

Помимо жизненных реалий, которые отражаются писателем, законов художественного творчества, наблюдается использование средств другого языка или диалекта, снижающее идейную и эстетическую ценность произведения. В этом случае мы можем говорить об интерференции в художественном тексте. Применительно к русско-белорусскому художественно-литературному двуязычию интерференция может быть охарактеризована как функционально не обусловленное употребление элементов русского языка в белорусских текстах в результате контакта языков. Она определяется как языковой компетенцией автора, так и его пониманием речевой культуры, отношением к кодификации языка, к взаимосвязям национального и русского языков и т. д.

Интерференция в повести В. Быкова «Обелиск» проявляется на различных уровнях: фонетическом (*рабяты, патрэбавалі*) – твёрдое произнесение сонорного [р]; (*пачотна, бясчысленыя*) – твёрдое произнесение [ч]; грамматическом (*проці жанчын*); графическом и орфографическом (*астаноўка, трудна, харошая, абшчэственнік*). Однако факты интерференции не всегда можно относить к языковым ошибкам: это особенно характерно для взаимодействия языков на лексическом уровне.

Повесть «Обелиск» построена в основном на монологах и диалогах героев. Контактируя между собой, эти люди, конечно же, не могут не использовать в своём языке слова и обороты, характерные для местности, в которой они родились и выросли.

Такие случаи употребления русизмов не являются фактами интерференции относительно языка автора, поскольку писатель создает речевую характеристику персонажей, в которой стремится отразить свои наблюдения над речью реальных носителей белорусско-русского двуязычия. Будучи включенными в текст, русизмы индивидуализируют речевые характеристики быковских героев.

Выводы

Перечисленные недостатки авторских переводов произведений В. Быкова не портят общего впечатления от переведенных текстов. Они остаются философски глубокими, отличаются выразительностью композиционного построения, строгостью и уверенностью жанровой формы, ёмкостью и совершенством каждой детали.

В целом авторские переводы достаточно органичны. Использование русизмов в произведениях В. Быкова обусловлено различными причинами: создание дополнительной смысловой, эмоциональной, экспрессивной, речевой и других характеристик образов; выявление специфического колорита – национального, бытового и др. Нередко русизмы выполняют несколько функций одновременно.

Літаратура

1. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 1: Аповесці. Апавяданне. – 479 с.
2. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 2: Аповесці. – 463 с.
3. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – Т. 4: Аповесці. – 410 с.
4. Быкаў, В. Праўдай адзінай: літаратурная крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 262 с.
5. Быков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 1: Повести. – 414 с.
6. Быков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 2: Повести. – 495 с.
7. Быков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 4: Повести. – 448 с.
8. Мяснікова, В. А. Білінгвізм: практыка вырашэння ў мастацкім творы / А. В. Мяснікова // Весн. Бел. дзярж. ун-та : Сер. Філалогія. – 1995. – № 1. – С. 59–61.

References

1. Bykov, V. (1992) *Collection of works: in 6 volumes (1 t)*. [Apovestsi. Apavadanne]. – Minsk : Mastatskaya Literatura. (In Bel).
2. Bykov, V. (1992) *Collection of works: in 6 volumes (2 t)*. [Stories]. – Minsk : Mastatskaya Literatura (In Bel).
3. Bykov, V. (1994) *Collection of works: in 6 volumes (4 t)*. [Stories]. – Minsk : Mastatskaya Literatura (In Bel).
4. Bykov, V. (1984) *The only truth: literary criticism, journalism, interviews*. – Minsk : Fiction (In Bel).
5. Bykov, V. (1985) *The Collection of Essays: in 4 volumes (1 t)*. [Stories]. – Moscow : Young Guard (In Russ).
6. Bykov, V. (1985) *The Collection of Essays: in 4 volumes (2 t)*. [Stories]. – Moscow : Young Guard (In Russ).
7. Bykov, V. (1985) *The Collection of Essays: in 4 volumes (4 t)*. [Stories]. – Moscow : Young Guard (In Russ).
8. Myasnikova, V. A. (1995) *Bilingualism: the practice of solving in a work of art*. Bulletin of the BSU. Ser. Philology (In Bel).

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА И И. С. ШМЕЛЕВА (ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

В.А. Редькин,

доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества Тверского государственного университета,
г. Тверь, Россия

E-mail: fojdid-red@rambler.ru

В статье рассматривается проблема преемственных связей между А. П. Чеховым и И. С. Шмелевым. Избран такой аспект анализа, как поэтика христианского календаря, которую разрабатывали по-своему оба писателя. Ведется полемика с теми литературоведами, которые видели в Чехове только атеиста, позитивиста, рационалиста, противопоставляли его наследие традициям русской религиозно-философской мысли и литературы и представителям «духовного реализма», в частности И. С. Шмелеву, утверждали безрелигиозный характер чеховского творчества. Делается вывод о том, что два литературных феномена – у Чехова система рассказов, у Шмелева «роман воспитания» – построены на основе православной календарной структуры. Писателей объединяет общность мировоззрения, хотя и выражено оно по-разному. Подтверждается преемственность И. С. Шмелева по отношению к А. П. Чехову.

Ключевые слова: А. П. Чехов, И. С. Шмелев, православный календарь, духовный реализм, жанр, рассказ, роман, интертекстуальность, хронотоп, традиции.

THE ORTHODOX CALENDAR IN THE PROSE OF A. P. CHEKHOV AND I. S. SHMELEV (THE PROBLEM OF CONTINUITY)

V.A. Redkin,

Doctor of Philology,

Professor of the Department of Philological Foundations of Publishing and Literary Creativity,
Tver State University, Tver, Russia

E-mail: fojdid-red@rambler.ru

The article deals with the problem of succession relations between A. P. Chekhov and I. S. Shmelev. We have chosen such an aspect of analysis as the poetics of the Christian calendar, which was developed in their own way by both writers. There is a polemic with those literary critics who saw Chekhov only as an atheist, positivist, rationalist, opposed his legacy to the traditions of Russian religious and philosophical thought and literature and representatives of "spiritual realism", in particular I. S. Shmelev, argued the irreligious nature of Chekhov's work. It is concluded that two literary phenomena – Chekhov's system of short stories, Shmelev's "novel of education" – are built on the basis of the Orthodox calendar structure. Writers are united by a common worldview, although it is expressed in different ways. The continuity of I. S. Shmelev in relation to A.P. Chekhov is confirmed.

Key words: A. P. Chekhov, I. S. Shmelev, Orthodox calendar, spiritual realism, genre, short story, novel, intertextuality, chronotope, traditions.

Введение

Многие как советские, так и постсоветские критики и литературоведы предпочитали видеть в А. П. Чехове атеиста, позитивиста, рационалиста, настойчиво противопоставляя чеховское творчество традициям русской религиозно-философской мысли и литературы, отказывая Чехову в религиозном чувстве. И до сих пор эта тенденция остается непреодоленной. Тем не менее появляются исследования, в которых путем анализа поэтики, архитектоники художественного мира Чехова ученые приходят к интересным и плодотворным выводам относительно связей писателя с традиционной русской культурой, духовным наследием православия. В частности, представляются значимыми литературоведческие работы, посвященные отражению христианского календаря в творчестве Чехова [3]. Особенности и приемы «включения церковного календаря в структуру замысла произведений» [3, с. 13] у Чехова таковы, что, по мнению С. Ю. Николаевой, Чехов в этом отношении становится предшественником, учителем

И. С. Шмелева, который «описал православный календарь этнографически точно и сделал его жанровым стержнем своего «романа воспитания» – «Лета Господня»» [3, с. 14]. Чехов использовал «малые формы» (юмореску, сценку, рассказ), причем каждое произведение отображало какую-то одну ветвь православного календаря, но благодаря «эффекту множества», «эффекту системы» [3, с. 14] у него возникала целостная «этическая модель времени» [3, с. 14], концепция человеческой жизни.

Цели и задачи

Итак, у Чехова система рассказов, у Шмелева «роман воспитания», и оба феномена построены на основе православной календарной структуры. Перспективным представляется последовательный анализ отдельных произведений Чехова в сопоставлении с соответствующими главами романа Шмелева. В данном случае обратимся к рассмотрению изображения Рождества у двух писателей.

Методы и материал исследования

Праздник Рождества Христова приобретает особое значение в рассказе А. П. Чехова «Бабы царство» (1894). Ранее при обращении к этому произведению прежде всего акцент ставился на социальных проблемах, на изображении рабочих как «мира придавленной силы». На первый взгляд, здесь писатель действительно создает бытовую зарисовку из жизни молодой, красивой и богатой женщины – хозяйки завода с её проблемой замужества, которая распространяется на все «бабы царство». Вышедшая из народа, но уже оторвавшаяся от него, Анна Акимовна не может преодолеть сословные предрассудки и обрести счастье с рабочим Пименовым.

Но Чехов поднимает в этом произведении не только социальные и нравственные вопросы, но и духовно-религиозные. Вряд ли можно согласиться с В. Б. Катаевым, когда он пишет «о трагическом, но вместе с тем мужественно-спокойном переживании отсутствия веры» А. П. Чеховым [2, с. 161]. Рассуждения о любви писателя к Дарвину, о его профессии врача, которая якобы требует материалистического взгляда на природу вещей, оказываются полностью несостоятельными и никакого отношения к онтологическим проблемам творчества Чехова не имеют. Несомненно, правы те ученые, которые считают, что «миропонимание Чехова, писателя и человека, лишено какой-либо показной набожности и религиозной риторики, но остается, тем не менее, по внутреннему существу своему глубоко христианским, бережно и тайно сохраняет духовное и душевное родство с истинным православием, с его милосердием, кротостью, стойкостью» [1, с. 176].

Праздник Рождества Христова в рассказе «Бабы царство» организует художественный хронотоп. С этим связано даже структурирование произведения по времени и деление на части: «Накануне», «Утро», «Обед», «Вечер». По сути, автор не просто указывает на время суток, а отмечает этапы праздника. Как это ни удивительно, А. Чехов действительно в чем-то предвосхитил И. Шмелева, у которого, как известно, в «Лете Господнем» религиозные праздники становятся основой круговорота годового цикла и играют особую роль в нравственно-религиозном формировании личности автобиографического героя Вани. У Чехова то же значение приобретает суточный цикл.

Результаты и их обсуждение

Типологические и генетические связи И. Шмелева и А. Чехова обнаруживаются в описании праздничной атмосферы Рождества, в деталях быта среднего русского предпринимателя, характерах и судьбах эпизодических персонажей. При этом возникает ощущение непосредственного влияния А. П. Чехова на И. С. Шмелева. Сходство в описании быта семьи предпринимателя можно считать типологическим, так как в его основе та же социальная среда, близкое историческое время, то же национальное пространство. Хотя следует признать, что некоторые совпадения настолько поразительны, что можно говорить об интертекстуальности романа И. Шмелева.

Дом делится одинаково на благородную половину – верхний этаж и нижний, где принимают людей попроще. И в том и в другом произведении описывается благотворительность господ, детально, с совпадением названий блюд, рассказывается о праздничном застолье нижней и верхней части дома, живописуется, как слуги в праздник играют в карты «в короли». Можно найти много общего в описании Рождественского праздника, при этом и чеховской Анне Акимовне, и Шмелевскому Ване больше нравится праздник в нижней части дома, где проще и веселее. «Куда ни взглянешь – киоты, образа, лампы, портреты духовных особ, пахнет монахами, в кухне стучат ножами, и уже понесся по всем комнатам запах чего-то скоромного, очень вкусного. Желтые крашенные полы сияют, и от дверей к передним углам идут дорожками узкие ковры с ярко-синими полосками, а солнце так и режет в окна» [7, с. 329], – это восприятие народной праздничности Анной Акимовной. Те же бытовые детали и ощущения запоминаются Ване: «Я украдкой сбегая в кухню. Широкая печь пылает. Какие запахи! Пахнет мясными пирогами, жирными щами со свининой, гусем и поросенком с кашей... – после поста так сладко. Это густые запахи Рождества домашние. Священные – в церкви были. В льдинках искристых окон плющится колко солнце. И все-то праздничное, на кухне даже: на полу новые рогожки, добела выскоблены лавки, блещет сосновый стол, выбелен потолок и стены, у порога вороха соломы – не дуло чтобы. Жарко, светло и сытно» [8, с. 133]. Все кажется Ване святым.

И в том и в другом произведении «птицы небесные», убогие и богомольные, получают «на праздник». Анна Акимовна «совала кому рубль, кому три или пять, смотря по человеку». У Шмелева раздача «праздничных» описывается как своеобразный традиционный ритуал. Бедных и нищих, «потерявших себя» людей кормят, сочувствуют им. «Все больше и больше их. Разные старички-старушки – подходят и подходят». У Шмелева кухарка Марьюшка жалостливо смотрит на бедного мальчишку в пальтишке с якорьками и дает ему куриную лапку. У Чехова у Анны Акимовны сжимается сердце при виде тощенькой девочки из приюта, косенькой. Совпадают приемы описания сырых, убогих и несчастных людей. Чехов описывает, как «в столовой сидят какие-то чужие старушки; в комнате Варварушки тоже старушки и с ними глухонемая девица, которая все стыдится чего-то и все говорит: «блы, блы» [7, с. 329]. У Шмелева похожий на монаха Леня говорит загадками и восклицает: «Взы!» [8, с. 135]. И тот и другой писатель передает с помощью уменьшительных суффиксов умиление перед святостью праздника. У Чехова: старушки, Варварушка, кухарка Агафьюшка, тетушка, водочка. У Шмелева: старичок, сапожки, платочек, борода, кулечек, серенькая шапочка, пирожок, Марьюшка, Антипушка, Настюша, пальтецо, Пашенька-преблаженная. Совпадает сама перечислительная интонация. У Чехова более сжатая: «В комнату вошел из кухни повар Степан, в белом колпаке и с ножом в руке, и поздравил; пришли дворники в валенках и тоже поздравили. Выглянул Водовоз с сосульками на бороде, но не посмел войти» [7, с. 329]. У Шмелева – развернутая: «А вот и Пискун, на лавке, у лохани... Рядом с ним сидит плотник Семен, безрукий... Дальше – бледная женщина с узелком...» [8, с. 134]. Чеховская кухарка Агафьюшка «полная, белая, сытая». Стилистически это не отличается от характеристики эпизодических персонажей у Шмелева. И ведут себя гости из народа одинаково. «Варварушка, худая, тонкая, высокая, выше всех в доме, одетая во все черное, пахнущая кипарисом и кофеем, в каждой комнате крестилась на образа и кланялась в пояс, и при взгляде на неё почему-то каждый раз приходило на память, что она приготовила себе к смертному часу саван...» [7, с. 329]. Такой же рисуется у Шмелева Пашенька-преблаженная, «вся в черном, худенькая и юркая» [8, с. 142]. Леня у Шмелева, входя на кухню «закрещивает все углы и для чего-то дует – «выдувает нечистого», поет «Рождество Твое, Христе Боже наш». И садится под образа. А богомолка Паша

у Чехова, прозванная Жужелицей, «маленькая худенькая женщина, лет пятидесяти, в черном платье и белом платочке, остроглазая, остроносая, с острым подбородком», войдя в столовую, «ни на кого не глядя, направляется к образам», поет «Рождество твое», «Дева днесь» и «Христос рождается», а «накушавшись», молится Богу [7, с. 349]. Оба писателя обращают особое внимание на глаза народных молитвенников и прорицателей. Глаза у Паши «хитрые, ехидные, и глядела она с таким выражением, как будто всех насквозь видела», а у Лени глаза «рыжие, огнистые», он «закатывает глаза, что только одни белки». От его взгляда и слов становится жутко.

Служащие и старшие рабочие у Чехова рисуются «благообразными, в новых черных сюртуках», «брюки навывпуск». Так же, с теми же деталями одежды и портрета, рисует добросовестных рабочих, настоящих мастеров своего дела, Шмелев. И тот и другой употребляет в их отношении слова: «молодцы», «голубчики»: «Двое молодых вносят громадный самовар и ставят на лежанку». [8, с. 144]; «Все это были молодцы, точно на подбор, каждый знал себе цену» [7, с. 331]. Тетушка Анны Акимовны называет старших рабочих голубчиками. Это слово не раз встречается в «Лете Господнем» в отношении рабочих, подлинных профессионалов.

Критика отмечала необыкновенное разнообразие и подробное описание Шмелевым праздничных блюд и яств. Но ранее на это обращал внимание и Чехов. «Закуска была роскошная. Были, между прочим, свежие белые грибы в сметане и соус провансаль из жареных устриц и раковых шеек, сильно сдобренный горькими пикулями. Самый обед состоял из праздничных, изысканных блюд, и вина были прекрасные» [7, с. 339]. Среди угощений солонина, окорок и разные соленые закуски, индейка, моченые яблоки и крыжовник, мятные пряники, орехи, изюм, сладкий сдобный пирог и т. д. Тех, кто не ест мяса, потчуют семгой и икрой

Писатели подчеркивают общность настроения, когда все присутствующие чувствуют одно и то же. Так, Анну Акимовну ласково упрекают, «что она, образованная, Бога забыла, проспала обедню и не приходила вниз разговляться», «все всплескивали руками и искренне говорили, что она красивая, необыкновенная, и она верила этому» [7, с. 329]. И у Шмелева постоянно подчеркивается соборное единство чувств: «его все слушают», «и все довольны», «и мне, и всем делается страшно», «все на него смеются», «всем очень нравится...» [8, с. 134–137]. В рассказе Чехова дважды повторяется, что Анне Акимовне становится жутко. Ужас, треп, испуг от чего-то непонятного, непознаваемого возникает на подсознательном уровне. Это чувство не раз испытывает и маленький Ваня у Шмелева. Обслуга, сырые и убогие люди, пришедшие за подаваемым, говорят о хозяевах, отце Вани и Анне Акимовне, любовно и возвышенно: «Матушка наша, красавица, картина писаная! – начала слашаво причитывать Агафьюшка. – Алмаз наш драгоценный!..» [7, с. 347]. А разорившийся барин Энтальцев читает хозяину «торжественный стих на Рождество»: «С Рождеством вас поздравляю / И счастливым быть желаю, / Не придумаю, не знаю – / Чем вас подарить?.. / Нет подарка дорогого, / Нет алмаза золотого, / Подарю я вам... два слова: / Ни-когда! / На-всегда!» [8, с. 144].

И в том и в другом произведении рисуется образ горничной Маши и рассказывается о проблемах её замужества. Совпадение имен и ситуаций конечно не случайно. У А. П. Чехова рыжая горничная влюблена в лакея Мишеньку, а он не берет её в жены. И. С. Шмелев подчеркивает, что у Маши «женихи только в голове», но напротив, она отказывается от жизни со слугой и предпочитает Дениса, бывшего солдата, человека труда. Чехов разоблачает фальшь и лакейскую суть Мишеньки и ограниченность, недалекость Маши, а Шмелев полемически показывает возможность выхода из ситуации к истинной жизни на основе христианских идеалов и Божьего промысла. Чехов

показывает, что происходит с героями, когда они лишены истинной веры, Шмелев рисует судьбу людей, обретших веру. Чехов как бы ставит жизненную проблему, а Шмелев её решает в духе народно-христианских представлений.

Сближает писателей система нравственных ценностей, основанная на традиционных принципах православия. Советь и вызванный ею стыд одна из высших нравственных категорий писателей. Ване у Шмелева стыдно, что огородника, пришедшего поздравить больного отца, не угостили, решив, что тот явился только потому, что боится потерять землю, которую ему отдают в аренду. Ребенку «ужасно стыдно» от любой несправедливости, от любого лживого слова, которые произносят окружающие. «От страха и стыда я зажмурился и стал кричать...», – передает Шмелев состояние детского отчаяния, когда Горкин упрекает Ваню, что он возводит «хулу на Господа» [8, с. 410].

Блиские чувства испытывает у А. Чехова Анна Акимовна. И её мучает совесть. О чувстве стыда и неловкости говорится на протяжении всего повествования. Героиня Чехова «всегда боялась, чтобы не подумали про неё, что она гордая, выскочка или ворона в павлиньих перьях». «Она глядела, слушала, не понимала, благосклонно улыбалась, и ей было стыдно» [7, с. 318]. Героине Чехова «жутко и как будто совестно», когда в суде выигрывается дело в её пользу. Она понимает, что отдавать полторы тысячи какому-то Чаликову, «это обманывать свою совесть». Чехов рисует неискренность и лживость встречи Чаликовым благодетельницы, когда он называет её святой, ангелом и требует, чтобы дети встали перед ней на колени: «Провидение услышало нас! Пришла наша избавительница, наш ангел!» Анна Акимовна видит, что он играет, переигрывает, «ломается». И опять ей становится досадно и совестно, что побеспокоила людей. Она дала Чаликову денег на лекарства, но он начал выпрашивать еще. «Анна Акимовна сконфузилась, покраснела. Ей было стыдно, что люди стоят перед ней, смотрят ей в руки и ждут и, вероятно, в глубине души смеются над ней» [7, с. 324]. Ей стыдно за людей. Анна Акимовна мечтает влюбиться и освободиться от завода, чтобы очистить свою совесть. Чувство совести и неловкости в душе – это порыв изменить жизнь, прорваться к истине, преодолев сатанинскую прелесть.

Во многом перекликаются главки «Обед» у Чехова и «Обед для разных» у Шмелева. У Чехова это обед для людей социально близких, таких как статский советник Крылин и адвокат, присяжный поверенный Лысевич. Здесь все пронизано ложью и лестью при всем изяществе манер и внешнем благородстве. У Шмелева описывается обед людей духовно близких, хотя далеко не идеальных, грешных, а порой и опустившихся. Но высшим наслаждением для них оказываются не вкусные закуски и сладкие вина, а общие для всех чувства печали и радости, которые проявляются в музыке и песне. А результат – объединяющая всех любовь. «Мне так хорошо с ними, необыкновенно, – признается маленький Ваня, – Но почему они плачут, о чем плачут? Хочется и мне плакать. Праздник, а они плачут!» [8, с. 145].

Не только у Шмелева, но и у Чехова появляются колоритные образы служителей церкви.

Здесь и богаделенский батюшка, и батюшка из чернорабочей больницы, и дьякон. Священников из своего прихода принимают в благородной половине дома, то есть наверху. Прием священников-визитеров с поздравлениями подробно описан у Шмелева.

Оба писателя знали, любили и умели сами исполнять церковные песнопения. У Чехова поют певчие, приехавшие поздравить хозяйку, подробно рассказывается об исполнении церковных и народных пронзительных по чувству напевов у Шмелева. И здесь рисуется образ певчего, церковные мелодии исполняют и Пискун, и отец Вани, и все гости.

Оба писателя развивают мотив прощения. У Чехова прощают кучера Пантелея, доброго, но буйного во хмелю, а у Шмелева отец Вани прощает провинившихся работников, всех прощает Леня-монах. «Для христова Праздника – всем прощенье! – благословляет монах всю кухню» [8, с. 136].

И. С. Шмелев дважды описывает празднование Рождества. В первом случае – домашнее, во втором – церковное. Чехов сосредотачивает внимание на домашнем праздновании Рождества. Описание праздника Рождества у Шмелева овеяно ностальгической грустью по прошлому, по детству, по России. Он избирает форму рассказа мальчику, живущему далеко от России, которому сердце должно подсказать то, что он не поймет из повествования. «Рождество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и свежесть... Плывет гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество» [8, с. 132]. Сближает писателей отношение к празднику, ощущение чистоты, радости и небесной возвышенности, которые передаются насыщением дома светом и теплом на фоне крепчающего рождественского мороза. Чеховеды написали не мало о том, что писателя насильно приобщали в детстве к церковной жизни, и что это вызывало у него внутренний протест. Однако в рассказе «Бабье царство» у Чехова явно выражена ностальгия по искреннему религиозному чувству, которого лишился русский интеллигент в результате светского образования задолго до революции, и которое было осознано только в эмиграции. Чехов передал это чувство провидчески. Он подчеркнул морозную чистоту Рождества задолго до Шмелева. Не случайно у него свет от вновь выпавшего снега ассоциативно связывается со светлым праздничным чувством героини: «За ночь навалило много нового снегу, деревья оделись в новое, и воздух был необыкновенно светел, прозрачен и нежен, так что когда Анна Акимовна поглядела в окно, то ей, прежде всего, захотелось вздохнуть глубоко-глубоко. А когда она умывалась, остаток давнего детского чувства – радость, что сегодня Рождество, вдруг шевельнулась в её груди, и после этого стало легче, свободно и чисто на душе, как будто и душа умылась или окунулась в белый снег» [7, с. 327]. Праздник Рождества связан у Чехова, как и у Шмелева, с детством.

Чехов онтологические проблемы вводит ненавязчиво, почти скрыто, в подтексте, а Шмелев, напротив, чуть ли не полемически заостряет на этом внимание. С этим связано и различное решение проблемы взаимоотношений различных социальных слоев общества. И. Шмелеву после кровавых событий революции, доведшей до крайности братоубийственную ненависть, важно было подчеркнуть духовное единство людей, стоящих на разных имущественных ступенях общества, на основе общих православных нравственных ценностей. А. Чехов как наследник критического реализма констатировал, что взаимное непонимание господ и их прислужников, с одной стороны, и рабочих, тружеников, всех неимущих не только существует, но и нарастает И это несмотря на общность веры, национальных корней и даже кровной близости.

Высокомерное отношение к народу в рассказе Чехова проявляется не только у предпринимателей, но и у интеллигенции. Выдача пособий, по словам служащих, – это «кормление зверей». Отец Анны Акимовны сам был рабочим. Детство она провела в рабочей среде и порой ей хочется «простоты, грубости, тесноты», – подчеркивает автор, – ей «захотелось стирать, гладить, бегать в лавку и кабак», как она это делала в детстве, «ей бы рабочей быть, а не хозяйкой!» [7, с. 319]. Героине её нынешняя жизнь, ложь, лесть, благолепие кажутся чуждыми. Все это наскучило ей. Тем не менее, Анна Акимовна представляет ряд чуждых ей людей низшего сословия со звериными лицами. Отдать бедному человеку полторы тысячи и тем осчастливить его остается только её минутным желанием. Удручающее действие на Анну Акимовну производят письма рабочих, часто анонимные, с жалобами и обвинениями. Они придают рассказу кольцевую

композицию. Но если в начале героиня пытается ответить на них делом, благотворительностью, то в конце они окончательно погасили праздничное рождественское настроение, а христианская помощь бедным ей кажется никчемной и унижительной. Она приходит к выводу, что нельзя ничего давать рабочему даром. Главный корпус завода с его рабочим процессом на неё производит впечатление ада.

Если у Шмелева вера сближает людей, то у Чехова именно отсутствие веры, как среди рабочих, так и в привилегированных слоях общества, их разъединяет. Отец героини «говорил, что рабочему человеку некогда разбираться праздники и ходить в церковь: и если бы не жена, то он, пожалуй, никогда бы не говел и в пост ел бы скоромное» [7, с. 319]. Не приемлет христианскую мораль адвокат Лысевич. Анна Акимовна знает, что Лысевич обманул её и нажился на продаже её леса. В то же время, он говорит о любви и обожании хозяйки. Он блещет остроумием и эрудицией, но, по сути, живет чужим умом. Лысевич выписывает цитаты в записную книжку и пересказывает прочитанные романы. Чехов подчеркивает плотское, бездуховное начало натуры этого персонажа. Лысевич возбуждается от предвкушения сытного и вкусного обеда. А высшее удовольствие получает от рюмки водки и кусочка семги. Это прямое воплощение плотского греховного начала: «Жевал он громко, противно, издавая носом какие-то звуки, и глаза его при этом становились масляными и алчными». «Вам необходимо, вы обязаны быть развратной!» – поучает он Анну Акимовну [7, с. 341], призывает её завести семерых любовников, говорит о сладости первой измены. «Горопитесь жить, – призывает он. – ...Вы должны быть так же смелы, как ваши желания». Такое восприятие жизни противостоит тому духовному богатству, которое несет в себе праздник Рождества Христова.

Эгоцентризм отпавших от веры людей приводит к «диалогу глухих», когда Анна Акимовна и Лысевич, развивая свои мысли, не слышат друг друга, говорят сами с собой, фактически это два параллельно развивающихся монолога. Диалогичность здесь сохраняется не в формальном, структуралистском смысле, а в философском значении этого слова. Истинно верующие герои И. Шмелева слышат и понимают друг друга. Они совместно ищут Божью правду.

У Чехова, в отличие от Шмелева, нет истинной веры и среди простонародья. К той же безнравственности, что и Лысевич, фактически призывает ханжески богомольная Жужелица; «Никакого греха нет! Всё это богомолки выдумали, чтобы простой народ морочить. Я вот тоже везде говорю – грех да грех, а и сама не знаю, почему грех. ...Живи, гуляй до сорока, а потом успеешь отмолить», – поучает она свою госпожу [7, с. 352]. Жужелица выводит Варварушку на чистую воду за то, что та грешила в молодости, а сама уговаривает Анну Акимовну «принять закон», то есть выйти замуж за простого человека только для видимости, а самой гулять с благородными.

Особая роль в рассказе Чехова отводится лакею, его психологии, его суждениям. Мишенька имеет «красивую, несколько даже шулерскую наружность», «тонкие бархатные усики», он ходит «как-то особенно, мягко и нежно ступая», «степенен, рассудителен и набожен, как старик». Но его вера – вера лакея, чисто внешняя. «Молился он богу всегда с земными поклонами и любил кадить у себя в комнате ладаном», но он чужд главной заповеди Христа – любви к ближнему. Богатых и знатных Мишенька уважает, бедняков и просителей «презирает всюю силою своей лакейски-чистоплотной души». Он дорожит своим здоровьем, поддевает фланелевую сорочку, а уши затыкает ватой. Все его поведение лживо и льстиво. У него медовый голос, выражается витиевато и выпендрено, хозяйку поздравляет с «высокоторжественным праздником Рождества Христова». Суть лакейской жизненной позиции Миши выражена в словах: «Порядочные люди, заметьте, всегда богатые» [7, с. 334].

Еще более мерзким, далеким от христианской аксиологии рисуется бедный чиновник Чаликов. От него постоянно пахнет водкой, в его квартире кислый запах. На жену, о которой он якобы заботится, чиновник глядит со злобой. С одной стороны, самоуничижение, нищета, порок, пьянство, а с другой, ему свойствен грех гордыни. Именно поэтому он выражается высокопарно: «Гидры разврата боюсь!», но его риторика вызывает ощущение неискренности и притворства.

У Чехова, а вслед за ним и у Шмелева символом истинной крепкой веры, хранительницей её нравственных основ становится старообрядчество. «Со строгой церковной точки зрения само старообрядчество не есть еще раскол, или ересь, пока не нарушает церковного мира и единения» [5, с. 2113]. Именно таким представляется дядя Анны Акимовны Иван Иванович, от которого ей и досталось богатство. «Он тяготел к старой вере и постоянно принимал у себя старообрядческих архиереев и попов, хотя был крещен и венчан и жену свою похоронил по православному обряду». Дядя «был кремень во всем, что относилось к религии, политике и нравственности, он был крут и неумолим, и наблюдал не только за собой, но за всеми служащими и знакомыми». «Роскошные хоромы, в которых живет теперь Анна Акимовна, он держал запертыми и отпирал их только в большие праздники для важных гостей, а сам жил в конторе, в одной маленькой комнатке, уставленной образами» [7, с. 320]. Брата Акима он не любил за легкомыслие и «равнодушие к вере». Только за три года до смерти он простил и приблизил брата, и велел нанять Анютке гувернантку.

Та же предыстория крепкой веры в семье Вани у Шмелева. Прабабушка Устинья строго следила за соблюдением обычаев и обрядов, многие традиции благотворительности и соблюдения христианского календаря сохранились именно от неё. Семья жила как бы «по старой вере, да не совсем, а по-новоблагославленному, с прабабушки Устиньи. Она из раскола наполовину вышла» [8, с. 333]. При этом если И. Шмелев подчеркивает праведность истинно верующих людей и как правило ничего не пишет об их грехах и это вполне обосновано восприятием окружающей жизни ребенком, то А. Чехов как реалист не шадит в этом смысле никого. Так, дядя Анны Акимовны и Варварушка, по общему мнению, были люди святой жизни, которые Бога боялись, и в то же время «потихоньку детей рожали и отправляли в воспитательный дом».

Чехов подчеркивает богоотступничество героев. Именно богоотступничество, а не богооставленность, как пишут некоторые критики [6, с. 71]. Анна Акимовна Глаголева, девушка, которой пошел двадцать шестой год, мечтает выйти замуж. Это естественное желание сближает её с горничной Машей. Но благородные женихи к ней не сватаются, как лакей Мишенька не хочет жениться на Маше. Тетушка называет это безнравственностью и считает, что современные люди Бога не боятся. Героине хочется замуж до тоски, чтобы рядом был человек, который был бы ближе всего на свете, чтобы он крепко её любил. Анна Акимовна говорит о любви, которую она не представляет без семьи. «Я хочу от любви мира моей душе», – искренне заявляет она. Она готова выйти замуж за простого рабочего человека и надеется, что будет с ним счастлива. Она считает, что если выйдет замуж за Пименова, то «грехи ей простятся, станет на душе легко, радостно, наступит свободная и, быть может, счастливая жизнь» [7, с. 353]. Анна Акимовна думает о том, что отец бы приказал ей выйти замуж за простого человека, вроде Пименова, и завод попал бы в настоящие руки.

Анне Акимовне волей Провидения ставшей хозяйкой-предпринимательницей, владелицей завода свыше дается возможность в этот великий христианский праздник возродиться к истинной жизни, счастью, любви, семье, обрести детей, то есть обрести счастье на земле и вечную жизнь в Небесах. Но героиня не приняла Божий дар. Взаимная

симпатия её и скромного, умного, работающего мастера Пименова могла бы перерасти в любовь и дать героине истинное семейное счастье. Пименов рисуется явно с симпатией. Это «мужчина лет тридцати, среднего роста, черноволосый, плечистый и, по-видимому, очень сильный» [7, с. 324]. Он носит брюки навыпуск, у него «острая, красиво подстриженная борода». Пименов явно неравнодушен к Анне Акимовне. В его комнате она увидела в рамочке портрет отца и свой портрет. «Глядя в глаза Анны Акимовне, он улыбался от удовольствия, и выражение у него было такое, как будто ему снилось что-то очень хорошее». И Анна Акимовна находит все больше привлекательного в нем, видит, что он очарован ею. Она находит, что одет он прилично, у него галстук со вкусом. Во многом у них общий взгляд на жизнь, и они находят взаимопонимание. «Творим мы добрые дела и в праздники, и в будни, а все толку нет», – как бы оправдывается она, а он подтверждает, что деньги, данные ею Чаликову, будут им пропиты, а муж с женой из-за них будут драться. Они находят, что в праздниках много жестокого и неискреннего. Героине хочется пригласить Пименова заходить к ней запросто, но она не в состоянии этого сделать.

Однако с самого начала ощущается отчуждение героини от рабочей среды. Она не только не идеализирует молодого человека, но в чем-то даже принижает его. Так, хозяйским взглядом она замечает, что его брюки не модные, она предполагает, что он «строгий, крикливый и бьет рабочих по зубам». Когда она соглашается, чтобы её сватали за Пименова, ей становится стыдно так, что у неё горят щеки.

С другой стороны, ощущается отчуждение рабочих от госпожи. Если тетушка Татьяна Ивановна сохраняет близость к старшим рабочим и служащим, то Анна Акимовна уже кажется им чужой. Вспоминая Пименова, она готова за него выйти замуж. Но она не способна принять решение.

Это только Лелевичу кажется, «что в ней играет мужицкая, староверческая кровь» [7, с. 342]. Анна Акимовна говорит, что за рабочих должна отвечать перед Богом, но в реальности это оказывается пустыми словами. Когда наступило Рождество, Анна Акимовна так и не поехала в церковь, хотя собиралась к ранней обедне. Больше того, когда она представляет толпу в церкви, ей становится жутко. Героиня поет за столом, не считаясь с тем, что это считается грехом. То, что Анна Акимовна в Рождество не попадает в храм, оказывается не случайным. Ощущение праздника оказывается лишь отголоском детских воспоминаний, скорее игрой, чем онтологической реальностью. У неё возникает чувство одиночества и ощущение, что она никому не нужна и ни кто её не любит. «Анна Акимовна по-прежнему чувствовала себя красивой, доброю и необыкновенною, но уже ей казалось, что это никому не нужно» [7, с. 334]. Система христианских ценностей оказывается вывернутой наизнанку: «Она думала теперь, что если бы можно было только что прожитый длинный день изобразить на картине то все дурное и пошлое, как, например, обед, слова адвоката, игра в короли, были бы правдой, мечты же и разговоры о Пименове выделялись бы из целого, как фальшивое место, как натяжка» [7, с. 355]. «Она поняла ясно, что все, что она думала и говорила о Пименове и о браке с простым рабочим, – вздор, глупость, самодурство». Мечты о Пименове честны и благородны, но ей ближе Лысевич и Крылин, чем все рабочие вместе взятые. Слова Мишеньки, что если Пименова посадить обедать с генералом, то рабочий будет выглядеть нелепым, что он вилки не умеет держать, становятся решающими. Вслед за Мишенькой, Анна Акимовна всех уверяет, что шутила, когда соглашалась выйти замуж за Пименова. Героиня испытывает стыд за свои мысли и поступки, и в то же время отвращение к своему малодушию». Отпадение от Веры, Бога, Церкви – это предательство и самой себя. Шмелев принципиально показывает воцерковленность своих героев, а Чехов, если и не их атеизм, то, по крайней мере, деизм.

Итогом праздничного рождественского дня для Анны Акимовны становится исполнение романсов. При этом смотрит она не на икону, а в темный угол за роялем, и возникает у неё желание поехать и открыть душу не Пименову, а Лысевичу. День начался светом и надеждой, а закончился тьмой, тоской и одиночеством. Вместе с Машей героиня плачет о несбывшемся счастье. «Дуры мы», – такова их самооценка. Вряд ли они это осознают, но Чехов ясно показывает, что отказ от истинных ценностей неизбежно приводит к тому, что они действительно оказываются в дураках. Соответственно разрешается и сюжетная линия, связанная с пожертвованием полутора тысячи рублей. Героиня их не отдает многодетному чиновнику Чаликову, ей кажется, что мысль отдать деньги Пименову «несообразна и оскорбительна» для него. Наконец, она отдает полторы тысячи Лысевичу, хотя и понимает, что тот в них не нуждается и никак их не заработал.

Выводы

Таков результат отступления от веры предков, Бога, традиции у персонажей Чехова. Герои Шмелева, напротив, постигают истинные ценности. Но в целом мировоззренческая основа произведений Чехова и Шмелева сходна, хотя выражена она по-разному. Не случайно И.С. Шмелев, глубоко изучивший творческое наследие А. П. Чехова, назвал своего великого предшественника «целомудренно-религиозным», как бы по-своему предваряя и подтверждая вывод современного литературоведа: «Необходимо целостное рассмотрение чеховского наследия с помощью методологии «духовного реализма» [4, с.60].

Литература

1. Калантаров, Ю. А. Чехов и В. Соловьев: скрытый диалог / Ю. А. Калантаров // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». – М. : Наука, 1996. – С. 170–184.
2. Катаев, В. Б. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники / В. Б. Катаев. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 391 с.
3. Николаева, С. Ю. Календарь как жанрообразующий принцип в произведениях А. П. Чехова и Л. Н. Толстого // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. – 2005, № 3. – С. 13–19.
4. Николаева, С. Ю. О природе чеховской пародии («Роман с контрабасом») // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. – 2021, №1 (68). – С. 51–61.
5. Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. – М. : Концерн «Возрождение», 1992. – Т. 2. Стб. – С. 1131–2464, [4].
6. Попова, И. М. Проблема «богооставленности» в творчестве А. П. Чехова и Е. И. Замятина / И. М. Попова // Творчество А. П. Чехова : межвузовский сб. науч. тр. – Таганрог : ТГПИ, 2004. – С. 65–76.
7. Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Гослитиздат, 1954–1957. – Т. 7. – 517 с.
8. Шмелев, И. С. Лето Господне / И. С. Шмелев. – М. : Худож. лит., 1998. – 480 с.

References

1. Kalantarov, Yu.A. (1996) / Chekhov i V. Solovyev: skrytyy dialog. *Chekhoviana. Chekhov i «serebryanyy vek»* [Chekhov and V. Solovyov: hidden dialogue. *Chekhov's book. Chekhov and the "Silver Age"*. Moscow: Nauka]. 170–184 (In Russ).
2. Katayev, V.B. (2004). *Chekhov plus... Predshestvenniki. sovremenniki. preyemniki.* [Chekhov plus... Predecessors, contemporaries, successors.]. M. : Languages of Slavic culture (In Russ).
3. Nikolayeva, S.Yu. (2005). Kalendar kak zhanroobrazuyushchiy printsip v proizvedeniyakh A.P. Chekhova i L.N. Tolstogo. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya.* [Calendar as a genre-forming principle in the works of A. P. Chekhov and L. N. Tolstoy. *Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*]. 3, 13–19 (In Russ).
4. Nikolayeva, S.Yu. (2021). O prirode chekhovskoy parodii («Roman s kontrabasom»). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya.* [About the nature of Chekhov's parody ("A novel with a double bass"). *Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*]. 1 (68), 51–61 (In Russ).
5. Polnyy pravoslavnyy bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar: v 2 t. (1992). M. : Kontsern "Vozrozhdeniye". [The complete Orthodox Theological encyclopedic dictionary: in 2 volumes (1992). Moscow: Concern "Vozrozhdenie"]. 2, 1131–2464 (In Russ).

6. Popova, I. M. (2004). Problema «bogoostavlenosti» v tvorchestve A.P. Chekhova i E.I. Zamyatina. *Tvorchestvo A.P. Chekhova. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Taganrog: TGPI*. [The problem of "God-abandonment" in the works of A. P. Chekhov and E. I. Zamyatin. *Creativity of A. P. Chekhov. Interuniversity collection of scientific papers. Taganrog: TSPi*]. 65–76 (In Russ).

7. Chekhov, A. P. (1954–1957). *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* M. : Goslitizdat. [Collected works: in 12 volumes. M. : Goslitizdat]. 7, 517 (In Russ).

8. Shmelev, I. S. *Leto Gospodne*. M. : Khudozh. lit.. 1998. 480 s. (In Russ).

УДК 81'367.322

**СПЕЦИФИКА СОБСТВЕННО РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ:
СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ
(на материале текстов художественных произведений И. С. Тургенева)**

О.В. Сергушкова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

В исследовании приводится коммуникативно-семантическая классификация вопросительных риторических высказываний. Рассмотрена специфика собственно риторических вопросов как разновидности указанных синтаксических единиц. Отмечены выражаемые этими конструкциями эмоционально-когнитивные реакции субъектов повествования, показаны особенности пунктуации и контекстуальная природа семантики данных построений как коммуникативного явления. Доказывается, что собственно риторические вопросы выполняют разнообразные характерологические функции и играют важнейшую роль в структурировании эмотивности и экспрессивности текстов художественных произведений И. С. Тургенева.

Ключевые слова: вопросительное высказывание, эмоциональная реакция, семантика, структура, функция, контекст.

**SPECIFICITY OF THE ACTUAL RHETORICAL QUESTIONS: SEMANTICS, STRUCTURE,
FUNCTIONS (BASED ON THE TEXTS OF WORKS OF FICTION BY I. S. TURGENEV)**

O.V. Sergushkova,

associate Professor, Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

The study provides a communicative-semantic classification of interrogative rhetorical statements. The specificity of the actual rhetorical questions as a variety of the specified syntactic units is considered. The emotional and cognitive reactions of narration subjects expressed by these constructions are noted, the features of punctuation and the contextual nature of the semantics of these constructions as a communicative phenomenon are shown. It is proved that the actual rhetorical questions perform various characterological functions and play an important role in structuring the emotiveness and expressiveness of the texts of the works of I. S. Turgenev.

Key words: interrogative statement, emotional reaction, semantics, structure, function, context.

Введение

У талантливых мастеров слова, которые стремятся максимально приблизиться к самой жизни, её правде, отражаются сложные, нерасторжимые переплетения эмоционально-когнитивных реакций субъектов повествования. К таким писателям, несомненно, относится И. С. Тургенев, основополагающие черты идиостиля,

которого мотивированы стремлением к реальности совершающегося в его вымышленных, но возможных мирах. Константными для экспрессивного синтаксиса писателя являются разные типы риторических вопросительных высказываний.

В статье рассматриваются собственно риторические вопросы с точки зрения их структуры, семантики и участия в выражении авторского замысла. Отмечаются разнообразные характерологические функции указанных конструкций как важнейшего средства формирования категорий эмотивности и экспрессивности художественного текста.

Цель исследования – доказать, что собственно риторические вопросы акцентируют те или иные смысловые составляющие текстов художественных произведений И. С. Тургенева, участвуют в структурировании их эмотивности и экспрессивности. Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи:

1) определить структурно-семантическую специфику собственно риторических вопросов (РВ);

2) выявить участие данных конструкций в семантическом обогащении текстов.

Методы и материал исследования

Для достижения поставленной цели и решения конкретных задач применялись описательный и таксономический методы, метод количественных подсчетов и методика свободной ассоциации. На материале текстов художественных произведений И. С. Тургенева в работе описывается специфика собственно риторических вопросов, являющихся разновидностями вопросительных риторических высказываний.

Результаты и их обсуждение

1. Наше понимание языковой природы вопросительных риторических высказываний изложено в [1] и отражено в таблице 1, в которую включена такая фигура, как гипофора.

Таблица 1. – Признаки и типы вопросительных риторических высказываний

Вопросительные риторические высказывания		
не предполагают ответа, структурируются по определённым моделям, представлены тремя типами, имеющими коммуникативно-семантические дифференциальные признаки		
1) собственно риторические вопросы а) адресованы конкретным собеседникам	2) делиберативные вопросы а) адресованы самому себе	3) медитативные вопросы а) адресованы неопределённому лицу
выражают:		
б) эмоциональное утверждение или отрицание	б) эмоциональные размышления	
включают синкретичные конструкции, к которым относятся: а) делиберативно-риторические вопросы; б) медитативно-риторические вопросы; в) делиберативно-медитативные вопросы; г) гипофора		

2. Анализ более 300 вопросительных риторических высказываний показал, что из них наиболее частотными по употреблению являются собственно риторические вопросы (СРВ). Их структурно-семантическая специфика заключается в следующем:

1) По наличию в семантической структуре утверждения или отрицания СРВ делятся на две группы. В первой группе высказывания хотя и включают в свой состав отрицательные слова, (такие же, как в общеотрицательных повествовательных

предложениях), но выражают позитивные суждения. Это доказывают предпринятые трансформации исходных высказываний: (1) *Мне вдруг стало жутко, как преступнику.* (1а) *Да разве я не был преступником в это мгновение?* [2, с. 29] ← (1б) **Я был преступником в это мгновение** ← (1в) **Я не был преступником в это мгновение**, где СРВ (1а) содержит позитивное суждение, выражающее самооценку главного героя повести «Фауст», осознавшего, что он, пытаясь навязать Вере Николаевне своё отношение к жизни и восторжествовать над её умершей матерью, Ельцовой, в этой трагической истории сыграл для молодой женщины роковую роль искусителя – Мефистофеля. Такой же по смыслу является грамматическая трансформация данной конструкции – высказывание (1б), полученное в результате «снятия» вопроса и отрицания. А высказывание (1в) при «снятии» вопросительности и сохранении частицы «не» представляет собой общеотрицательное повествовательное предложение.

СРВ во второй группе, не имея в своём составе слов, выражающих отрицание, обозначают несогласие и являются негативными суждениями: (2) (2а) *...если я разбудил эту душу, кто может меня обвинить?* [2, 21] ← (2б) **Никто не может меня обвинить** ← (2в) **Каждый может меня обвинить**, где (2а) – исходное высказывание, СРВ, а (2б) и (2в) – его грамматические модификации, полученные при «снятии» вопросительности: (2б) – тождественное (2а) по смыслу предложение с отрицательной модальностью, показателями которой выступают слова, выражающие негацию; (2в) – предложение с утвердительной модальностью, в котором произведена стилистически необходимая замена местоимения «кто» синонимичным ему местоимением «каждый».

2) СРВ, как правило, являются эмоционально-экспрессивными речевыми актами, так как кроме заключённого в них ответа, содержат большое количество и других значений, которые мотивированы эмоциональным отношением к ситуации, а оно всегда не только каузировано положительной или отрицательной оценкой разной степени проявления, но и каузирует поведение героев: (3) *Вы должны простить, – промолвила она [Лиза. – О. С.] тихо... /// Простить! – подхватил Лаврецкий. < ...> ...кто вам сказал, что она хочет возвратиться ко мне? Помилуйте, она совершенно довольна своим положением...*[2, 180], где, структурируя диалог главных героев романа «Дворянское гнездо», автор показывает, как убеждённость Лизы в том, что Лаврецкому нужно простить изменившую ему жену, выраженная в предложении с модальной семантикой долженствования, вызывает его досаду: ему кажется ошибочным, недостаточно аргументированным суждение девушки. Эти смыслы актуализированы в его ответе – в высказывании, имеющем форму СРВ, который содержит довольно резкое несогласие, отрицание. СРВ могут также обозначать **согласие с ситуацией, бессмысленность её отрицания и борьбы с нею, покорность, смирение**: (4) *Странно, – промолвил он [Нежданов. – О. С.], – ведь мы объяснились друг другу в любви... а ни слова об этом между нами не было. /// К чему? – шепнула Марианна...*[3, с. 338]; **полемически заострённый результат выбора альтернативного варианта ситуации, готовность доказать свою точку зрения**: (5) *Вот вы, господа, собираетесь... быть может на страшную борьбу... Что бы вам, прежде чем броситься в эти бурные волны, окунуться... /// В стоячую воду? – перебил Маркелов. /// А хоть бы и так? Стоячая она, точно; только не гнилая* [3, с. 348]; **раздражение, неудовольствие**: (6) *...что за вопрос: как вы поживаете? Разве вы не видите, что я живу?*[3, с. 285]; **восхищение**: (7) *Ты думаешь, что я увлечён Верой... ты ошибаешься. Конечно, я вижу с ней часто, она мне нравится чрезвычайно... да кому бы она не понравилась?* [2, с. 21].

3) Вопросительные риторические высказывания – коммуникативное явление. Это подтверждается их контекстуально обусловленным смыслом и интонацией, которые мотивированы авторской задачей: (8) *...Ельцова, перед свадьбой своей дочери,*

рассказала ей всю свою жизнь... На Веру особенно подействовало то, что она услышала о дедке, об этом таинственном Ладанове. (8а) **Не от этого ли она верит в привидения?** (8б) **Странно!** (8в) **сама она такая чистая и светлая, а боится всего мрачного, подземного и верит в него...** [2, 25–26], где заключённое в СРВ (8а) утвердительное суждение, эксплицитированное в (8в), и тревожное недоумение как эмоциональная окраска высказываний (8а), (8б) и (8в) мотивированы не только содержанием предыдущих и последующих событий в произведении, но и его интертекстуальными связями, структурирующими дискурс, в который включена эта трагическая повесть уже одним своим названием – «Фауст».

4) Значительную часть СРВ составляют конструкции, включающие постоянные признаки, носителями которых выступают формальные элементы, что делает возможным моделирование риторичности. Назовем два наиболее распространенных типа СРВ, которые часто встречаются у И. С. Тургенева: а) с частицами «разве», «уж», «неужели», «ли» и др., которые названы в [4] партикулярными компонентами: (9) **Перед Карамзиным я склоняюсь!.. Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует?** [3, с. 302]; б) с местоимениями и наречиями «какой», «к чему», «что», «как», «зачем» и др. (10) **«Что-то у них произошло, – рассуждал он сам с собою, – зачем же я буду торчать перед нею после отъезда?»** [2, с. 390].

5) СРВ часто иллюстрируют синкретизм языковых единиц, так как выражают подчеркнутое автором эмоционально-когнитивное восприятие события или объекта, что в письменной речи пунктуационно маркируется двумя знаками в конце высказывания – вопросительным и восклицательным. Такая пунктуация встречается, например, в цепочке делиберативных вопросов, принадлежащих внутренней речи Нежданова. Эти вопросы свидетельствуют о болезненном самолюбии, постоянной рефлексии и повышенной возбудимости героя: (10) **«Что это такое? – думал он – Зачем этот человек словно заискивает во мне? Этот аристократ – и я? Как мы сошлись? И что его привело ко мне?»**[3, с. 292]. Выбор одного из анализируемых знаков, на наш взгляд, всегда мотивирован авторским видением, его сверхзадачей, отраженной в эпифункции произведения. Например: (11) **...где пропадает наш хозяин? – повторил Паклин. – Я замечаю: он [Нежданов. – О. С.] с некоторых пор словно не в духе. Уж не влюблен ли он, боже сохрани!** [3, с. 286], где маркером СРВ выступает вопросительная частица «ли». Однако у данного высказывания показателей риторического восклицания больше: это и восклицательный знак в конце, и употребление двух маркеров экскламации – а) частицы «уж» и б) междометного сочетания «боже сохрани!». Маркер б) обозначает опасение, боязнь за Нежданова – эмоциональные реакции, акцентуация которых без междометного сочетания значительно ослабевает, что показывает трансформация конструкции: **Уж не влюблен ли он, боже сохрани!** ← **Уж не влюблен ли он?** При сохранении же б) считаем неуместной, стилистически не оправданной постановку после него вопросительного знака, который может придать высказыванию гораздо большую эмоционально-когнитивную неопределённость: **«Уж не влюблён ли он, боже сохрани?»**.

Повышенная степень эмоциональной реакции в восприятии событий отражена постановкой нескольких восклицательных знаков, а также сочетания вопросительного и восклицательного знаков в конце собственно риторических и делиберативных вопросов и в следующих микротекстах: (12), (12а) **...Паклин прикусил себе язык. < ... > /// (12б) ...ваше превосходительство, – залепетал было несчастный... я... ничего не знаю... // (12в) Да я вас не спрашиваю, помилуйте ! (12г) Что вы?! (12д) За кого вы меня и себя принимаете?; < ... > (13), (13а) Паклин снова почувствовал себя... пойманным... (13б)**

«*Боже мой!* – внутренне простонал он... – (13в) *Что это я сделал!* (13г) *Я выдал всё и всех...* (13д) *Меня одурачили, меня подкупили хорошей сигарой!!* (13д) *Я доносчик... и как теперь помочь беде!* (13е) *Господи!*» [3, с. 429], где писатель показывает, что Паклин находится в состоянии очень сильного волнения, по интенсивности проявления близкого к аффекту. Для акцентуации такого состояния персонажа И. С. Тургенев не только применяет восклицательный, а не вопросительный знак, но также прибегает к «метаоператорам, служащим признаками метаязыковой рефлексии» [5]. Это выделенные в (12а) устойчивое сочетание «прикусил язык», в (12б) и (13б) глаголы «залепетать», «простонать» – языковые средства, выражающие психологически каузированную «редуцированность» речевой деятельности; множество восклицательных конструкций: в микротексте (12), состоящем из пяти предложений, таких построений два, а в (13) из семи предложений – пять. В их числе (12г), в конце которого показателем равного участия в восприятии окружающего выступают два разных знака, а в (13д) двумя восклицательными знаками маркирована значительно усиленная эмотивность высказывания, высокий уровень которой в микротексте поддерживается эмоционально-экспрессивными риторическими восклицаниями (12в), (12д), (13б), (13д), (13е), имеющими маркеры экскламации: устойчивое сочетание, междометия, а также местоимение и наречие в их не прямой функции.

Показателен пример разной пунктуации при использовании одной и той же единицы в микрокон текстах, в которых риторические вопросы принимают активное участие в выполнении характерологической функции. Например: (13), (13а) *Как!* – снова воскликнул Калломейцев. – *Что я слышу!! О боги! Для того, чтобы учить крестьянских девочек азбуке, – нужна подготовка?* [3, с. 305] и (14) *Калломейцев наморщил нос. /// Да всё это земство! Это земство! К чему оно? Только ослабляет администрацию и возбуждает... лишние мысли Я говорил об этом в Петербурге... mais, bah! /// (14а) Как? И вы, мсье Калломейцев, вы делаете оппозицию правительству?* [3, с. 301], где в (13а) и в (14а) отображается излишняя эмоциональность героя романа «Новь» Калломейцева, уверенного в своей оценке как единственно правильной: недаром в его речи РВ «*Как!*», тождественный по значению отрицательной оценке «нет!», пунктуационно маркирован как риторическое восклицание. А в речи Сипягиной в (14а) это же слово употреблено, на первый взгляд, в роли вопросительного предложения, однако героиня не ждёт ответа: умная Сипягина знает, что Калломейцев ретроград и верный страж самодержавья. В её «*Как?*» выражается показное удивление и скрытая насмешка, ирония. То есть она талантливо играет добропорядочную женщину, но на самом деле холодна и лжива.

Выводы

Таким образом, СРВ, а также гипофора имеют специфические семантико-коммуникативные признаки. В текстах художественных произведений И. С. Тургенева они выражают множество самых разных эмоционально-когнитивных смыслов, мотивированных теми или иными авторскими целями, отличаются высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, выполняют разнообразные коммуникативно-эстетические и структурные функции.

Литература

1. Сергушкова, О. В. К проблеме вопросительных риторических высказываний (на материале текстов художественных произведений И. С. Тургенева) / О. В. Сергушкова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–27 марта 2021 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной; канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. – С. 427–431.

2. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2 т. / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 1. Повести и романы 1856–1862. – 446 с.

3. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2-х т. / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2. Повести и романы 1869–1876. – 448 с.

4. Канафьева, А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / А. В. Канафьева ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 50 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/ritoricheskoe-vyskazyvanie-formy-semantika-funktsii>. – Дата доступа: 26.09.2020.

5. Николина, Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И.С. Тургенева / Н. А. Николина // Язык и стиль И. С. Тургенева : сб. науч. тр. преподавателей и аспирантов кафедры русского языка МПГУ. – М. : Национальный книжный центр, 2019. – С. 19–27.

References

1. Sergushkova, O. V. (2021) K probleme voprositel'nyh ritoricheskikh vyskazyvanij (na materiale tekstov hudozhestvennyh proizvedenij I. S. Turgeneva). Jazykovaja politika i voprosy gumanitarnogo obrazovanija. *Sb. nauch. st. po materialam V Mezhdunar. nauch.- prakt. konf.* [On the problem of interrogative rhetorical statements (based on the texts of works of art by I. S. Turgenev) *Language policy and issues of humanitarian education: collection of articles. scientific. Art. based on the materials of the V Mezhdunar. scientific – practical conf.*]. 427–431 (In Russ).

2. Turgenev, I. S. (1980). *Sochinenija: V 2-t. Volume 1. [Compositions: In 2 volumes]*. Moscow: Fiction. (In Russ).

3. Turgenev, I. S. (1980). *Sochinenija: V 2-t. Volume 2. [Compositions: In 2 volumes]*. Moscow: Fiction (In Russ).

4. Kanaf'eva, A. V. (2011) *Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funktsii. [Rhetorical utterance: forms, semantics, functions]* [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow (In Russ).

5. Nikolina, N. A. (2019) *Metajazykovye kommentarii v proze I. S. Turgeneva. Sb. nauch. tr. преподаvatelej i aspirantov kafedry russkogo jazyka MPGU. [Metalinguage commentaries in I.S. Turgenev's prose. Sat. scientific. tr. teachers and graduate students of the Russian language department of Moscow State Pedagogical University]*. 19–27 (In Russ).

УДК 811.161.1'37'0

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: РЕЧИ vs. ГЛАГОЛАТИ

Н.В. Соловьёва,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: n.solovyova@mail.ru

В статье проанализированы грамматические и дистрибутивные особенности древнерусских глаголов говорения *речи* и *глаголати* в «Повести временных лет». Установлено, что функционирование *речи* и *глаголати* в летописном тексте имеет ряд существенных различий, обусловленных семантическими свойствами рассматриваемых глагольных лексем: для *речи*, представляющего речевое действие как единичное и целостное в последовательности событий, наиболее характерной является форма аориста, в то время как семантика *глаголати* – ‘протяженный во времени процесс говорения’ – предопределяет его употребление преимущественно в формах презенса и имперфекта.

Ключевые слова: *verba dicendi*, древнерусский язык, аорист, имперфект, настоящее время.

VERBS OF UTTERANCE IN THE “PRIMARY CHRONICLE”: РЕЧИ vs. ГЛАГОЛАТИ

N.V. Solovyova,

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodactics,
Belarussian State Pedagogical University named after M. Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: n.solovyova@mail.ru

The author analyzes the grammatical and distributive features of the Old Russian verbs of utterance (*verba dicendi*) *речи* and *глаголати* in the Russian Primary Chronicle. It has been established that the functioning of *речи* and *глаголати* in the annalistic text has a number of differences, due to the semantic properties of the considered verbal lexemes: for *речи*, which represents speech action as a single and integral one in the sequence of events, it is the most characteristic form of the Aorist, while the semantics of *глаголати* – 'the process of speaking extended in time' – predetermines its use mainly in the forms of the Present Tense and the Imperfect.

Key words: *verba dicendi*, Old Russian language, the Aorist, the Imperfect, the Present Tense.

В фокусе истории восточнославянских языков в последнее десятилетие оказывается *Homo loquens*. Данный аспект изучения языковых фактов закономерно предполагает обращение к анализу *verba dicendi*, представленных в древнерусском языке достаточно многочисленной группой глаголов – *речи*, *глаголати*, *мълвити*, *сказати*, *повѣдати* – которые, однако, зачастую оказываются на периферии исследовательского внимания, фигурируя лишь как маркеры чужой речи безотносительно к грамматической форме и семантике. Исключение составляет исследование Е. А. Власовой [2], где, в свою очередь, получило развитие интереснейшее и весьма ценное, на наш взгляд, наблюдение М. Н. Шевелевой [7] о функционально-семантических особенностях глаголов речи в Киевской летописи: «В целом при глаголах речи значительно чаще встречается прямая речь, и основной глагол *речи* (*рече*, *рекоша*, *река* и т. д.), как и книжный *глаголати*, вообще не зафиксированы в конструкциях косвенной речи» [2, с. 149].

Основываясь на данном наблюдении и привлекая к исследованию значительный по объему фактический материал древнерусских летописей, Е. А. Власова постулирует наличие корреляции между прямой и косвенной речью и семантическим типом предиката. Вместе с тем открытым остается вопрос о возможной семантико-грамматической дифференциации древнерусских *verba dicendi*, принадлежащих к одному семантическому типу (как, например, *речи* – *глаголати* – *мълвити*), а также об особенностях их функционирования вне синтаксических конструкций с чужой речью.

Задач данного исследования видится в том, чтобы установить возможные корреляции между семантикой древнерусских вербальных глаголов речи и их грамматическими и дистрибутивными особенностями в летописном нарративе. Прежде всего нас интересуют наиболее частотные в летописном узусе глаголы *речи* и *глаголати*, составляющие ядро рассматриваемой лексической группы. «Повесть временных лет» в качестве источника языкового материала выбрана не случайно: этот древнейший летописный текст чрезвычайно диалогичен и структурно в значительной степени состоит из коммуникативных событий [5], а значит в достаточном объеме содержит интересующие нас глаголы.

Речи и *глаголати* относятся к числу наиболее употребительных лексем в «Повести временных лет»: формы глагола *речи* насчитывают более 500 словоупотреблений, *глаголати* – более 200. Традиционно *речи* и *глаголати* рассматриваются как стилистические синонимы [1]. Однако несмотря на очевидное сходство лексических значений, соотносимость с речевым актом, с ситуацией говорения, *речи* и *глаголати* в тексте летописи обнаруживают ряд функциональных различий, предопределенных, следует думать, семантическими свойствами глагольных лексем. На это, в частности, обращает внимание И. И. Макеева при анализе языковых концептов в истории русского языка: «*Глаголати* соотносился как с конкретным речением, так и с говорением вообще, тогда как *речи* / *реци* был ориентирован преимущественно на конкретное высказывание» [4, с. 65]. Это замечание в полной мере справедливо и для рассматриваемых глаголов в тексте ПВЛ:

Игорь же призва слы Гречьски-а рече имъ глгоше что вы казалъ црь и ргыша сли црви се посла ны црь радъ есть миру [3, л. 14, с. 53].

Глагол *речи* представляет речевое действие как единичное целостное событие, поэтому закономерно, что типичной грамматической формой для *речи* в ПВЛ являются личные формы аориста, включающие речь в событийную цепочку нарратива:

Томъ жьꙋ лѣмъ совокупишиа вса браѣна Сѣполкъ Володимеръ и Дѣдъ и Сѣлегъ Арославъ браѣмъ ею на Золотъчи и прислаша Половци слы ѿ встьꙋ князи ко всеи браѣмъ и просаще мира и рѣша имъ Русскыи князи да аще хотите мира да совокупиша оу Сакова и послаша по Половцѣ и слышася оу Сакова и створиша миръ с Половци [3, л. 92 об, с. 275].

Еще одной характерной сферой функционирования личных форм аориста от *речи* является диалогический контекст, где глагол оформляет прямую речь участников как логически связанную последовательность высказываний:

(князь Печенгъжьскии) ... рече кто се приде и рече ему лодьна оного страны и рече князь Печенгъжьскии а ты князь ли еси онъ же рече азъ есмь мужь его и прешель есмь въ сторожъꙋ [3, л. 20, с. 66].

В отличие от глагола *речи*, формы аориста глаголати в тексте ПВЛ встречаются редко и, как правило, не маркируют прямую речь:

Присла Романъ и Костантинъ и Степанъ слы к Игореву построити мира первого Игорь же глѣ с ними о миръ [3, л. 11, с. 46];

се же послѣже придоша Гръци хулаше вси законы свои же хвалаше и много глѣша сказающе ѿ начала миру о бытѣи всего мира [3, л. 36 об, с. 106].

Речевое действие, выраженное такими формами, – это прежде всего звучащая речь, говорение, реализованное в коммуникативном акте как события более или менее продолжительном, однако ограниченном грамматическим значением аориста.

Семантические различия между одинаковыми финитными формами глаголати и *речи* особенно отчетливо выявляются, когда такие формы встречаются в одном контексте и соотносятся с одним подлежащим:

Придоша Сѣполкъ [и] Володимеръ [и] Дѣдъ Игоревичъ и Василко Ростиславичъ и Давѣдъ Сѣславичъ и братъ его Сѣлегъ и слышася Люблчи на оустроенъе мира и глѣша к собѣ рекуще почти губи Русьскую землю <...> да нонъ ѿселъ имѣша в едино срѣце и блюде Рускыѣ земли кождо да держитъ отчину свою <...> да аще кто ѿселъ на кого буде то на того буде вси и крѣтъ чѣтныи рекоша вси да буде нашъ [хрестъ чѣтныи] и вса земля Русьскага [3, л. 86 об, с. 256–257]. Употребление формы аориста глѣша (3 л. мн. ч.) фокусирует внимание на факте состоявшейся беседы, характеризуя речевое действие как имевший место, но законченный процесс коммуникации или говорения. Прямую речь при этом не вводит – эту функцию выполняет причастие *рекуще*. Форма аориста *рекоша* (3 л. мн. ч.), напротив, маркирует оформленное как прямая речь высказывание, которое подводит определенный итог состоявшейся беседы и таким образом представляет речевое действие как событие результирующего характера.

Употребление в форме аориста глагола глаголати, семантически ориентированного на речь как протяженный во времени процесс говорения, ограничивает его возможность введения прямой речи, поскольку высказывание в этом случае не имеет результирующего характера. Это ограничение преодолевается через употребление инфинитива глаголати с аористными формами фазового глагола *начати*, что создает эффект «свертывания» речевого действия до пределов конкретного этапа и позволяет включить его в нарративную последовательность (в этой связи интересно наблюдение Е. А. Власовой [2, с. 198] о том, что глагол *речи* в древнерусском летописном узусе ни разу не зафиксирован в сочетании с фазовым глаголом). Вместе с тем «начало» хотя и ограниченный, но все же условно выделяемый этап осуществления действия, имплицитно подразумевающий его продолжение (начал говорить и, соответственно, продолжил), и это позволяет ввести в текст ПВЛ

прямую речь, соответствующую семантике *глаголати* – повествование или рассуждение без установки на результативность, не имеющее непосредственного соотношения с основной повествовательной линией летописного нарратива:

и ре^ч ми Василко поспѣди мало и повелѣ слугѣ своему ити вонъ и съде со мною и нача ми глѣти се слышу ѡже ма хоче дати Ляхо^м Двѣ то се мало са насытилъ крове моеа а се хочеть боле насытиса ѡже ма вдасть имъ азъ бо Ляхо^м много зла творитъ и хотѣлъ ю[смь] створити и мстити Русьскѣи земли и аще ма вдасть Ляхо^м не боюса смѣрти но се повѣдаю ти поистинѣ нако на м^а Бѣ наведе за мое възвышенье <...> и се кленуса Бѣмъ и юго пришествие^м нако не помослилъ юсмъ зла бра^ми своєю ни в чемже но за мою възнесенье низложи ма Бѣ и смири [3, л. 89 об, с. 266].

Поскольку речевое действие, оформленное при помощи финитных форм *глаголати*, не включено в нарративную последовательность и, соответственно, оказывается вне линейного времени, закономерно, что характерной грамматической формой для *глаголати* в ПВЛ являются формы презенса в неактуальном значении. Ср.:

Исаа же великии ре^ч тако глѣтъ Гѣ простру руку свою на та истлю та и расту та [3, л. 33 об, с. 98–99].

Слово, исходящее от Бога, имеет вневременной характер, в то время как сказанное человеком является одномоментным речевым событием, вписанным в сетку временных координат, – отсюда и соответствующий способ лексико-грамматического оформления: *рече – глаголеть*.

В ПВЛ отмечается тесное взаимодействие между формами настоящего неактуального и формами имперфекта от *глаголати*, которое формально проявляется как проникновение личных окончаний настоящего времени в словоизменительную парадигму имперфекта:

Съльга часто глѣшетъ (вм. глаголаше) азъ стю мои Бѣ познахъ и радуюса [3, л. 18 об, с. 63].

Причина такого взаимодействия состоит, в том числе, в сходстве грамматического значения двух временных форм с точки зрения их «вневременного» характера, отсутствия соотношенности с событийной последовательностью: «имперфект – это прошлое настоящего» [6, с. 73]. В ПВЛ *глаголати* в формах имперфекта обозначает, как правило, постоянно или часто повторяющееся речевое действие:

многажды бо бѣси пакости дѣаху юму и глѣху нашъ юси [3, л. 66, с. 196–197];

тѣмъ глѣху на перевозѣ на Киевѣ [3, л. 4, с. 10].

Такой характер речевого действия не всегда нуждается в однозначном закреплении за временным планом и, соответственно, в четкой грамматической дифференциации:

то же Исаа глѣтъ (= глаголеть? ‘говорит’ – наст.вр., = глаголаше(тъ)? ‘говорил’ – имперф.) ѡкрыеть Гѣ мышцу свою стую передо всѣми назыки [3, л. 33 об, с. 99].

Таким образом, как показывает анализ функционирования финитных форм *речи* и *глаголати* в тексте ПВЛ, эти глаголы объединяет, по сути, лишь семантическая соотношенность с ситуацией речи. В остальном же в употреблении анализируемых форм *речи* и *глаголати* обнаруживаются существенные различия как грамматические (для *рече* не характерно употребление в форме имперфекта и в сочетании с фазовыми глаголами), так и дистрибутивные (аорист от *глаголати* в отличие от аналогичной формы *речи* не вводит прямую речь).

Литература

1. Батурина, Т. М. Глаголы речевой деятельности в древнерусском житийном тексте: функционально-семантический аспект / Т. М. Батурина // Вестн. ВолГУ. Серия 2 : Языкознание, – 2009. – № 2. – С. 38–42.
2. Власова, Е. А. Состав и распределение опорных предикатов при чужой речи в русской летописной традиции XI–XVI вв. / Е. А. Власова // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 1 (25). – С. 194–222.

3. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 4-е изд. – М. : Языки русской культуры, 1997. – Т. 1. – 496 с.
4. Макеева, И. И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке: сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры. – 2000. – С. 63–155.
5. Савельев, В. С. О способах оформления прямой речи в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет») // В. С. Савельев // Мир русского слова. – 2008. – № 4. – С. 14–21.
6. Тимберлейк, А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи / А. Тимберлейк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 66–86.
7. Шевелева, М. Н. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) / М. Н. Шевелева // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 144–174.

References

1. Baturina, T. M. (2009). Glagoly rechevoj dejatel'nosti v drevnerusskom zhitijnom tekste: funkcional'no-semanticeskij aspekt. *Vestnik VolGU. Serija 2: Jazykoznanie*. [Verbs of speech activity in the Old Russian hagiographic text: functional and semantic aspect. *Bulletin VolGU. Ser.2: Linguistics*.]. – №3, 38–42 (In Russ).
2. Vlasova, E. A. (2013). Sostav i raspredelenie opornyh predikatov pri chuzhoj rechi v russkoj letopisnoj tradicii XI–XVI vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. [Composition and distribution of basic predicates for someone else's speech in the Russian chronicle tradition of the XI–XVI centuries. *Russian language in scientific coverage*]. – № 1 (25), 194–222 (In Russ).
3. *Lavrent'evskaja letopis'. Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Laurentian Chronicle. Complete collection of Russian chronicles] (1997). – Moscow : languages of Russian culture. – Vol. 1.
4. Makeeva I. I. (2000). Jazykovye koncepty v istorii russkogo jazyka [Language concepts in the history of the Russian language]. In: *Language about language: collection of articles*. – Moscow : languages of Russian culture, 63–155 (In Russ).
5. Savel'ev, V. S. (2008). O sposobah oformlenija prjamoj rechi v drevnerusskom tekste (na materiale «Povesti vremennyh let»). *Mir russkogo slova*. [On the ways of formalizing direct speech in the Old Russian text (based on the "Primary Chronicle"). *World of the Russian word*]. – № 4, 14–21 (In Russ).
6. Timberlejk A. (1997) Augment imperfekta v Lavrent'evskoj letopisi. *Voprosy jazykoznanija*. [Augment of the Imperfect in the Laurentian Chronicle. *Questions of linguistics*]. – № 5, 66–86 (In Russ).
7. Sheveleva M. N. (2009). «Soglasovanie vremen» v jazyke drevnerusskikh letopisej (k voprosu o formirovanii otnositel'nogo upotreblenija vremen i kosvennoj rechi v russkom jazyke). *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. ["Coordination of times" in the language of ancient Russian chronicles (on the formation of the relative use of tenses and indirect speech in Russian). *Russian language in scientific coverage*]. – № 2 (18), 144–174 (In Russ).

УДК 821.161.1. 09

«ПУШКИНСКИЕ ШТУДИИ» АННЫ АХМАТОВОЙ

И.Л. Судибор,

старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tanechka_tati@mail.ru

Д.Е. Жамойдик,

студентка 4 курса 1 группы филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: inspiration888999@gmail.com

В статье анализируются научные работы А. А. Ахматовой, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина, в аспекте жанра и литературной типологии. В работе показано, что обращение Ахматовой к пушкинской теме характерно для всех периодов творчества поэтессы, выявлены особенности ее научной прозы в процессе анализа «пушкинские штудий».

Ключевые слова: пушкинская тема, «пушкинские штудии», научная проза, литературные источники, психология творчества, реализм, историзм, социальность.

«PUSHKIN'S STUDIES» by ANNA AKHMATOVA

I. L. Sudibor,

Senior Lecturer at the Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: *tanechka_tati@mail.ru*

D. E. Zhamoidik,

4th year student of the 1st group of the Faculty of Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: *inspiration888999@gmail.com*

The article analyzes the scientific works of A.A. Akhmatova dedicated to the life and work of A.S. Pushkin within the aspect of genre and literary typology. The work shows that Akhmatova's appeal to the Pushkin's themes is characteristic of all periods of the poetess's work; the features of her scientific prose are revealed in the process of analyzing «Pushkin's studies».

Key words: Pushkin themes, «Pushkin's studies», scientific prose, literary sources, psychology of creativity, realism, historicism, sociality.

Введение

Пушкинская тема в творчестве А. Ахматовой занимает особое место. На протяжении своего жизненного и творческого пути она очень часто обращалась к А. С. Пушкину, пытаясь найти ответы на возникшие и интересующие её вопросы по проблемам литературного творчества. В 1924 году происходит крутой перелом в жизни А. А. Ахматовой. В связи с чтением стихотворений, посвященных памяти Н. Гумилева («Новогодней баллады»), ее стихи перестали печатать. Запрет действовал 15 лет. Однако сама Ахматова творит в обстановке вынужденной поэтической немоты. С этим связано ее обращение к научной деятельности. Известно, что поэтесса была оригинальным исследователем творчества А. С. Пушкина. А. Ахматова так писала об этом: *«Примерно с середины двадцатых годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина...»* [1, с. 19]. «Пушкинские штудии» А. Ахматовой получили высокую оценку известных пушкинистов – Б. В. Томашевского, П. Е. Щёголева, М. П. Алексеева, С. М. Бонди, Ю. Н. Тынянова. Это было важно для нее как исследователя художественного мира А. С. Пушкина. Известный литературовед Н. Скатов по этому поводу писал: «Освоение пушкинского мира продолжалось всю жизнь. Желание досконального знания и проникновения потребовало и академических штудий – литературоведческих занятий и биографических разысканий, отмеченных особым пристрастием» [1, с. 6]. Пушкинисты М. М. Гиршман и Э. М. Свенцицкая в своих научных работах неизменно показывали близость двух поэтов – Ахматовой и Пушкина: «Конечно, Пушкин и Ахматова находились как бы в разных «геологических» эпохах. Пушкин – дитя XIX века, века гармоничного, полного просвещенных надежд и порывов. Ахматова – дитя «страшных лет России», когда исполнялись самые страшные эсхатологические пророчества. Соотношение исторических эпох отражается, как в зеркале, в творческих взаимоотношениях двух авторов: их можно осмыслить как пророчество и отклик на него. Именно потому Пушкин для Ахматовой – некая идеальная перспектива, пушкинский мир для неё – идеал ненарушимого гармоничного равновесия» [3, с. 22].

Цели и задачи работы: показать эволюцию пушкинской темы в научной прозе Анны Ахматовой. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать «пушкинские штудии» в аспекте жанра и типологии;
- обосновать роль и значение научной прозы Анны Ахматовой в исследовании жизни и творчества А. С. Пушкина.

Методы и материал исследования

Предметом исследования послужили статьи А. Ахматовой об А. С. Пушкине. В процессе работы над темой были использованы методы анализа и обобщения литературных фактов при изучении прозы Анны Ахматовой.

Результаты исследования и их обсуждение

С великим уважением и почтением увлечением Анна Ахматова занималась исследованием творчества А. С. Пушкина. Ее перу принадлежат многие литературоведческие статьи о Пушкине: «Последняя сказка Пушкина («О золотом петушке») (1933), «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина» (1935), «Каменный гость» Пушкина» (1958), «Гибель Пушкина» (1958), «Пушкин и Невское взморье» (1963), «Пушкин в 1828 году» (1963), «Слово о Пушкине» (1961), «Пушкин и дети» (1965). Все эти «штудии» отмечены индивидуальным почерком, своеобразной интерпретацией творчества поэта. Ахматова подходила к творчеству Пушкина как тонкий психолог, как поэт, как умудренная жизнью женщина. Обращаясь к прозе, она завоевала авторитет среди пушкинистов, вывела на новый уровень понимание и восприятие творчества А. С. Пушкина своими современниками. В своей автобиографии А. Ахматова пишет: «Проза всегда казалась мне и тайной, и соблазном. Я с детства все знала про стихи и ничего не знала о прозе. Я или боялась ее, или ненавидела ее. В приближении к ней чудилось кошунство или это обозначало редкое для меня душевное равновесие» [1, с. 20].

В пушкинских работах Ахматова не берет за основу принятый всеми стиль, а называет свою прозу – «штудиями». Она примеряет на себя судьбу любимого ей поэта – А. С. Пушкина, констатирует факты, анализирует события пушкинской биографии, делает литературоведческие открытия. «Душевное равновесие» в прозе – главное для Ахматовой-прозаика.

А. Ахматова констатирует: «Результатом моих пушкинских штудий были три работы – о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны» [1, с. 19]. Нельзя не отметить, что анализирует А. Ахматова пушкинское творчество не как исследователь, а как поэт по мироощущению, что важно для осмысления психологии творчества другого поэта.

С 1931 по 1933 год А. Ахматова пишет статью «**Последняя сказка Пушкина**». Поэтесса хорошо владела многими иностранными языками, переводила зарубежную литературу, поэтому первые разработки «пушкинских штудий» были поиском источников, мотивов западноевропейской литературы и культуры. Штудирова зарубежную литературу, совершенно случайно, она прослеживает связь Пушкина с европейскими поэтами и писателями. Нельзя не отметить, что А. Ахматова обнаружила сходство «Сказки о Золотом петушке» А. С. Пушкина с произведением Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочёте». Но найдя заимствование, А. Ахматова не перестает восхищаться А. С. Пушкиным. По ее мнению, поэт «не ищет, он всегда только находит. И когда он подражает – он делает лучше того, кому подражает».

Главным открытием А. Ахматовой стало то, что сказка Пушкина имеет литературный источник. Важно отметить, что не полностью весь сюжет поэт берет за основу. Он вносит свои идеи и мотивы: взаимоотношение власти и народа, идеи справедливости и честности правителя по отношению к своим поданным.

А. Ахматова глубоко изучает творчество Пушкина, внимательно анализирует его черновые работы и окончательный вариант, устанавливает связь сказки с биографией поэта, показывает его душевное состояние и обстоятельства, приведшие к конфликту поэта с властью (камер-юнкерство, принятое Пушкиным как оскорбление). Она доказала, что судьба поэта и содержание сказки неразрывны: личная сатира на Николая I очень тщательно зашифрована. Ссора звездочета и царя – это интерпретация автобиографии поэта. Намеки в черновых записях, как и в самом произведении, практически открыты.

А. С. Пушкину было запрещено издавать некоторое количество произведений, но 11 декабря 1833 года ему с некоторыми замечаниями царя был возвращен «Медный всадник», затем царь даровал звание камер-юнкера двора его величества. А. Ахматова замечает: «Пушкин в минуту наибольшего раздражения против царя (в связи с перлюстрацией письма к жене и последовавшим за ним прошением об отставке) всё же просит о незапрещении доступа в архивы» [2, с. 26]. Исторические работы для А. С. Пушкина имели огромную значимость: «С начала 30-х годов на своих исторических работах Пушкин намеревался построить не только своё материальное благополучие, но и все отношения с царём и «высшим светом». Ни «Евгений Онегин», ни «Полтава», ни «Борис Годунов» не могли принести ему того общественного положения, без которого жизнь в Петербурге казалась ему неприемлемой» [2, с. 27].

Благодаря историческим работам А. С. Пушкина, А. Ахматова разделяла точку зрения многих исследователей об изменении положения поэта в обществе. 1830-ые годы для Пушкина – это период поисков своего места в жизни. С одной стороны, он пытается усилить свои позиции как профессиональный литератор, а с другой – «осмыслить себя как представителя родовой аристократии». Пушкин желает получить звание историографа и быть полезным русскому государству, как историк-Карамзин. Поэт слишком болезненно принял звание камер-юнкера. А. Ахматова отмечает: «Описывая в дневнике свою первую встречу с Николаем после пожалования придворного звания, Пушкин отмечает, что говорил с царём о Пугачёве (утверждал себя как историограф), а за камер-юнкерство его не благодарил (что было явным нарушением этикета)» [2, с. 28]. Под знаком ссоры с императором прошел весь 1834 год: «Пушкин сдался, но примирение все же не состоялось...» [2, с. 28].

А. Ахматова, исследуя источники, черновые наброски и литературные связи, приходит к выводу, что главной темой сказки является тема «царского слова», ответственности государственного человека за свои поступки и действия. В это время А. Ахматова пишет стихотворение «Привольем пахнет дикий мед» (1934), в котором поднимается тема творческой свободы поэта от власти:

*И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под злоецие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома... [1, с. 180].*

Строки данного стихотворения отражают личную озабоченность автора своей судьбой как поэта в сталинское время, свидетельствуют о созвучности с пушкинской биографией 1830-ых гг.

В 1935 году, как отмечает Э. Г. Герштейн в статье «Ахматова – пушкинистка», готовился к печати «Временник Пушкинской комиссии», и в первом же его томе,

вышедший в 1936 году, было напечатано новое исследование А. Ахматовой – «**Адольф Бенжамена Констана в творчестве Пушкина**» [4, с. 31]. Как писала сама Ахматова, «сопоставление «Адольфа» с произведениями Пушкина вплотную приводит к принципиальным вопросам, связанным с проблемой реализма в творчестве Пушкина». Помимо того, что Ахматова обнаруживает сходства между Онегиным и Адольфом, она проводит тщательный сопоставительный анализ неоконченной повести Пушкина «На углу маленькой площади» с романом «Адольф» Бенжамена Констана. «Создавая современного героя, «сына века сего» – светского человека, столь же тщеславного и эгоистического, как «Адольф», Пушкин берет уже готовый характер, по-своему раскрывая, снижая и разоблачая его согласно характеристике героя Б. Констана ... Но Пушкин не только перенёс в свою повесть характер Адольфа, но и поставил Алексея (Волоцкого) в то же положение, в котором находился герой Б. Констана. Мы знаем, что в ту пору (и никогда ни раньше, ни позже), вероятно, в связи с личными обстоятельствами его собственной жизни, проблема Адольфа живо интересовала Пушкина. Памятник этого интереса: лирическое стихотворение 1829–1830 годов «Когда твои молодые лета», столь близкое по теме и по тону к Адольфу, а по ситуации к отрывку «На углу маленькой площади» [2, с. 56].

Главным вопросом в исследовании данного произведения Пушкина был принцип социальности, что также волновало А. Ахматову. Оценивая сатиру в психологии героя, она связывает эту проблему с социальным положением самого Пушкина. Очень важно и то, что такие сатирические оценки героя в романе Бенжамена Констана являются лишь второстепенными. В отрывке повести «На углу маленькой площади» тема спора Зинаиды с Волоцким направлена на размышления о высшем обществе: «Аристократия, – прервала с усмешкою бледная дама, – что ты зовёшь аристокрациею ...» [2, с. 29]. Тема русской аристократии и ее роли в обществе характерна и для других произведений Пушкина: «Что такое русская аристократия?» – спрашивает испанец Минского («Гости съезжаются на дачу»); «Ты знаешь, что такое наша аристократия», – пишет Лиза подруге («Роман в письмах»). В Волоцком Пушкин изобразил «потомка Рюрика», который требует уважения от новой знати» [2, с. 59]. Эти идеи помогают объяснить одну из причин обращения Пушкина к роману «Адольф» Бенжамена Констана. Поэта всегда интересовал вопрос о роли и значении рода Пушкиных в становлении русской государственности.

В своей статье А. Ахматова сопоставляет и проводит литературные параллели романа «Адольф» с пушкинской трагедией «Каменный гость». Эти типологические сопоставления А. Ахматовой свидетельствуют о том, что «за внешне заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными лирическими переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом. Перед нами – драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта» [2, с. 69]. А. Ахматова пишет: «Итак, мы видим, что Пушкин, решая совершенно разные литературные задачи («Евгений Онегин», «Каменный гость», «На углу маленькой площади»), несколько раз обращался к «Адольфу», но всякий раз для того, чтобы психологизировать свои произведения и придать им истинность» [2, с. 68]. Эти размышления свидетельствуют о принципах реализма в художественном мире А. С. Пушкина 1830-ых гг.

В 1947 году А. Ахматова вновь обращается к исследованию творчества А. С. Пушкина. В статье «**Каменный гость Пушкина**» Ахматова рассмотрела интересный феномен в развитии творчества А. С. Пушкина. Она показывает, что с мерой

постижения зрелого возраста, а именно, переходя от юного возраста к более зрелому возрасту «поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства меняются. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от них, и мало-помалу уединяется совершенно» [2, с. 72]. Это свидетельствует о том, что творчество А. С. Пушкина середины 1830-ых гг. не вызывает отклика ни у критиков, ни у читателей. Он намного опередил свой век в плане художественных и литературно-критических задач: утверждение реализма как ведущего метода в литературе. Ахматова отмечает: «Не поэзия неподвижна, а читатель не поспевает за поэтом» [2, с. 72].

Завоевав огромную любовь читателей, положительные отзывы критиков на открытия в пушкиноведении, Ахматову обвиняют в том, что ее поэзия «пустая и безыдейная». Несомненно, серьезные обвинения выдвинули ей не критики и литераторы, а политики. А. Ахматова всегда была патриотом своей стран. В 1945 году она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Но в 1946 году о ней опять забывают, сына снова арестовали. В это трудное для нее время А. Ахматова начинает огромную работу о Пушкине под названием «Гибель Пушкина». В ней она исследует проблемы психологии творчества.

«Слово о Пушкине»(1961) – статья, в которой Анна Ахматова со всей своей величием и восторженностью заявляет, что Пушкин после своей кончины стал общепринятым гением, несмотря на то, что многие в высшем свете не принимали его и ненавидели: «Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевернутыми датами рождения и смерти) пушкинских изданий. Он победил и время, и пространство...» [2, с. 6–7]. В конце статьи Ахматова пишет: «И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный, а его *perennius*» [2, с. 7]. Эти строки являются одним из доказательств того, как Анна Ахматова с трепетом в сердце и с большим уважением относилась к личности и творчеству Пушкина.

Выводы

Таким образом, «пушкинские штудии» занимают особое место в контексте творчества А. Ахматовой. Пушкиным она занималась на протяжении всего творческого пути. С середины 1920-х гг. пушкинская тема появляется в прозе поэтессы. Художественные открытия в изучении творчества и биографии А. С. Пушкина уникальны: исследование психологии творчества и реализма поэта, скрытого автобиографизма, литературных взаимосвязей с зарубежной литературой, утверждение мировой значимости и масштабности поэта.

Литература

1. Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Ахматова ; сост., подгот. текста и примеч. М. М. Кралина ; вступ. ст. Н. Скатова. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы. – 448 с. – (Библиотека «Огонек»).
2. Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Ахматова ; сост., подгот. текста, коммент. Э. Г. Герштейн [и др.] ; вступ. ст. М. Дудина. – М. : Худож. лит., 1987. – Т. 2 : Проза. Переводы. – 463 с.
3. Гиршман, М. М. «В Царском Селе» А. Ахматовой / М. М. Гиршман, Э. М. Свенцицкая // Рус. словесность. – 1998. – № 2. – С. 21–26.
4. Герштейн, Э. Г. Заметки Ахматовой о Пушкине / Э. Г. Герштейн, В. Э. Вацуро // Временник Пушкинской комиссии, 1970 / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и языка. – Л. : Наука, 1972. – С. 57–67.

References

1. Ahmatova, A. A. (1990). Sochinenia v 2 tomah [Works: in 2 vol.]. Moskow : Pravda. T. 1 : Poems (In Russ).
2. Ahmatova, A. A. (1987). Sochinenia v 2 tomah [Works : in 2 vol.]. Moskow : fic. lit. T. 2: Prose. Translations (In Russ).
3. Girshman, M. M., Svetsitskaya E. M. (1998). «V Tsarskom Sele» A. Ahmatovoj [«In Tsarskoe Selo» by A. Akhmatova] / M. M. Girshman, E. M. Svetsitskaya // Rus. literature, 2, 21–26 (In Russ).
4. Gershtein, E. G. (1972). Zаметki Ahmatovvoj o Pushkine [Akhmatova's notes about Pushkin. Proceedings of the Pushkin Commission, 1970]. Acad. of Sciences USSR, Department of Literature and Language. L. : Nauka, 57–67 (In Russ).

УДК 821.161.1

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ДУХОВНОГО МИРА ЖЕНЩИНЫ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Е.В. Сузько,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: suzko-1974@tut.by

В статье исследуются особенности художественного отражения духовно-психологического мира женщины в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» на примере образа центральной героини Зулейхи Валиевой. Раскрывается идейно-художественное содержание названия произведения, выступающего в роли смыслообразующего образа-мотива и синтаксической фигуры, подчеркивающей актуальность проблемы духовного прозрения героини. Интерпретируется семантика фразеологизма-символа «мокрая курица». В качестве ключевой для понимания образа Зулейхи определяется тема материнства, показаны разные уровни ее художественного воплощения в романе.

Ключевые слова: Гузель Яхина, роман, образ-мотив, повтор, лиризм, материнство.

THE SPECIFICS OF THE REFLECTION OF THE INNER WORLD OF A WOMAN IN G. YAKHINA'S NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES"

E.V. Suzko,

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: suzko-1974@tut.by

The features of the artistic reflection of the spiritual and psychological world of a woman in Guzel Yakhina's novel "Zuleikha opens her eyes" on the example of the image of the central heroine Zuleikha Valieva are studied in the article. The ideological and artistic content of the title of the work, which acts as a meaning-forming image-motif and syntactic figure, emphasizing the relevance of the problem of spiritual insight of the heroine is revealed. The semantics of the phraseological unit-symbol "wet chicken" is interpreted. The theme of motherhood is defined as the key to understanding the image of Zuleikha, different levels of its artistic embodiment in the novel are shown.

Key words: Guzel Yakhina, novel, image-motive, repetition, lyricism, motherhood.

Введение

Уникальным и самобытным явлением в русской и мировой литературе XXI века является творчество татарской писательницы Гузель Яхиной, живущей в Москве и пишущей на русском языке. В её романе «Зулейха открывает глаза» на примере драматической жизни Зулейхи Валиевой показана судьба раскулаченного и высланного

в Сибирь для освоения новых земель крестьянства. Новаторство автора состоит в том, что она раскрыла эту проблему через отражение духовной и материальной культуры татарского народа, создала впервые в русской литературе собирательный образ татарской женщины.

Целью данной статьи является выявление средств художественной репрезентации духовно-психологического мира женщины в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Методы и материал исследования

Научный подход к решению проблемы обеспечивается благодаря принципам систематичности и историзма по отношению к анализу литературных явлений с использованием аналитического, сравнительно-исторического методов.

Результаты и их обсуждение

Организирующим и объединяющим в единое художественное целое началом в романе «Зулейха открывает глаза» является образ-мотив, представленный в тексте и как поэтическая фигура, и как ключ к пониманию самого текста, заявленный в названии книги, – «Зулейха открывает глаза». Это не столько история татарской, точнее восточной женщины, начинающей более смело смотреть на мир, сколько история формирования человеческой души, сложности ее становления и возвышения.

Повтор-рефрен повторяется в тексте четырежды и подчеркивает перестройку внутреннего мира Зулейхи, ее осознание себя человеком, имеющим полное право на жизнь, радость, полноту чувств и счастье. Жизнь героини словно разделяется на 2 составляющие: сон и явь. И момент пробуждения, возвращения к реальности, открытия глаз всегда знаменует собой определенные изменения в душевно-психологическом мире героини. Вот Муртаза бросает уставшую от работы Зулейху в лесу, и она понимает, что, если не откроет глаза, так и останется в лесу навсегда, словно уберегая себя от смерти сейчас для более важного дела: *«Снег больно ударяет в лицо, забивается в нос и в рот. Зулейха приподнимает голову, потряхивает. Сама – лежит на земле, впереди – удаляющийся задок саней, вокруг – белая круговерть метели. Встает, догоняет сани, уцепляется покрепче. Решает не закрывать глаза до самого дома»* [4, с. 23]. Открытые глаза для Зулейхи в данный момент – это спасение ее жизни.

Вот «Зулейха открывает глаза» в мечети во время вынужденного ночлега ссыльных, между сном и явью, когда непонятно, как их разграничить, потому что во сне ее зовет Упыриха, а в реальности она наблюдает любовную сцену между Игнатовым и Настасьей. Сон спасителен, потому что в нем она еще дома, а реальность жестока – разврат, осквернение храма и смерть муллы [4, с. 104].

Вот «Зулейха открывает глаза» на барже «Клара», думая о том, что лучше съесть заветный отравленный кусочек сахара и умереть вместе с ребенком, не расставаясь, только бы больше не мучиться: не голодать, не мерзнуть и не чувствовать мерзость мира. Открытие глаз в данном случае символизирует тесную связь молодой женщины с жизнью, сопротивление ее тела и души смерти: *«Зулейха открывает глаза. В нежно-розовой расцветной дымке все предметы вокруг кажутся зыбкими, летучими. Крупная белогрудая чайка сидит на поручне, смотрит блестящими янтарными пуговицами немигающих глаз... Мелкие волны ласково плещут о борт»* [4, с. 216].

Вот пробуждение Зулейхи уже в роли охотницы, добытчицы, после первого убитого из страха за жизнь сына медведя. Эта женщина сумеет постоять за себя, она знает цену жизни.

Повторение ключевой фразы не только создает ритм в произведении, но и передает радость жизни, ощущение её полноты, возможность счастья и радости для героини. Неслучайно О. Хомякова отмечала: «Если художнику удалось уловить гармонию жизни, то в своем художественном творении он делает ее ощутимой, интонируя и акцентируя повторяющиеся моменты» [3, с. 339].

Все в романе «Зулейха открывает глаза» подчинено задаче художественного отражения постепенного возрождения к жизни главной героини, реставрации чувств, ощущений в восприятии трагических моментов своей жизни, рождения сына, нечаянной любви и т. д.

На протяжении произведения мы наблюдаем духовно-психологическую эволюцию характера героини, ее жизненной позиции, изменения социальной роли. Как ни парадоксально, но именно в Сибири Зулейха почувствовала себя человеком, женщиной, матерью, полноценным и полноправным членом общества. Зулейха в посёлке Семрук, как и все ее друзья по несчастью, не свободна, но зато живет полноценной жизнью, чувствует себя человеком, над ней не издеваются, ее не избивают, не упрекают за смерть дочерей, нерождение сына, не называют «мокрой курицей». Этот фразеологизм становится названием одной из глав романа и повествует о жизни Зулейхи в доме Муртазы и его матери Упырихи. Как видим, и образно-языковые средства работают на выявление главной мысли произведения, создают соответствующий эмоционально-психологический регистр, становятся ключом к пониманию характера героини.

Семантика фразеологизма «мокрая курица» следующая: «1) безвольный, бесхарактерный человек; 2) человек, имеющий жалкий вид, подавленный чем-либо, растерянный» [2].

В. Зимин объясняет происхождение этого фразеологизма следующим образом: «Значение выражения *мокрая курица* мотивируется "образом курицы, окунутой в холодную воду для выведения ее из состояния наседки (после подобного воздействия курица в течение достаточно длительного времени пребывает в состоянии апатии и безволия)"» [1, с. 15].

Так, и Зулейха после смерти четырех дочерей, живя с жестоким мужем и злой свекровью, которую она втайне называет Упырихой, напоминает мокрую курицу, не смеющую возразить мужу, послушаться свекрови, исполняет все ее прихоти, прислуживает, считая, что живет в этом доме из ласки и ее в любой момент могут выбросить из него. Спит тихонько на сундуке, не возражает против насилия и все ее мысли о том, как задобрить духов, чтобы уберечь на том свете дочерей и дом от беды в образе «красноордынцев». Уже в конце первой главы чувствуются пробуждение в душе Зулейхи внутренней силы, стремление защитить свои права, сохранить своё «я». Она не дает себя, как осужденную к отрублению головы курицу, вынести из дома в сани, идет своими собственными ногами навстречу злой судьбе, ожидая только смерть, предсказанную Упырихой.

Именно образ Зулейхи привносит в роман особый лиризм, это связано с раскрытием внутреннего мира героини как покорной жены, невестки, матери, любимой и т. д.

Идейно-художественной, стилевой доминантой образа Зулейхи является материнство. Эта проблема является одной из ключевых в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Связано её доминирование не только с образом Зулейхи, но и с другими, играющими, на первый взгляд, второстепенную роль или эпизодически разбросанными по роману образами. В контексте романа лиризм, связанный с темой материнства и детства, усложняется драматическими и даже трагическими нотками. Можно заметить несколько тематически взаимосвязанных сюжетных линий, случайно или неслучайно подсвеченных Гузель Яхиной: Упыриха – ее сын Муртаза, кобыла Сандугач – ее жеребенок, раскулаченная многодетная мать – ее дети, Зулейха – ее сын Юзуф.

Как бы драматично ни складывались отношения невестки и свекрови, именно они – художественная проекция будущих взаимоотношений Зулейхи и Юзуфа. Неслучайно главная героиня произведения, как и Упыриха, с любовью обращаясь к своему сыну, называет его «улым», что в переводе с татарского означает «мой сын». В таком наимено-

вании подчеркивается не столько кровная, сколько духовно-бытийная связь между матерью и ребенком, осознание своего продолжения в более сильной мужской ипостаси. В отличие от Зулейхи, Упыриха использует слово «*жаным*», обращаясь к Муртазе (в переводе с татарского «*душа моя*»), что свидетельствует о безграничной, самоотверженной материнской любви. Упыриха, несмотря на слепоту, тонко подмечает все тревожные изменения в душе сына и пытается поддержать его ценным советом, материнской любовью: «– Улым, – нарушает тишину Упыриха, – сынок. Чую, что-то случилось» [4, с. 52]; «– Жизнь – сложная дорога, улым. Сложная и длинная. Иногда хочется сесть на обочине и вытянуть ноги – пусть все катится мимо, хоть в самую преисподнюю, – садись, вытягивай, можно!.. Потом встанешь и пойдешь дальше...» [4, с. 53].

Чувство вины за временно нарушенную связь с сыном во время свидания с Игнатовым и за ее последствия руководят Зулейхой, когда она спасает сына, чуть не замерзшего на дереве в зимней тайге, от стаи волков:

«– Юзуф! Улым! – сидит.

С верхушки падает маленькое тельце – с неподвижным кукольным личиком, заиндевелившими бровями и ресницами, крепко зажмуренными глазами, – прямо ей в подставленные руки» [4, с. 450]. И читатель понимает, что, случись страшное, Зулейха умерла бы вместе с сыном: столько любви, отчаяния заключено в одном слове «*улым*». И только в конце романа, когда сын уходит от нее, разрывает жизненно важную связь, она называет его по имени – Юзуф: «– Я не переживу. – Зулейха ищет глазами его взгляд. – Я умру без тебя, Юзуф. Умру, как только ты сделаешь первый шаг» [4, с. 491].

Духовная эволюция образа Зулейхи заметна и в том, что именно в конце произведения и Упыриху, приходящую к ней в виде призрака, а точнее воплощения мук совести героини, она называет мамой, ищет в ней поддержку и утешение. Так Гузель Яхина связывает воедино, приводит к логическому разрешению проблему материнства, занимающую в произведении одну из центральных позиций.

Безграничная любовь к сыну, рожденному для себя, руководит Упырихой и заставляет признаться ему в страшном преступлении, совершенном ради того, чтобы он выжил: «*Страшное было время... К концу лета всю солому с крыши съели, всю саранчу в округе переловили, лебеда была – лакомство... Тебе-то хоть грудь доставалась, а старшим – ничего... Они сначала пытались драться – силой хотели у тебя грудь отнять. Они были сильнее тебя. А я была сильнее их. И тебя в обиду не дала. Потом у них силы закончились, и ты стал сильнее. А они умерли. Все. Больше ничего не было»* [4, с. 56]. Именно поэтому и ворчит она на «неудачную» невестку, не подарившую Муртазе сына и не сохранившую четырех дочерей.

Голод и желание спасти сына в сибирской тайге заставляют и Зулейху действовать, используя экстремальные средства. Когда пропало молоко, женщина кормит сына своей собственной кровью: «*Зулейха подходит к котлу, берет ложку. Сжимает черенок в кулаке и ударяет острием перламутровой ракушечной створки ровно посередине среднего пальца другой руки. Маленький и глубокий полукруглый надрез – как полумесяц, брызжет чем-то густым и темным, рубиново-красным. Она возвращается к нарам и вставляет палец в рот сына... Юзуф жадно сосет, постанывая, постепенно успокаивается»* [4, с. 312]. Как и Упыриха, Зулейха жертвует всем ради сына, ради его счастья и спокойствия.

Г. Яхина как тонкий психолог показывает, как постепенно вызревало материнское чувство Зулейхи, сколько нерастраченной нежности и тоски по умершим детям жило в ее душе. Значительную художественную роль в аспекте актуализации темы материнства

играет, на первый взгляд, случайная сцена, когда каравану ссыльных пришлось остановиться из-за лошади Зулейхи Сандугач и ее жеребенка. Картина эта символична. Анимализм Г. Яхиной подчинен задаче художественной поэтизации материнства: *«Впряженная... лошадь стоит, низко опустив голову, а под брюхом у нее пристроился жеребенок: торопливо сосет материнское вымя, постанывает – проголодался. Задним не проехать – дорога узка, в одни сани»* [4, с. 96–97]. Сила материнского чувства, в данной случае инстинкта такова, что становится правящей в мире. В этом и заключается гуманизм художественного мышления и личных убеждений автора романа.

Неслучайно все образы-символы в романе, в описании трудной дороги к будущему месту ссылки подчинены актуализации этой идеи. Вспомним, как, помогая раскулаченной многодетной матери разместиться с детьми на нарах, Зулейха с трудом пытается оторвать от себя в вагоне-теплушке *«теплый, дышащий нежным младенческим запахом сверток»*.

Значительный концептуальный идейно-художественный смысл несет в произведении и образ птицы как символа вольности, свободы, в данном случае материнства. Зулейха, вопреки народным традициям, не дает птичке, поселившейся под крышей их вагона, везущего в неволю, окончательно свить гнездо и отложить яйца, прокомментировав свои действия: *«– Гнездо потеряет – яйца нести не будет, – пояснила она коротко. – Все лето будет потерянное гнездо искать»* [4, с. 180]. Словно иллюстрируя свою судьбу, она спасает птичку от жестоких и горьких материнских переживаний.

С особым лиризмом, теплом и проникновенной телесно-духовной чувственностью описано материнство главной героини романа, которое стало для нее спасением, возрождением и воплощением надежды на лучшую жизнь в суровых условиях сибирской тайги. Эти картины выписаны автором проникновенно, с мельчайшими психологическими подробностями и деталями: *«Кожица – ярко-пурпурного цвета, в голубых и синих мраморных разводах вен, складчатая, нежная на ощупь, как цветочный лепесток, местами покрыта длинными и тонкими, еле заметными темными волосками. Это был самый красивый ребенок из всех, кого она родила. И он все еще жил»* [4, с. 282]; *«Зулейха решила так и носить его на груди – под кульмэк, на своем голом теле. Первую ночь не спала. То прижимала его к себе, изо всех сил – то боялась сжать слишком сильно, ослабляла руки. То приоткрывала краешек кульмэк, чтобы дать сыну подышать свежим воздухом, – то закрывала, воздух казался чересчур студеным»* [4, с. 283]; *«Важен был только сегодняшний день, только эта минута – тихое посапывание на груди, тяжесть и тепло сыновьего тельца на животе. Перестала бояться даже того, что однажды утром не услышит слабого дыхания в разрезе кульмэк. Знала: если жизнь сына прервется, то и ее сердце мгновенно остановится»* [4, с. 284]. Как видим, вся система образно-поэтических средств (яркие метафоры, сравнения, эпитеты, стилистические фигуры и т. д.) работает на выявление идеи приоритета материнства как самого важного и значимого в жизни женщины, несмотря на ее социальный статус и место, где она находится. Неслучайно исследователи подчеркивали такие особенности художественного стиля Г. Яхиной, как мастерское сочетание кинематографических приёмов, свидетельствующих о специфическом образовании автора, в сочетании с «аудиовизуальной образностью», доминирование высокой степени художественной детализации и пристальное внимание к «телесному» изображению человека на пике проявлений того или иного чувства. Чувство материнства, страх потерять сына, а значит, и связь с жизнью, руководят Зулейхой в ссылочный период ее жизни. Мать и ребенок становятся единым целым, одним организмом. Неслучайно она отказывается от отношений с Игнатовым, когда сын, думающий, что она еще не вернулась с охоты, идет на ее поиски в тайгу и чуть не замерзает на дереве, спасаясь от волков. Грань между жизнью и смертью кажется

героине настолько тонкой и нежной, что она боится отпустить Юзуфа от себя. Отпустила, оторвала от тела – и трижды чуть не потеряла его. Жизнь вернулась только благодаря доктору Лейбе.

Выводы

Гузель Яхина, в чем-то нарушая жизненную правду, но утверждая правду художественную, рассуждает о роли материнства в обществе, о его приоритете, об общечеловеческих ценностях. Весь исторический фон, сложные таежные условия жизни ей нужны прежде всего для утверждения вечных проблем и ценностей, имеющих вес и значение для всех поколений людей. Неслучайно автор романа отмечала, что она хотела показать в своем произведении не столько исторические события и их влияние на судьбу отдельного человека, сколько придать этим событиям личное, индивидуально-человеческое значение.

Литература

1. Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 736 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981– 1984. – Т. 2: К–О. – 736 с.
3. Хомякова, О. Р. Теория литературы: учеб. пособие / О. Р. Хомякова. – Минск : РИВШ, 2013. – 360 с.
4. Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман / Г. Ш. Яхина. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. – 508, [4] с.

References

1. Zimin, V. I. (2012). *Slovar'-tezaurus russkih posloviц, pogovorok i metkih vyrazhenij*. [Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and art expressions]. – Moscow : AST-PRESS BOOK (In Russ).
2. *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* (1981 – 1984). [Russian dictionary: in 4 v.]. – Moscow : Russian language (In Russ).
3. Homjakova O.R. (2013). *Teorija literatury: ucheb. posobie*. [Theory of literature: textbook]. – Minsk (In Russ).
4. Jahina, G. Sh. *Zulejha otkryvaet glaza : roman* (2020). [Zuleikha opens her eyes: novel] / G. Sh. Jahina. – Moscow : AST : Edited by Elena Shubina (In Russ).

УДК 811.161.1'42

ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА «ДУША» В СТИХОТВОРЕНИЯХ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Т.И. Татарина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tativ58@inbox.ru

Традиционно во время развития любой новой историко-литературной фазы особенно активизируется лирика, именно она выступает «формой времени», ибо остро чувствует любые изменения, обостренно улавливает все перемены и тут же возмещает недостаток субъективным впечатлением только начавшихся жизненных процессов и даёт им эмоциональную оценку.

В статье анализируется одна из концептуально значимых лексем в поэтических текстах А. Вознесенского» и рассматриваются лексические средства выражения концепта «душа». Понятие концепта еще не до конца изучено, так как не имеет общего определения, однако оно играет особую роль в коммуникативно-воздействующем процессе, который наиболее заметен в текстах художественного стиля, что доказывает актуальность темы статьи.

Ключевые слова: язык, культура, лексикология, картина мира, концепт, концептосфера, концептуально значимая лексика, авторские концепты.

LEXICAL CONTENT OF THE CONCEPT "SOUL" IN THE POEMS OF A. VOZNESENSKY

T.I. Tatarinova,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tativ58@inbox.ru

Traditionally, during the development of any new historical and literary phase, lyrics are especially activated, it is she who acts as a "form of time", because she keenly feels any changes, keenly catches all the changes and immediately compensates for the lack with a subjective impression of the life processes that have just begun and gives them an emotional assessment. The article analyzes one of the conceptually significant lexemes in the poetic texts of A. Voznesensky and examines the lexical means of expressing the concept of "soul". The concept of the concept has not yet been fully studied, since it does not have a general definition, but it plays a special role in the communicative-influencing process, which is most noticeable in the texts of the artistic style, which proves the relevance of the research topic.

Key words: language, culture, lexicology, worldview, concept, conceptsphere, conceptually significant vocabulary, author's concepts.

Введение

Лирика А. Вознесенского требует пристального внимания, потому что поэт обращается к вопросам сложным, избегая готовых выводов и решений. Именно современностью мировосприятия и привлекает А. А. Вознесенский.

Однако можно быть современным поэтом, но не быть поэтом современности. А. Вознесенский – поэт современности. Он существует вместе со временем.

Целью статьи является исследование авторской концептуализации лексики на основании текстов произведений А. Вознесенского. Для этого необходимо выявить ключевые слова в идиостиле А. Вознесенского и проанализировать семантическую структуру одного из слов-концептов.

Объект исследования – лексические средства создания концептов в поэзии А. А. Вознесенского.

Предмет исследования – лексические единицы, воплощающие концепт «душа».

В качестве универсального способа исследования использован **описательный метод**, представляющий собой систему исследования объекта на данном этапе его функционирования и развития. В рамках данного метода в работе применены **методики описания и наблюдения**.

Система концептуализации связана с этносом и его собственной и единственной картиной мира. Разная трактовка репрезентаций лексикологических явлений обуславливает разнообразие миропонимания.

Как картина мира языковой личности отражает жизненные и культурные особенности народа в языке, так авторская картина мира отражает индивидуальное восприятие творческого субъекта. Данная картина мира зависит от ряда факторов: таланта, языка писателя, его собственного восприятия окружающего мира.

Картина мира отражает действительность человеческого сознания, и человек намеренно делает ее создание целью своей жизни: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимается поэт, художник, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни...» [21, с. 49].

Модель мира для каждого народа своя и строится из целого ряда универсальных концептов и констант его культуры – *времени, пространства, причины, количества (измерение), судьбы, отношения частей к целому, числа*, (А. Я. Гуревич), *а также – сущности огня, воды, правды, закона, любви и др.* (Ю. С. Степанов). Несомненно, человеческими универсалиями могут быть признаны *человек, место, время, подобие, искренность, причина, пространство, истина, правильность, ложь, правда, милосердие, свобода, судьба долг, память, язык и др.*

Язык отражает то, что есть в человеческом сознании, а сознание формируется под воздействием окружающей действительности, культуры. Отсюда, например, специфическими русскими национальными концептами могут считаться, по мнению ученых, такие, как *удаль, воля, тоска* (Д. Лихачёв), *подвиг* (Н. Рерих), *интеллигенция, зимняя ночь, туманное утро, беспредел, даль, новые русские, утечка мозгов, авось поле, душа, дом* (А. Шмелёв) *и под.* В поэтическом произведении выделяются языковые элементы, являющиеся эмоционально-эстетическим фокусом структуры, а у большого поэта в широком контексте всех или многих его произведений некоторые языковые средства приобретают обобщенно-символический смысл, в свою очередь радирующий в микро- и макроконтэксты. Благодаря этому создается субъективная поэтическая интерпретация не только какой-то реалии, но и концептуальной картины мира [3, с. 124]. Все **концепты** условно можно разделить на **группы**: *мир, стихи и природа, представления о человеке, нравственные концепты, социальные понятия и отношения, эмоциональные концепты, мир артефактов, концептосфера научного знания, концептосфера искусства.* В контексте поэтических произведений одного автора некоторые языковые средства приобретают обобщенно-символический смысл, в результате создается субъективная поэтическая интерпретация не только какой-то реалии, но и концептуальной картины мира.

В поэзии А. Вознесенского ключевыми концептами являются *боль, витраж, время, душа, муза, сирень, скорость* и др., образующие ярко выраженную индивидуально-авторскую концептосферу.

Концепт *душа* имеет сложную структуру, к важнейшим компонентам которой относятся понятийно-узвальный (лексическое значение слова с его понятийным ядром) и образно-метафорический. Основной компонент – образно-метафорический. Концепторами лексемы-концепта *душа*, проходящего через всю поэзию А. Вознесенского, выступают слова *музыка, творчество, воздух, боль, тоска.*

Душа – один из самых сложных концептов в связи с тем, что это сложная субстанция. По представлениям древних, свою душу имела и природа, хотя и не столь явно качественно проявляющую, как в человеке. Аристотель, например, стал считать одушевленными даже звезды, а Платон ввел деление души на «разумную» (человеческую) и «чувственную» (животную). Человек, как создание по образу и подобию Божьему, отличается от всего природного именно наличием у него нематериальной божественной субстанции – *души*. По выражению К. Юнга, «сложность души росла пропорционально потере одухотворённости природы» [2, с. 209].

Ещё со времен античности *душа* воспринималась то как огонь (Демокрит), то как воздух (Анаксимен), то как смешение всех четырёх (огонь, воздух, вода, земля) элементов (Эмпедокл). Это находит свое отражение и в языке (*душа горит, душа воспарила, душа воспламенилась*).

У разных народов душа имела свое местоположение – различные органы: диафрагма, сердце, почки, глаза и даже пятки (*душа в пятки ушла*).

Славяне признавали в человеческой *душе* проявление той творческой силы, без которой невозможна жизнь на земле. С этими представлениями связаны различные

метафоры: *чуть душа оттаяла, душа светится, жар души, чуть душа теплится, душа пылает, искры души, душа горит*, а также антонимичные по значению выражения: *ад крошечный в душе, душа как лёд и другие*. Как видим из примеров, этой мифологемой тесно связано представление о душе как о переходном состоянии огня (Гераклит) [2, с. 210].

Вместе с тем, душа является носителем некоего этического идеала: *чистая душа, запачкать (заятнать) душу* и т. д.

О. М. Фрейденберг подчеркивала, что «*душа*» могла метафорически выражаться как двойник доли, судьбы. Это отмечали также А. Н. Астафьев и А. А. Потебня, ещё ранее показавшие, что доля в русском фольклоре это – огонь и двойник человека: её топят, бросают в воду, сжигают, вешают т. д. В реальной речевой практике мы наблюдаем это переплетение, сцепление, взаимодействие метафор [2, с. 211].

Очень часто душа ассоциируется с незащитным маленьким ребенком, с чем также связано много метафор и фразеологизмов. Есть даже гипотеза, согласно которой во фразеологизмах с компонентом *душа* закодирован весь процесс рождения ребёнка: *в глубине души, тревожит душу, лезть в душу, берeditь душу, душа нараспашку, хватать за душу, душа плачет, душа надрывается* и др.

Таким образом, представления о *душе* сложны, противоречивы, непоследовательны, душа представлена в русском языковом сознании несколькими ипостасями; и это нашло полное отражение в языке, представления о душе в значительной степени формируют картину мира русского человека.

Образ *души* переходит из стихотворения в стихотворение, отбор и организация языкового материала в которых подчинены утверждению, основанному на социально-психологической оценочной квалификации психического, духовного мира человека: *Лишь одно на Земле постоянно, словно свет звезды, что ушла, – продолжающееся сияние, называли его душа* [3, с. 113].

Проанализировав произведения А. Вознесенского, мы пришли к выводу, что контекстуальное значение данного слова не соответствует лексическому значению. Если посмотреть на лексическое окружение слова *душа*, можно увидеть, что у Вознесенского все строится на диалектике отношений и оценок: *душа в каждой клеточке; стрижами заплещутся души пойманные твои; смущая душу; Под бельем дымитя, как котельная, доисторическая душа!; душа нема; замёрзшая душа; душу высасывает насосом*. Бытовая повседневность и абстракция истории, идеологии в одинаковой степени реальны, входят в сферу переживаний поэта. Переход неощутим, поскольку бытовое освобождается от связей времени, места, обстоятельств, а отвлеченное как бы дано непосредственно в ощущении.

Слово *душа* в поэзии А. А. Вознесенского выполняет целый комплекс коммуникативных функций, прямо воздействующих на формирование эстетической номинативной функции данного слова, – его употребление в обобщенно-символическом смысле: *за что всеобщий этот шок души на уровне кишок; точно рентгеновский снимок души; розовой молнией позвоночника туго затянутая душа; в душе кровавые мозоли; продолжающееся сиянье, называли его душа*.

Используя стереотипный концепт автор, гиперсемантизирует одни значения и нейтрализует другие, структурирует свой индивидуальный концепт, роль которого заключается в моделировании новой картины мира. Так, употребляя слово «*душа*» в метафорических контекстах с глаголами, обозначающими чувства тоски, страдания, поэт персонифицирует «*душу*», превращает слово в зримый образ: *затосковала душа, охромела; снимите силки с дороги, чтоб душу не наколот; никакого чуда, а душа расплакалась...*

Содержание концепта «*душа*» эксплицируется другими словами-концептами, которые образуют множество когнитивных слоев (сегментов), структурирующих смысловое пространство текста: *душа* – *живое существо, детство, чистота, музыка, творчество* и одновременно – *печаль, боль, разочарование, одиночество, раскаяние и покаяние*.

Одна из основных тем у А. А. Вознесенского – тема боли, через которую его лирический герой воспринимает жизнь. Так, в одном из контекстов между словами *боль* и *душа* складываются отношения тождества: *ноет хуже болезни дурной боль, именуемая душой. Душа* у поэта в одном ряду со словами *музыка (она с душою наравне), воздух (на душе, что воздухе сродни), творчество (мы в творчестве выходим из себя, и это называется душою)*. Противопоставляя искусство (как ремесло) сердцу, то есть душе, противопоставляя плоти душу, поэт провозглашает *душу-дух-сердце* как главное в человеке, в творце: *Я вижу искусством, а сердцем не вижу. Где я обнаружу пропавшую душу?; Жизнь плоти опротивела душе...* Радиации такого обобщенно-символического смысла в разные контексты осуществляется на основе контекстуально-синонимических связей слов *музыка, воздух, творчество, душа*. Радируя в микроконтексты *безработица души; душа, как печенка, отбита; рак души*, стилистический смысл слова-символа способствует актуализации экспрессивно-оценочного содержания, квалификации этих выражений как тоже своего рода микросимволов – окказиональных знаков, сигнализирующих в поэзии А. А. Вознесенского об опасности бездуховности для нравственного мира человека. Поэт пишет: «Может быть, самое главное сейчас – спасти духовную высоту человечества от надвигающейся слепой силы».

Что касается синтаксиса, то характерным признаком в стихотворениях А. Вознесенского является то, что лексема «*душа*» выступает в предложении как субъект действия, а не как дополнение: *душа по небу взмлет; душа зовёт; жизнь плоти опостылела душе*. Это придаёт особую выразительность предложениям и тексту в целом. Синтаксические конструкции по своей структуре являются не осложнёнными и мало распространёнными: *вещи – отпечатки души; я им голос придал и душе; душа нема и т. д.*

Таким образом, концепт *душа* имеет сложную структуру, к важнейшим компонентам которой относятся понятийно-узуальный (лексическое значение слова с его понятийным ядром) и образно-метафорический. Однако первый компонент, при всей его реальности и расположенности в центральной зоне данного концептуального пространства, занимает все же меньшую его часть. Основной компонент – образно-метафорический. Концепторами лексемы-концепта *душа*, проходящего через всю поэзию А. Вознесенского, выступают слова *музыка, творчество, воздух, боль, тоска*. Лексемы *боль, витраж, время, муза, сирень, скорость* выступают у поэта не просто как важные слова, а могут быть названы лексическими концептами. Эти понятия являются основными в современной когнитивной лингвистике, для которой актуальными вопросами остаются общетеоретическая разработка категории концепта и описание конкретных концептов.

Выводы

Концепт *душа* имеет сложную структуру, к важнейшим компонентам которой относятся понятийно-узуальный (лексическое значение слова с его понятийным ядром) и образно-метафорический. Основной компонент – образно-метафорический. Концепторами лексемы-концепта *душа*, проходящего через всю поэзию А. Вознесенского, выступают слова *музыка, творчество, воздух, боль, тоска*. Образ *души* переходит из стихотворения в стихотворение, отбор и организация языкового материала в которых подчинены утверждению, основанному на социально-психологической оценочной квалификации психического, духовного мира русского человека.

Литература

1. Вознесенский, А. А. Витражных дел мастер. Стихи / А. А. Вознесенский. – М. : Молодая гвардия, 1976. – 336 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
3. История филологии [Электронный ресурс] / Культурный концепт как лингвокультурный феномен. – М., 2013. – Режим доступа: <http://genhis.philol.msu.ru>. – Дата доступа: 15.03.2021.

References

1. Vosnesenckii, A.A. (1976). *Vitrashnuh del master. Stihy. [Loodglasmeester. Vers]*. Moscow, Molodaya gvardiya» (In Russ).
2. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye posobiye [Cognitive linguistics: textbook]*. Minsk, TetraSystems (In Russ).
3. *Istoriya philologii* (2013). *Kulturnii concept kak lingvoculturnii fenomen* [History of philology. Cultural concept as linguocultural phenomenon]. Moscow. Publ. Petrieved March 15 2021 from: <http://genhis.philol.msu.ru>. (In Russ).

811.161.1'42 (476) (043.3)

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

Т.Е. Трощинская-Степушина,

кандидат филологических наук, преподаватель-репетитор,

г. Витебск, Республика Беларусь

E-mail: stepushyna@gmail.com

Статья посвящена выявлению и описанию этнической самобытности речевого портрета литературного героя. Исследование было проведено на материале повести «Охота на майских жуков» белорусского автора, пишущего на русском языке, Вечеслава Казакевича. Анализ языкового материала, представляющий собой корпус цитат-реплик речи героини, позволил нам определить характерные для ее речи фонетические и лексико-грамматические особенности (частотное нарушение фонетических норм просторечного характера; оперирование текстами простонародных архаичных форм; употребление просторечных слов; частотное использование белорусизмов и однотипных грамматических диалектизмов и др.), которые, формируя этноспецифику данной литературной героини, позволяют смоделировать ее речевой портрет.

Ключевые слова: речевой портрет, этническая специфика, художественный текст, языковая личность.

SPECIFICS OF THE SPEECH PORTRAIT OF A LITERARY HERO

T.E. Troshchinskaya-Stepushyna,

Candidate of Philological Sciences, teacher-tutor

Vitebsk, Republic of Belarus

E-mail: stepushyna@gmail.com

The article is devoted to the identification and description of the ethnic identity of the speech portrait of a literary hero. The research was conducted on the material of the story "Hunting for May bugs" by the Belarusian author Vecheslav Kazakevich. The analysis of the language material, which is a corpus of quotations-replicas of the heroine's speech, allowed us to determine the phonetic and lexical-grammatical features characteristic of her speech (frequent violation of phonetic norms of a colloquial nature; operating with texts of vernacular archaic forms; the use of colloquial words; the frequent use of Belarusianisms and similar grammatical dialectisms, etc.). These features forms the ethnospecific of this literary hero and allow us to model her speech pattern.

Keywords: speech portrait, ethnic specificity, artistic text, linguistic personality.

Введение

Духовный облик личности (персонажа), который «опредмечивается» в его речи, является, по мысли Ю. Н. Караулова, «зерном содержания художественного образа» [2, с. 145]. Известный американский психолог А. Маслоу писал, что «человеческому существу, чтобы жить... необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь» [3, с. 250]. Такой «системой координат», служащей для зарождения в человеке зерна духовности является языковая культура его народа.

Цель данной статьи – показать, как культурная традиция этноса отражается в речи персонажа произведения, написанного белорусским автором на русском языке.

Методы и материал исследования

В ходе проведения исследования использовались следующие методы: сбор фактического материала, метод сравнительно-сопоставительного анализа в сочетании с количественным, метод компонентного анализа, описательный метод, а также общенаучные методы обобщения и систематизации.

Представляется необходимым сказать несколько слов об авторе. Вячеслав Степанович Казакевич – человек удивительной судьбы. Родом из глухой белорусской деревушки Бельнички Могилевской области, он с детства любил читать, фантазировать, писать стихи. После окончания филологического факультета МГУ (отделение русского языка и литературы), работал в музее Чехова в Мелихове, затем переводчиком в НИИ, архивистом. Печатался – «Юность», «Литературная учёба», сборник «День поэзии», альманах «Поэзия». Затем судьба совершает удивительный кульбит: в 1993 году автор эмигрирует в Японию. Живя там уже более двадцати пяти лет, став профессором, В. Казакевич пишет прекрасные стихи и прозу на русском и японском языках, преподаёт русскую литературу в университете Тояма.

Повесть В. Казакевича «Охота на майских жуков», написанная в 2007 году и впервые напечатанная в журнале «Знамя», состоит из сюжетно не связанных между собой новелл, объединённых тем, что рассказ в каждой из них ведётся от лица героя – деревенского мальчишки по имени Слава, который рассказывает о себе, своих близких, их взаимоотношениях и об удивительном мире, который его окружает. Помимо родителей – Антонины и Степана Сенокосовых – одним из центральных образов повести является Марьяна – дальняя родственница матери: *Краснолицая, неуклюжая, в каком-то несуразном деревенском наряде она вперевалку, по-медвежьи поднимается на крыльцо... Это была самая неунывающая пятидесятилетняя сирота и старая дева, какую только можно только себе представить* [1, с. 34].

Результаты и их обсуждение

Анализ языкового материала позволил нам определить характерные фонетические особенности речи главной героини повести. В речи Марьяны можно отметить частотное специфическое искажение слов, например: *Во, гляди..., – тычет она мне свою кисть. – Видишь дырку? ... Это немцы меня с ероплана подцелили!* – гордо поясняет она [1, с. 35]. Сочетание [aэ] является нетипичным для фонетической системы русского языка. Просторечное, исконно русское звучание иностранное слово «аэроплан» получает после того, как начальный гласный звук [a] заменяется согласным [j].

Подобные *метаплазмы* – операции, меняющие звуковую или графическую оболочку слова, – позволили автору подчеркнуть необразованность Марьяны. Возможно также за этим стоит желание героини, воплощающей классический образ «маленького человека», идти в ногу со временем: новые для нее слова, обозначающие доселе неведомые ей предметы и явления, постепенно входят в ее лексикон, но воспроизводятся в трансфор-

мированном, облегченном для произношения виде: 1. – *Вот он, теревизер...* 2. *...серьги в уши втыкну...* 3. – *я печку упорядчиваю.* 4. *Дайте и мне поспробовать!* 5. *За полтора рубля она купила мятый и кургузый пиджак – по ее определению «спинжак»* и др.

Итак, речь Марьяны изобилует нарушением фонетических норм, которое носит грубо-просторечный характер. Незнание героиней норм произношения слов русского литературного языка отражает низкий уровень ее образования, который обусловлен ее происхождением и образом жизни.

Лексический состав речи Марьяны типичен для уроженки глухой деревни: в нем нет дефиниций, сентенций, лозунгов, языковой игры, изобилующей в авторском повествовании. Зато отмечается обилие во внешней речи воспроизводимых (готовых) текстов, простонародных архаичных форм, относящихся преимущественно к славянскому фольклору: песен, пословиц, поговорок, примет, фразеологизмов, рифмованных присказок, шуточных прибауток: 1. *Хороша кашка, да малая чашка!* 2. *Выпейте с носка, чтоб не брала тоска!* 3. *И кот бы пил, если б кто налил!* 4. *Свой гроши всюду хороши!* 5. *И моя копейка не щербатая!* 6. *А на дворе завируха – очи выколи!* 7. *Весь дом ходуном ходит!* 8. *Мать-водица – всему царица!* 9. *Куры теребятя – к дождю.* 10. *Кот мурлычет – гостей кличет.* 11. *Ты в деревне, я в другой, редко виднися с тобой!* 12. *Сала крошка да хлеба немножко* и др.

Приведем несколько примеров, являющихся концептуальными для понимания духовной сути героини: 1. *Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет!* 2. *Бедному всюду тесно.* На первый взгляд эти примеры кажутся антонимичными. Нам представляется, что они дополняют друг друга, выражая жизненное кредо героини. В обоих фрагментах присутствует сема «бедность», имеющая, однако, различную степень эмоциональной напряженности. Показательно, что первый пример встречается в тексте дважды – в начале и в самом конце произведения, когда Марьяна уже находилась в доме для престарелых; второй пример – также в конце, но перед первым, т.е. когда она еще жила в семье, но ее роль приживалки всячески подчеркивалась домочадцами. Конstellация (взаиморасположение) важных для раскрытия образа героини фраз, их повторяемость, а также контекст подчеркивают основную составляющую Марьяны как личности – силу духа, основанную на ее неисчерпаемом оптимизме.

Интересно, что в повести содержится авторский лингвистический комментарий, касающийся речевых особенностей Марьяны: *Наша неграмотная нянька, не умевшая ни читать, ни писать, запросто использовала многие живые и мертвые языки. Нам ее речь казалась просто дикой и деревенской. Только спустя годы я с удивлением понял, что Марьяна болтала, пела, молилась на древнерусском, русском, белорусском, литовском, польском языках* [1, с. 46]. Данный эпизод придает повествованию черты документалистики – подвиды литературного жанра, где построение сюжетной линии основано на реальных событиях, с редкими вкраплениями художественного вымысла, а также свидетельствует о филологической компетенции автора (действительно, по образованию В. Казакевич филолог). Что касается спонтанного «полиглотизма» героини, отмеченного автором, то в ее речи, состоящей в основном из русских слов, мы обнаружили частотно искажаемые белорусские слова (см. таблицу).

Таблица – Примеры лексических заимствований в речи героини

Слово в речи Марьяны	Слово в языке-источнике (язык)	Перевод
1) гроши	«грошы» (бел.)	деньги
2) бульба	«бульба» (бел.)	картошка
3) батька	«бацька» (бел.)	отец

Продолжение таблицы

Слово в речи Марьяны	Слово в языке-источнике (язык)	Перевод
4) хлопец	«хлопец» (бел.)	парень
5) хрумкает	искаж. от «хрумсець» (бел.)	хрустеть
6) ратуйте	«ратаваць» (бел.)	спасать
7) нема	«няма» (бел.)	нет
8) кульнула	«кульнуць» (бел.)	опрокинуть
9) грукает	«грукаць» (бел.)	грохотать
10) спинжак	искаж. от «пинжак» (бел.)	пиджак
11) сховаю	«хаваць» (бел.)	прятать
12) гоцает	«гоцаць» (бел.)	скакать
13) не ведаю	«ведаць» (бел.)	знать
14) абы	«абы» (бел.)	лишь бы
15) никшни	диалектн. (рус.) [207, с. 235]	молча, тихо
16) лярва	«Larva» (лат.)	призрак

Кроме этого, для речи Марьяны характерно использование постфикса -ся в глаголах 1-ого лица ед. ч. – грамматическая примета белорусского языка: *ложуся, молюся, напьюся*.

С точки зрения соответствия лексикона героини литературной норме, мы можем отметить частотное употребление просторечных слов: *матка, девка, страхолюдина, причиндалы, сподручнее, волочь, гадить, шастать, горелка, дармовой* и др.

Таким образом, частотность употребления белорусизмов и грамматических диалектизмов является чертой речи Марьяны.

Каждый речевой эпизод персонажа выявляет особенности ее мировосприятия и служит цели раскрытия художественного своеобразия образа. Например: *Порой перед сном она тихо пела на привычной смеси из разных языков длинную песню:*

*Где ж ты бывал, чёрный бараня?
На млыне, на млыне, мостивый паня...* [1, с. 45]

Это отрывок из русской народной песни, повествующей о тяжелой судьбе барана, который рассказывает хозяину, что его били скалками за то, что он молот на мельнице муку.

*Текст оригинала выглядит так:
Где ж ты был, мой чёрный баран?
Где ж ты был, мой чёрный баран?
На мельнице, на мельнице, мой милостливый пан.
На мельнице, на мельнице, мой милостливый пан.*

Как видим, в исполнении Марьяны песня «звучит» иначе. Во-первых, в оригинале каждый вопрос и ответ повторяются дважды. Во-вторых, обнаруживаются отличия, касающиеся изменения: 1) лексем, ср.: рус. *мельница* – бел. *млын*; 2) словообразовательных форм (редукция звуков), ср.: *милостливый* – *мостивый*; 3) грамматических форм, ср.: *баран* – *бараня*, *пан* – *паня*, *был* – *бывал*. В результате указанных изменений меняется рифма: в интерпретации Марьяны из мужской (в оригинале) она становится женской, звучит мягче, нежнее. Кроме этого, в песне Марьяны в обращениях «собеседников» неслучайно отсутствует притяжательное местоимение «мой». Представляется,

что эту песню она поет про себя: это она трудится, а взамен получает только выговоры, это она – тот самый неприкаемый «бараня» – плачет от обиды, только, в отличие от него, ей некому поведать свою печаль.

Чтобы лучше понять значение этого текста в речи Марьяны, необходимо вспомнить историю ее жизни, сироты, всю жизнь прожившей в глуши, где не знали электричества, и на старости лет взятой нянькой в семью своей дальней родственницы. Будучи целый день занятой по хозяйству, она не успевала грустить, но вечером, перед сном, ей становилось горько от одиночества, и она, как могла, выражала свои чувства в песне.

В заключение приведем один фрагмент речи Марьяны, иллюстрирующий языковые явления, о которых шла речь в данной работе:

Коньком Марьяны, пользовавшимся наивысшим и постоянным успехом у всего райцентра, было сказание о нашей семье, нескончаемая дотошная сага, в которой отец с матерью выступали в качестве главных героев, а мы с братом и кошка как второстепенные персонажи (1):

*– Ходят! – интригуяюще воздвигалась она перед отшатывающимся прохожим. – Старший сын ходит и младший. Старший – лунатик, ему луна надо, а младшему – горшок. Как покойники, с закрытыми очами шастают. И хозяин топает. С вечера выпьет горелки, а потом давай ему воды озеро. И не абы какой, а шипучей, с содой (2)! А лучше с медом! И matka шаркает. Капли от сердца пьют... (3) **Нервенная** очень! Чуть что не так – в крик! И кошка гоцает. Глаза, что лампы! И по чердаку некто грукат... **Весь дом ходуном ходит!**... Одна я лежу, **никини!** [1, с. 139].*

В данном примере Марьяна с присущей ей непосредственностью несколькими штрихами нарисовала образы всей семьи, включая кота, привидение и дом в целом. Здесь мы видим взаимодействие планов повествования разных героев: автора (1), отца (2), матери (3) и самой няньки (4). Говоря о языковых средствах, нельзя не упомянуть фонетические (*нервенная*) и лексические (диалектизмы (*никини*), просторечные слова (*шастают, нервенная*), фразеологизмы (*ходуном ходит*)) средства.

Выводы

Лингвистический анализ речевого портрета главной героини повести В. Казакевича «Охота на майских жуков» позволил нам выявить специфику ее речи: 1) частотное нарушение фонетических норм грубо-просторечного характера (*теревизер, втыкну, спинжак, страхолюдина* и др.); 2) оперирование текстами простонародных архаичных форм (песнями, пословицами, поговорками и т.д.); 3) употребление просторечных слов; 4) частотное использование белорусизмов (*нема, сховать, грукать* и др.), однотипных грамматических диалектизмов (*ложуся, молюся, напыюся*).

Таким образом, обилие в речи Марьяны шаблонов свидетельствует об известной консервативности, стабильности языковой личности, у которой, однако, есть и обратная сторона – надежность: ведь ей доверяли детей, дом, хозяйство. Частотное оперирование известными текстами сигнализирует о «нев्यраженности» (по Ю. Н. Караулову) творческого начала. С другой стороны, Марьяна выступает как носитель словесной художественной традиции, духовной культуры, в которой отражен многовековой опыт белорусского народа.

Литература

1. Казакевич, В. Охота на майских жуков : повесть / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 188 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность : моногр. / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд., стер. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Маслоу, А. Психология бытия ; пер. с англ. О. О. Чистякова / А. Маслоу. – М. : Рефл-бук, 1997. – 304 с.

References

1. Kazakevich, V. (2009) *Ohota na majskih zhukov [Hunting for may bugs]*. Moscow, Filimonov Publishing house (In Russ).
2. Karaulov, Y. N. (2010) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost': monografiya [Russian language and language personality: monograph]*. Moscow, LKI (In Russ).
3. Maslou, A. *Psihologiya bytiya (1997); perevod s anglijskogo O.O. Chistyakova [The psychology of being]*. Moscow, Refl-book (In Russ).

811.161.1'42 : 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЕКСТЕ РОМАНА И. С.ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»

М.Чикиль,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: chikilmaria1504@gmail.com

Статья посвящена проблеме вербализации негативных эмоциональных оценочных значений в тексте романа И. С. Тургенева «Накануне». Значение оценки как лингвистической категории выражается в том, что она отражается в различных языковых функциях. Оценка – это мнение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желания, поощрение и так далее, что является одной из основных частей стилистической окраски. Категория оценки связана с модальностью, экспрессивностью и эмоциональностью и выражается равноуровневыми средствами. Эмоциональная оценка – оценка, которая отображает душевное состояние. В исследуемом тексте были выявлены негативные оценочные значения, выражающие стыд, отчаяние, грусть, страх.

Ключевые слова: оценка, оценочные значения, эмоциональная оценка, вербализация оценочных значений.

THE PECULIARITIES OF VERBALISATION OF NEGATIVE EMOTIONAL EVALUATIVE MEANINGS IN THE TEXT OF THE NOVEL BY I.S.TURGENEV “ON THE EVE”

M. Chykil,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus
E-mail: chikilmaria1504@gmail.com

The article deals with the problem of verbalization of emotional evaluative meaning in the text of the novel by I.S. Turgenev “On the Eve”. The significance of evaluation as a category is expressed in the fact that it is reflected in various language functions. Evaluation is the opinion of the speaker, his attitude – approval or disapproval, desires, encouragement and so on; one of the main parts of stylistic connotation. The category of evaluation is associated with modality, expressiveness and emotionality. It is expressed in multilevel means. Based on the analysis of the in the text, the author identifies negative emotional evaluative meanings, expressing shame, despair, sadness, fear.

Key words: evaluation, evaluation meaning, emotional evaluation, verbalization of the evaluation.

Введение

Лингвистические исследования последних десятилетий уделяют повышенное внимание вопросам вербализации эмоционально-чувственной сферы человека. Изучение эмоций в рамках лингвистики вполне очевидно, поскольку человек в современной парадигме исследований рассматривается не только как существо разумное, но и чувствующее.

Языковой экспрессивности и оценке посвящены работы многих исследователей, изучающих вопросы формирования экспрессивного и оценочного значения на разных уровнях языка, функционирование экспрессивных и оценочных единиц в тексте и дискурсе, связи языковой оценки и различных характеристик личности (гендерных, национальных, психологических), связи экспрессивности со стилистической маркированностью лексем и т. д. Большой вклад в изучение языковой оценки и экспрессивности внесли Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, Н. А. Лукьянова, А. Ф. Папина, на исследования которых мы в значительной степени ориентировались при написании данной статьи.

Актуальность исследования определена необходимостью изучения эмоциональных оценочных значений, в том числе и негативных, на конкретном языковом материале, а именно, в тексте романа И. С. Тургенева «Накануне».

Цель нашего исследования – выявить особенности вербализации негативных эмоциональных оценочных значений в тексте романа И. С. Тургенева «Накануне». Достижению цели исследования способствует постановка и решение таких задач:

1. Исследовать понятия эмоциональной оценки и экспрессивности в системе языка и художественной речи.
2. Проанализировать существующие в науке классификации оценки, в том числе эмоциональной.
3. Охарактеризовать средства вербализации эмоциональных оценочных значений в тексте романа И. С. Тургенева «Накануне».

Результаты исследования

А. Ф. Папина дает следующее определение оценки: «Оценка – это непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами его чувств действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [5, с. 267].

Под оценкой (оценочной семой) понимается закрепленное в семантической структуре слова оценочное значение, которое реализует отношение языкового коллектива к соотносительному со словом понятию или предмету с точки зрения противопоставления положительное / отрицательное или с точки зрения соответствия / несоответствия общепринятым нормам [2, с. 225].

Е. А. Баженова предлагает следующее определение указанной лингвистической категории: «Категория оценки – совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [6, с. 139].

Обобщая вышеизложенные дефиниции и общие положения относительно природы категории оценки, можно сформулировать следующее определение: нами оценка понимается как отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям.

Категория оценки связана с модальностью, экспрессивностью и эмоциональностью и выражается разноуровневыми средствами. Мы согласны с мнением Н. А. Лукьяновой, которая утверждает, что семантические категории оценки и экспрессивности не включают одна другую, но могут пересекаться, поскольку лексические единицы совмещают различные функции и свойства [3, с. 5]. В работах, посвященных оценке, исследователи при анализе языковых явлений в зависимости от поля научных интересов обращаются к различным критериям, по которым можно выделять типы оценок. Например, Е. М. Вольф на основе аксиологического критерия оценочные значения подразделяет на **положительное** (мейоративное) и **отрицательное** (пейоративное) [1, с. 16]. Данная

классификация носит наиболее обобщенный характер, позволяя только ответить на вопрос: положительно или отрицательно относится автор высказывания к объекту действительности. Необходимо заметить, что разделение оценок на положительные и отрицательные – важный этап при анализе материала, который позволяет в дальнейшем исследовать преобразования системного оценочного значения в речи, а также составить первичное представление о ценностной картине мира субъекта высказывания. Так как наше исследование посвящено анализу именно эмоциональных оценочных значений, остановимся более подробно на эмоциональной оценке. Термин *эмоциональная оценка* образован от латинского *emovere* – возбуждать, волновать чувства, эмоциональный, эмоция. Эмоциональная оценка обозначает положительные и отрицательные чувства говорящего, которые были вызваны действиями объекта. А. Ф. Папина считает, что положительные и отрицательные оценки со значением эмоции могут быть выражены абсолютной и сравнительной формами, модальными словами, вводными словами, логическим ударением и порядком слов [5, с. 270].

Т. А. Космеда относит эмоциональную оценку к разряду «эмоционально-чувственная оценка», определяет ее как оценку, которая отображает душевное состояние (оценку духовности нации, духовности человека, оценку чувств и эмоций, оценку идеального и материального в восприятии мира) [2, с. 101].

В психологических исследованиях не существует одной определенной классификации эмоциональных состояний, они могут варьироваться от множества, где каждое языковое обозначение вербализирует другое эмоциональное состояние, до обобщенных классификаций. В исследуемом тексте были выявлены негативные оценочные значения, выражающие стыд, отчаяние, грусть, страх.

Грусть, одиночество, тоска

Духовный мир героев романа «Накануне» богат, многогранен и проявляется не только через человеческие отношения, но сквозь призму восприятия природы. Описания природы и чувств человека в тексте романа содержат эмоциональные оценочные значения, репрезентированные различными языковыми средствами: олицетворениями *немая природа, природа не отзовется, природа будет звучать и ныть*, метафорическими сравнениями *ныть, как струна, а песни от нее не жди*, именами существительными и именами прилагательными, обозначающими эмоции человека *чувство, беспокойство, тревога, грусть, тоскливые ощущения*, глаголами: *возбуждает, люблюсь*.

Отдельного внимания заслуживают оценочные значения, репрезентирующие одиночество Елены: *«Родительская власть никогда не тяготела над Еленой, а с шестнадцатилетнего возраста она стала почти совсем независима; она зажила собственно своею жизнью, но жизнью одинокою. Ее душа и разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял ее, никто ее не удерживал, а она рвалась и томилась. <...> «Как жить без любви? а любить некого!» – думала она, и страшно становилось ей от этих дум, от этих ощущений»* [7, с. 27]. В данном примере эмоциональные оценочные значения выражены именем прилагательным *одинокая*, наречием *одиноко*, метафорой *душа разгоралась, рвалась и томилась*, сравнением *ее душа билась, как птица в клетке*, отрицательным местоимением *некого* в сочетании с глаголом *любить*.

Одиночество героини является причиной ее печали: *«Я сегодня подала грош одной нищей, а она мне говорит: отчего ты такая печальная? А я и не подозревала, что у меня печальный вид. Я думаю, это оттого происходит, что я одна, всё одна, со всем моим добром, со всем моим злом. Некому протянуть руку. Кто подходит ко мне, того не надобно; а кого бы хотела... тот идет мимо»* [7, с. 69]. Эмоциональная оценка

в данном примере выражена при помощи морфологических средств, а именно имени прилагательного *печальный*, *одна*, отрицательного местоимения *некому*.

Это известие печальнее того, которое я же ей сообщил когда-то: странно, как судьба меня всё ставит третьим лицом между ними! [7, с. 104]. Эмоциональная оценка в данном примере выражено сравнительной степенью имени прилагательного.

Сравнение может репрезентировать эмоциональную оценку: *«Она бросилась лицом на диван, старалась заглушить их, но всё ее тело поднималось и билось, как только что пойманная птичка»* [7, с. 105]. Грусть, отчаяние Елены, ее страдания сравниваются с мучениями только что пойманной птицы.

Стыд, смущение, неловкость

Эмоциональные оценочные значения, репрезентирующие чувства стыда, смущения, неловкости, в тексте романа «Накануне» представлены в 29 микротекстах.

В большинстве случаев указанный вид эмоциональных оценок репрезентирован словами категории состояния и глаголами: *ей становилось совестно; спокойствие Инсарова ее смущало*: Указанный вид эмоциональной оценки может быть также выражен метафорой: *«Ему вдруг стало совестно и неловко. Грешно петь там, где лежит покойник; а в это мгновение, в этой комнате, умирало то прошлое, о котором он упомянул, прошлое людей, собравшихся в нее. Оно умирало для возрождения к новой жизни, положим... но все-таки умирало»* [7, с. 129]. В данном микротексте присутствуют не только слова категории состояния *совестно* и *неловко*, но и метафора *умирало прошлое*. И именно процесс потери прошлого, памяти о прошлом вызвал эмоции стыда, смущения и неловкости.

Гнев, злость, раздражение

Эмоциональные оценочные значения, репрезентирующие эмоции гнева, злости, раздражения, эксплицированы в 22 микротекстах. Выражены эти оценки лексическими и грамматическими средствами языка. Приведем примеры использования фразеологизмов: *«Нет, Николай Артемьевич, вы сегодня с самого вашего приезда не в духе»* [7, с. 33].

«И ни сколько это всё не нужно, – проговорил сквозь зубы Николай Артемьевич и снова принялся шагать по комнате» [7, с. 33].

Глаголы также выражают указанную эмоциональную оценку: *«Я хочу знать, чем он мог вас прогневать»* [7, с. 33].

На синтаксическом уровне эмоциональная оценка выражена восклицательными предложениями:

Страх, испуг

Эмоциональные оценочные значения, эксплицирующие эмоции страха, испуга, вербализованы в 22 примерах.

В процессе исследования микротекстов был обнаружен случай употребления авторского неологизма: *«Легкий шорох, подобный шелесту женского платья, поднимался по временам в верхушках близких деревьев и возбуждал в Берсенева ощущение сладкое и жуткое, ощущение полустраха»* [7, с. 20].

Еще одним лексическим средством выражения эмоциональной оценки является оксюморон: *«Первым ощущением Елены, когда она проснулась, был радостный испуг»* [7, с. 88]. По В. П. Москвину, оксюморон – «фигура алогизма, состоящая в сочетании противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость, сложность объекта» [4, с. 208].

Морфологические средства выражения указанного типа негативных оценочных значений представлены глаголами: *«Она очень испугалась в первую минуту; потом ее поразило выражение его лица; потом она всё размышляла»* [7, с. 66].

Характерной особенностью эмоциональных оценочных значений и эмоциональных состояний является то, что они могут интенсифицироваться. Они могут быть более сильными и более слабыми. В тексте романа можем наблюдать различные степени эмоций, от состояния *полустраха* до *радостного испуга*, состояния *очень испугалась*, и, наконец, *страх овладел ею*: «**Страх овладевал ею, и она досадовала на свое малодушие**» [7, с. 89]. В данном случае средством вербализации эмоциональных значений является фразеологизм. С позиции наивной картины мира человек, как носитель эмоций, характеризуется определенной целостностью. Если речь идет об эмоциях, то они обычно охватывают человека полностью, овладевают им, что и можем наблюдать в примерах, описанных выше.

Выводы

Изучив вербализацию эмоциональных оценочных значений в тексте романа И. С. Тургенева «Накануне», мы пришли к следующим выводам: эмоциональные оценочные значения, характеризующие чувства грусти, одиночества, тоски выражены в тексте романа в 73 примерах и являются самыми распространенными. Репрезентированы они олицетворениями, метафорами, метафорическими сравнениями, именами существительными и именами прилагательными, обозначающими эмоции человека, отрицательными местоимениями, глаголами, сравнениями. Эмоциональные оценочные значения, репрезентирующие чувства стыда, смущения, неловкости, в тексте романа «Накануне» представлены в 29 микротекстах. В большинстве случаев указанный вид эмоциональных оценок репрезентирован словами категории состояния и глаголами, но был обнаружен единичный случай употребления метафоры. Эмоциональные оценочные значения, репрезентирующие эмоции гнева, злости, раздражения, эксплицированы в 22 микротекстах. Указанные оценочные значения в тексте романа выражены фразеологизмами, лексикой со сниженной стилистической окраской, глаголами, восклицательными предложениями. Эмоциональные оценочные значения, эксплицирующие эмоции страха, испуга, вербализированы в 22 примерах. Репрезентированы указанные эмоциональные значения оксюморонами, авторскими неологизмами, глаголами.

Проведенный анализ позволяет нам утверждать, что наиболее высокочастотными среди негативных оценочных значений являются значения, выражающие грусть, тоску, одиночество, причем последние обладают наиболее широким диапазоном средств вербализации.

Литература

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 3-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
2. Космеда, Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики : формування і розвиток категорії оцінки / Т. А. Космеда. – Л. : ЛНУ ім. Франка, 2000. – 350 с.
3. Лукьянова, Н. А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / под ред. Н. А. Лукьяновой. – Новосибирск : НГУ, 1991. – С. 23–33.
4. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи : Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – 2-е изд., существ. перераб. и доп. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
5. Папина, А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории : учебник для студентов – журналистов и филологов / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
7. Тургенев, И. С. Накануне. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит., 1979. – 334 с.

References

1. Vol'f, E. M. (2006). Funkcional'naja semantika ocenki. – Moscow : KomKniga (In Russ).

2. Kosmeda, T. A. (2000). Aksiologichni aspekti pragmalingvistiki: formuvannja i rozvitok kategorii ocinki. – Lviv : LNU im. Franka (in Ukr).
3. Luk'janova, N. A. (1991). Jekspressivnost' kak semanticheskaja kategorija [Jazykovye kategorii v leksikologii i sintaksise]. – Novosibirsk : NGU, 23–33 (In Russ).
4. Moskvina, V. P. (2006). Vyrzitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi : Tropy i figury. Obshhaja i chastnye klassifikacii. Terminologicheskij slovar'. – Moskow : LENAND (In Russ).
5. Papina, A. F. (2002). Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii : uchebnik dlja studentov – zhurnalistov i filologov. – Moskow : Editorial URSS (In Russ).
6. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka (2006) / pod red. M. N. Kozhinoj. – Moskow : Flinta : Nauka (In Russ).
7. Turgenjev, I. S. (1979). Nakanune. Otcy i deti. – Moskow : Hudozh. Lit. (In Russ).

УДК 811.161.1'42'271'371:177.62:821.161.1

**О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
(на материале повести И. А. Бунина «Митина любовь»)**

О.Л. Ючко,

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: o.yuchko@mail.ru

В статье на материале повести И. А. Бунина «Митина любовь» проводится анализ лексической репрезентации эмоциональных состояний персонажей, связанных любовными отношениями. Характеризуются стилистически окрашенные лексические единицы, отражающие чувства и поступки главных героев в ситуациях эмоционального напряжения. Выявляются лексические единицы, используемые писателем для создания психологического портрета персонажей, по-разному понимающих сущность любви.

Ключевые слова: лексика, семантика, эмоциональная оценка, любовь-мания, любовь-игра.

**ABOUT THE LINGUISTIC EXPRESSION OF LITERARY CHARACTERS' EMOTIONAL STATES
(based on the story of I. A. Bunin «Mitya's love»)**

O. L. Yuchko,

post-graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: o.yuchko@mail.ru

On the basis of the story of I. A. Bunin «Mitya's love» the article analyzes lexical representation of emotional states of the characters whose relationships may be identified as love. Stylistically colored lexical units reflecting the feelings and actions of the main characters in situations of emotional stress are characterized. The lexical units used by the writer to create a psychological portrait of characters which understand the essence of love in different ways are identified.

Key words: vocabulary, semantics, emotional assessment, love-mania, love-play.

Общеизвестно, что весьма востребованной и «беспроегршной» темой для большинства произведений художественной литературы является тема любви, позволяющая автору построить увлекательный сюжет, который, в свою очередь, приводит к необычному, а порой и интригующему финалу-развязке. Вполне естественно, что лексические средства, вербализующие концепт «любовь» в художественном тексте,

обладают ярко выраженной эмоционально-оценочной окраской, позволяющей выразить сложные, противоречивые эмоциональные состояния персонажей. Реализующаяся в этом случае экспрессивная функция языка заключается в том, чтобы с помощью образных вербальных средств выразить определенное языковое содержание, связанное с качественно-количественной характеристикой персонажей и их эмоциональной оценкой субъектом. При этом «все стилистически окрашенные единицы являются средствами образности и яркости, которые помогают интерпретировать эмоциональную картину мира действующих лиц произведения» [7, с. 56].

Цель данной статьи заключается в определении особенностей использования эмоционально-оценочной лексики при описании поведения литературных персонажей, которых связывают любовные отношения. В статье анализируется повесть И. А. Бунина «Митина любовь», завершающаяся трагическим финалом.

В восторженно-романтический интимный мир главного героя – студента Мити, влюбленного в Катю, ученицу театральной школы – читатель погружается в самом начале повести. Окружающее молодых людей пространство, наполненное теплой ранней весной, гармонично сливается с их безоблачным и, как кажется, счастливым мироощущением: «Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко», капли, высокие облака, влажно сияющее небо, высящийся в задумчивости Пушкин, сияющий Страстной монастырь, но важнее всего – хорошенькая, по-детски доверчивая Катя, дышавшая простосердечием и близостью. Автор и далее говорит о том, что Митя оказался «в сказочном мире любви, которого он втайне ждал с детства, с отрочества», «в вихре непрерывного счастья», но параллельно с этим рассматриваемое произведение постепенно наполняется негативно-оценочной лексикой, характеризующей эмоциональное состояние главного героя: он испытывает неприязнь и даже враждебность к окружающей Катю «артистической богеме». Настораживает юношу и постоянная демонстрация Катей своей показной зрелости, превосходства над ним, воспринимаемого им «как признак какой-то тайной порочной опытности»; особенно же неприятным было для Мити фальшивое, манерное чтение его девушкой стихов. Постепенно, пока еще неосознанно у юноши начинает складываться представление о какой-то раздвоенности и (в буквальном смысле слова) двуличности любимой девушки: «Нередко казалось, что как будто есть две Кати: одна та, которой с первой минуты своего знакомства с ней стал настойчиво желать, требовать Митя, а другая – подлинная, обыкновенная, мучительно не совпадавшая с первой». К тому же Митя постоянно испытывает неотступное чувство ревности, которое «выражается в болезненном переживании любого контакта любимого человека с объектом противоположного пола» [6, с. 221].

Следствием подобных глубоких переживаний становится восприятие, основанное на противоположных, взаимоисключающих эмоциях, выражаемыми соответствующими лексемами: *И Митя чувствовал и обостренную близость к Кате, и злую враждебность; и гордость ею, и вместе с тем разрывающую сердце боль....* Наиболее ярко двойкие ощущения Мити проявились во время чтения его девушкой на экзаменах стихотворения А. Блока «Девушка пела в церковном хоре»: Катя воспринималась им не просто как «вся чужая, публичная», но как противоречивая «смесь ангельской чистоты и порочности, которая была в ней». Внешне девушка выглядела как облаченный в белую одежду возвышенно-чистый ангел (*Катя горела жарким румянцем, смущением, голосок ее иногда срывался, дыхания не хватало, и это было трогательно, очаровательно*), но одновременно «читала она с той пошлой певучестью, фальшью и глупостью в каждом звуке, которые считались высшим искусством чтения в той ненавистной для Мити среде, в которой уже всеми помыслами своими жила Катя».

Морально подавленный герой принимает решение уехать в родную деревню, и это знаменует не только начало нового этапа для Мити, но и предопределяет его дальнейшие жизненные события. Будучи вдали от любимой девушки, он продолжает испытывать противоречивые чувства. С одной стороны, получив от нее наполненное любовными признаниями письмо, он оказывается в атмосфере охватившего его счастья и, как и раньше, ощущает себя в полной гармонии с природой: «*Мой любимый, мой единственный!*» – читал и перечитывал он – и земля плыла у него под ногами от этих восклицаний. Он поднял глаза: над садом торжественно и радостно сияло небо, вокруг сиял сад своей снежной белизной, соловей, уже чуя предвечерний холодок, четко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвения, щелкал в свежей зелени дальних кустов – и кровь отлила от его лица, мурашки побежали по волосам... Домой он шел медленно – чаша его любви была полна с краями». С другой стороны, длительное отсутствие писем от Кати неизбежно формирует у юноши тягостные и даже трагические предчувствия, включающие и суицидальные настроения (*Если через неделю письма не будет – застрелюсь!*).

Страдания юноши постепенно «вгоняют» его в маниакальное состояние, при котором он то *страшно плачет*, то *ходит как деревянный*, то есть лишенный естественной подвижности и всякого проявления чувств. Мироощущение героя «укладывается» в симптоматику развивающейся шизофрении – психического состояния, сопровождающегося бредом, галлюцинациями и апатией к окружающей среде [4, с. 431]: *Катя стала уже истинным наваждением. И всякий раз как он открывал глаза и взглядывал на луну, он тотчас же мысленно произносил, как одержимый: «Катя!» – и с таким восторгом, с такой болью.* Ключевым в данном случае является слово *наваждение*, которое используется для обозначения чего-то непонятного, необъяснимого, внушенного потусторонними злыми силами. С приведенной номинацией коррелирует и слово *одержимый*, реализующее в данном случае устаревшее значение ‘безумный, бесноватый’. Картина мира молодого человека еще в большей степени становится мрачной и безысходной после его греховной связи с деревенской женщиной, интересующейся у него сразу же после свидания покупкой свиней. Мы видим юношу, *совершенно пораженного разочарованием*, охваченного несбывшимися надеждами и ожиданиями; это человек, который *ничего не видит, ни на что не обращает внимания*. Поступок героя приводит к обратному эффекту, отчего он с еще большей силой впадает в депрессию, осознавая невозможность избавления от параноидальных мыслей о возлюбленной.

К тому же это событие почти совпало по времени с получением письма, в котором Катя фактически отрекается от прошлого и признается в измене (*Дорогой Митя, не помините лихом, забудьте, забудьте все, что было!*), используя для самооценки прилагательные *гадкая* и *испорченная*, а для характеристики Мити – определения *чуткий* и *умный*. Очевидно, что приведенные слова, «наложившиеся» на картину мира молодого человека, наполненную обреченностью и отчаянием, сыграли роль своеобразного триггера в его суициде.

Следует отметить, что любовная тема в произведениях И. А. Бунина нередко приобретает трагический оттенок: «Над изображаемой Буниным любовью, возвышенной до экстаза, одновременной чувственной и поэтичной, часто тяготеет некий слепой трагический рок» [8, с. 20].

В речевом поведении Кати обращает на себя внимание лексика, оценивающая внешность главного героя: отмечая *мальчишескую неловкость* Мити, его *большой рот*, девушка подчеркивает, что именно за это и его *византийские* (то есть выразительные, как на иконах) *глаза* она его любит. На основании этого можно сказать, что в данном

случае речь может идти лишь о неглубоком чувстве – увлеченности, симпатии. Сравн.: «Симпатия – это когда нравится внешность, влюбленность – когда нравится внешность и характер, а любовь – это когда нравятся даже недостатки» (А. де Сент-Экзюпери).

Именно сосредоточенность Кати на недостатках Мити, вызванных его ревнивым отношением к ней, постепенно формирует у юноши комплекс негативных представлений. Главный герой осознает, что их отношения для его возлюбленной подобны сценической игре, именно поэтому она так склонна к смене настроений, выражающейся в противоречивых высказываниях. С одной стороны, Катя употребляет грубоватую по форме, но ласкательно-примирительную по содержанию конструкцию *какой ты глупый*, а с другой – театральнo-пафосно упрекает близкого человека: *Ты любишь только мое тело, а не душу!*

Негативно-оценочными являются и номинации-онимы, которые использует склонная к экзальтации девушка по отношению к молодому человеку: *Вы, Митя, вообще рассуждаете о женщинах по Домострою. И из вас выйдет совершенный Отелло*. Отождествляя высказывания и поведение Мити с Домостроем – символом патриархального, консервативного семейного уклада, и шекспировским Отелло – «классическим» патологическим ревнивцем, героиня повести тем самым способствует усилению «комплекса неполноценности» Мити. Сравн. также ее обескураживающее высказывание: *Вот уж никогда бы не влюбилась в вас и не пошла за вас замуж*.

Обратим также внимание на использование Катей совершенно не свойственного для взаимоотношений влюбленных формата «Вы-общения», с помощью которого девушка намеренно демонстрирует «барьерность» их отношений, несовместимость мировоззрения. Как известно, «Вы»-обращение, подразумевающее уважительное отношение к постороннему либо малознакомому человеку, в ситуации общения близких людей устанавливает между ними некоторую дистанцию [1, с. 529].

В довершение ко всему Митя узнает, что руководитель театральной школы не только «кружил Кате голову похвалами», но и вообще поступал по отношению к своим воспитанницам откровенно аморально: «режиссер развращал учениц, каждое лето увозил какую-нибудь с собой на Кавказ, в Финляндию, за границу». Вполне естественна поэтому основанная на ревности подозрительность молодого человека: «Мите стало приходиться в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая хотя и не виновата в этом, все-таки, вероятно, это чувствует, понимает и потому уже как бы находится с ним в мерзких, преступных отношениях».

Очевидно, что для обоих героев произведения любовные отношения становятся тяжелым грузом. Юноша интуитивно ощущает неискренность и наигранное, театрально-фальшивое отношение к нему девушки, страстно увлеченной не столько театральным искусством, сколько внешними проявлениями богемной театральной жизни, связанной с успехами и общественным признанием.

Таким образом, рассмотренные средства языкового выражения поведения главных героев повести И.А. Бунина «Митина любовь» наглядно свидетельствуют о «разности миров», «полярности» их жизненных позиций. В данном случае есть основания говорить также о несовместимости разных проявлений любовного чувства: с одной стороны – любви-мании, определяемой как ‘любовь-одержимость, заставляющая страдать влюбленного человека’, а с другой – любви-людус, которая понимается в психологии как ‘гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность измены’ [3, с. 55].

Мироощущение Мити в финальной части повести описывается номинативными единицами, передающими наступившую депрессию, душевную опустошенность и тупиковость жизненной ситуации: *летаргическое оцепенение, необъяснимая тревога,*

ужасное предчувствие; необъяснимый, все растущий ужас; чудовищная противоестественность человеческого соития; грубость жизни, ее равнодушие, беспощадность к нему и др. Будучи уверенным в том, что жизнь без любви пуста и никчемна, что невозможно «спасти свою прекрасную любовь в том прекраснейшем весеннем мире, который еще так недавно был подобен раю», главный герой произведения И. А. Бунина «Митина любовь» принимает решение о суициде. Согласно исследованиям психологов, около 76 % случаев самоубийств из-за неразделенной любви совершают лица в возрасте до 25 лет, 30 % из которых составляют юноши и девушки, испытывающие маниакальные чувства любви [6], характерные для героя повести И. А. Бунина «Митина любовь».

Литература

1. Балаклай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Балаклай. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Ильин, Е. П. Психология любви / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.
4. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
5. Смирнов, А. М. Суицид из-за неразделенной любви как социально-психологическая проблема / А. М. Смирнов // Прикладная юридическая психология, 2018. – С. 116–122.
6. Малярчук-Прошина, У. О. Использование экспрессивно-оценочной лексики в текстах СМИ / У. О. Малярчук-Прошина // Евразийский союз ученых, 2018. – С. 56–59.
7. Кулешов, Ф. И. Мир бунинской прозы / Ф. И. Кулешов // Иван Алексеевич Бунин. Избранное. – Минск: Вышэйшая школа, 1982. – С. 2–20.

References

1. Balaklaj, A. G. (2001). *Slovar' russkogo rechevogo jetiketa [Dictionary of Russian speech etiquette]* : 2-e izd. – Moskow : AST-PRESS. (In Russ).
2. Kuznecov, S. A. (2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyk [Great Dictionary of Russian language]*. – Saint Petersburg. : Norint (In Russ).
3. Il'in, E. P. (2013). *Psihologija ljubvi [Psychology of love]*. – Saint Petersburg : Piter (In Russ).
4. Nemov, R. S. (2007). *Psihologicheskij slovar' [Dictionary of psychology]*. – Moskow : VLADOS (In Russ).
5. Smirnov, A. M. (2018). *Suicid iz-za nerazdelennoj ljubvi kak social'no-psihologicheskaja problema. Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Suicide caused by unrequited love. Adjoining legal psychology]*, 116–122 (In Russ).
6. Maljarchuk-Proshina, U. O. (2018). *Ispol'zovanie jekspressivno-ocenochnoj leksiki v tekstah SMI. Evrazijskij sojuz uchenyh [The use of expressive-evaluative vocabulary in media texts. Eurasian Union of Scientists]*, 56–59 (In Russ).
7. Kuleshov, F. I. (1982). *Mir buninskoj prozy [World of Bunin's prose]*. – Minsk : Vyshhejschaja shkola, 2–20 (In Russ).

ТЕКСТ, ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

УДК 81'367.623:[811.161.3+811.111]

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ АЛЬФАКТОРНЫХ АД'ЕКТЫВАЎ У АНГЛІЙСКОЙ МОВЕ

В.І. Жук,

аспірант кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
E-mail: ubimgr@mail.com

У артыкуле даследуюцца рэпрэзентацыі меліяратыўных, пеярэтыўных і нейтральных альфакторных намінацый у англійскай мове, а таксама семантычнай дэрывацыі альфакторных лексем. Закранаецца пытанне кантэкстна-залежнага выкарыстання стылістычна-нейтральных моўных адзінак. Праводзіцца квантытатыўны аналіз размеркавання лексічных адзінак у кожнай групе праз які прасочваецца асаблівасці ўспрымання і кагнітыўнай інтэрпрэтацыі феномену паху ў англійскай мове.

Ключавыя словы: альфакторная намінацыя; лексіка-семантычны варыянт; канатацыя; лексічная прастора; прыметнік; кагнітыўная інтэрпрэтацыя.

REPRESENTATION OF OLFACTORY ADJECTIVES IN ENGLISH LANGUAGE

V.I. Zhuk,

graduate student of the Department of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus
E-mail: ubimgr@mail.com

The article is dedicated to the studies of the representations of meliorative, pejorative and neutral olfactory nominations in English, as well as the semantic derivations of olfactory lexemes. The issue of context-dependent use of stylistically neutral language units is touched upon. A quantitative analysis of the distribution of lexical units in each group through which the features of perception and cognitive interpretation of the phenomenon of odor in English are traced.

Key words: olfactory nomination; lexical-semantic variant; connotation; lexical space; adjective; cognitive interpretation.

Пытанне аб суадносінах мовы і мыслення з'яўляецца адным з самых актуальных і шматгранных пытанняў у сучаснай лінгвістыцы. Увесь комплекс адчуванняў, асацыяцый і ўражанняў, якія ўзнікаюць у ходзе кантактаў чалавека з навакольным светам, знаходзіць адлюстраванне ў кагнітыўнай мадэлі ўспрымання свету, якая вербалізуецца пры дапамозе моўных сродкаў. Такім чынам, мова і мысленне чалавека знаходзяцца ў пастаянным узаемадзеянні. Усё, што чалавек пазнае пра навакольны свет у працэсе сваіх штодзённых кантактаў з ім, фіксуецца ў мове праз канкрэтныя мадэлі.

Пазнанне навакольнага свету чалавекам уяўляе сабой комплексны працэс. У самым пачатку гэтага працэсу кожны феномен навакольнага свету праходзіць апрацоўку органамі пачуццяў. Услед за гэтым адбываецца яго лагічнае асэнсаванне, якое суправаджаецца катэгарызацыяй. Усе віды пачуццёвага ўспрымання маюць

важную ролю ў працэсе спасціжэння чалавекам навакольнага свету, таму ўспрыманне пахаў можна лічыць культурна значным феноменам у жыцці чалавека.

Альфакторнае ўспрыманне цесна звязана з эмацыянальна-псіхалагічнай сферай быцця чалавека і нярэдка мае суб'ектыўны характар. Моўныя сродкі, якія выкарыстоўваюцца чалавекам пры апісанні пахаў, даволі абмежаваныя, што робіць феномен паху спецыфічным аб'ектам лінгвістычнага даследавання. Індывідуальныя асаблівасці ўспрымання пахаў робяць лексіку, праз якую вербалізуюцца пахі, важнай крыніцай інфармацыі пра ролі пахаў у соцыуме.

Самая вядомая класіфікацыя пахаў належыць К. Лінею, які ў 1756 годзе ў межах сваёй тэорыі падзяліў усе пахі на сем класаў [2]. Дзмітрый Захар'ін адзначае, што працэс успрымання пахаў складаецца як з інстынктыўных рэакцый, так і культурна набытых звычак [1].

У лінгвістычнай навуцы маецца шэраг работ, прысвечаных аспектам чалавечага ўспрымання, аднак праблема апісання лексікі альфакторнай семантыкі змяшчае істотныя пласты слаба распрацаванай лексікі. Асноўная прычына, на думку Н. С. Паўлавай, – адрозненне нюху ад усіх іншых падсістэм успрымання, якое заключаецца ў тым, што найважнейшую перашкоду для культурна-эстэтычнай інтэграцыі і ацэнкі ўяўляе сама мова апісання дадзенай сферы і, адпаведна, здольнасць дадзенаю сфераю асэнсаваць [3].

Улічваючы ўплыў антрапацэнтрызму, звязаны з працэсам альфакторнага ўспрымання, пахі, якія акружаюць чалавека, магчыма класіфікаваць паводле іх эмацыянальнага ўздзеяння на чалавека. Абагульненая класіфікацыя пахаў, якія ўспрымаюцца чалавекам, можа быць падзелена на тры асноўныя групы (тэматычныя блокі): прыемныя (меліяратыўныя), непрыемныя (пеяратыўныя) і нейтральныя па сваім характары пахі.

Варта адзначыць, што нейтральныя пахі ўключаюць лексічныя адзінкі, якія пазначаюць наяўнасць паху без удакладнення характару яго праявы. Аднак нейтральныя пахі з'яўляюцца адноснай па сваёй прыродзе, кантэкстна-залежная. Такія лексемы, акрамя асноўнага, нейтральнага значэння, могуць уключаць аўтарскія кантэкстныя другасныя лексіка-семантычныя варыянты адмоўных або станоўчых характарыстык. Акрамя таго, некаторыя даследчыкі вылучаюць чацвёртую групу «безпахавых» альфакторных намінацый, аднак у сучаснай англійскай мове большасць гэтых лексем выйшлі з ўжывання, або выкарыстоўваюцца пераважна ў спецыялізаваных тэкстах [4].

Да групы адзінак якія ўключаюць меліяратыўныя ЛСВ можна аднесці наступныя лексемы: *evocative* (абуджальны), *comforting* (заспакаяльны), *delicate* (далікатны), *intoxicating* (п'янючы), *ambrosial* (амбразійны), *aromatic* (араматны), *piquant* (пікантны), *delicious* (смачны), *redolent* (пахучы), *fresh* (свежы), *fragrant* (араматны), *perfumed* (духмяны), *rich* (багаты), *scented* (духмяны), *sweet* (салодкі).

Пеяратыўнасцю ЛСВ характарызуюцца адзінкі *fetid* (смуродны), *frowsty* (прэлы), *funky* (дрэжны), *fusty* (затхлы), *heady* (ап'яняльны), *acrid* (едкі), *malodorous* (смуродны), *musty* (затхлы), *nasty* (азідны), *nauseating* (ташнатворны), *noisome* (шкодны), *overpowering* (моцны), *pingent* (едкі), *putrid* (гниласны), *rancid* (прагорклы), *ripe* (спелы), *sickly* (хваробны), *sickening* (ташнатворны), *smelly* (пахучы), *stale* (нясвежы), *stinking* (смуродны), *stuffy* (душны).

Нейтральнае значэнне маюць словы *antiseptic* (антысептычны), *faint* (слабы), *heavy* (цяжкі), *laden* (цяжкі), *odorless* (безпахавы), *powerful* (моцны), *damp* (вільготны), *sour* (кіслы), *savory* (саланаваты), *tangy* (кіславаты), *hot* (гарачы), *citrusy* (цытрусавы), *coppery* (медны), *earthy* (земляны), *fishy* (рыбны), *floral* (раслінны), *flowery* (кветкавы), *fruity* (фруктовы), *garlicky* (часночны), *lemony* (лімонны), *minty* (мятны), *peachy* (персікавы), *woody* (драўляны), *smoky* (дымны).

Агульная колькасць разглядаемых намінацый – 62 лексічныя адзінкі, з якіх 15 былі аднесены да меліяратыўных, 22 – пеяратыўных, 25 – нейтральных.

Самую вялікую групу ўтвараюць нейтральныя ЛСВ, аднак гэта адбываецца ў значнай меры за кошт сінэстэтычных ад'ектываў што пазначаюць пахі раслін, істот, матэрыялаў і г. д., якія налічваюць 13 слоў. Моўная сістэма выкарыстоўвае лексічныя адзінкі з іншых тэматычных груп, прыстасоўваючы іх да вербалізацыі альфакторнай прасторы, у выніку чаго фарміруюцца такія ад'ектывы, як *heavy* (цяжкі), *citrusy* (цытрусавы), *fishy* (рыбны), *garlicky* (часночны) і інш. Лексемы, што па сваёй семантыцы адносяцца да розных сфер пачуццёвага ўспрымання адначасова, распаўсюджаны як у англійскай, так і ў беларускай і рускай мовах. Яны валодаюць асаблівай прагматычнай функцыяй, апелюючы да пачуццяў на розных узроўнях успрымання і выклікаючы пэўныя асацыяцыі. Акрамя таго, варта памятаць, што большасць адзінак гэтай групы кантэкстна-залежныя і могуць быць выкарыстаны як са станоўчай, так і з адмоўнай канатацыяй.

Пеяратыўныя намінацыі колькасна істотна пераважаюць над меліяратыўнымі, што можа сведчыць аб складанасці вербалізацыі густаторна-альфакторных адчуванняў, якія абумоўлены сацыялагічнымі і фізіялагічнымі аспектамі, а таксама з'яўляецца прыкладам цікавасці чалавека да феномену непрыемнага паху, якая праяўляецца праз наяўнасць шырокага спектру асацыяцый. Шэраг прыметнікаў с семай непрыемнага паху валодаюць другаснымі намінацыямі, якія развіліся на аснове семантычных зрухаў, напрыклад выкарыстанне ад'ектыва *stinking* (смуродны) для апісання непрыемнай сітуацыі, *funky* (дрэнны) для выказвання падазрэнняў і г. д. Праз выкарыстанне пеяратыўных альфакторных намінацый можа давацца адмоўная характарыстыка чалавека або цэлай групы людзей (іх характараў, нораваў, стаўленняў і паводзін), напрыклад *musty* (затхлы) для пазнання людзей са старамоднымі поглядамі.

З пункту гледжання дэрывацыі альфакторныя лексемы магчыма падзяліць на наступныя падгрупы:

– уласна альфакторныя, для якіх ЛСВ семантычнага поля “пах” з'яўляецца першасным або адзіным значэннем: *scented* (духмяны), *perfumed* (духмяны), *fragrant* (араматны), *aromatic* (араматны), *redolent* (пахучы), *fetid* (смуродны), *frowsty* (нрэлы), *musty* (затхлы), *fusty* (затхлы), *acidic* (едкі), *malodorous* (смуродны), *pungent* (едкі), *putrid* (гниласны), *rancid* (прагорклы), *smelly* (пахучы), *stinking* (смуродны), *odorous* (пахкі), *odorless* (безпахавы);

– вытворныя, да якіх адносяцца адзінкі іншых семантычных груп, якія ў залежнасці ад кантэксту могуць апісваць не толькі альфакторнае, але і іншыя віды ўспрымання, і ўзнікаюць у выніку кагнітыўнага зруху па мадэлях «смак→пах», «рэчыва→пах», «эфект→пах», «эмоцыя→пах», «стан→пах», «матэрыял→пах», «адчуванне→пах» і г. д.: *sweet* (салодкі), *rich* (багаты), *fresh* (свежы), *delicious* (смачны), *piquant* (нікантны), *ambrosial* (амбразійны), *intoxicating* (н'янючы), *delicate* (далікатны), *comforting* (заспакаляльны), *evocative* (абуджальны), *stuffy* (душыны), *stale* (нясвежы), *sickening* (ташнатворны), *sickly* (хваробны), *ripe* (спелы), *musty* (затхлы), *nasty* (агідны), *nauseating* (ташнатворны), *poisonous* (шкодны), *overpowering* (моцны), *funky* (дрэнны), *fusty* (затхлы), *heady* (ан'яняльны), *powerful* (моцны), *damp* (вільготны), *sour* (кіслы), *savory* (саланаваты), *tangy* (кіславаты), *hot* (гарачы), *citrusy* (цытрусавы), *coppery* (медны), *earthy* (земляны), *fishy* (рыбны), *floral* (раслінны), *flowery* (кветкавы), *fruity* (фруктовы), *garlicky* (часночны), *lemony* (лімонны), *minty* (мятны), *peachy* (персікавы), *woody* (драўляны), *smoky* (дымны), *antiseptic* (антысептычны), *faint* (слабы), *heavy* (цяжкі), *laden* (цяжкі).

Паводле дадзенага размеркавання, з 62 разглядаемых лексічных адзінак 18 з'яўляюцца уласна альфакторнымі і 44 – вытворнымі.

Такія вынікі могуць быць патлумачаны складанасцю вербалізацыі густаторна-альфакторных адчуванняў тым, што пахі і смакі аб'ектаў носяць другараднае значэнне ў параўнанні з візуальнымі і аўдыяльнымі характарыстыкамі, што ў сваю чаргу, адбываецца на аб'ёме лексічных прастор гэтых палёў. Другасныя альфакторныя ЛСВ фарміруюць асаблівую вобласць канцэптואльнай карціны свету носьбітаў англійскай мовы, што сведчыць пра асаблівасці ўспрымання і кагнітыўнай інтэрпрэтацыі феномену паху.

Папаўненне канцэптасферы з'яўляецца складаным і шматступенчатым працэсам, звязаным з неабходнасцю фіксацыі значных для чалавека фактаў навакольнай рэчаіснасці і адлюстравання іх у свядомасці. Такім чынам адбываецца вербалізацыя канцэптаў, іх адлюстраванне ў славеснай форме. Сфера альфакторнага ўспрымання ўяўляе сабою спецыфічны тып пачуццёвага ўспрымання свету, у значнай ступені адрозны індывідуальнасцю сваёй прыроды і антрапацэнтрызмам. Звесткі пра пахі навакольнага свету і іх кагнітыўная інтэрпрэтацыя чалавекам знаходзяць выражэнне у мове і, такім чынам, сведчаць аб пэўнай спецыфіцы ўспрымання і трактоўцы феномена паху ў моўнай карціне свету пэўнага народа.

Літаратура

1. Захар'ян, Д. Ольфакторная камунікацыя в контексте русской истории / Д. Захар'ян // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. – 1999. – № 3. – С. 54–70.
2. Классификация запахов Линнея / Психология : тесты, тренинги, словарь, статьи [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://azps.ru/handbook/k/klas996.html> – Дата доступа: 13.09.2019.
3. Павлова, Н. С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте : дис. ... канд. наук : 10.02.01 / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 228 с.
4. Халлыштайн, А. В. Представление ольфакторного пространства в языковой картине мира новоанглийского периода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Халлыштайн. – СПб., 2015. – 179 с.

References

1. Zahar'in, D. Ol'faktornaja kommunikacija v kontekste russkoj istorii / D. Zahar'in // Kul'turnye praktiki v ideologicheskoj perspektive. Rossiya, XVIII – nachalo XX v. – 1999. – № 3. – S. 54–70. (In Russ).
2. Klassifikacija zapahov Linneja / Psihologija: testy, treningi, slovar', stat'i [Elektronnyj resurs]. – 2012. – Rezhim dostupa: <http://azps.ru/handbook/k/klas996.html> – Data dostupa: 13.09.2019 (In Russ).
3. Pavlova, N. S. Leksika s semoj «zapah» v jazyke, rechi i tekste : dis. ... kand. Nauk : 10.02.01 / N. S. Pavlova. – Ekaterinburg, 2006. – 228 s. (In Russ).
4. Hall'shtajn, A. V. Predstavlenie ol'faktornogo prostranstva v jazykovoju kartine mira novoanglijskogo perioda : dis. ... kand. filol. Nauk : 10.02.04 / A. V. Hall'shtajn. – Sankt-Peterburg, 2015. – 179 s. (In Russ).

УДК 81'42 [811.161.1 + 811.112.2]

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ: ОТ ПЕРЕВОДА К ИНТЕРТЕКСТУ

С.Б. Кураш,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии,
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: text2005@mail.ru

О.Н. Хаками,

кандидат филологических наук, педагог,
Центр консультирования и обучения для детей нарушениями слуха и речи им. Л. фон Баден,
г. Гейдельберг, Германия

Статья посвящена выявлению «общих зон» художественного перевода и интертекстуальности в диалогическом пространстве русской и немецкой поэзии. Установлено, что для включения в интертекстуальные отношения переводной текст должен осознаться как самобытный и самоценный факт принимающего поэтического дискурса и получить на этой основе известное отвлечение от текста оригинала; должно присутствовать стойкое ощущение «неединственности» воплощения текста в принимающем универсуме текстов.

Ключевые слова: художественный текст, немецкая поэзия, русская поэзия, перевод, интертекст

S.B. Kurash,

Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus,
E-mail: text2005@mail.ru

O.N. Khakami,

Candidate of Philological Sciences, teacher,
L. von Baden Center for Counseling and Education for Children with Hearing and Speech Disorders,
Heidelberg, Germany

The article is devoted to the identification of the "common zone" of literary translation and intertextuality in the dialogical space of Russian and German poetry. It is established that in order to be included in intertextual relations, the translated text must be realized as an original and self-valuable fact of the receiving poetic discourse and receive on this basis a certain distraction from the original text; there must be a persistent sense of the "non-uniqueness" of the embodiment of the text in the receiving universe of texts.

Key words: literary text, German poetry, Russian poetry, translation, intertext.

Введение

В ряду различных видов перевода особое место занимает перевод текстов художественной литературы, где язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и эстетическую. Поэтому переводчик лирического произведения должен ощущать духовное родство с автором переводимого текста, чтобы с минимальными смысловыми потерями передать текст читателям инокультуры.

Исследователями отмечалось, что переводные тексты имеют специфические связи с феноменом интертекстуальности (Н. А. Кузьмина [1], Р. Нэгеле [2] и др.). И в том, и в другом случае мы имеем дело с деривационными отношениями «исходный текст – производный текст». При создании текста перевода коммуникативная цепь «автор – текст – читатель» расширяется до «автор – ПТ (поэтический текст)¹ – читатель/переводчик (автор) – ПТ² – читатель». В цепи «автор – произведение – читатель» появляется дополнительное звено – «переводчик», что приводит к усложнению данной системы. При переводе художественного произведения добавляются национально-культурные различия, закрепленные в языковых формах, в сложившихся системах ассоциаций, различия в ритмической организации текста и т. д.

Р. Нэгеле названием своей книги «Эхо: Пере-вод. Чтение между текстами» («Echos: Über-setzen. Lesen zwischen Texten» R. Nägele) показывает, что перевод является эхом (отголосками, откликами) одного текста в другом при перемещении его в иную культуру через границы одного языка в другой. Задача переводчика, по словам В. Бенжамина (W. Benjamin) состоит в том, чтобы «найти те интенции в языке, на который переводится текст, которые «оживят» эхо оригинала» [2, с. 57].

В силу определенных обстоятельств «эхо» может оказаться более сильным, чем отраженный им «голос». Речь здесь идет об эстетической равновеликости исходного текста и его перевода. М. Цветаева по поводу перевода В. Жуковским «Лесного царя» И. В. Гете писала: «Вещи равновеликие. <...> За столетие давности это уже не перевод, а подлинник» [3, с. 526].

Н. А. Кузьмина отмечает, что «переводчик художественного произведения – не только поэт, но и исследователь: его деятельность осознается им же самим как последняя (мета-деятельность, перевод), предполагающая анализ, исследование законов организации текста-оригинала на разных языковых уровнях (от фонетического до собственно текстового)», «переводчик стремится самого себя отождествить с переводимым автором, перевоплотиться в него и потому получить право думать и говорить (додумывать и договаривать!) от его имени» [1].

Цель данного исследования – выявить «общие зоны» художественного перевода и интертекстуальности в диалогическом пространстве русской и немецкой поэзии.

Для достижения поставленной цели были применены методы сопоставительного и контекстного анализа, интерпретации.

Результаты исследования

На уровне восприятия текста перевод обычно функционирует для читателя как «первичный» текст (далеко не всякий рядовой читатель владеет иностранными языками в полной мере), поэтому диалога переводного текста с оригинальным для читателя обычно не существует. Вместе с тем перевод может вызвать у читателя интерес к оригиналу. И. В. Гете в связи с этим писал: «Я бы уподобил переводчиков искусным сводникам, умеющим представить женщину под вуалью красавицей, достойной любви и поклонения; они возбуждают у нас непреодолимое влечение к оригиналу» [4, с. 480].

Нередко встречается явление «множественности переводимого произведения» [5, с. 261–262], то есть один и тот же исходный текст может иметь несколько текстов-переводов, как, например, стихотворение И. В. Гете «Wandrer's Nachtlied» в переводах русскими поэтами: М. Лермонтов – «Из Гете» («Горные вершины...»), И. Анненский – «Над высью горной...», В. Брюсов – «На всех вершинах...», Д. Андреев – «Гаснут горные пики...». Данные переводы, основываясь на том, что претекст у них один и тот же, взаимодействуют друг с другом, при этом отношения между такими текстами можно назвать интертекстуальными, структурированными по принципу дизъюнктивной оппозиции. Примером тому является «Песня Миньоны» И. Гете, которая имеет большое количество переводов на русский язык.

Важным является и то, как будет принят и как поведет себя переводной текст в принимающем его инокультурном универсуме текстов. Р. Р. Чайковский и Е. Л. Лысенкова в книге ««Пантера» Р. Рильке в русских переводах» [6] доказывают, что статус каждого из переводов имеет существенное различие: «существует обычно первый по времени перевод. Это – перевод-открытие <...> Последующие переводы могут быть переводами, сделанными независимо от первого, и переводами, выполненными с учетом уже существующих <...> Каждый раз существует и последний по времени создания перевод, то есть перевод, имеющий в данный момент статус новейшего, но вместе с тем одного из нескольких» [6, с. 8–9]. Если автор знаком с предыдущими переводами, то в процессе создания своего текста он вступает с ними в диалог, «как бы ставит перед собой две задачи – доказать, что предыдущий или последующие переводы недостаточно адекватно передают особенности оригинала, и показать, как надлежит переводить» [6, с. 9].

Р. Р. Чайковский и Е. Л. Лысенкова выделяют причины возникновения нескольких переводов, к которым относят одновременное начало работы над оригиналом, неудовлетворенность существующими переводами, устаревание перевода, творческие и личные мотивы. Результатом процесса функционирования многих переводов, по мнению названных исследователей, является «размывание образа оригинала в представлении читателей» [6, с. 9]; читатель «в идеале должен иметь один оптимальный перевод» [6, с. 10].

На наш взгляд, наличие множественности переводов одного произведения вовсе не обязательно приведет читателя к «неведению», заблуждению и вопросу, «какому переводу верить» [6, с. 10], а в некоторых случаях даже сможет вызвать интерес к оригиналу, стремление познакомиться со всеми интертекстуально связанными текстами-переводами и включить в этот интертекстуальный круг оригинал. Понятно, что такой случай – идеальный, но и его исключать нельзя.

Р. Р. Чайковский и Е. Л. Лысенкова провели сравнительный анализ текста оригинала стихотворения Р. Рильке «Der Panther» (1902) и текстов переводов «Леопард» (1996) В. Авербуха, «Пантера» (1981) К. Азадовского, «Пантера» (1957) А. Биска, «Пантера» (1977) К. Богатырева, «Пантера» (1974) Е. Витковского, «Пантера» (1996) А. Егина, «Пантера» (1995) Н. Кан. Особый интерес вызывает текст И. Бунина «Пантера» (1922). По мнению 2/3 участников анкетирования, проведенного исследователями [6, с. 96], стихотворение И. Бунина соотносится со стихотворением Р. Рильке, а 37,4 % опрошенных признали стихотворение И. Бунина как самостоятельное поэтическое произведение. В связи с этим, исследователи говорят о данном стихотворении как о «потайном переводе, вольном переложении, свободной интерпретации рильковского текста, заимствовании – переработке, особой поэтической реминисценции на уровне текста или самостоятельном поэтическом произведении, <...> факте поэтического состязания» [6, с. 95].

*Was wir besiegen, ist das Kleiné,
und der Erfolg selbst macht uns klein.
... Die Siege laden ihn nicht ein.
Sein Wachstum ist: der Tiefbesiegte
Von immer Größerem zu sein.*
R. M. Rilke, «Der Schauende»

*Быть знаменитым – некрасиво.
Не это поднимает ввысь.
... Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать.
... И должен ни единой долькой
Не отступить от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*
Б. Пастернак, «Быть знаменитым...»

Тексты-переводы созвучны стихотворению Б. Пастернака и вторят оригиналу:

*Победы наши значат мало,
успех нас только умалит...
... Победы – не его венец,
но с каждым новым пораженьем
сильней становится боец.*
В. Куприянов, «Созерцатель»

*Мы преуспели слишком в малом,
Успехи наши нас гнетут.
... Чтоб отдавать за пядью пядь,
Всю жизнь расти, и с каждым разом
Все большей силе уступать.*
А. Сергеев, «Созерцатель»

*Мы торжествуем лишь над малым,
и мы мельчаем от побед...
... тот бодро уходил от брани,
былой борьбы неся закал –
возросшим, светлым, обновленным,
и без победного венца;
и путь его – быть побежденным
все высшим, высшим, до конца.*

А. Биск, «Созерцатель»

Переводы стихотворения Р. Рильке образуют, таким образом, единое интертекстуальное поле, в которое погружается как сам претекст-оригинал, так и взаимодействующий с ним текст Б. Пастернака.

Выводы

Таким образом, художественный перевод в значительной мере способен расширять культурно-смысловое поле интертекстуальности. Можно назвать несколько предпосылок этого:

- переводной текст должен осознаться как самобытный и самоценный факт принимающего поэтического дискурса и получить на этой основе известное отвлечение от текста оригинала;
- должна присутствовать традиция сравнения, т. е. существовать ореол «неединственности» воплощения текста в принимающем универсуме текстов.

Литература

1. Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н. А. Кузьмина // Текст. Интертекст. Культура [Электронный ресурс]. – М., 2001. – Режим доступа: www.irlras-cfrr.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm. – Дата доступа: 02.04.2004.
2. Nägele, R. Echos: Über-setzen. Lesen zwischen Texten / R. Nägele. – Wien : Urs Engeler Editor, 2002. – 184 s.
3. Цветаева, М. В. Два Лесных Царя / М. Цветаева // Cvetaeva, M. J. Ausgewälte Werke / M. J. Cvetaeva. – München : Wilhelm Fink Verlag, 1971. – S. 521–527.
4. Разговор цитат / пер. Л. Горбовецкой, М. Зака, Н. Субботовской // Мастерство перевода. Сборник 7 / под ред. К. Чуковского [и др.]. – М. : Сов. писатель, 1970. – С. 477–486.
5. Левин, Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин. – Л., 1985. – 324 с.
6. Чайковский, Р. Р. «Пантера» Р. М. Рильке в русских переводах / Р. Р. Чайковский, Е. Л. Лысенкова. – Магадан : АО «МАОБТИ», 1996. – 132 с.

References

1. Kuz'mina, N. A. (2001). Fenomen hudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta. *Tekst. Intertekst. Kultura* [The phenomenon of literary translation in the light of the theory of intertext. *Text. Intertext. Culture*]. – Access mode: www.irlras-cfrr.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm. – Date of access: 02.04.2004 (In Russ).
2. Nägele, R. (2002). Echos: Über-setzen. Lesen zwischen Texten [*Echoes: Over-set. Reading between texts*]. – Wien, Urs Engeler Editor, 184 p. (In Germ).
3. Cvetaeva, M. B. (1971). Dva Lesnyh Carya. [*Ausgewälte Werke Two Forest Kings. Selected works*]. – München, Wilhelm Fink Verlag, p. 521–527 (In Russ).
4. Razgovor citat (1970). *Masterstvo perevoda. Sbornik 7* [Conversation of quotations. *Mastery of translation. Collection 7*]. – Moscow, pp. 477–486 (In Russ).
5. Levin, Yu. D. (1985). Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie hudozhestvennogo perevoda. [*Russian translators of the XIX century and the development of literary translation*]. Leningrad, 1985, 324 p. (In Russ).
6. CHajkovskij, R. R., Lysenkova E. L. (1996). «Pantera» R. M. Ril'ke v russkih perevodah. [*"Panther" by R.M. Rilke in Russian translations*]. – Magadan, 132 p. (In Russ).

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТУРКМЕНА В РУССКОЯЗЫЧНОМ
КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(по материалам интернет-источников)**

Х.А. Маметджумаев,

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

Исследование проведено с целью выявления специфики представленности речевого образа представителей туркменской лингвокультуры в русскоязычном коммуникативном пространстве (по данным интернет-источников).

Ключевые слова: русскоязычное коммуникативное пространство, туркменская лингвокультура, речевой портрет.

Н.А. Mametjumaev,

Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus,
E-mail: text2005@mail.ru

**SPEECH PORTRAIT OF A TURKMEN IN THE RUSSIAN-SPEAKING COMMUNICATIVE SPACE
(based on internet sources)**

The research was conducted in order to identify the specifics of the representation of the speech image of the Turkmen linguistic culture representatives in the Russian-speaking communicative space (according to Internet sources).

Key words: Russian-speaking communicative space, Turkmen linguoculture, speech portrait.

Введение

В любом современном коммуникативном пространстве в той или иной мере функционируют представления о том, как и что говорят в тех или иных ситуациях представители иных лингвокультурных сообществ, в том числе наций. Подобные представления чаще всего вводятся конструкциями наподобие «как говорят X», «как любят говорить X», «как шутят X», «как можно услышать от X» и т. п., где X – некий совокупный этноним.

Цель исследования

Целью данного исследования является наблюдение над обращением представителей русскоязычного коммуникативного пространства к речевому образу представителей туркменской лингвокультуры посредством анализа корпуса высказываний, содержащих вышеперечисленные и им подобные маркеры, где на месте X употреблён этноним *туркмен* (*туркмены*, *жители Туркменистана* и т. п.).

Методы исследования

Данное исследование мы провели с применением методики, представленной в работе [1].

Для достижения данной цели методом сплошной выборки нами был собран корпус высказываний, авторизованных в отношении туркменской лингвокультуры наподобие посредством привлечения поисковых систем Яндекс и Google, а также Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) (примеры приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации).

Результаты исследования

В результате проведенного анализа нами обнаружено следующее.

1. В русскоязычном коммуникативном пространстве периодически фиксируется обращение к паремиологическому фонду туркменской лингвокультуры, ср.:

Если «Капля воды – крупица золота», как говорят в Туркмении, то сардоба в пустыне – кладовая золота [zen.yandex.tm > туркмения];

Как говорят в Туркмении, кто змею убьет – тому Аллах сорок грехов простит [vdinets.livejournal.com];

...как говорят в Туркмении «Арба с горы летит быстро, но как же тяжело ее тянуть в гору» [www.finam.ru > analysis];

... у меня есть «засланный казачок» в Лукойле, профиль малость не тот, но продавец лука знает цену чеснока, как говорят в Туркмении [pervouralsk.ru > news];

Как говорят в Туркмении – если Гора не идёт к Коту, то Кот идёт к Горе [vestniktm.com>Форум>.../index.php/t-5599.html].

2. Отмечены случаи описания тех или иных обычаев, включающих формулы речевого этикета, характерные для туркменского социума:

У туркмен сильно развит так называемый «дух родства», поэтому тесные родственные связи в системе общественных взаимоотношений всегда играли важную роль. Туркмены высоко ценили такое высокое нравственное качество, как искренность. «Говори правду, даже если она против тебя» – гласит народная мудрость. ...Не принято приходить на обед без приглашения или приводить с собой незваных. Не принято встречать гостей в домашней одежде или подметать помещение в их присутствии. Гости приветствуют словами «Хош гелдиниз!» и, кроме того, произносят ритуальные фразы типа: «Как мы рады вас видеть! Как давно вы у нас не были! Как здоровье членов вашей семьи? Какую честь вы нам оказали!» [turkmeniya.narod.ru>turkmen-etiket.html];

Ещё одним важным аспектом туркменского кодекса чести является честность. Если туркмен сказал, что поможет в чём-либо, значит это будет действительно так. Крайне маловероятно, что туркмен нарушит данное вам слово. Традиции гостеприимства. Всё начинается со скатерти, используемой для сервировки стола, которая считается священной. Очень дурной приметой считается наступить на неё или запачкать. Перед тем как туркмен начнёт наслаждаться трапезой, он в обязательном порядке будет славить господа. Восточная традиция подразумевает, что каждого гостя к двери правоверного мусульманина приводит сам Аллах, поэтому большим грехом считается плохо принять путника [eastroute.com>ru/turkmaniston/russkij-tradicii-i-...].

Что касается языкового оформления того, что авторизуется как «туркменское», то здесь можно наблюдать и вкрапления без перевода с соблюдением норм соответствующих языков, и то же, но с отклонениями от оригинальной орфографии, и транслитерацию, и перевод на русский язык, и оригинал в сопровождении перевода, и различные комбинации перечисленного. Обычно подобное явление направлено на повышение национально-специфического колорита данного контекста:

Прижимаясь всем телом и щекой к прогретым солнцем камням и проклиная трудовые будни орнитолога, я понял, что застрял капитально и звать на помощь некого, как говорят в Туркмении, – «кутарды»... [http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/853/];

Но теперь опять, как говорят в Туркмении – достлук, дружба? [svpressa.ru > society > article];

Там он решительно снял с себя комбинезон полностью и, стоя босыми ногами на скинутых сапогах, исследовал его, как говорят в Туркмении «сор-та-най», то есть «с головы до пят» [lubvi.ru>news/2011/03/18/bayki/4/].

Иногда атрибуция подобных вкраплений как именно туркменских неочевидная или даже ложная, что может служить либо целям создания юмористического эффекта, либо подразумевать наличие у адресата определённого круга фоновых знаний:

*Помню, у соседей был ослик, **ишак**, как говорят в Туркмении. Регулярно из-за забора доносилось его истошное «Иа-аа! Иа-аа!»* [vestniktm.com > forum > showthread];

Ещё один из организаторов, как говорят в Туркмении, «Преступления века» Савелий Бурштейн был задержан в 2008 году и получил 6 лет колонии [https://www.banki.ru/blog/Apolonius/7664.php];

Но никакой ценовой игры в Туркменистане не бывает – все фиксированно, стабильно и предсказуемо. Равно как и курс маната по отношению к доллару – «железобетонный», как шутят туркмены и одинаковый везде – и в аэропорту, и в любом обменном пункте [https://www.orexca.com/rus/turkmenistan/feedback/feedback3.htm].

В других случаях приписываемые туркменам утверждения имеют целью сообщения нейтральной информации страноведческого характера:

Среди других достопримечательностей Ашгабата хочу отметить фонтанный комплекс Огуз-хана (как утверждают туркмены, крупнейший в мире). А еще президентский дворец и огромный купол соборной мечети Эртогрулгази с четырьмя минаретами – ее построили в подарок городу турки. Рядом Музей ковра, где собраны лучшие в мире творения мастеров ковровых дел [centrasia.org/newsA.php?st=1309243680].

Характер ряда зафиксированных нами обращений к туркменским (или якобы туркменским) прецедентным высказываниям во многом обусловлен рядом сложившихся в русскоязычном коммуникативном пространстве стереотипов. Так, в соцсети ВКонтакте создана группа «Восток... Такой загадочный и прекрасный!», в которой размещён материал «Факты и стереотипы: туркмены» [vk.com/wall-4252164_917328]. Аналогичный материал присутствует и на других ресурсах русскоязычного интернет-пространства.

Особый интерес представляют социолингвистические исследования, посвящённые межкультурной коммуникации представителей туркменской и русскоязычных лингвокультур, например [2]. В них засвидетельствован, с одной стороны, взаимный интерес представителей разных культурных сообществ друг к другу, а с другой – недостаточное знание культурных особенностей друг друга, что открывает перспективу продолжения подобных исследований.

Выводы

Таким образом, выявление и анализ корпуса подобных контекстов может привести к выводам относительно таких проблем: 1) какие именно языковые феномены, связанные с туркменским национальным языковым пространством, активнее всего проникают в коммуникативное пространство русского языка и какие функции при этом в нём они выполняют; 2) какой стереотипный образ представителя туркменской лингвокультуры при этом может сложиться (или уже сложился) в коммуникативном пространстве носителей русской лингвокультуры.

Литература

1. Кураш, С. Б. Языковые феномены, восходящие к белорусской и французской этно- и лингвокультурам, в русскоязычном коммуникативном пространстве / С. Б. Кураш, В. Н. Сергей // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 156–159.
2. Гайдаш, Я. Г. Особенности построения образа партнера по общению у русских и туркмен [Электронный ресурс] / Я. Г. Гайдаш // Студенческий научный форум – 2016 : VIII Междунар. студ. науч. конф. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru> > 2016 > article > 2016019529. – Дата доступа: 20.06.2020.

References

1. Kurash, S. B., V. N. Sergej (2015) Yazykovye fenomeny, voskhodyashchie k belorusskoj i francuzskoj etno- i lingvokul'turam, v russkojazychnom kommunikativnom prostranstve. *Slavyanskaya mifologiya i etnolingvistika* [Linguistic phenomena dating back to the Belarusian and French ethno- and linguistic cultures in the Russian-speaking communicative space. *Slavic mythology and ethnolinguistics*]. – Gomel'. – 156–159 (In Russ).
2. Gajdash, Ya. G. (2016) Osobennosti postroeniya obraza partnera po obshcheniyu u russkih i turkmenov. *Studencheskij nauchnyj forum – 2016. VIII Mezhdunarodnaya studencheskaya nauchnaya konferenciya scienceforum.ru/2016/article/2016019529*. [Features of building the image of a communication partner among Russians and Turkmens. *Student Scientific Forum – 2016. VIII International Student Scientific Conference scienceforum.ru/2016/article/2016019529*] (In Russ).

81'373 (=161.3+161.1+112.2)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ, БЕЛОРУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ С ВОКАЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

С.С. Масленникова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: swetlana-mas@tut.by

В статье представлены выявленные на материале актуальных фразеологических и паремиологических словарей русские, белорусские и немецкие фразеологизмы, пословицы и поговорки с компонентами, связанными с вокалом: *песня, петь* и т. п. и их дериватами, среди которых также описываются полные эквиваленты. В сопоставительном аспекте осуществляется их количественный подсчёт и определяется роль в пополнении фонда устойчивых выражений в трёх языках. Это позволяет сделать вывод о значении вокала в жизни русских, белорусов и немцев, а также наглядно указывает на сходства и отличия в языковых картинах мира и менталитете трех народов.

Ключевые слова: белорусский язык, вокал, немецкий язык, русский язык, паремия, сопоставление, фразеологизм

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN, BELARUSIAN AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS, PROVERBS AND SAYINGS WITH VOCAL COMPONENTS

S.S. Maslennikova,

Cand. Phil. D., associate Professor
of the Romance-Germanic Philology Department of Yanka Kupala State University,
Grodno, Republic of Belarus
E-mail: swetlana-mas@tut.by

The article presents Russian, Belarusian and German phraseological units, proverbs and sayings with the vocal components: *song, to sing* and so on and their derivatives, identified on the material of the actual phraseological and paremiological dictionaries. Their full equivalents are also described. In the comparative aspect their quantity is counted and their role in the phraseological fund replenishing of the three languages is determined. It allows us to conclude about the importance of vocals in the life of Russians, Belarusians and Germans, and also clearly indicates the similarities and differences in the linguistic pictures of the world and the mentality of the three peoples.

Key words: Belarusian, vocal, German, Russian, proverbs and sayings, comparison, phraseological units.

Устойчивые выражения, к которым относятся фразеологизмы, пословицы и поговорки, отражают национальную культуру носителей языков. Их сопоставительный анализ, в нашем случае в трёх языках: русском, белорусском и немецком, позволит

определить общие и отличительные особенности их функционирования. Нашему исследованию подверглись фразеологизмы, пословицы и поговорки в обозначенных языках с музыкальными, а именно вокальными компонентами – словами, связанными с пением, а также их дериватами. Рассмотренные нами устойчивые выражения выявлены методом сплошной выборки из актуальных фразеологических и паремиологических словарей русского, белорусского и немецкого языков [1–8] и имеют в своём составе следующие вокальные компоненты:

песня (в русском языке):

песнь песней ‘вершина творчества какого-либо автора, замечательное произведение’; **песни играть** ‘петь’; **лебединая песня** ‘о последнем, обычно наиболее значимом произведении, создании, последнем проявлении таланта писателя, художника и т. п.’;

Бедному Кузеньке бедная и песенка. ‘О горькой участи несчастливого, неудачливого человека’; **Из песни слова не выкинешь.** ‘Ничего не поделаешь, приходится сказать всю (обычно неприятную) правду’; **Сказка складка, а песня быль.** ‘Сказку можно складывать, говорить на ходу, тогда как песню на ходу сложить труднее. Она должна уже быть’;

песня (в белорусском языке):

доўгая песня ‘то, что требует продолжительного времени, что не скоро может быть сделано, рассказано и т. п.’; **лебядзіная песня** ‘последнее, наиболее значимое произведение кого-нибудь, последнее проявление таланта, способности’; **песня песень (песняў)** ‘отличное, наилучшее произведение, вершина творчества’; **старая песня** ‘давно известное, много раз услышанное, назойливое’;

У дурнога салаўя і дурныя песні. ‘Говорится про того или тому, кто говорит или делает что-нибудь неуместное’; **Новы час – новыя песні.** ‘Про умение и необходимость чувствовать потребности времени, идти в ногу со временем’; **Салаўя песнямі (байкамі) не кормяць.** ‘Разговорами сытым не будешь. Говорят, прерывая разговор и приглашая гостя к столу’; **3 песні слова не выкінеші.** ‘Приходится говорить всё, всю правду. Говорят в оправдание, когда приходится говорить что-нибудь не совсем приятное’;

Lied (в немецком языке):

das geht (noch) übers Bohnenlied! ‘букв. это идёт (ещё) через бобовую песню; это уже чересчур’; **das Ende von Lied!** ‘букв. конец песни; конец, исход дела’; **das Hohe Lied** ‘букв. высокая песня; библ. Песнь Песней,’; **das ist das Ende vom Lied** ‘букв. Это конец песни; на том дело и кончается’;

Andre Zeiten, andre Vögel! Andre Vögel, andre Lieder. ‘букв. Другие времена, другие птицы! Другие птицы, другие песни. Другие дни, другие сны’; **Ein lustiges Lied macht ein fröhliches Gemüt.** ‘букв. Весёлая песня делает радостной душу. Хоть есть нечего, да жить весело’; **Es gibt kein noch so schönes Lied, man wird des endlich müd.** ‘букв. Нет ещё такой красивой песни, от которой в конце концов не устанешь. Всякой песне раз конец. Набил мне оскомину (своим пением)’;

петь (в русском языке):

Аллилуйю петь (запеть) ‘захваливать, превозносить кого-либо выше всякой меры’; **петь (читать) акафист** ‘не в меру превозносить, захваливать кого-либо’; **петь (запеть) на девятый глас** ‘петь нестройно, недружно, немusикально, плохим голосом’; **петь (распевать) дифирамбы** ‘чрезмерно восхвалять, превозносить кого-либо или что-либо, немusикально, плохим голосом’; **петь панихиды** ‘оплакивать кого-либо; быть чрезмерно слезливым’; **петь в унисон** ‘1. петь созвучно; 2. действовать согласованно, согласнo с кем-либо, чем-либо’;

пець, спяваць (в белорусском языке):

душа (сэрца) спявае (радуецца) ‘кого-нибудь охватывает радостное волнение’; *запець (заспяваць) лазара* ‘начать жаловаться на свою судьбу, стараясь вызвать сочувствие, сострадание к себе’; *салаўі (салавейчыкі) пяюць (спяваюць) у жываце* ‘кто-нибудь очень хочет есть, чувствует сильный голод’; *спяваць (пець) дыфірамбы; спяваць (пець) асанну* ‘чрезмерно восхвалять, очень превозносить кого-нибудь, что-нибудь’; *спяваць (пець) з (чужога) голасу* ‘не имея собственных убеждений, подчиняться чьей-нибудь воли, повторяя сказанное кем-нибудь’; *пець (спяваць) лазара* ‘прикидываться несчастным, чтобы расчувствовать кого-нибудь, жаловаться на свою судьбу’; *пець рэчку* ‘причитать, голосить от отчаяния’ (*запець рэчку* ‘заголосить от отчаяния’); *хоць рэчку спявай (ней)* ‘случилась тяжелая, безвыходная ситуация. Выражение отчаяния, бессилия’; *спяваць на хлеб* ‘собирать милостыню, побираться’; *пяюць рамансы* ‘в плохом состоянии (финансы, денежные дела у кого-нибудь). Чаще про безденежье’;

Плакаў, плакаў – усё бог анадакаў, пачаў спяваць (пяць) – стаў бог даваць. ‘Лучше веселиться, чем горевать, плакать. Говорят для подбадривания кого-нибудь’;

singen (в немецком языке):

die Nachtigall singen lehren ‘букв. учить соловья петь; учить учёного’; *singen und sagen* ‘букв. петь и говорить; рассказывать, повествовать’;

Jeder Vogel singt, wie ihm der Schnabel gewachsen ist. ‘букв. Каждая птица поёт так, насколько у неё вырос клюв. Всякий человек своим голосом поёт’; *Wie die Alten sungen, so zwitschern die Jungen.* ‘букв. Как пели старики, так чирикают молодые. Каковы дядьки, таковы и дитятки. За что батька, за то и детки’; *Lieben und singen lässt sich nicht zwingen.* ‘букв. Любить и петь не заставишь. Крестом (венчанием) любви не свяжешь’; *Vögel, die zu früh singen, holt die Katze.* ‘букв. Птиц, которые слишком рано поют, забирает кот. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела’;

песня и петь (в русском языке):

песенка (песня) смета ‘об окончании чьей-либо жизни, чьего-либо благополучия’; **петь старую песню** ‘говорить что-либо всем известное, твердить одно и то же’;

Нужда скачет, нужда пляшет (плачет), нужда песенки поёт ‘Бедность, зависимость от кого-либо, чего-либо вынуждают делать и то, чего не хотел бы’; *Первую песенку зардевшись поют* ‘В новом деле испытывают робость, неуверенность’;

песня и пець (в белорусском языке):

як песню пець ‘очень дружно, в полном согласии’; *спяваць (пець) песні* ‘чрезмерно восхвалять, очень возносить кого-нибудь, что-нибудь’; **песенька (песня) смета** ‘1. чья-нибудь жизнь близится к концу; 2. чьи-нибудь успехи заканчиваются, закончились’;

Гора плача, гора скача, гора песенькі пяе. ‘Горе принуждает человека быть изворотливым’; *Кожная сасна свайму бору песню спявае.* ‘Каждый человек защищает интересы людей своего окружения’; *На чым возе (вазку, коніку) едзеш, таму і песню (песеньку, песенькі) спявай (ней, вядзі).* ‘Про материальную и другую зависимость подчинённого от своего хозяина, руководителя, начальника и т. п.’;

Lied и singen (в немецком языке):

jemandem das Bohnenlied singen ‘букв. кому-либо спеть бобовую песню; 1. спровадить кого-либо; 2. дать отставку кому-либо; уволить, рассчитать кого-либо’; *wes Brot ich esse, des Lied ich singe (wessen Brot ich schlinge, dessen Lied ich singe)* ‘чей хлеб жую, того и песенки пою’; *er kann ein Lied (Liedchen) davon singen* ‘букв. Он может об этом спеть песню (песенку); он это сам испытал, он может многое рассказать об этом’;

Man fang' das Lied zu hoch nicht an, dass man zu Ende singen kann. 'букв. Не начинай песню слишком высоко, чтобы можно было допеть её до конца. Хорошо поёшь, да где-нибудь сядешь'; *Wes Brot ich esse, des Lied ich singe.* 'Чей хлеб ем, того и песенку пою. Кому служу, тому и угожу. На чьей земле, тому и сею. Чьё кушаю, того и слушаю. И собака помнит, кто её кормит'.

В ходе исследования выявлены фразеологизмы с компонентом *пение* (в русском языке):

пение сирен 'льстивые речи, которыми кто-либо старается обмануть легковерного';

Sang (в немецком языке): *mit Sang und Klang* 'букв. с пением и звоном; под звуки песен и музыки; с шумом и треском, с помпой'; *ohne Sang und Klang* 'букв без пения и звона; без шума, скромно, молча'.

Другие, связанные с вокалом компоненты, представлены в выявленных фразеологизмах следующими словами:

stimmlich 'голосовой, вокальный' (в немецком языке): *das stimmliche Material* 'букв. голосовой материал; голосовые данные';

акафист 'род хвалебного церковного песнопения' (в русском языке); *петь (читать) акафист* 'не в меру превозносить, захваливать кого-либо'.

В ходе нашего исследования самое большое количество устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц и поговорок) с вокальным компонентом выявлено в белорусском языке (26), 18 устойчивых единиц имеет место в русском языке и 17 – в немецком. Этот факт свидетельствует о значимости пения, как отдельного вида искусства, в жизни русского и немецкого народов, а в особенности белорусского. Наибольшими фразеобразующими свойствами в трех рассматриваемых нами языках обладают компоненты *песня / Lied* и *петь / спяваць / singen*. В шести белорусских устойчивых выражениях, в четырех русских, пяти немецких эти компоненты употребляются одновременно. Кроме этого, два вокальных компонента выявлены в русском фразеологизме *петь (читать) акафист*.

Полные эквиваленты обнаружены среди устойчивых выражений в русском и белорусском языках: *Из песни слова не выкинешь = 3 песні слова не выкінеші*; *лебединая песня = лебядзіная песня; песенка (песня) спета = песенька (песня) спета; петь дифирамбы = пець дыфірамбы; песнь песней = песня песень (песняў)*. Этот факт объясняется принадлежностью обоих языков к одной группе восточнославянских языков и схожестью менталитетов русских и белорусов.

Литература

1. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л. Э. Бинович ; под ред. С. И. Константиновой. – М. : Аквариум, 1995. – 768 с.
2. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Граф, А. Е. Словарь немецких и русских пословиц / А. Е. Граф. – СПб. : Лань, 1997. – 287 с.
4. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
5. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік праказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
6. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1. (А–Л). – 590 с.
7. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Выд. 2-е, дапоўн. і выпр. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 2. (М–Я). – 968 с.
8. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.

References

1. Binovich, L. Je. (1995). *Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar'*. – Moscow, Akvarium (in Russ.).

2. Biriĭ, A. K. (1998). *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologicheskij spravocnik*. SPb, Folio-Press (in Russ.).
3. Graf, A. E. (1997). *Slovar' nemeckih i russkih poslovic*. SPb, Lan' (in Russ.).
4. Zhukov, V. P. (2000). *Slovar' russkih poslovic i pogovorok*. Moscow, Rus. jaz. (in Russ.).
5. Lepeshaŭ, I. Ja. (2011). *Tlumachal'ny sloŭnik prakazak*. – Grodna, GrDU (in Bel.).
6. Lepeshaŭ, I. Ja. (1993). *Frazealogichny sloŭnik belaruskaj movy. U 2 t. T.1. A – L*. Minsk, BelJen (in Bel.).
7. Lepeshaŭ, I. Ja. (2008). *Frazealogichny sloŭnik belaruskaj movy. U 2 t. T. 2. M – Ja. Vydanne 2-oe, dapoyŭn. i vypr.* – Minsk, BelJen (in Bel.).
8. Lepeshaŭ, I. Ja. (2004). *Jetymalagichny sloŭnik frazealogizmaŭ*. Minsk, BelJen, 2004 (in Bel.).

УДК 81'367.623:[811.161.3+811.111]

ЛЕКСІЧНАЯ ПАРАДЫГМА ДЗЕЯСЛОВАЎ РУХУ З АКТУАЛІЗАЦЫЯЙ МЕНТАЛЬНАГА ПРАЦЭСУ (на матэрыяле беларускай і англійскай моў)*

В.А. Мусиенко,

аспірант Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
Email: voodoo-conan@hotmail.com

В статье рассматриваются вторичные ментальные лексико-семантические варианты, образованные от глаголов движения. Устанавливаются основные модели семантической деривации и лексико-тематическая принадлежность вторичных значений, сравнивается количество установленных индивидуально-авторских значений, полных совпадений вторичных номинаций, количество установленных лексико-семантических вариантов в белорусском и английском языках. Рассматривается специфика репрезентации ментальных и рациональных процессов на примере сочетаний различных глаголов с существительным «думка».

Ключевые слова: метафора, вторичные ментальные номинации, глагол движения, лексико-семантический вариант, белорусский язык, английский язык.

LEXICAL PARADIGM OF VERBS OF MOVEMENT WITH ACTUALIZATION OF MENTAL PROCESS (ON THE MATERIAL OF BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

V.A. Musienko,

Postgraduate student of the Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, Republic of Belarus
Email: voodoo-conan@hotmail.com

The article deals with the secondary mental lexical and semantic variants formed from the verbs of movement. The main models of semantic derivation and the lexical-thematic belonging of secondary meanings are established, the number of established individual-author's meanings, complete coincidences of secondary nominations, the number of established lexical-semantic variants in the Belarusian and English languages are compared. The specificity of the representation of mental and rational processes is considered on the example of combinations of various verbs with the noun «thought».

Key words: metaphor, secondary mental nominations, verb of movement, lexico-semantic variant, Belarusian, English.

*Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (№ ДР 20211211).

Абзначэнне ментальнага стану праз другасныя ЛСВ, узаемадзеянне зыходных і другасных ЛСВ пацвярджае думку, што мысленне аказвае істотны ўплыў на індывідуальныя асаблівасці асобы чалавека, у першую чаргу гэта датычыцца яго эмацыянальнага стану, псіхікі, глыбіні свядомасці ці падсвядомасці, а таксама паводзінаў і спецыфіку ўспрымання навакольнага свету.

Адным з распаўсюджаных відаў семантычнага пераходу з'яўляецца метафара. У сваёй знакамітай працы «Метафары, якімі мы жывем» Дж. Лакофф і М. Джонсан сцвярджаюць, што працэсы чалавечага мыслення шмат у чым метафарычныя, г.зн. канцэптуальная сістэма чалавека структураваная і вызначаная з дапамогай метафары [2, с. 25]. У сувязі з гэтым Г. А. Залізняк лічыць, што семантычная дэрывацыя разумеецца як двухбаковая сутнасць, г.зн. адзінка, якая мае план выражэння і план зместу: першы ўяўляе сабой пару сэнсаў, звязаных адносінамі семантычнай вытворнасці ('a' ↔ 'b'), другі – мноства рэалізацый дадзенага семантычнага пераходу: 'хутка рухацца' ↔ 'бегчы'. Сучасная руская мова кваліфікуе гэтыя суадносіны як метафарычны перанос ў напрамках 'a' ← 'b', у той час як гістарычна тут меў месца пераход 'a' → 'b' (спецыфікацыя, звужэнне значэння) [1, с. 15]. М. М. Пакроўскі сцвярджаў, што для вывучэння сістэмнасці семантычнай дэрывацыі моўных адзінак неабходна звяртаць увагу не на выпадкова абраныя лексемы, а на групы, якія складаюцца з пэўных намінацый, сцвярджаючы пры гэтым, што «словы і іх значэнні жывуць не асобным адзін ад аднаго жыццём, але злучаюцца ў нашай душы незалежна ад нашай свядомасці ў розныя групы» [3, с. 21].

Несумненна, праблема семантычных пераходаў актуальная, але, нягледзячы на вялікую колькасць работ, надаецца недастатковая ўвага вывучэнню мадэляў семантычных пераходаў у рамках лінгвістыкі ўніверсальнай. У рамках дадзенага артыкула асаблівую цікавасць уяўляюць выпадкі рэгулярнай семантычнай дэрывацыі ў генетычна няроднасных мовах (беларускай і англійскай). Дзеяслоўныя ментальныя намінацыі разглядаюцца ў сінтаксічных канструкцыях, якія складаюцца з двух асноўных кампанентаў: а) назоўнік *думка*; б) дзеясловы рознай сэнсавай скіраванасці.

Традыцыйным з'яўляецца пераход ад канкрэтнага да абстрактнага, таму, даследуючы праблему дзеяслоўнай дэрывацыі, адзначым, што ў гэтым выпадку найбольш часта выкарыстоўваецца тэрмін «метафарычнае значэнне». У нашым даследаванні мы прытрымліваемся найбольш вычарпальнага азначэння метафары, дадзенага ў «Глумачальным слоўніку беларускай мовы»: метафара – гэта ўжыванне слова або выразу ў пераносным значэнні, заснаванае на падабенстве або параўнанні [4, с. 143]. Разгледзім асноўныя і пераносныя (другасныя) значэнні дзеясловаў руху (перамяшчэння), якія ўяўляюць сабой замкнёнае лексіка-граматычнае аб'яднанне невялікай колькасці слоў, другасная намінацыя якіх характарызуецца наяўнасцю ментальных значэнняў.

Звернемся да прэдыкатнай лексікі, у прыватнасці да дзеясловаў фізічнага працэсу ў рознаструктурных мовах: беларускай і англійскай. Якія другасныя значэнні яны развіваюць?

З назоўнікамі *думка* часцей за ўсё выкарыстоўваюцца дзеясловы са значэннем перамяшчэння ў прасторы, руху. Як правіла, у дзеясловаў актуалізуюцца такія прыметы руху, як 'хуткасць, імклівасць' (*імчацца, насіцца, бегчы, ляцець, гнацца*).

У рэцыпіентнай зоне дзеяслова *імчацца* ў беларускай мове актуалізаваўся ЛСВ 'імкнуцца ў думках да чагосьці' *Сяджу я ў вастрозе, а думкі мае Імчацца да любяе хаткі, Імчацца да мільх палеткаў, ганей, Да роднае старэнькае маткі.* (А. Змагар). У англійскім адпаведніку *race* актуалізвалася сема 'to function very quickly because you are afraid, excited, etc.' 'дзеінічаць вельмі хутка па прычыне усхваляванасці, боязі' (*My mind raced as I tried to work out what was happening – Мой розум імчаўся, калі я спрабаваў зразумець, што адбываецца*).

Працэс руху думкі адлюстроўваецца ў сэнсавых структурах дзеясловаў *насіцца*, *бегчы*, *ганяцца*, *ляцець*, у якіх з’яўляюцца метафарычныя значэнні ‘празмерна захапляцца кім-, чым-небудзь; вельмі многа думаць, клапаціцца аб кім-, чым-небудзь’, ‘хаатычна мысліць’, ‘не даваць спакою; пераследаваць’,); ‘імкнуцца куды-небудзь, да каго-небудзь (думкамі, душой і падобнае); ірвацца’: *Браты, грамадзяне... – насілася ў галаве ічаслівая думка.* (А. Наварыч); *Невясёлыя думкі насіліся ў Паўлюковай галаве.* (Я. Колас); *А думкі бегалі, не магли знайсці пункту апоры.* (К. Акула); *Розныя думкі, як прусакі, ў галаве бегаюць.* (Я. Калмыкоў); *Здані, прывіды слоў, абрыўкі, шматкі думак гоняцца за мной па гарадскім асфальце і вясковых сцежках.* (В. Казько); *Што яны робяць... – Бегла, а за ёю гналася прыкрая думка.* (С. Баранавых *Лежачы на ложку ў інтэрнаце ў вольныя ад заняткаў хвіліны, ляцеў Жарнавік думкамі ў сваё даўняе і нядаўняе мінулае.* (П. Пестрак); *Мне зноў на сэрцы неспакойна, яно да вас ляціць, сябры.* (А. Вольскі). З прыведзеных чатырох слоў ментальныя значэнні ў англійскіх адпаведніках *rush*, *pursue*, *run* не развіліся. Толькі ў англійскім адпаведніку *wing* утварыўся ЛСВ ‘speak or act without preparation; improvise’ ‘гаварыць або дзейнічаць без падрыхтоўкі; імправізаваць’: *A little boning up puts you ahead of the job seekers who try to wing it – Невялікая падрыхтоўка анярэджавае тых, хто шукае працу, якія спрабуюць ляцець;* *I didn't know I'd have to make a speech – I just had to wing it – Я не ведаў, што прыйдзецца выступіць з прамовай – Я проста павінен быў ляцець (= імправізаваць) яе.*

У дзеясловах *скакаць*, *кружыцца*, *круціцца*, *мітусіцца*, *блытацца* выражаецца інварыянтнае значэнне ‘хутка змяняцца, абрывацца, блытацца’.

У сэнсавы склад беларускага дзеяслова *скакаць* уваходзіць адзін ментальны ЛСВ ‘мітусіцца (пра думкі і падобнае)’ *Нібы ўрыўкі чужых размоў, у галаве скакалі думкі-фразы, звернутыя да ўсяго, што дапякала чалавеку.* (В. Быкаў); *Думкі скакалі, зблытаныя, туманныя і жаласлівыя.* (З. Бядуля). У англійскім адпаведніку *jump* развіліся два другасных ЛСВ маўленчай скіраванасці ‘to change suddenly from one subject to another’ ‘раптоўна пераходзіць з аднаго прадмета меркавання на іншы’ (*I couldn't follow the talk because he kept jumping about from one topic to another – Я не мог сачыць за размовай, таму што ён увесь час скакаў з адной тэмы на іншую*); ‘to leave out something and pass to a further point or stage’ ‘перайсці да наступнага пункта або этапу дыскусіі’ (*You seem to have jumped several steps in the argument – Здаецца, што ты скачыў на некалькі крокаў у нашай дыскусіі*).

Дзеяслоў *кружыцца* ўтварыў індывідуальна-аўтарскі ЛСВ ‘пастаянна вяртацца да адной і той жа тэмы, прадмета, думкі і падобнае’: *Неадчэпныя думкі кружыліся вакол сённяшняга здарэння з Колам.* (І. Грамовіч); *Ліхаманкава ляцелі думкі, кружыліся і не знаходзілі выйсця.* (І. Шамякін). У англійскім адпаведніку *whirl* выявіўся ЛСВ, у семантыцы якога сінкрэтыя думак, пачуццяў, іх складанасці і разнастайнасць адценняў утварае новыя метафарычныя пераносы: ‘if your mind, thoughts, etc. whirl, you feel confused and excited and cannot think clearly’ ‘калі ваш розум, думкі і г.д. круцяцца, вы адчуваеце разгубленасць і ўзбуджэнне і не можаце думаць выразна’ (*I couldn't sleep – my mind was whirling from all that had happened – Я не мог заснуць, бо мой розум кружыўся ад усяго, што адбылося; So many thoughts whirled around in her mind – Столькі думак кружылася ў яе свядомасці*).

У беларускага дзеяслова *круціцца* маецца некалькі метафарычных значэнняў ‘выкручвацца, хітрыць’, ‘пастаянна вяртацца да адной і той жа тэмы, прадмета, думкі і падобнае’: *Арлоўскі як ні круціўся, як ні муліўся, але такі здаўся.* (А. Чарнышэвіч); *Думкі яго цяпер круціліся навокал Вэні.* (К. Чорны); *Думкі віхурай круціліся ў галаве.* (Я. Маўр). Англійскі адпаведнік *rotate* не актуалізаваў ніводнага другаснага ЛСВ.

У беларускім слове *мітусіца* ўтварыўся ЛСВ ‘бязладна праносзяца, з’яўляцца і хутка знікаць у памяці’ *А тады ўжо думкі рвуцца, блытаюцца, мітусяцца ў атрутным тумане.* (М. Зарэцкі); *Мітусяцца абрыўкі думак, абрыўкі чутага за дзень, бачанага.* (М. Лынькоў). У англійскай мове ў адпаведніку *dodge* другасны ментальны ЛСВ не ўтварыўся.

У структуры дзеяслова *блытацца* адзначаецца толькі адзін ЛСВ ‘траціць яснасць, дакладнасць, рабіцца безладным (пра думкі, словы і падобнае)’ *Усё пачало блытацца ў святломасці [Барыса].* (Б. Мікуліч); *Раман ішоў дамоў, і супярэчлівыя думкі блыталіся ў яго галаве.* (А. Чарнышэвіч). У англійскім адпаведніку *entangle* ўтварыўся ЛСВ ‘to involve somebody in a difficult or complicated situation’ ‘уцягваць каго-небудзь у складаную сітуацыю’ (*He became entangled in a series of conflicts with the management* Ён *блытаўся ў шэрагу канфліктаў з кіраўніцтвам; She didn't want to get entangled with him* – Яна не хацела быць эмацыянальна зблытанай з ім).

У сэнсавай структуры дзеясловаў *мільгаць, прамільгнуць, бліснуць, мігаць, мігцець* актуалізуецца тэмпаральная сема, якая ўказвае на хуткасць, кароткачасовасць існавання думкі, яе даволі хуткае ўзнікненне і знікненне.

Іх сэнсавая структура складаецца з другасных ментальных ЛСВ ‘хаатычна ўзнікаць; хутка падумаць’, ‘узнікнуць, з’явіцца на імгненне (пра думкі, пачуцці)’, ‘раптам з’явіцца; прамільгнуць’, ‘праносіцца ў галаве’, ‘з’яўляцца на кароткі час і зноў знікаць’: *У галаве яго мільгалі ўрыўкі ўсялякіх думак: боязь за свае грошы і страх перад халоднай вадой.* (Я. Маўр); *Ён адступіў на крок, але павярнуцца сьпінай да іх не рызыкнуў, а мільганула была думка нырнуць назад у хвойнік.* (Ю. Станкевіч); *Шчасце чалавека ў няведанні, – несвядома прамільгнула ў Ігнася думка.* (К. Чорны); *У мяне прамільгнула крамольная думка: а ці не пазнаёміць яго з маёй незамужняй прыяцелькай.* (С. Яскевіч); *Надзя слухала мяцеліцу, слухала думы свае, чакала, глядзела, а мо блісне прамемень надзеі.* (П. Галавач); *Быў адзін момант, калі Барковічу здалася, быццам нешта з тупой сілай ітурханула яго ў плечы, і ў галаве яго маланкай бліснула думка, што гэты Сяргей дагнаў яго і ўдарыў прыкладам.* (М. Зарэцкі); *Побач з гэтым перад ім мігнула думка, ці не ўзваліць віну на ўвесь рэўком.* (Ц. Гартны); *І дзіўна, што ні ў каго не мігнула ў гэты жудасны момант думка асуджэння.* (М. Зарэцкі); *Мучыў боль на загінуўшым сыне, мігцела надзея хоць што-небудзь пачуць аб ім.* (М. Лужанін); У англійскіх адпаведніках *flicker* (мільгаць), *blink* (мігаць), *glimmer* (мігцець) другасныя ЛСВ не ўтварыліся. У англійскіх адпаведніках да дзеясловаў *прамільгнуць – glimpse*, *бліснуць – flash* утварыліся прыкладна аднолькавыя другасныя ЛСВ, якія можна лічыць амаль поўнымі адпаведнікамі беларускіх дзеясловаў: *Suddenly she glimpsed the truth about her sister – Раптам у яе галаве прамільгнула праўда пра сястру; She got a glimpse of a very different way of life – У яе галаве прамільгнуў зусім іншы лад жыцця; A terrible thought flashed through my mind – У галаве бліснула жудасная думка; A ludicrous thought flashed through Harry's mind – У галаве Гары бліснула смешная думка; Those lines of Milton flashed into my mind – Гэтыя радкі Мілтана бліснулі ў маёй святломасці.*

У дзеяслове *варушыцца* фіксуецца другасны ЛСВ ‘ажыццяўляць, праяўляець актыўнасць: *Схаваўшы твар у далоні рук, яна не рухалася з месца, і цяжкія, як тыя шэрыя камні, варушыліся ў галаве думкі.* (М. Лынькоў); *Думкі варушыліся ў галаве, і Макар не заўважыў, як поруч прымаўся Сашка Мурлена.* (В. Мудроў). У англійскім адпаведніку *move* другасны ЛСВ не актуалізаваўся.

У сэнсавай структуры дзеясловаў *паўзці, падкрасціся, хадзіць, лунаць* увага канцэнтруецца на павольнасці акрэслівання думкі, яе маруднасць, нязначная актыўнасць: *Новыя думкі, новыя настроі плылі-паўзлі да мяне ад вакольных пейзажаў, якія паволі чаргаваліся адзін за адным.* (З. Бядуля); *І чаму першы раз во паўзуць у голаў*

такія нядобрыя **думкі**? (М. Гарэцкі); *Надоечы, калі Мармалюк ляжаў у бальнічнай палаце пад кропельніцай, да яго падкраліся страшныя думкі.* (В. Ткачоў); *Наўмыслик пачынаў рабіцца тым пунктам, навокал якога **хадзілі думкі** нават і тых людзей.* (К. Чорны); *І **ходзяць думкі** ў галаве.* (Я. Колас). У англійскіх адпаведніках *паўзці – crawl*, *хадзіць – walk* другасныя ЛСВ не ўзніклі. У англійскім адпаведніку *creep* утварыўся аналагічны беларускім дзеясловам ЛСВ ‘to move or develop very slowly’ ‘рухацца або развівацца вельмі павольна’ (*A slight feeling of suspicion **crept** over me – Лёгкае пачуццё падазронасці **падкралася** да мяне*).

Пры пераносе ў эмацыянальную сферу першасны ЛСВ ‘плаўна лятаць, рухацца ў паветры’ дзеяслова *лунаць* пераўтвараецца ў метафарычнае значэнне ‘знаходзіцца ў стане ўзвышаных або далёкіх ад рэчаіснасці пачуццяў’: *Здавалася, што ён сваімі **думкамі лунае** там, на Навагрудчыне, у бэзавым садзе.* (У. Дубоўка); *Нешта ты далёка **лунаеш**... Кепска?* (М. Лужанін). У англійскім адпаведніку *hover* утварыўся ЛСВ ‘to stay in an uncertain state’ ‘заставацца ў нявызначаным стане’ (*I’m **hovering** between the red dress and the blue one – Я **лунаю** паміж чырвонай сукенкай і сіняй; He **hovered** on the edge of consciousness – Ён **лунаў** на мяжы свядомасці*).

Такім чынам, ментальны назоўнік *думка* спалучаецца з дзеясловамі рознай тэматычнай накіраванасці, якія канкрэтызуюць ментальны працэс, указваюць на імкліваць працэсу думкі, яе развіццё ў часе і прасторы. Дзеясловы канкрэтных фізічных дзеянняў такім чынам выкарыстоўваюцца для перадачы абстрактных ментальных працэсаў.

Ментальныя дзеясловы ў беларускай і англійскай мовах характарызуюцца невысокай ступенню падабенства з пункту гледжання колькаснага складу і семантычнага аб’ёму лексічных значэнняў. Гэта абумоўлена генетычнай далёкасцю моў і рознымі шляхамі фарміравання іх лексічных складаў. Становіцца выразна бачна, што разглядаемыя лексічныя адзінкі ў беларускай і англійскай мовах маюць істотныя адрозненні, якія тычацца наяўнасці ці адсутнасці адпаведнага значэння ці канататыўнай афарбоўкі якога-небудзь лексіка-семантычнага варыянта у адной з моў, якія мы параўноўваем. Поўных семантычных супадзенняў ЛСВ беларускай і англійскай моў – 3. У беларускай мове ўтварыўся 21 пераносны ЛСВ, у англійскай мове ўсяго 11. Гэта сведчыць аб вялікім разыходжанні ва ўжыванні ЛСВ, што ўказвае на нацыянальна-культурную спецыфіку лексічнага корпусу даследуемых адзінак.

Літаратура

1. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – М., 2001. – № 2. – С. 13–25.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Выд-ва Бел. сав. энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 3.

References

1. Zaliznyak, A. A. (2001). Semanticheskaya derivaciya v sinhronii i diahronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov». *Voprosy yazykoznaniiya*. – Moskva, № 2. – S. 13–25.
2. Lakoff, Dzh. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem*. – Moskva.
3. Pokrovskij, M. M. (1959). *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu*. – Moscow, Izd-vo AN SSSR.
4. *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj movy : u 5 t. (3 tom)* (1977–1984). – Minsk : Vyd-va Bel. sav. encyklopedyya.

ГЛАГОЛЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ (на материале итальянской газеты «La Repubblica»)

Ю.В. Рогова,

аспирант кафедры языкознания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: yulitalia@mail.ru

В XXI веке одной из малоразработанных проблем современной лингвистической науки является определение категории деструктивности. Сегодня наблюдаются масштабные конфликты, проявляющиеся в агрессивных высказываниях, которые используются авторами в средствах массовой информации. В данной статье выявляется специфика репрезентации глагольных деструктивных номинаций, которые используются в ежедневной итальянской газете «La Repubblica», указываются семантические значения анализируемых слов, рассматриваются различные виды образно-выразительных средств, посредством которых слова приобретают негативные значения.

Ключевые слова: категория деструктивности, «La repubblica», глагол, многозначность, семантика, дискурс.

VERBS OF DESTRUCTIVE SEMANTICS (ON THE MATERIAL OF THE ITALIAN NEWSPAPER «LA REPUBBLICA»)

Y. Rogova,

Postgraduate Student of the Department of Linguistics and Linguodidactics, Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank,
Minsk, the Republic of Belarus
E-mail: yulitalia@mail.ru

In the 21 century the definition of the category of destructiveness is one of little studied problems of modern linguistic science. Nowadays we can witness conflicts of large scales expressed with aggressive utterances which are used by authors in mass media. In the given article we reveal the specificity of representation of verbal destructive nominations used in daily Italian newspaper «La Repubblica», mark the semantic meanings of the analyzed words, consider various kinds of imagery-expressive means by means of which words acquire negative meanings.

Key words: category of destructiveness, «La Repubblica», verb, polysemy, semantics, discourse.

В современном итальянском социуме освещение общественной и политической жизни является неотъемлемой рубрикой всех новостных каналов. При этом нельзя отрицать тот факт, что практически вся итальянская нация в определённой степени социализирована и политизирована. Несмотря на то, что за последние годы появились новые средства коммуникации, многие из которых имеют преимущества в плане оперативности и массовости распространения информации, газеты по-прежнему остаются важным средством массовой информации.

В статье рассматриваются глаголы деструктивной семантики, которые употребляются в ежедневной итальянской газете «La Repubblica», («Республика») [4]. Данное издание было основано в 1976 году известным журналистом и членом итальянского парламента Эудженио Скальфари, который в дальнейшем много лет проработал на посту главного редактора издания. С течением времени редакторы данной газеты менялись, а с 23 апреля 2020 года главным редактором газеты стал Маурицио Молилари. Данное печатное издание соревнуется за звание самой популярной газеты в государстве.

Деструктивные глаголы указывают на уничтожение, смерть, разрушение, нарушение структуры, негативное функциональное изменение и многие другие отрицательные

факты, выявляемые в объективной действительности. Эти глаголы неоднократно были в центре внимания исследователей. Так, Ф. Г. Фаткуллина в докторской диссертации «Категория деструктивности в современном русском языке» определяет деструкцию как «категорию, охватывающую практически всё сущее в мире, выделяющую вещь на основании всех её характеристик. Так, индивидуальными, отличительными признаками деструкции являются расчленение, разрушение, нарушение структуры предмета на макро-микроуровне». Ф. Г. Фаткуллина также отмечает, что «в лингвистической литературе много внимания уделяется изучению и описанию прежде всего глагольной лексики» [3, с. 24–26]. Е. В. Выровцева считает, что «агрессивность как способ выражения позиции говорящего или пишущего нельзя отнести к новации, только что ворвавшейся в отечественные масс-медиа. Различные формы агрессивного поведения, в том числе и речевого, уже стали традиционными для публичных выступлений руководителей страны, политических лидеров, общественных деятелей, а также особенностью как бульварной, так и качественной прессы» [2, с. 30]. Я. А. Волкова и Н. Н. Панченко в статье «Деструктивность в политическом дискурсе» отмечают, что «деструктивность относится к числу фундаментальных дискурсивных категорий, которые играют значительную роль в организации коммуникативного взаимодействия и определяют прагматику дискурса; ее изучение способствует пониманию некоторых механизмов и принципов коммуникации, а также идентификации стратегий и тактик, используемых деструктивной коммуникативной личностью» [1, с. 161].

Как известно, глаголы играют важную роль в создании деструктивной картины, в своём большинстве они многозначны. Проследим употребление деструктивных глаголов в следующих предложениях: *Sei giovani rubano un'auto per festeggiare l'Italia, investono una donna e fuggono* – *Шесть молодых людей угоняют машину, чтобы отпраздновать победу Италии, сбивают женщину и убегают*; *Per rubare l'auto spara a 2 fratelli Fermato Albanese* – *Чтобы угнать машину, он стреляет в двух албанских братьев Фермато*. Вышеуказанные глаголы, согласно «Новому итальянско-русскому и русско-итальянскому словарю» И. В. Забазной и А. Е. Ковач, многозначны и имеют следующие значения:

rubare – 1) ‘воровать’, 2) ‘отнимать’; 3) ‘обкрадывать’; 4) ‘обсчитывать’. В приведённых предложениях глагол *rubare* имеет вариативность лексического значения на уровне высказывания, референтную спецификацию семного состава, поскольку в основном значении «преступно присваивать, похищать чужое» называет разные ситуации, способы хищения предмета, то есть украсть, угнать;

investire – 1) ‘жаловать’, ‘даровать’; 2) ‘толкать’, ‘ударять с силой’, ‘сбивать’; ‘наезжать’; 3) ‘инвестировать’, ‘помещать’, ‘вкладывать’ (фин.); 4) ‘окружать’, ‘осаждать’ (воен.); 5) (di, con qc) ‘осаждать’, ‘забрасывать’ (перен.) 6) ‘информировать’, ‘осведомлять’; 7) ‘удариться, натолкнуться’; 8) ‘сесть на мель’ (мор.). Слова стали многозначными в процессе исторического развития языка, что привело не только к количественным, но и качественным изменениям в лексике. Взятое изолированно, вне контекста, слово воспринимается в своём основном значении, однако данный глагол в зависимости от передаваемой информации может иметь как конструктивные значения, так и деструктивные, то есть обладает энантиосемией на уровне двух значений слова;

fuggire – 1) ‘убегать’, ‘спасаться бегством’; 2) ‘исчезать’, ‘рассеиваться’ (перен.); 3) ‘избегать’, ‘уваливать’ (разг.). Основное значение данного глагола «уйти, удалиться откуда-нибудь бегом».

sparare – ‘стрелять’. Основное значение данного глагола – ‘совершать действия из огнестрельного оружия’.

Определённое влияние на рациональную и эмоциональную сферы оказывают фразеологизмы, свойственные публицистическому дискурсу. Именно благодаря фразеологизмам тексты газет наполняются новым звучанием, ассоциативными связями, образными и меткими характеристиками.

I numeri del contagio restano per il momento stabili e continuano a non allarmare, anche se ancora una volta i nuovi contagiati sfiorano quota 200 (194) – Число заражённых пока остаётся стабильным и не бьёт тревогу, даже если число новых заражённых снова приближается к 200 (194). Глагол *allarmare* имеет следующие значения: 'тревожить', 'беспокоить', 'волновать', 'поднимать на ноги', 'будоражить', 'бить тревогу'. Несмотря на то, что глагольный компонент *bitte* является деструктивным, в целом данный фразеологизм получает конструктивное значение «громогласно заявлять, обращать всеобщее внимание на грозящую опасность, неблагополучие». Приведём ещё несколько примеров:

Un'estate che passa da «un estremo all'altro con l'Italia spesso divisa in due dal punto di vista atmosferico in un'altalena tra fiammate africane e fronti temporaleschi in discesa dall'atlantico», spiegano gli esperti del sito de IlMeteo.it aggiungendo che «secondo gli ultimi aggiornamenti già nel corso della prossima settimana e almeno fino a Ferragosto, l'Italia si troverà nella morsa del grande caldo, grazie ad una nuova avanzata dell'anticiclone africano che pilota correnti roventi dall'interno del Sahara fino al bacino del Mediterraneo».

Лето, которое бросается «из одной крайности в другую», с Италией, часто разделяющейся на две части с точки зрения атмосферы в колебаниях между африканскими пожарами и штормовыми фронтами, спускающимися из Атлантики», – объясняют эксперты сайта IlMeteo, согласно последним обновлениям, уже в течение следующей недели и, по крайней мере, до 15 августа, Италия окажется в тисках сильной жары из-за нового наступления африканского антициклона, который направляет горячие течения из Сахары в Средиземноморский бассейн».

В приведённом дискурсе используются различные виды образно-выразительных средств. Бросается в глаза насыщенность терминологическими сочетаниями военного характера (*штормовые фронты, наступление африканского антициклона, тиски сильной жары*). Существительные *фронты, наступление, тиски* в своих первичных значениях используют с негативным (пейоративным) содержанием. В тексте же эти номинации характеризуют неустойчивость атмосферного состояния, резкую смену температуры. Здесь наблюдается действие регулярной модели семантической деривации «военное событие» → «погодное условие». Военные термины, таким образом, помогают воссоздать картину резко изменяющейся погоды и метеорологических условий.

Фразеологизм *бросаться из одной крайности в другую* в данном контексте имеет значение «резко менять свой характер действий». Посредством данного фразеологизма выражается быстрая и часто необоснованная смена точек зрения или поведения, которые противоречат друг другу, что является деструктивным действием, поскольку любые решения должны приниматься обдуманно и осознанно.

Проследим употребление глагола *rompere* в газете *La Repubblica*. Согласно словарю, данный глагол имеет следующие значения: 1) 'ломать', 'разбивать'; 2) 'нарушать', 'прерывать'; 3) 'разрывать', 'рвать'; 4) 'разбиваться', 'ломаться'; 5) 'разрывать отношения'; 6) 'разражаться' (*книжн.*); 7) *rompere in pianto* 'разрыдаться'. Данный глагол входит в состав фразеологизмов *rompere i ponti* (*сжигать мосты*) и *rompere il silenzio* (*нарушить молчание*): *Perché il Pd, dopo la caduta del governo giallorosso, ha fatto bene a non rompere i ponti con i 5Stelle – Почему Демократическая партия после падения жёлто-красного правительства сделала хорошо, не разорвав*

мости с Stelle.); «*Rompi il silenzio*» le scritte delle ragazze contro le molestie – «Нарушь молчание»: надписи девушек против домогательства) 11 ottobre 2020 sez. Фразеологизм *rompere i ponti* является деструктивным, поскольку в своём первичном значении означает окончательное прекращение отношений, не оставляющее никаких шансов изменить своё мнение и попробовать возможное примирение. Однако в данном предложении деструктивный фразеологизм приобретает конструктивное значение благодаря частице *ne*, которая придаёт высказыванию положительное содержание.

Второй фразеологизм с глаголом *rubare (rompere il silenzio)* имеет значение 'осветить тему, о которой не принято говорить'. Глагол *нарушить* является деструктивным, так как имеет значение «помешать нормальному состоянию, развитию чего-либо», но в предложении ведётся речь о нарушении молчания о темах, которые нужно «поднимать», чтобы можно было предотвратить противозаконные действия. Глагол в таком контексте делает предложение семантически положительным.

Таким образом, категория деструктивности репрезентуется в языке в виде различных глагольных и именных номинаций, фразеологизмов, сложных синтаксических конструкций. Глагол как часть речи наиболее приспособлен для выражения деструктивного содержания, поскольку именно посредством данной части речи могут описываться разрушительные или негативные действия и состояния. Деструктивные глаголы, используемые в итальянских СМИ, служат не только средством точного обозначения разрушительных действий и явлений, но являются обозначениями созидательных процессов, для чего используются различные метафорические формулы и модели. Часто в качестве исходной понятийной базы выступают военные термины и понятия, которые в реципиентной сфере используются с положительной коннотацией и выражают различные отношения в общественной, социальной, политической жизни общества.

Литература

1. Волкова, Я. А. Деструктивность в политическом дискурсе / Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 20 (4). – С. 161–178.
2. Выровцева, Е. В. Формы речевой агрессии в современных российских масс-медиа / Е. В. Выровцева // Проблемы безопасности в современном мире : I Черном. науч.-практ. конф. Моск. гос. ун-та, 26–28 мая 2016 г. : тез. докл. / Моск. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бакланов [и др.]. – Севастополь, 2016. – С. 29–31.
3. Фаткуллина, Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке : дис ... докт. фил. наук : 10.02.01 / Ф. Г. Фаткуллина. – Уфа, 2002. – 320 л.
4. La Repubblica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.repubblica.it/>. – Дата доступа: 08.09.2021.

References

1. Volkova, Ya., & Panchenko N. N. (2016). Destrktivnost' v politicheskom diskurse. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. [Destructiveness in political discourse. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*]. – 20 (4). – С. 161–178 (In Russ).
2. Vyrovtsseva, E. V (2016). Formy rechevoy agressii v sovremennykh rossiyskikh mass-media. [*Forms of speech aggression in modern Russian mass media*] / E. V. Vyrovtsseva // Security problems in the modern world: I Black. scientific-practical conf. Moscow state University, May 26–28, 2016: abstracts. report / Mosk. state un-t ; editorial board : V. N. Baklanov [and others]. – Sevastopol, 2016. – P. 29–31 (In Russ).
3. Fatkullina, F. G. (2002) *Kategoriya destrktivnosti v sovremennom russkom yazyke* [*The category of destructiveness in modern Russian*] (Doctoral dissertation. Ufa) (In Russ).
4. La Repubblica/ Retrieved September 08 2021 from <https://www.repubblica.it/> (In It).

О СТАТУСЕ АВСТРИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

А.П. Седых,

доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и французского языков,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Д.С. Нарыжная,

магистрант кафедры немецкого и французского языков,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
E-mail: 1079043@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются статусные характеристики австрийского варианта немецкого языка. Описываются социолингвистические уровни функционирования рассматриваемого диалекта. Проводится дифференциация австрийского диалекта в корреляции с диалектным пейзажем других стран. Утверждается, что австрийские диалекты в Австрии выполняют одну из ведущих ролей общения в различных типах дискурсов. Представлено описание лингвогеографических и исторических причин территориального выделения и структурно-семантических особенностей диалектных манифестаций австрийских вариантов немецкого языка (фонология, морфология, синтаксис). Авторы приходят к выводу о том, что перспективы развития австрийского варианта немецкого языка вполне вероятно могут привести к ещё большей автономности языковых форм и семантических контуров диалектных феноменов, что не исключает сохранение доминирующей роли немецкого языка «метрополии».

Ключевые слова: диалект, социолингвистика, австрийский вариант немецкого языка, диалектный пейзаж, фонология, морфология, синтаксис.

ABOUT THE STATUS OF AUSTRIAN DIALECT

A.P. Sedykh,

Dr. philol. sciences, professor Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

D.S. Naryzhnaya,

Master's student at the Department of German and French Languages,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia
E-mail: 1079043@bsu.edu.ru

The article examines the status characteristics of the Austrian version of the German language. The sociolinguistic levels of functioning of the dialect under consideration are described. The differentiation of the Austrian dialect is carried out in correlation with the dialectal landscape of other countries. It is argued that Austrian dialects in Austria play a leading role in communication in various types of discourses. The description of the linguo-geographic and historical reasons for the territorial separation and structural and semantic features of dialectal manifestations of the Austrian variants of the German language (phonology, morphology, syntax) is presented. The authors come to the conclusion that the prospects for the development of the Austrian version of the German language may well lead to an even greater autonomy of linguistic forms and semantic contours of dialectal phenomena, which does not exclude the preservation of the dominant role of the German language in the "metropolis".

Key words: dialect, sociolinguistics, Austrian version of the German language, dialectal landscape, phonology, morphology, syntax.

Введение

На территории Австрии принято выделять четыре языковые области: восточная (Вена, Нижняя Австрия, Восточная Штирия), центральная (Верхняя Австрия, Зальцбург), южная и юго-восточная (Штирия и Каринтия), западная (Тироле, Западный Зальцбург, Форарльберг). Употребляемые диалекты на территориях вышеперечисленных языковых областях именуются «баварско-австрийскими», кроме Форарльберга и небольшой части Тироля, где отдается преимущественное предпочтение «алеманнскому» диалекту. Наряду с австрийским национальным вариантом немецкого языка на территории Австрии выделяют региональные варианты: северобаварский, среднебаварский со среднеавстрийским, южнобаварский с южноавстрийским. Существующие диалекты служат базой для формирования австрийского национального варианта немецкого языка и являются формой его существования. Австрийский национальный вариант немецкого языка имеет ряд специфических черт и языковых особенностей, которые, в свою очередь, обусловлены историческими, политическими и культурными факторами, и находят свое отображение на фонологическом, морфологическом, лексико-синтаксическом языковых уровнях.

Цели и задачи

Статья ставит своей целью рассмотреть и описать статусные характеристики австрийского варианта немецкого языка. В соответствии с указанной целью планируется решить основные эпистемологические задачи, которые находятся в области аспектов диалектологического функционирования и построения теории лингвогеографического конструирования с описанием перспектив динамической смены «социолингвистических доминант лингвокультуры» [4].

Методы и материал исследования

В работе применяется традиционный метод диалектологического описания материала на уровне фонологии, морфологии и синтаксиса. Учитываются стилистическая и социальная дифференциация эмпирического материала, корпус которого формируется на основе целенаправленной выборки характерологических признаков говора (диалекта).

Результаты и обсуждение

Австрия – страна, которая высоко ценит диалекты [2, с. 13]. Большая часть австрийского населения во время личного общения отдает предпочтение обиходно-разговорному австрийскому языку или диалекту, а высокообразованные социальные классы в городском окружении говорят на литературном немецком. Литературный немецкий язык используется преимущественно в повседневной жизни, его можно услышать по радио, телевизору, на проповеди в церкви, на лекциях в университетах и в школах. Но при этом, следует отметить, что литературный язык подвергается фонологическим и стилистическим видоизменениям, связанных с господствующими диалектами и особенностями на территории его применения. С социологической точки зрения на территории Австрии выделяются две формы языка: литературный и диалектный.

Выбор того или иного регистра во многом зависит от факторов, которые могут касаться как стороны говорящего, так и стороны слушающего. Прежде всего, выбор связан с социальными или географическими факторами, например, работа, уровень образования, происхождение, городская или сельская среда обитания, пол, поколение, ситуация общения (формальная или неформальная), собеседник, эмоциональное участие, намерения. На территории Австрии существует четыре уровня языка: обиходно-разговорный язык «die Umgangssprache», региональный диалект «der Verkehrsdialekt», местный диалект «der Basisdialekt» и литературный язык «die Standardsprache» [6, с. 12].

Под местным диалектом понимаются унаследованные местные и узко применимые языковые формы, которые чаще всего используются пожилыми людьми, связанные с давними укорененными традициями среди сельского населения, а именно среди

фермеров и ремесленников. Местный диалект встречается также и в больших городах, на нем говорят только низшие и средние социальные классы рабочих и служащих в повседневной жизни. Региональный диалект общения рассматривается в качестве лингвистической основы для всех других диалектов. Региональный диалект используется, в частности, молодым поколением, независимо от должности или профессиональной деятельности. Обиходно-разговорный язык служит посредником между диалектом и письменным языком. В зависимости от ситуации разговорный язык может иметь различный характер с соответствующими средствами выражения. Он используется среди людей среднего и высшего социального класса. Литературный язык характеризуется реализацией письменного языка и часто именуется как «Hochdeutsch». Литературный язык является общедоступным и встречается в общественном транспорте, на телевидении, в школах, университетах, церквях, офисах и в речи городских служащих.

Разговорная ситуация в Австрии во многом отличается от ситуации в Швейцарии, где диалекты пользуются высоким спросом и используются всеми классами, но и в Австрии они играют также доминирующую роль. На основании данного утверждения был проведен опрос, согласно которому 79 % австрийцев называют себя носителями диалекта. Что касается иных форм языка, то 50 % отдается диалектам, 45 % – обиходно-разговорному, 5 % – литературному немецкому языку. Учитывая географические и социальные факторы, наблюдается значительное процентное различие в применении тех или иных языковых форм. В сельской местности: 60 % – диалект, 35 % – обиходно-разговорный, 3 % – литературный; в больших городах: 27 % – диалект, 65 % – обиходно-разговорный, 8 % – литературный [7, с. 37–48].

Согласно результатам опроса уменьшение применения диалектных форм вызвано ростом более высоких социальных классов, что приводит к увеличению применения литературного и обиходно-разговорного языка. Диалекты, существующие на территории Австрийского государства, принято обозначать «баварско-австрийскими», кроме Форарльберга и небольшой части Тироля, где преимущественно используется алеманнский диалект. Данное положение связано с историческими факторами, а именно с баварской колонизацией по долине Дуная. Лингвисты Барбара Соукуп и Людвиг Зехетнер выделяют следующие особенности баварско-австрийских диалектов:

1. Фонологические особенности:

- звук [a] произносится диалектно [ɔ]: «machen» [mɛxɪn];
- произношение верхненемецких умлаутов «ä» как [a]: «Käse» [ka:s];
- дифтонгизация гласных звуков [i:, y:, u:, i:, u:]: «lieb» [lɪmb], «Bruder» [brʊdɔb];

2. Морфологические особенности:

- замена родительного падежа перефразированием: «das Haus vom Vater / dem Vater sein Haus» – «das Haus des Vaters»;
- частое отсутствие падежных различий во множественном числе: «mit **die** Händ(e)» – «mit **den** Händen»;
- сокращение падежных окончаний: «**a** Fenster» – «**ein** Fenster», «**an** Tisch» – «**einen** Tisch»;
- частое использование артиклей: «**der** Peter ist **a** Doktor» – «Peter ist Doktor», «**a** so **a** schöner Tag» – «so ein schöner Tag»;
- добавление к личному окончанию у глагола во втором лице множественного числа согласной буквы «-s»: «ihr wissts» – «ihr wisst»;
- отсутствие личного окончания «-e» у глаголов в первом лице единственного числа: «sing» – «singe»;
- отсутствие умлаутов у сильных глаголов во втором и третьем лице единственного числа настоящего времени: «du fangst» – «du fängst», «er lauft» – «er läuft»;

- образование второго сослагательного наклонения с помощью окончания «-ad»: «**wuarad**» – «**wäre**»;

- употребление личных местоимений в форме суффиксов: «**i glab da-s**» / «**i glab-s da**» – «**ich glaube es dir**»;

- сокращение наречий места: «**eini**» – «**hinein**», «**aussi**» – «**hinaus**»;

3. Синтаксические особенности:

- паратаксическая структура предложения (последовательность главных предложений);

- введение относительных придаточных предложений с помощью относительного местоимения «**was**» (часто в сочетании с указательными местоимениями): «**die Frau, was das getan hat**» – «**die Frau, die das getan hat**»;

- употребление союза «**dass**» в сочетании с другими союзами: «**ohne dass**» – «**ohne + Infinitiv**», «**statt dass**» – «**statt + Infinitiv**»;

- разъединение местоименных наречий: «**für was**» – «**wofür**», «**zu was**» – «**wozu**»;

- изменение порядка слов в предложении: «**weil das ist schön**» – «**weil das schön ist**»;

- использование глагола «**tun**» при описании действия: «**er tut lesen**» – «**er liest**» [5].

В Австрии баварско-австрийские диалекты подразделяются на следующие три группы региональных диалектов:

- северобаварский диалект;

- среднебаварский со среднеавстрийским;

- южнобаварский с южноавстрийским [1, с. 38].

Северобаварский диалект является наиболее распространенным на территории Австрии и встречается в Вене, Нижней и Верхней Австрии, и в некоторых областях Бургернланда. Согласно лингвистическим исследованиям Питера Визингера и Сильвии Мусмюллер северобаварскому диалекту характерны следующие особенности:

- монофтонгирование (переход средневерхненемецких дифтонгов в долгие гласные): «**weiß**» [væ:s];

- озвончение согласных (ленинизация, ленинг): «**Tag**» [dɔg], «**Peter**» [bedɔ];

- нейтрализация взрывных согласных звуков;

- вокализация l: «**Wald**» [væd];

- вокализация r: «**werfen**» [wɛrfɔ];

- глагольное окончание «-en» в инфинитивной форме, в первом лице множественного числа в настоящем времени и во втором причастии после согласных «ch, ck, n, m, ng», а также после «f, ff, pf» произносится как [ɐ]: «**machen**» [mɔxɐ] [3].

Среднебаварский диалект распространен в большей мере на территории Зальцбурга, Штирии и Бургернланда, а также в некоторых районах Нижней Австрии. Среднебаварский диалект характеризуется следующими особенностями:

- изменение гласной [o], стоящей перед согласным [l], на гласную [u]: «**Holz**» [huldz], «**voll**» [vul];

- дифтонгизация гласных с переходом в гласные [i] и [u]: «**heben**» [hi(b)n], «**Hose**» [huzn] [Ibid.].

Южнобаварский диалект встречается на территории Тироля, Каринтии, в некоторых районах Зальцбурга, Верхней Австрии и Штирии. Отличительными особенностями являются следующие:

- дифтонгизация гласных [e:] и [o:] в [ɛɐ] и [ɔɐ]: «**Schnee**» [ʃnɛɐ], «**rot**» [rɔɐt];

- сохранение аффрикаты [кх]: «Knecht» [kxnɛxt];
- отсутствие озвончение и оглушение согласных в начале и середине слова: «Tag» [tɔ:g], «weiter» [waitər];
- назализация глагольного окончания «-en» в инфинитивной форме, в первом лице множественного числа в настоящем времени и во втором причастии после «ch, ck, n, m, ng, f, ff, pf»: «machen» [mɔxŋ] [Wiesinger 2006].

Выводы

Таким образом, многие приведенные выше особенности различий в баварско-австрийских диалектах схожи между собой и в незначительной степени видоизменяют литературный немецкий язык. Существующие языковые формы на территории Австрии применяются в соответствии с ситуацией общения или основываются на социальной принадлежности человека. В связи с расширением средних и высших социальных классов в больших городах Австрии из года в год увеличивается процентное значение употребления литературного немецкого языка. Австрийцы не исключают литературный язык из своего обихода, а, наоборот, за счет своих особенностей на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях в обиходно-разговорном языке и диалектах они показывают свою австрийскую уникальность и независимость. Мы считаем, что данная уникальность и независимость, тем не менее, имеет шансы на повышение автономности социального и языкового статуса австрийского диалекта на общем доминирующем фоне немецкого языка.

Литература

1. Жирмунский, В. М. Немецкая диалектография / В. М. Жирмунский. – Л., 1976. – 491 с.
2. Ebner, J. Duden. Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner, Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich : Duden-Verlag, 2008. – 49 S.
3. Moosmüller, S. Kleine Geschichte der Phonetik in Österreich, in: Moosmüller, Sylvia & Carolin Schmid & Manfred Sellner (eds.), Phonetik in und über Österreich. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017. – S. 7–13.
4. Pruvot, J. Text, context, intertext: a synthesis of sense / J. Pruvot, A. P. Sedykh, L. M. Buzinova // Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics. – 2018. – Vol. 4, No. 3. – P. 21–35.
5. Soukup, B. Austrian listeners' perceptions of standard-dialect style-shifting: An empirical approach, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9841.2011.00500.x>. – Дата доступа: 22.08.2021.
6. Subrt, P. Das österreichische Deutsch. Bakkalaureatsarbeit. Die Tschechische Republik : Brünn, 2010. – 51 S.
7. Wiesinger, P. Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte. Münster/Wien (Austria: Forschung und Wissenschaft – Literatur. 2), 2006.

References

1. Zhirmunskij, V. M. (1976) Nemeckaja dialektografija [*German dialectography*]. Leningrad. 491 (In Russ).
2. Ebner, J. Duden. (2008) Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner, Mannheim/ Leipzig/Wien/Zürich : Duden-Verlag. – 49.
3. Moosmüller, S. (2017) Kleine Geschichte der Phonetik in Österreich, in: Moosmüller, Sylvia & Carolin Schmid & Manfred Sellner (eds.), Phonetik in und über Österreich. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 7–13.
4. Pruvot J., Sedykh, A.P., Buzinova L.M. (2018) Text, context, intertext: a synthesis of sense. *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*. – 2018. – Vol. 4. No. 3. – 21–35.
5. Soukup B. (2011) Austrian listeners' perceptions of standard-dialect style-shifting: An empirical approach, from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9841.2011.00500.x>. Accessed: 22.08.2021.
6. Subrt P. (2010) Das österreichische Deutsch. Bakkalaureatsarbeit. Die Tschechische Republik : Brünn. – 51.
7. Wiesinger P. (2006) Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte. Münster/Wien (Austria: Forschung und Wissenschaft – Literatur. 2).

МЕТАФАРЫЧНАЯ СФЕРА ДЗЕЯСЛОЎНЫХ ДЭСТРУКТЫЎНЫХ НАМІНАЦЫЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

В.Д. Старычонок,

прафесар, доктар філалагічных навук, дэкан філалагічнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
E-mail: starichenok@mail.ru

У артыкуле разглядаецца феномен дэструкцыі і асноўныя спосабы яго рэпрэзентацыі ў беларускай мове. Раскрываецца змест дадзенага феномена, яго ўвасабленне на лексічным і функцыянальным узроўнях. Асаблівая ўвага надаецца дзеясловам як асноўным намінацыйным адзінкам катэгорыі дэструктыўнасці. Устаноўлены тэматычныя групы дзеяслоўнай лексікі, у якіх на аснове першасных дэструктыўных значэнняў утварыліся другасныя недэструктыўныя лексіка-семантычныя варыянты розных сфер: сацыяльнай, міжасобаснай, экзистэнцыяльнай, эмацыянальна-псіхалагічнай, болевай, метэаралагічнай, гукавой, каларатыўнай, люмінальнай, адарычнай, акцыянальнай.

Ключавыя словы: дэструкцыя, семантыка, метафара, другасная намінацыя, дзеяслоў, лексіка-семантычны варыянт.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СФЕРА ГЛАГОЛЬНЫХ ДЕСТРУКТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В.Д. Стариченок,

профессор, доктор филологических наук, декан филологического факультета
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: starichenok@mail.ru

В статье рассматривается феномен деструкции и основные способы его представления в белорусском языке. Раскрывается содержание этого феномена и его воплощение на лексическом и функциональном уровнях. Особое внимание уделяется глаголам как основным номинативным единицам категории деструктивности. Установлены тематические группы глагольной лексики, в которых на основе первичных деструктивных значений формируются вторичные недеструктивные лексико-семантические варианты разных сфер: социальной, межличностной, экзистенциальной, эмоционально-психологической, болевой, метеорологической, звуковой, колоративной, люминальной, одорической, акциональной.

Ключевые слова: деструкция, семантика, метафора, вторичная номинация, глаголы, лексико-семантический вариант.

METAPHORICAL SPHERE OF VERBAL DESTRUCTIVE NOMINATIONS OF THE BELARUSIAN LANGUAGE

V.D. Starichenok,

professor, Doctor of Philology, Dean of the Philological Faculty of the Belarusian State
Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: starichenok@mail.ru

The article considers the phenomenon of destruction and the main ways of its presentation in the Belarusian language. It reveals the content of this phenomenon and its embodiment at the lexical and functional levels. Special attention is paid to verbs as the main nominative units of the destructive category. Thematic groups of verbs are distinguished, in which secondary non-destructive lexical-semantic variants of different spheres are formed on the basis of primary destructive meanings: social, interpersonal, existential, psycho-emotional, pain, meteorological, audial, colorative, luminal, odorous.

Key words: destruction, semantics, metaphor, secondary nomination, verbs, lexical-semantic variant.

Глабальнае паняцце «дэструкцыя» заўсёды пазначаецца негатыўнай канатацыяй з маркерамі пашкоджання, разбурэння, знішчэння, парушэння. Гэта паняцце прадугледжвае перапыненне нармальнага ходу рэчаў, парушэнне развіцця якога-небудзь працэсу, перарыванне гістарычнага, эвалюцыйнага руху, пэўных сувязей, якія забяспечвалі ўстойлівасць той ці іншай сістэмы. Дэструктыўнасць з'яўляецца негатыўнай праявай чалавечага духу, адмоўнай энергіяй, накіраванай на жыццёвасць, на існаванне каго-ці чаго-небудзь.

У сучасным грамадстве назіраецца атывізацыя разбуральнай дзейнасці ва ўсіх сферах матэрыяльнага і сацыяльнага жыцця чалавека. ХХІ стагоддзе паставіла перад чалавецтвам праблемы, якія непасрэдна звязаны з выжывальнасцю чалавека, захаваннем цывілізацыі, заснаванай на пастулатах гуманізму, культуры і агульначалавечых каштоўнасцяў. Ілюстрацыямі страшных дэструктыўных з'яў з'яўляюцца войны, рэвалюцыі, агрэсіі, дзеі па знішчэнні старажытных культур, умацненне тэрарыстычных актаў, розныя катаклізмы сацыяльнага характару, знішчэнне навакольнага асяроддзя, распаўсюджванне каронавіруса і інш. Пастаянна з'яўляюцца новыя віды дэструкцыі і вынаходзяцца неабходныя для гэтага спосабы і спецыяльныя інструменты. Таму даследаванне феномена дэструкцыі ў жыцці грамадства і яго рэпрэзентатыўнасць у мове з'яўляецца даволі актуальным і запатрабаваным.

Праблемы дэструкцыі заўсёды хвалявалі розумы многіх дзеячаў навукі і культуры. Сёння накоплены значны вопыт па вывучэнні катэгорыі дэструктыўнасці з філасофскага, псіхалагічнага, этычнага, маральнага, антрапалагічнага і іншых пунктаў гледжання. Калісьці вядомы рускі навуковец, стваральнік арыгінальнай тэорыі этнагенезу і вучэння аб пасіянарнасці Л. М. Гумілёў вывёў генезіс дэструктыўнасці, апісаў заканамернасці яго прадстаўленасці ў культуры, мастацтве і літаратуры. Ён аб'яднаў дэструктыўныя з'явы і працэсы ў агульнае паняцце «антысістэма», выявіў прычыны з'яўлення антысістэм, іх тыпалагічныя рысы і ўласцівасці, устанавіў сувязі з нормаўмі этыкі. Л. М. Гумілёў лічыў, што праявы дэструктыўнага светапогляду выяўляюцца не толькі ў неапраўданай жорсткасці, садызме, варварскім выкарыстанні прыродных рэсурсаў і іншых дзеяннях, якія негатыўна адлюстроўваюцца на навакольным асяроддзі, але і з'явах культуры, літаратуры, мастацтва, філасофіі, ідэалогіі, рэлігійных вераваннях і іншых праявах чалавечага духу [1, с. 320].

Меркаванні Л. М. Гумілёва пераклікаюцца з ідэямі філосафа, публіцыста, аўтара кнігі «Аб супраціве злу сілай» І. А. Ільіна. Дэструкцыя (у тэрміналогіі І. А. Ільіна – зло) выяўляецца ў дзвюх формах: а) этычнай і філасофскай антысістэме (Л. М. Талстой); б) палітычнай і сацыяльнай антысістэме (рэвалюцыйны бальшавізм). Праблему супраціўлення злу аўтар разглядае як адну з трагічных праблем маральна-рэлігійнага вопыту чалавека на шляху яго духоўнага развіцця. Асноўнае пытанне кнігі разглядаецца ў ракурсе магчымасці чалавека, які імкнецца да маральнай дасканаласці, змагацца са злом сілай і мячом, неабходнасці супраціўлення злу пэўнымі сілавымі метадамі [2].

Значны ўклад у вывучэнне праблемы дэструкцыі унёс Э. Фром. У яго працы «Анатомія чалавечай дэструктыўнасці» прапануецца дыферэнцыяцыя паняццяў «агрэсія» і «дэструкцыя», «дэструктыўнасць». Пад тэрмінам *дэструкцыя* ён разумее спецыфічна чалавечы запал да абсалютнага панавання над іншай жывой істотай і жаданне разбураць яе [4]. Паняцце «дэструкцыя» З. Фрэйд разумее як цягу да смерці, патаемную, несвядомую сілу, закладзеную ў прыродзе чалавека. Сінонімам дэструктыўнай ў вучэнні З. Фрэйда з'яўляецца паняцце «агрэсія», якое азначае негатыўныя праявы псіхікі, накіраваныя як на аб'ект, так і на суб'ект, на самога сябе [3, с. 26–80].

Такім чынам, розныя праблема дэструкцыі пастаянна знаходзяцца ў полі зроку вядомых мысліцеляў сучаснасці. Пры ўсіх адрозненнях у поглядах на дадзеную праблему навукоўцы аднадушныя ў тым, што дэструкцыя накіравана на знішчэнне каго-ці чаго-небудзь. Важным момантам з'яўляецца тое, што практычна ўсе даследчыкі адзначаюць, што дэструктыўнасць знаходзіць сваё выражэнне ў мове і моўных намінацыях, якія адлюстроўваюць практычна ўсе формы і віды працэсаў разбурэння, знішчэння, спынення існавання, парушэння цэласнасці і інш.

Дэструктыўнасць з'яўляецца найбольш яркім выяўленнем катэгорыі працэсуальнасці і дынамічнасці, і па гэтай прычыне у лік лідэраў дэструктыўных намінацый уключаюцца перш за ўсё дзеяслоўныя лексічныя адзінкі, для якіх рух, дзеянне, перамяшчэнне з'яўляюцца своеасаблівай квінтэсэнцыяй, сутнасцю гэтага шырокага лексіка-граматычнага разраду слоў. У нарматыўных слоўніках беларускай мовы прадстаўлена звыш тысячы дзеясловаў з першаснай дэструктыўнай семантыкай (*разбураць, знішчаць, узрываць, калечыць, душыць, атручваць, кусаць, біць, таптаць, гнуць, церабіць, рэзаць, грызці*). У вербалізацыі розных элементаў дэструктыўнасці таксама ўдзельнічаюць іншыя часціны мовы: назоўнікі, прыметнікі, прыслоўі. У назоўнікаў паняцце дэструкцыі інтэрпрэтуецца не столькі як працэсуальны часавы, колькі як пазачасавы субстанцыяльны прэдыкат (*разбурэнне, раненне, драбненне, касьба, узрыў, бамбардзіроўка*). У групу дэструктыўных назоўнікаў таксама ўключаюцца актантныя субстантывы, якія абазначаюць утваральнікаў (суб'этаў, удзельнікаў) сітуацыі разбурэння (*надрыўнік, бамбавік, баявік, грызун*), а таксама прылады і сродкі ўздзеяння (*бомба, піла, куля, снарад, цясло*). Паняцце дэструкцыі можа перадавацца вытворнымі прыметнікамі і прыслоўямі (*амартызацыйны, выбухны, акісляльны, знішчальны, разбуральна, пагібельна, смяротна, ушчэнт*).

У дзеясловах як найбольш прадстаўнічай часткі корпуса дэструктыўнай лексікі фіксуецца шырокі спектр дэструктыўнасці, пачынаючы ад малаважных пашкоджанняў суб'ектаў або аб'ектаў да іх поўнага знішчэння. У аснове дэструктыўных адрозненняў пакладзена логіка-паняццёвая катэгорыя меры ў яе трох асноўных разнавіднасцях: а) выпадкі, калі прадмет разбураецца часткова і яго можна аднавіць, адносяцца да катэгорыі пашкоджанняў; б) дэструктыўнае ўздзеянне, што суправаджаецца змяненнем структуры аб'екта, лічыцца разбурэннем; в) дэструктыўнае ўздзеянне, калі аб'ект перастае існаваць, адносіцца да ліку знішчэння. Дэструкцыя як працэс накіравана на пераўтварэнне складанай структуры ў простую, рух ад разнастайнасці да аднастайнасці, ад жыцця да смерці, анігіляцыі.

Дзеясловы дэструктыўнай семантыкі характарызуюцца шырокай дэнататыўнай і паняццёвай суаднесенасцю, высокай ступенню абагульненасці, адсутнасцю выразнай дэферэнцыяцыі паміж асобнымі ЛСВ, што дазваляе ім экстрапаліраваць частку сваёй семантыкі ў іншыя тэматычныя групы. Назіраецца яскравая праекцыя першасных дэструктыўных ЛСВ у метафарычную канцэптuallyную вобласць, якая адлюстроўвае сферысацыяльных, экзістэнцыяльных, эмацыянальна-псіхалагічных, фізічных і фізіялагічных, метэаралагічных, гукавых, каларатыўных, люмінальных, адарычных і іншых з'яў і паняццяў.

У залежнасці ад суадносін першасных і другасных ЛСВ дэструктыўных дзеясловаў вылучаюцца мадэлі семантычнай дэрывацыі, у якіх сэнсавае развіццё накіравана за межы дэструктыўнай паняццёвай сферы. У агульным інварыянтным выглядзе семантычная мадэль уключае два структурныя кампаненты: «першасны дэструктыўны ЛСВ» → «другасны недэструктыўны ЛСВ». Канкрэтнае напаўненне семантычнай мадэлі залежыць ад семантыкі другаснай метафарычнай сферы. Як правіла, такая сфера акрэсліваецца грамадскім жыццём, сацыяльнымі адносінамі, метэаралагічнымі з'явамі, шматлікімі

квалітатыўнымі паказчыкамі і характарыстыкай колераў, гукаў, свету, пахаў, а таксама рознымі фрагментамі чалавечай дзейнасці, якія звязаны з фізічным і псіхалагічным станам чалавека. Найбольш яскрава метафарычная сфера выяўляецца ў другасных ЛСВ наступных дзеяслоўных аб'яднанняў:

1. Дзеясловы сацыяльных дзеянняў і міжасобасных адносін. У другасных ЛСВ такіх дзеясловаў адлюстроўваюцца падзеі сацыяльнага жыцця чалавека і грамадства, паводзіны чалавека, яго вобраз і стыль жыцця, узаемаадносіны людзей у сферы эканомікі, палітыкі, рэлігіі, адукацыі, навукі і інш. У новай канцэптуальнай вобласці вылучаюцца наступныя другасныя ЛСВ:

а) 'не даваць спакою каму-небудзь, дакучаць якімі-небудзь пытаннямі, просьбамі, патрабаваннямі, шматлікімі лістамі' (*тузаць, церабіць, тармасіць, бамбіць, бамбардзіраваць*);

б) 'дакучаць пастаяннымі прыдзіркамі, нападкамі, даймаць папрокамі, сваркамі' (*грызці, дзяўбіці*);

в) 'спыняць, разрываць адносіны, сувязі, размову, перагаворы і пад.' (*рваць, разрываць, разбураць*);

г) 'пазбавіць маральных сіл і здольнасці супраціўляцца, зробіць няздольным да актыўнага, творчага жыцця' (*спустошыць, атруціць, згарэць, забіць*);

д) 'пагарджаць, зневажаць, крыўдзіць' (*таптаць, пакусаць*);

е) 'спыніць, выкрыць, знішчыць чые-небудзь адмоўныя, шкодныя дзеянні і ўчынкі, негатыўныя сацыяльныя з'явы' (*ударыць, біць*);

ё) 'даказаць ілжывасць, памылковасць чыіх-небудзь перакананняў; нанесці ідэйнае паражэнне каму-небудзь' (*разграміць*);

ж) 'давесці да поўнага расстройства, да заняпаду, разладзіць расстроіць, прымусіць распасціся' (*разбурыць, разваліць*);

з) 'цярпець няўдачу ў якой-небудзь справе, не выконвацца, не рэалізавацца' (*гарэць*).

2. Экзістэнцыяльныя дзеясловы. *Пераносныя экзістэнцыяльныя ЛСВ маюць непасрэдныя адносіны да жыцця чалавека, яго розных жыццёвых калізій. Пэўныя цяжкія жыцця, нягоды, непрыемнасці і выпрабаванні актуалізуюцца ў семантыцы дзеясловаў гнуць, ламаць, калаціць, сцябаць, тузаць, трапаць, церабіць, біць. Адмоўная канатацыя першасных ЛСВ дзеясловаў пакалечыць, разбурыць экстрапаліруецца ў другасныя ЛСВ, якія ўказваюць на складаны жыццёвы лёс, пагоршанне ладу жыцця, няспраўджаныя надзеі, маральную сапсаванасць. Станоўчай канатацыяй характарызуюцца другасныя ЛСВ дэструктыўных дзеясловаў біць, палаць, у якіх актуалізуюцца семы 'бурнасць', 'інтэнсіўнасць', 'парывістасць', 'моц', 'запал'.*

3. Эмацыянальна-псіхалагічныя дзеясловы. Другасныя ЛСВ утвараюцца па інварыянтнай мадэлі «разбурыць, знішчыць, зламаць, спаліць» → «прычыніць душэўны боль, уздзейнічаць на эмацыянальную сферу» і абмяжоўваюцца псіхалага-эмацыянальным калідорам, дзе раскрываецца псіхічны стан чалавека, яго эмоцыі, душэўнае хваляванне, пэўныя перажыванні, абумоўленыя гневам, страхам, непрыняццем чаго-небудзь і інш. У сваёй большасці такія ЛСВ характарызуюцца адмоўнай канатацыяй наступнага характару:

а) 'быць усхваляваным, ахопленым якім-небудзь моцным пачуццём' (*гарэць, паліць, біць*);

б) 'непакоіць, трывожыць, хваляваць, нерваваць, прычыняць боль' (*скрэбіці, грызці, тузаць, ударыць, тармасіць*);

в) 'вывесці з сябе, абурыць, вельмі разлаваць, выклікаць непрыемнае пачуццё' (*узарваць, карабаціць*);

г) 'падавіць, заглушыць, стрымаць пэўныя пачуцці, гора, страх' (*задушыць, спаліць, патаніць, утаніць*);

д) 'накіроўваць свае дзеянні, размову на дасягненне якой-небудзь мэты; настойліва дамагацца чаго-небудзь, схіляць да чаго-небудзь' (*гнуць*);

е) 'праяўляць упартасць, упірацца' (*брыкацца*).

4. Дзеясловы болю і фізічнага дыскамфорту. У прататэпічнай мадэлі «разбурыць» → «прычыніць фізічны боль» другасныя ЛСВ указваюць на парушэнне нармальнай анатамічнай структуры тых ці іншых органаў і тканак (амаль да поўнага іх разбурэння), розныя дэгенератыўныя, запаленчыя і іншыя працэсы, якія вядуць да парушэння працаздольнасці і жыццядзейнасці чалавека. Практычна ўсе ЛСВ характарызуюцца пеяратыўнай канатацыяй. У працэсе метафарызацыі актуалізуюцца наступныя болевыя рэгістры:

а) 'атрымаць апёкі ад агню або чаго-небудзь гарачага, едкага; апячы што-небудзь загарваючы' (*паліць*);

б) 'рабіцца гарачым, чырванець ад прыліву крыві' (*гарэць, палаць, шугаць, біць*);

в) 'мець высокую тэмпературу, дрэнна адчуваць сябе, хварэць' (*гарэць*);

г) 'адчуваць фізічны боль у галаве, грудзях, жываце, сэрцы і іншых частках цела чалавека' (*ударыць, ціснуць, рэзаць, паліць, тузаць, расколвацца*);

д) 'дрыжаць, трасціся ад болю, перашкаджаць дыханню, мець прыступ кашлю' (*біць, ціснуць*);

е) 'памерці ад нягод, перанпружання або скарачэчнай хваробы' (*згарэць*).

5. Метэаралагічныя дзеясловы. Другасныя метэаралагічныя ЛСВ утвараюцца па мадэлі «*біць, наносіць удары, фізічна ўздзейнічаць чым-небудзь цвёрдым, вострым, гнуткім*» → «*моцна ці бесперапынку ліць, сячы, біць (пра вецер, дождж, снег, замаразкі і пад.)*». У метафарычных ЛСВ змяшчаецца ўказанне на сілу, парывістасць, моц, раптоўнае наступленне пэўных з'яў прыроды, характар іх інтэнсіўнасці (*біць, ударыць, лупіць, лупянуць, сцябаць, шугаць, хвастаць, шарахнуць, шугаць, трапаць*).

6. Гукавыя дзеясловы. Другасныя намінацыі дазваляюць больш дэтальна і зрокава перадаць усю разнастайнасць саўндшафтнага кантынуума, у якім арганічна спалучыліся гукі жывёльнага, расліннага і артэфактнага свету, а таксама гукі і маўленне чалавека. Метафарычныя ЛСВ утвараюцца па выразна акрэсленай прататыпічнай мадэлі «фізічна ўздзейнічаць» → «утвараць гукі, гаварыць» (*біць, лупіць, паліць, ударыць, узарваць, шарахнуць, шугаць*). Некаторыя гукавыя ЛСВ утвараюцца па мадэлі «біць, разбураць» → «страляць» (*біць, ударыць, узарваць, лупіць, паліць, садануць*).

Большая частка другасных гукавых ЛСВ носіць анімістычны характар і адносіцца да маўлення чалавека, якое часцей за ўсё адзначаецца адмоўнай канатацыяй: 'гаварыць што-н. неабдуманая, нетактоўная' (ляпнуць), 'бесперапынна гаварыць, паўтараць адно і тое' (дзяўбіць), 'рэзка адчытваць, крытыкаваць, выступаць з рэзкімі нападкамі, негатыўна выказвацца ў адносінах да чаго-каго-небудзь' (сцябаць, сцёбаць, граміць).

7. Каларатыўна-люмінальныя дзеясловы. Сярод перцептыўных паказчыкаў вялікае значэнне набываюць колеравыя і люмінальныя рэгістры, якія ўказваюць на выпраменьванне святла, яго яркае свячэнне, пэўную афарбоўку. У другасных ЛСВ дзеясловаў *гарэць, палаць, шугаць* каларатыўнасць выяўляецца ў афарбоўцы (звычайна чырвонай), яркім агністым цвіценні, выпраменьванні яркага святла.

8. Адарычныя і зрокавыя дзеясловы. У гэтай групе прадстаўлены другасныя ЛСВ, аб'яднаныя характарам пранікнення, уздзеяння чаго-небудзь на нюхальны, пахавыя, зрокавыя рэцэптары чалавека (*ударыць, біць, драць, рэзаць*). Як правіла, у такіх намінацыях

актуалізуюцца не толькі ўздзеянне на чалавека пахаў, паветра, гарачыні, святла, але і ступень такога ўздзеяння, яго рэзкасць, раздражняльнасць, вастрыня, непрыемнае адчуванне.

9. Акцыянальныя дзеясловы. Дэструктыўнасць заўсёды суправаджаецца дзеяннямі, якія непасрэдна звязаны з рухам, перамяшчэннем у прастору, змяненнем становішча, інтэнсіўнасцю, хуткасцю, узмацненнем і інш. Таму сцэнарнымі можна лічыць метафарычныя ЛСВ дзеясловаў *шугаць, біць, трапаць, шыбаць*, у аснову якіх пакладзены наступныя акцыянальныя і працэсуальныя паказчыкі, не звязаныя з дэструктыўнымі дзеяннямі: ‘ісці вялікую адлегласць’; ‘імкліва і з шумам перамяшчацца, пералятаць з месца на месца’; ‘рухацца знізу ўверх’; ‘выцякаць імклівым струменем, вылівацца з сілай’ і інш.

Такім чынам, дэструктыўнасць адносіцца да ліку ўніверсальных катэгорый, якая выяўляе істотныя, адметныя прыметы рэчаіснасці і з’яўляецца адным з інструментаў пазнання свету. Элементы дэструктыўнасці ўтрымліваюцца ў лексічных адзінках рознай катэгарыяльнай прыналежнасці (часцей у дзеясловах). Зыходныя дэструктыўныя ЛСВ характарызуюцца глыбокім сэнсавым патэнцыялам і экстрапалруюць частку сваёй семантыкі ў выніковую метафарычную вобласць, якая характарызуецца антрапацэнтрычнасцю, скіраванасцю да чалавека. У метафарычнай сферы дэструктыўных дзеясловаў пераносныя ЛСВ пазначаны сацыяльнымі, міжасобаснымі, экзістэнцыяльнымі, эмацыянальнымі, псіхічнымі, метэаралагічнымі, гукавымі, каларатыўнымі, тэмпаральнымі і іншымі маркерамі.

Літаратура

1. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилёв. – Л. : Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
2. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1995. – Т. 5. – 608 с.
3. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. – М. : Попурри, 2007. – 608 с.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : Аст, Хранитель, Мидгард, 2007. – 624 с.

References

1. Gumilyov, L. N. (1990). *Etnoenez i biosfera zemli*. Leningrad, Gidrometeoizdat (In Russ).
2. Il'in, I. A. (1995). *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 5*. Moscow, Russkaya kniga (In Russ).
3. Frejd, Z. (2007). *Psichoanalitičeskie etyudy*. Moscow, Popurri (In Russ).
4. Fromm, E. (2007). *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti*. Moscow, Ast, Hranitel', Midgard (In Russ).

УДК 81'367.622:[811.112.2+811.411.21'06]

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВИДЫ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НЕМЕЦКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Аль-Баэчий Талиб Сахиб Дохан,

аспирант кафедры языкознания и лингводидактики

Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,

г. Минск, Республика Беларусь,

Ирак

E-mail: talib.iraq@mail.ru

В статье рассматриваются виды смысловых отношений между компонентами синтаксических конструкций с предлогами в немецком и арабском языках. Устанавливаются разновидности атрибутивных, объектных, обстоятельственных отношений. Демонстрируются структуры, в которых смысловые отношения

приобретают синкретический характер и в зависимости от конкретной контекстовой ситуации выражают несколько видов отношений. Выявляется зависимость смысловых отношений от количественного состава предлогов и падежей в каждом из языков. Рассматривается специфика структуры словосочетаний в зависимости от препозиции или постпозиции предлогов.

Ключевые слова: немецкий язык, арабский язык, предлог, существительное, словосочетание, смысловые отношения

STRUCTURAL AND SEMANTIC TYPES OF PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS IN GERMAN AND ARABIC

Al-Baeichiy Talib Sahib Dohan,

Post-graduate student of the Department of Linguistics and Linguodidactics
of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,

Minsk, Republic of Belarus, Iraq

E-mail: talib.iraq@mail.ru

The article examines the types of semantic relations between the components of syntactic structures with prepositions in German and Arabic. The types of attributive, object, and adverbial relations are established. There are structures where semantic relations acquire a syncretic character, which express several types of relations depending on the specific contextual situation. The dependence of semantic relations on the quantitative composition of prepositions and cases in each of the languages is revealed. The specificity of the structure of phrases depending on the preposition or postposition of prepositions is considered.

Key words: German, Arabic, preposition, noun, phrase, semantic relations

В грамматическом строе любого языка предлоги занимают одно из ведущих мест, так как являются средствами выражения грамматических и семантических отношений между членами предложения. В зависимости от роли предлогов и предложных окончаний в выражении смысловых и грамматических отношений выделяются три группы предложных конструкций: в первой группе (русский язык) смысловое содержание конструкций передается предлогами и падежными окончаниями; во второй группе (английский, немецкий языки) предлог является основным и единственным носителем значения и не нуждаются в падежных окончаниях (все нюансы значения передаются с помощью предлога); в третьей группе (арабский язык) роль падежных окончаний считается недостаточной для выражения смысла конструкции, и имя в сочетании с предлогами становится выразителем смысловых отношений [1, с. 5]. Предлог, таким образом, несмотря на свою несамодостаточность, выполняет важную функцию в синтаксическом строе любого языка и часто выступает в качестве показателя лексического значения слова.

Предлоги вместе с падежными формами существительных могут выражать довольно широкие, максимально абстрактные или узкие, более конкретные отношения между словами. Репрезентация смысловых и грамматических отношений различной степени абстрактности считается многими учеными лексическим значением предлогов. По существу денотативная соотнесенность предлогов является специфической и охватывает не круг предметов и понятий объективной действительности, а выражаемые предлогами отношения между такими предметами и явлениями.

Предлоги принимают активное участие в выражении атрибутивных, объектных и обстоятельственных отношений, для чего чаще всего используются стандартные формулы типа N1 + предлог + N2, где N2 стоит, как правило, в родительном падеже.

В современном немецком языке насчитывается более ста предлогов. Как и в арабском языке, немецкие предлоги относятся к разряду служебных слов и выражают разнообразные отношения именных частей речи к другим словам в предложении.

Большинство предлогов в немецком языке употребляются перед существительными и местоимениями, т. е. занимают препозицию. Некоторые из них могут располагаться после зависимого слова (послеслоги). В число постпозитивных включаются предлоги

entgegen 'навстречу, против, вопреки', *entlang* 'вдоль', *gegenüber* 'напротив, по отношению к', *nach* 'к', *gemäss* 'в соответствии, согласно', *zufolge* 'согласно', *halber* 'из-за, ради', *zuliebe* 'ради' [3, с. 173].

Немецкие предлоги могут быть полисемантическими. В этих случаях один и тот же предлог характеризуется сложной семантической структурой, включающей несколько типов смысловых отношений. К числу предлогов высокой степени полисемии относятся наиболее употребительные предлоги *in*, *an*, *auf*, *um*, *nach* и др. Так, предлог дательного падежа *von* может употребляться при обозначении пространственных, локативных, качественных и количественных отношений. Многозначный предлог *an* 'на, у, возле, к, в' используется для выражения нахождения на вертикальной поверхности, вблизи какого-либо предмета или приближения к нему, а также во временном значении: *An der Wand ist eine Karte* – На стене карта, *Der Schüler steht an dem Tisch* – Ученик стоит у (возле) стола, *Die Lehrerin sitzt an dem Tisch* – Учительница сидит за столом, *Gehen Sie an das Fenster* – Подойдите к окну, *An diesem Tag arbeiten wir nicht* – В этот день мы не работаем.

Падежная форма существительных позволяет классифицировать предлоги на три группы (предлоги с родительным, дательным и винительным падежами).

В конструкциях с **родительным** падежом могут выражаться следующие виды смысловых отношений:

1. Пространственные отношения указывают на местоположение, расположение двух объектов в пространстве относительно друг друга или на направленность движения относительно какого-либо объекта: *ab* 'с, от', *an* 'у, около', *aus* 'из, по, от', *auf* 'на', *abseits* 'в стороне', *außerhalb* 'вне, снаружи', *diesseits* 'по эту сторону', *inmitten* 'посередине', *innerhalb* 'внутри', *jenseits* 'по ту сторону', *längs* 'вдоль', *oberhalb* 'над, выше, поверх', *seitens* 'со стороны', *unweit* 'поблизости от, недалеко от': *Haus an der Straße* – Дом у дороги; *Platz in der Nähe des Bahnhofs* – Площадь у вокзала; *Gespräch mit dem Regisseur* – Разговор у директора; *Wind aus Osten* – Ветер с востока; *der Weg zum Pier* – Путь к пристани.

2. Отношения времени: *auf* 'с', *binnen* 'в течение, на протяжении', *während* 'во время', *nach* 'после', *zeit* 'пока, за': *Das war während des Krieges* – Это было во время войны; *Der Winter wird innerhalb von fünf Monaten beginnen* – Зима начнется через пять месяцев.

3. Отношения причины: *aufgrund* 'по причине, на основании, из-за', *dank* 'благодаря', *infolge* 'вследствие, из-за', *kraft* 'в силу', *laut* 'согласно', *mangels* 'из-за отсутствия, за неимением', *ungeachtet* 'несмотря на, вопреки, невзирая на', *wegen* 'из-за, вследствие': *Sie fehlt wegen der Krankheit* – Она отсутствует из-за болезни; *Dank des Eingreifens der Feuerwehr konnte der Brand gelöscht werden* – Благодаря вмешательству пожарной части пожар был потушен; *Ungeachtet des großen Optimismus war die Arbeit meines Vaters nicht die beste* – Несмотря на большой оптимизм, работа отца была не из лучших.

4. Отношения принадлежности: *Eingang für Künstler* – Вход для артистов; *Klassenzimmer* – Зал для занятий.

5. Отношения следствия, результата действия: *Tod durch Herzinfarkt* – Смерть от инфаркта; *Die Freude am Treffen* – Радость от встречи.

6. Отношения назначения: *Wohnungsschlüssel* – Ключ от квартиры; *Jackenknopf* – Пуговица от пиджака.

Предлоги **дательного** падежа (*ab* 'начиная с, от', *aus* 'из', *bei* 'у, при', *nach* 'после', *seit* 'с, от', *von* 'от', *zu* 'для, к', *nahe* 'около, рядом', *zuliebe* 'ради, в угоду') выражают пространственные и временные связи между словами: *Er wollte bei seinen neuen Bekannten nicht übernachten* – Он не хотел ночевать у своих новых знакомых; *Nach Ungarn wollen wir nicht fahren* – В Венгрию мы ехать не хотим; *Abkommen tritt ab dem*

Datum seiner Unterzeichnung in Kraft – Соглашение вступает в силу с даты его подписания. Реже в конструкциях с дательным падежом указывается на материал изготовления: *Ihre neue Kette war aus Silber* – Её новая цепочка была из серебра.

Чаще всего с дательным падежом используются предлоги *wegen, gemäß, laut, infolge, binnen, trotz, dank* и др.: *Wegen Ludwigs Tode* – Из-за смерти Людвика; *Laut Briefen* – Согласно письмам; *Laut dem Verhaftbefehl (Heine)* – Согласно приказу об аресте; *Binnen den nächsten drei Stunden* – В течение следующих трех часов; *Dank meines Vaters habe ich die Schwierigkeiten beim Lernen überwunden* – **Благодаря отцу я преодолела трудности в учёбе.**

Атрибутивные отношения с дательным падежом чаще всего выявляются в конструкциях с отглагольными существительными: *Auf der Straße gehen* – Движение по дороге; *Schwimmen im Meer* – Плавание по морю; *Liebe zum Sportunterricht* – Любовь к физкультуре.

Предлоги **винительного** (Akkusativ) падежа (*ohne, bis, um, wider, pro, je*) используются для выражения обстоятельственных отношений времени, места, причины: *Wir treffen uns um 12 Uhr* – Мы встретимся в 12 часов; *Er wohnt gleich um die Ecke* – Он живёт прямо за углом; *Der Zug fährt bis Berlin* – Поезд едет до Берлина; *Einmal pro Monat gehe ich ins Kino* – Раз в месяц я хожу в кино; *Diese Straße führt durch den Wald* – Эта дорога ведёт через лес; *Ohne meinen Anwalt sage ich nichts* – Без своего адвоката я ничего не скажу.

Предлоги в арабском языке, как и в немецком, относятся к числу служебных слов, которые, в отличие от самостоятельных частей речи, не изменяются, не выступают в роли каких-либо членов предложения. Они указывают на отношение существительного (а также всех частей речи, выступающих в его функции) к другим словам в предложении.

Вопросы исследования предлогов занимают важное место в арабской лингвистической науке, однако до настоящего времени отсутствует однозначное толкование предлогов, предлагается разный состав и объём класса предлогов, по-разному классифицируются смысловые отношения в предложных конструкциях, мало внимания уделяется функционированию предлогов, дискуссионным является вопрос о соотношении лексических и грамматических значений предлогов [См.: 1; 4; 5].

В арабском языке по данным различных грамматик насчитывается около 20 предлогов, которые четко структурированы и не могут менять фонетический облик: *min* 'из', *ila* 'до', *hatta* 'до того как', *khla* 'кроме', *hasha* 'кроме', *ada* 'кроме', *fi* 'в', *an* 'о', *ala* 'на', *muth* 'с', *L* 'для', *ki* 'чтобы', *kaf* 'как', *baa* 'с, в' и др. Число предлогов у представителей различных школ и направлений не совпадает. Так, по мнению С. И. Магомедовой и Х. С. Абдурахмановой, система арабских предлогов содержит всего 13 единиц, 7 из которых выражают пространственные (локативные) отношения, и 6 – временные отношения. Многие из них могут употребляться как в пространственном, так и во временном значениях [2, с. 292].

В сочетаниях существительных с предлогами наиболее распространенным является локативное значение, в котором содержатся указания на нахождение чего-либо на поверхности, на близость и направление движения в пространстве. В таком значении используется предлог *min* 'из' и существительное в родительном падеже: *min al-madrasati* 'из школы', *ami min Afghanistan* 'мой дядя из Афганистана', *tabibun min al-iyadati* 'врач из поликлиники'.

Пространственные отношения также выражаются в конструкциях с существительными в родительном падежом, которые на русский язык переводятся с другими падежными формами (как правильно, дательной и предложной) субстантивов:

fi 'в': *al-talibu fi al-jamiaati* 'студент в университете', *al-hilalu fi al-samaai* 'луна в небе', *manzilun fi al-madinati* 'дом в городе', *altayr fi alqafsi* 'птица в клетке';

ila 'к': *tawajaha Zaidun ila al-bayti* 'Зейд направился к дому';
ala 'на': *al-kitabu ala al-maktabi* 'книга на столе', *tairun ala al-shajarati* 'птица на дереве'.

Темпоральные отношения выявляются в конструкциях со следующими предлогами:

hatta 'до': *qaraa Omaru al-kitaba hata Salatu al-fajri* 'Омар читал книгу до утреннего намаза'

Munthu 'с, со': *ma raaytuhu munthu aljumaati* 'я не видел его с пятницы', *amun min al-firaqi* 'год со дня разлуки'.

Отношения назначения, предназначённости выражаются в конструкциях с двумя предлогами:

L 'для': *hadiatun lilwalidaini* 'подарок для родителей', *Khurasanatum lilbinaai* 'бетон для стройки';

fi 'по': *ishtaraitu kitaban fi al-tarikh* 'я купил книгу по истории'.

В словосочетаниях внимание может акцентироваться на материале изготовления, для чего используется предлог *min* 'из': *haqibatun min al-jil* 'сумка из кожи', *babun min al-khashabi* 'дверь из дерева', *thaubu qutnin* 'платье из хлопка'. Такие выражения на русский язык могут переводиться беспредложными конструкциями с относительными прилагательными типа *кожаная сумка, деревянная дверь, хлопковое платье*.

Отношения исключения из состава чего-либо выражаются тремя синонимическими предлогами *ada* 'кроме', *hasha* 'кроме', *khala* 'кроме': *Jaa kulu al-tillabi ada Aliyin* 'пришли все студенты, кроме Али', *hadar al-atfalu hashu Zaidin* 'присутствовали дети, кроме Зайда'. Если перед предлогами *khala*, *ada* добавить частицу *ma*, то существительное будет употребляться в форме винительного падежа: *ma ada Zaidan* 'кроме Зейда' или 'кроме Ахмада'.

Объектные отношения могут выражаться сочетанием предлога *an* 'о, об' и существительного, которое на русский язык переводится формой предложного падежа: *takalamna an Muhammadin* 'мы говорили о Мухаммаде'.

Наличие в синтаксических конструкциях предлогов в определённой степени способствует утрате, разрушению семантической близости, слитности между компонентами конструкций, в результате чего атрибутивные отношения могут характеризоваться синкретичностью, совмещением нескольких типов смысловых отношений. Так, двойственный характер выявляется между элементами конструкций, основанных на обстоятельственно-атрибутивной связи. Предмет в таких конструкциях получает и атрибутивную, и обстоятельственную характеристику. Ср.: нем. *Date in einem Restaurant*, араб. *maweid fi mateam* 'свидание в ресторане (свидание какое? свидание где?); нем. *Spaziergang am See*, араб. *Almashy bijanib albuhayra* 'прогулка у озера (прогулка какая? прогулка где?); нем. *Ein Mdchen aus Deutschland*, араб. *fatat min 'almania* 'девочка из Германии (девочка какая? девочка откуда?).

Таким образом, предлоги оформляют подчинение одного компонента синтаксической конструкции другому и тем самым, выражают отношения между предметами, явлениями, действиями, признаками объективной реальности. Лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или иного отношения. Это значение быть может максимально абстрагированным или более конкретным, узким.

Немецкие и арабские предлоги различаются структурными особенностями, количеством значений, функциональной нагрузкой, расположением в синтаксической конструкции, спецификой выражаемых смысловых отношений между словами и другими показателями.

Количественный состав предлогов немецкого и арабского языков не совпадает. В немецком языке предлоги образуют широкую и разветвлённую группу, включающую свыше 100 предлогов, в ряде случаев создающих синонимические ряды. Такое большое число немецких предлогов в некоторой степени компенсирует небольшое количество падежей (их в немецком языке четыре). В настоящее время наблюдается тенденция к сокращению количества немецких предлогов, употребляемых с существительными в родительном падеже: одни предлоги расширили область функционирования и стали параллельно использоваться с родительным и дательным падежами, другие практически утратили свои значения и перешли в сферу деятельности дательного падежа. В арабском языке начитывается около 20 предлогов, что считается недостаточным для выражения всего многообразия смысловых отношений между лексическими единицами. Поэтому в роли предлогов используются некоторые имена и наречия. В силу малой численности арабских предлогов на них возлагается большая функциональная нагрузка, в результате чего один и тот же предлог выражает многочисленные смысловые отношения.

Предлоги немецкого и арабского языков различаются в зависимости от их расположения по отношению к поясняемому слову. В арабском языке предлоги используются только в препозиции к существительным в родительном падеже. Немецкие предлоги могут занимать препозицию (в большинстве случаев) и постпозицию по отношению к субстантивам в родительном, дательном и винительном падежах.

В немецком и арабском языках предлоги вместе с существительными участвуют в выражении широкого спектра смысловых отношений (атрибутивных, локативных, темпоральных, партитивных, объектных, целевых и др.). При этом один и тот же предлог в силу его полисемантности может выражать различные виды смысловых отношений.

Использование предлогов содействует расширению смыслового объёма синтаксических конструкций, развитию синкретизма и полифункциональности, в результате чего между словами могут устанавливаться двойственные отношения. Чаще всего выявляются синкретичные атрибутивно-локативные, атрибутивно-темпоральные, атрибутивно-причинные, атрибутивно-целевые, объектно-атрибутивные, объектно-обстоятельственные отношения. Конкретный вид таких отношений устанавливается непосредственной в контекстной ситуации (обычно более расширенной).

Литература

1. Басати, З. Б. Номинативное и предикативное функционирование арабского предложного словосочетания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / З. Б. Басати ; Институт стран Азии и Африки МГУ. – М., 2002. – 23 с.
2. Магомедова, С. И. Классификация и экспликация предлогов арабского языка (применительно к разработке методики изучения предлогов арабского языка) / С. И. Магомедова, Х. С. Абдурахманова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 291–295.
3. Нарустранг, Е. В. Практическая грамматика немецкого языка / Е. В. Нарустранг – СПб. : Антология, 2009. – 304 с.
4. Фролов, Д. В. Теория предлогов в традиционной арабской грамматике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Д. В. Фролов; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1980. – 22 с.
5. Юшманов, Н. В. Грамматика литературного арабского языка / Н. В. Юшманов. – М. : Наука, 1985. – 176 с.

Referentes

1. Basati, Z. B. (2002). Nominativnoe i predikativnoe funkcionirovanie arabskogo predlozhnogo slovosochetaniya [*Author's abstr. cand. philol. diss.*]. – Moscow.
2. Magomedova, S. I. (2019). *Klassifikaciya i eksplikaciya predlogov arabskogo yazyka (primeritel'no k razrabotke metodiki izucheniya predlogov arabskogo yazyka)*. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – № 4 (77). S. 291–295 (In Russ.).
3. Narustrang, E. V. (2009). *Prakticheskaya grammatika nemeckogo yazyka*. – SPb, Antologiya.
4. Frolov, D. V. Teoriya predlogov v tradicionnoj arabskoj grammatike [*Author's abstr. cand. philol. diss.*]. – Moscow.
5. YUshmanov, N. V. (1985). *Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka*. – Moscow, Nauka.

УДК 81'373.612.2:59

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ «ЗМЕЯ» В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

О.Ю. Шиманская,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков филологического факультета
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Беларусь
E-mail: shymans@bspu.by

В статье описана специфика метафорического моделирования зооморфизмов с первичным значением 'змея' на материале русского, белорусского, английского, немецкого и китайского языков. Метод семантических универсалий позволил установить корреляцию функции метафоры (номинативной или оценочной) с категорией одушевленности-неодушевленности. Характеризующая метафора относится к одушевленному предмету (в том числе зооморфизмы как оценочные именованья людей), а номинативная – к неодушевленному (нейтральная коннотация). Проанализированы особенности семантики производных значений и морфологические особенности репрезентации вторичных значений в языках.

Ключевые слова: метафора, семантические универсалии, метафорическая модель, зооморфная метафора, зооморфизм

SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL FEATURES OF SNAKE MATAPHOR IN VARIOUS LANGUAGES

O. Shymanskaya,

Doctor of Linguistics, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Philology Faculty,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
E-mail: shymans@bspu.by

The article describes the specificity of metaphorical modeling of zoomorphisms with the primary meaning 'snake' on the material of the Russian, Belarusian, English, German, and Chinese languages. The method of semantic universals made it possible to establish the correlation of the function of a metaphor (nominative or evaluative) with the category of animate-inanimate. A characterizing metaphor refers to an animate subject (including zoomorphisms as evaluative names of people), and a nominative one – to an inanimate subject (neutral connotation). The features of the semantics of derived meanings and morphological features of the representation of secondary meanings in languages are analyzed.

Keywords: metaphor, semantic universals, metaphorical model, zoomorphic metaphor, zoomorphism

Введение

Актуальным вопросам метафорологии посвящено множество работ отечественных лингвистов, среди которых монография профессора В. Д. Стариченка «Многозначность слова ў беларускай мове», труды О. А. Лещинской, С. Б. Кураша, диссертации по зооморфным метафорам Н. В. Яскевич, О. С. Брагарник-Станкевич, работы

Е. И. Будниковой по метафтонимии, метафоре и лексической структуре зоонимов в английском языке и др. В современной русскоязычной когнитивистике механизмы метафоризации рассматриваются Г. Н. Складневской, З. Ю. Петровой, А. П. Чудиновым, А. Н. Барановым и др.

В то время как то, «что метафоры значат» (по словам Ю. Д. Апресяна), не перестает интересовать исследователей, что отражается в составлении различного рода классификаций и словарей метафор, – вопросам морфологических особенностей метафор – как на уровне слова, так и на уровне словосочетания – уделяется недостаточно внимания.

Цели и задачи

Наибольшую актуальность исследование морфологических особенностей метафор приобретает в контексте сопоставительного языкознания и лингвистики универсалий. В связи с этим в данной статье нами ставится задача определения семантической, синтагматической и парадигматической специфики метафорического моделирования зоонимов со сферой-источником «змея» с опорой на данные русского, белорусского, английского, немецкого и китайского языков.

Данная метафора выбрана нами не случайно, поскольку метафтонимический характер зооморфных метафор находит отражение в их сочетаемости (которая может быть разной в зависимости от того, преобладает ли метонимия или метафора в образовании нового значения), а также в их словообразовательной активности.

На примере анализа зооморфной метафоры *змея* в названных языках мы попытаемся выявить общие закономерности семантического и морфологического варьирования вторичных значений. В частности, нами будет проанализирована корреляция функции метафоры (номинативной или оценочной) с категорией одушевленности-неодушевленности, особенности семантики производных значений, а также морфологические особенности репрезентации вторичных значений в микроконтексте.

Методы и материал исследования

Материалом исследования являются языковые метафоры с первичным значением ‘змея’ в русском, белорусском, английском, немецком и китайском языках, представленные в онлайн-словарях и корпусах названных языков. Некоторые иллюстративные примеры взяты из онлайн-ресурсов, однако для таких иллюстраций выбраны контексты, соответствующие узואльно зафиксированным метафорическим значениям. Основным методом, использованным в исследовании, является метод семантических универсалий, также используется сопоставительный метод, метод компонентного и дефиниционного анализа.

Результаты и их обсуждение

Принимая во внимание преимущественно не мотивированный характер вторичных значений зооморфизмов, мы не можем не указать на существование семантической универсалии в метафоризации слова *змея*, причем данное положение справедливо и для ряда других зооморфных метафор. Так, зооморфные метафоры, образованные на основании внешнего сходства сравниваемых объектов являются универсальными для различных языков; таковые метафоры, как правило, являются номинативными (концептуальными), то есть используются для наименования явлений и артефактов, коннотация таких метафор нейтральная, часто это термины специальной лексики. Если же метафора используется для оценки человека или явления, то она, как правило, несет функцию оценки (зачастую синкретичную с номинацией) и может иметь разные значения в различных языковых культурах.

Для иллюстрации данного примера рассмотрим вторичные значения зоонима *змея* в различных языках. Как показывает сопоставительный анализ словарных определений, универсальным для множества языков является значение ‘все, что напоминает змею

по форме или движению', то есть какой-то длинный, узкий, извилистый / извивающийся предмет (здесь будут рассмотрены не только исходные метафоры, но и их производные, лежащие в рамках одного фрейма): *сливная змея* (сантехнический термин), *пружина-змея*, *змеевик* [2]; *Дорога извивается змеей* [2]; *шэрая стужка-змея варушыцца далей* [1]; *змея ланцуга хвостка абвіла запяці* [1]; *бясконца пыльная змея* [1]; *Барвовы пісяг ад жывата да левага пляча змяёй варушыўся на цэле былога дэсантніка* [1]; *lange Schlangen vor den Kassen* 'длинные очереди (досл.: *змеи*) на кассах' [5]; *蛇瓜* 'змевидный огурец' [6]; *snake case* 'змеиный регистр' (написание слов с нижним подчеркиванием вместо пробела в некоторых языках программирования или с целью эмфазы); *snake* [5] (как сокращение коллокации *snake in the tunnel* 'змея в тоннеле' – система сдерживания колебаний курса валют); *The queue for tickets snaked all the way around the block* 'очередь змеей обвивала все здание' [5]; *Motorized plumbing snakes and even manual snakes can cause injuries* [4] 'электрические и даже ручные сливные змеи могут стать причиной травм'.

К этой же модели относятся метафоры, обозначающие нелегальную деятельность или преступления в русском и китайском языке: *蛇* 'имеющий отношение к нелегальной миграции или торговле людьми' [6]; *змея* 'перепродажа ворованных вещей' (словарь воровского жаргона) [2]. Интересно, что, казалось бы, специфическое для одного языка значение обнаруживается в аналогичном метафорическом переносе в не родственном языке.

Заслуживает внимания пример метафорического переосмысления в словосочетании *snake case*. Так, очевидно, что название данного способа графического оформления слов образовано по «внешнесхожему» типу (термин В. Д. Стариченка), поскольку слова, объединенные нижним подчеркиванием, напоминают непрерывную цепь, змею: *snake_case* 'змеиный регистр' [5]. Однако если те же слова написаны прописными буквами (так называемый Caps lock), то это уже *SCREAMING_SNAKE_CASE* 'регистр кричащей змеи': *When all of the snake-cased letters are uppercase, this is known as screaming snake case.*

Понятно, что зооморфные метафоры, использующиеся для характеристики человека (номинативно-оценочная), в различных языках наделены различными ассоциативными связями, однако в метафорах модели «змея → человек», как правило, эксплицируются семы 'хитрость', 'коварство': *змея подкодная; Не человек – змея! Просто змея! Какие дети у такой вырастут?* [3]; *Она – хитрая "змея", увлекающая мужика в брачные узы* [3]; *Ну и хитер ваш змей полковник!* [3]; *жонка-змея з дому толькі на хвіліну выпусціла* [1]; *A snake in his bosom!* 'Змеею на груди пригрел!'; *What should you do if you find out a friend is a 'snake'?* 'Что делать, если ты понял, что твой друг – змея' [5]; *Du falsche Schlange!* 'Ты лживая змея!' [7].

Интересно, что сема 'мудрость', закрепленная ассоциативно за образом змеи во многих языках, зачастую реализуется только в аллюзиях к евангельскому тексту, причем данное явление выявлено нами как в русском, так и в английском и немецком языках: *Будьте мудры, как змеи, и чисты, как голуби. Be wise as snakes, simple as doves. Seid klug wie die Schlangen und ohne Falsch wie die Tauben.* Коллокация *мудрая змея* встречается довольно редко: *Милена чувствовала себя мудрой как змея* [3, К. Яхонтова]. *Kritiker nannten sie eine «kluge Schlange»* 'Критики назвали ее «мудрой змеей»' [7]. Исходя из этого, можно утверждать, что сема 'мудрость' в семантической структуре зооморфизма змея реализуется только в данном контексте (афоризм); не удивительно, что данное значение не приводится в качестве вторичного в соответствующих толковых словарях. В данной статье мы не будем более подробно рассматривать варианты вторичных значений слова *змея*, которые используются для характеристики людей, поскольку нас больше интересуют морфологические особенности таких метафор.

Диапазон морфологических реализаций рассматриваемых зооморфных метафор разнообразен, также мы можем наблюдать особенности пунктуации в зависимости от степени лексикализации вторичного значения. Так, данный зооморфизм используется в функциях: подлежащее или объект (*жонка-змея з дому толькі на хвіліну выпусціла; Ну и хитер ваш змей полковник!*), обстоятельство образа действия (*извивается змеей; змяёй варушыўся*), предикат (*Du falsche Schlange! Не человек – змея!*). В препозиции к определяемому существительному данный зооморфизм приобретает значение определения: 蛇瓜 ‘змевидный огурец’; змея ланцуга; snake case.

Обратим внимание, что обстоятельство образа действия *змеей* в русском и белорусском языках соответствует глаголу *snake* в английском, поскольку конверсия позволяет передать способ действия существительным: *snaked all the way round; извивается змеей*. В словосочетаниях представлены структуры: *N+Adj / Adj+N* (во всех языках), *V+N* (эталон сравнения – творительный сравнения), *V ~ N, Adj ~ N*.

С точки зрения пунктуации мы можем наблюдать написание зооморфизма змея как отдельного слова (в значении и определяемого и определителя), написание в кавычках (как правило, это является маркером недостаточной лексикализации словосочетания либо его афористического характера) – примеры такого написания приведены выше, – написание через дефис (приложение). Причем написание через дефис возможно как в случае номинативных концептуальных метафор (*пружина-змеяка, snake-cased*), так и оценочных (*жонка-змея*).

Следует отметить, что указанные особенности характерны и для других зооморфных метафор в рассматриваемых языках.

Выводы

Таким образом, на основании рассмотренных примеров можно утверждать о наличии закономерностей семантической деривации зооморфизмов, связанных с категорией одушевленности-неодушевленности. Именно фактор функции метафоры выступает определяющим: чаще всего характеризующая метафора будет относиться к одушевленному предмету (в том числе зооморфизмы как оценочные именованья людей), а номинативная – к неодушевленному (нейтральная коннотация, как правило, названия предметов, частей механизмов, действий).

В предложении зооморфные метафоры со сферой-источником «змея» могут использоваться в качестве актанта, объекта, предиката, а также определителя и обстоятельства (эталон сравнения). Пунктуационное оформление метафор вариативно – от отдельных слов до дефисного оформления, а также написания в кавычках (афоризмы, окказиональные употребления).

Рассмотренные нами закономерности свидетельствуют об универсальных семантических процессах в различных языках, а также иллюстрируют функциональные сходства в парадигматическом представлении зооморфных метафор. Выводы и иллюстративные примеры могут использоваться в курсах общего и сопоставительного языкознания, переводоведения и лексикологии. Анализ данных закономерностей на более широком материале позволит глубже понять сущность метафорического моделирования и выявить типологические особенности зооморфных метафор в исследуемых языках.

Литература

1. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info/> – Дата доступу: 20.07.2021.
2. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов [гл. ред.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. – Дата доступа: 20.07.2021.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 20.07.2021.
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/>. – Дата доступа: 20.07.2021.
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>. – Дата доступа: 20.07.2021.
6. Free Dictionary Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://afreedictionary.com/>. – Дата доступа: 20.07.2021.
7. PONS : Online-Wörterbuch. Einfach nachschlagen und richtig übersetzen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://de.pons.com/übersetzung>. – Дата доступа: 20.07.2021.

References

1. *Belaruski N-corpora [Belarusian N-corpora]*. Retrieved July 20, 2021, from: <https://bnkorporus.info/>
2. *Bolshoi tolkovyi slovar russkogo yazyka [Unabridged Dictionary of the Russian Language]*/ S. A. Kuznetsov [ed.]. Retrieved July 20, 2021, from: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
3. *Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]*. Retrieved July 20, 2021, from: <https://ruscorpora.ru/>.
4. *British National Corpus*. Retrieved July 20, 2021, from: <https://www.english-corpora.org/>.
5. *Cambridge Dictionary*. Retrieved July 20, 2021, from: <https://dictionary.cambridge.org/>.
6. *Free Dictionary Online*. Retrieved July 20, 2021, from: <https://afreedictionary.com/>.
7. *PONS : Online-Wörterbuch. Einfach nachschlagen und richtig übersetzen*. Retrieved July 20, 2021, from: <https://de.pons.com/übersetzung>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО И ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 371.311

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ФИЛИАЛА КАФЕДРЫ БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА «ГИМНАЗИЯ – УНИВЕРСИТЕТ» НА БАЗЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ГИМНАЗИЯ Г. КАЛИНКОВИЧИ»

П.Е. Ахраменко,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
зав. филиалом кафедры на базе государственного учреждения образования «Гимназия г. Калинковичи»,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: piter2105@yandex.ru

С.Б. Кураш,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

Н.В. Мохорева,

директор государственного учреждения образования «Гимназия г. Калинковичи»
E-mail: gimn2005@mail.gomel.by

В статье рассматривается организация работы филиала кафедры белорусской филологии на базе учреждения образования «Гимназия г. Калинковичи». Основное внимание уделено факультативным занятиям по русскому языку в старших классах гимназии. Факультативы по русскому языку являются тем компонентом учебно-воспитательной работы, который содействует повышению уровня знаний учащихся. На факультативных занятиях преподаватели филиала решают две основные задачи: развитие и повышения общего уровня филологической грамотности одаренных гимназистов для участия в олимпиадах по русскому языку и литературе; повышение грамотности учащихся с целью подготовки к централизованному тестированию по русскому языку.

Ключевые слова: факультативные занятия, методика факультативов по русскому языку, повышение грамотности, олимпиады, централизованное тестирование.

ORGANISATION OF A BRANCH OF THE DEPARTMENT OF BELARUSIAN AND RUSSIAN PHILOLOGY IN THE FRAMEWORK OF COOPERATION "GYMNASIUM - UNIVERSITY" ON THE BASIS OF THE STATE EDUCATIONAL INSTITUTION «GYMNASIUM OF KALINKOVICHI»

P.E. Akhramenko,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Head of the branch of the Department on the basis of the state educational institution
"Kalinkovichi gymnasium",
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: piter2105@yandex.ru

S.B. Kurash,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: *text2005@mail.ru*

N.V. Mikhoreva,

Director of the state educational institution «Kalinkovichi gymnasium»
E-mail: *gimn2005@mail.gomel.by*

The article deals with the organization of the work of a branch of the department of Belarusian philology at the state educational institution "Kalinkovichi gymnasium". The article focuses on the elective lessons of the Russian language in the upper grades of the gymnasium. The elective courses in the Russian language are a component of the teaching and educational work that contributes to raising the level of students' knowledge. In elective lessons the teachers of the branch solve two main tasks: developing and increasing the general level of philological literacy of gifted gymnasium students to participate in Olympiads in the Russian language and literature; improving student literacy in order to prepare for centralized testing in the Russian language.

Key words: elective studies, methodology of Russian language elective studies, enhancing literacy, olympiads, centralized testing.

Филиал кафедры белорусской и русской филологии на базе ГУО «Гимназия г. Калинковичи» работает с 2016 года. Положение о филиале принято советом университета 29.09.2019, протокол № 3, утверждено приказом ректора от 02.10.2019 № 897.

Работа филиала кафедры белорусской и русской литературы на базе государственного учреждения образования «Гимназия г. Калинковичи» направлена на укрепление связи вуза с производством. Ведь именно от школьной скамьи вуз получает своих студентов. А от уровня, в том числе начального, их подготовки впоследствии будет зависеть, с какой филологической базой какие учителя придут в школы. Поэтому считаем, что организация работы филиалов кафедр является очень важным и необходимым делом.

Работа филиала включает три направления:

1. Учебно-методическая работа;
2. Научно-исследовательская работа и руководство научно-исследовательской работой студентов;
3. Воспитательная работа.

По направлению «Учебно-методическая работа» филиалом кафедры совместно с учителями ГУО «Гимназия г. Калинковичи» регулярно реализуются, например, такие формы работы, как заседания методобъединения учителей ГУО «Гимназия г. Калинковичи» и преподавателей филиала кафедры на тему «Актуальные вопросы преподавания предметов гуманитарного цикла»; тематические семинары-практикумы «Организация факультативных занятий с учащимися, изучающими учебные предметы на повышенном уровне»; в рамках сотрудничества «Гимназия – Университет» осуществляется апробация пособий, подготовленных преподавателями кафедры белорусской и русской литературы.

В рамках направления «научно-исследовательская работа и руководство научно-исследовательской работой студентов» осуществляется следующая деятельность. Традиционной формой работы в области научной деятельности на кафедре белорусской и русской филологии является проведение Международной конференции «Текст. Язык. Человек». Следует отметить, что всегда в проведении этой конференции принимали участие и учителя-филологи гимназии – Н. В. Мохорева, А. М. Загорская, Г. Н. Власенко и др. К участию в литературном брейн-ринге привлекались и учащиеся ГУО «Гимназия г. Калинковичи», более того, были на нём победителями. На конференции учителя обмениваются опытом работы, инновационными технологиями в организации уроков русского языка и литературы.

Ежегодно в мае в ГУО «Гимназия г. Калинковичи» проходит Международный фестиваль научных исследовательских работ учащихся гимназий «Книга – начало начал каждой науки». Участие в фестивале принимают гимназисты из многих городов Республики Беларусь, России (г. Клинцы), Украины (г. Славутич). Преподаватели филиала кафедры являются на этом мероприятии членами жюри филологических секций.

Принимает участие филиал кафедры совместно с ГУО «Гимназия г. Калинковичи» и в такой форме работы, как научно-исследовательская работа студентов. По согласованию с администрацией ГУО «Гимназия г. Калинковичи» студенты филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина готовят тематически востребованные для школ курсовые и дипломные работы. В этом проявляется необходимый сегодня практико-ориентированный подход в работе филиала кафедры и базовой организации.

Значимо участие филиала кафедры и в воспитательной работе. С учащимися гимназии проводятся беседы на морально-этические темы (эстетика внешнего вида обучающегося, культура поведения и речи); беседы нравственно-правовой направленности: (антиалкогольная, антитабачная пропаганда, профилактика наркомании); беседы с учащимися по вопросам гражданско-патриотического воспитания [1]; профориентационная работа с учащимися ГУО «Гимназия г. Калинковичи» по вопросам важности профессии учителя, поступления в УО МГПУ им. И. П. Шамякина и на другие темы.

На наш взгляд, очень продуктивной, эффективной и необходимой работой для улучшения качества знаний учащихся является организация факультативных занятий в школах.

С каждым годом в нашем обществе увеличиваются потребности в специалистах высокообразованных, увеличиваются объемы изучаемого материала, поэтому и растут требования к качеству образования. Оно постепенно становится более узким, специализированным. Это помогает человеку раньше определиться в жизни и все силы направить на получение нужных ему знаний. В учебных заведениях востребованы факультативные курсы по необходимым для учащихся предметам.

Поэтому еще одной из форм работы в рамках сотрудничества «Гимназия – Университет» и в рамках организации шестого школьного дня на базе ГУО «Гимназия г. Калинковичи» является проведение членами филиала кафедры белорусской и русской филологии С. Б. Курашем и П. Е. Ахраменко факультативных занятий по русскому языку. Согласно приказу от 19.01.2017 № 21 «О совершенствовании организации шестого школьного дня» [2], преподаватели филиала выдерживают принцип факультативных занятий: стимулирующие – для одаренных и талантливых детей, поддерживающие – для слабоуспевающих. Участие школьников в факультативах – дело добровольное, как и во внеклассной работе. Перед каждым старшеклассником открывается возможность углубленно заниматься тем, что его влечет. Рабочие программы факультативных занятий разрабатываются в с учетом учебных программ [3], рекомендованных Министерством образования РБ.

Работа факультатива в ГУО «Гимназия г. Калинковичи» разделена на две части: доцент С. Б. Кураш организует проведение факультативных занятий по русскому языку с учащимися средних и выпускных классов, изучающими учебные предметы на повышенном уровне. Занятия нацелены на подготовку учащихся к олимпиадам различного уровня. Работая с относительно небольшим числом заинтересованных учеников, учитель в большей мере, чем на уроке, может осуществлять дифференцированный подход, подбирать задания в зависимости от склонностей и способностей учеников. На факультативе шире, чем на уроках, применяется исследовательский метод, который современная дидактика рассматривает как воспитательный в системе методов. Исследовательский характер работы зависит не только от формулировки задания,

сколько от подхода ученика к работе: он опирается на сведения, добытые наукой, пользуется некоторыми приемами научного анализа, чтобы решать новые для него задачи. На факультативных занятиях решаются задачи лингвистического плана повышенного уровня. Факультативные занятия предполагают высокий уровень творческой самостоятельности школьников. Ученикам нужно, чтобы найти правильный ответ, не просто знать школьный программный материал, а проявить креативное мышление и творческий подход. Доцентом С. Б. Курашем подготовлен специальный дидактический материал по олимпиадным заданиям. Он представлен ученикам на бумажных и электронных носителях, поэтому если учащиеся по каким-либо причинам не были на занятиях, то они могут выполнять их дома. Так, например, ученикам предлагаются такие задачи, как:

1. Почему слова *летел, довод, комок, потоп, доход* читаются справа налево не совсем так, как слева направо?

2. В каком из предложений предлог *за* используется не в том смысле, что в остальных?

(А) *Мальчик спрятал игрушку за спину.*

(Б) *Мяч закатился за ворота.*

(В) *Отец взял сына за руку.*

(Г) *Солнце зашло за тучу.*

(Д) *Семья поехала отдохнуть за границу.*

3. Любитель лошадей никогда не скажет «*цвет лошади*» – он скажет «*масть*». Вот список из девяти слов:

1) *сивая*; 2) *сизая*; 3) *каряя*; 4) *русая*; 5) *кауряя*; 6) *пегая*; 7) *бурая*; 8) *буланая*; 9) *вороная*. Какие три из них **не** обозначают коноские масти?

Такие и подобные им задания возбуждают интерес у учащихся к проблемному вопросу, заставляют задуматься, почитать дополнительную литературу, поискать ответ в Интернете. А в случае, если ответ самому найти не удастся, то гимназисты обращаются к С. Б. Курашу как к «старшему товарищу». Мы выделили «к товарищу», потому что факультативные занятия проходят не так, как уроки по расписанию, на них всегда царит неформальная творческая обстановка. Ученик может без спроса встать, подойти к учителю, спросить или может сам начать искать информацию по мобильному телефону в Интернете. Главное на занятиях – создать дух творчества, а не просто дать знания чуть шире программы.

За работу по подготовке к ЦТ по русскому языку на базе филиала кафедры белорусской и русской филологии в ГУО «Гимназия г. Калинковичи» отвечает П. Е. Ахраменко. При работе с учащимися им прежде всего выделяются типичные ошибки, которые допускают учащиеся при решении тестовых заданий. Например, в области морфемики к ним, по многочисленным наблюдениям, относятся:

1. Выделение тематических гласных в инфинитиве: *ходить шагать, белеть*.

2. Разграничение схожих суффиксов: *лесник, ученик*.

3. Выделение суффиксального л-эпентетикум: *бл, пл, вл, фл, мл: люблю, графлю, топлю, ловлю, земля*.

4. Исторические процессы (опрошение, переразложение и т. д.): *перстень, басня, обладать, обложка, обличить* и т. д.

5. Выделение нулевого окончания в рядах слов: *дом, мадам, вперед*.

На уровне **деривации** часто допускаются ошибки в таких заданиях, как:

1. Образованы суффиксальным способом: *одноламповый, пароходство*.

2. Приставочно-суффиксальным способом образованы слова: *набело, подземный*.

3. Правильно объединены в пары производящее и производное слова: *переиздать – переиздание; крепить – прикрепление*.

4. Словообразовательные цепочки составлены правильно: *воспитать – воспитательница; густой – густота.*

На занятиях постоянно используется апробированный и хорошо зарекомендовавший себя разработанный алгоритм организации факультативного обучения. Схема его такова: в начале занятия повторяется теоретический материал по тестовым заданиям, необходимые правила записываются в «теоретические» конспекты. После этого решаются тестовые задания, и, безусловно, после предварительно проведенной работы результаты у всех учеников хорошие. А раз у них получается, их хвалят, баллы высокие, то и желание заниматься на факультативе не угасает.

Используется и такая форма работы, как дистанционное обучение. Для этого разработан необходимый дидактический материал в тестовой форме. В конце тестовых заданий даются необходимые методические комментарии по выполнению заданий. Выполненные задания через Интернет отправляются для проверки. Работа ведется индивидуально с каждым учеником, поэтому работа четко дифференцирована.

Таким образом, работа филиала кафедры белорусской и русской филологии на базе ГУО «Гимназия г. Калинковичи», организованная в рамках сотрудничества «Гимназия – Университет», оказывается эффективной с точки зрения повышения качества знаний как учеников гимназии, занимающихся на факультативе, так и студентов, выполняющих курсовые и дипломные работы.

Литература

1. Методические рекомендации по организации работы с учащимися, родителями учащихся (законными представителями) по учебным предметам, мероприятий профориентационной направленности в шестой школьный день. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/srenee-obr/proforientatsionnaya-rabota-s-uchashchimisya>. – Дата доступа 03.09.2021.
2. Приказ Министра образования «О совершенствовании организации шестого школьного дня» от 19.01.2017 № 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/srenee-obr/shestoy-shkolnyy-den>. – Дата доступа: 25.08.2021.
3. Учебные предметы. V–XI классы. 2021/2022 – НИО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021.html>. – Дата доступа: 23.08.2021.

References

1. Metodicheskiye rekomendatsii po organizatsii raboty s uchashchimisya, roditelyami uchashchikhsya (zakonnymi predstaviteleyami) po uchebnym predmetam, meropriyatiy proforiyentatsionnoy napravlenosti v shestoy shkol'nyy den'. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa 03.09.2021: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/srenee-obr/proforientatsionnaya-rabota-s-uchashchimisya> [Methodical Recommendations for the organisation of work with students, parents of students (legal representatives) in academic subjects and career guidance activities on the sixth day of school]. Retrieved 03.09.2021 from: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/srenee-obr/proforientatsionnaya-rabota-s-uchashchimisya>.
2. Prikaz Ministra obrazovaniya «O sovershenstvovanii organizatsii shestogo shkol'nogo dnya» ot 19.01.2017 № 21. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa 25.08.2021: <https://edu.gov.by/srenee-obr/shestoy-shkolnyy-den>. [Order of the Minister of Education "On improving the organisation of the sixth school day", 19.01.2017 No. 21] Retrieved 25.08.2021 from: <https://edu.gov.by/srenee-obr/shestoy-shkolnyy-den>.
3. Uchebnyye predmety. V–XI klassy. 2021/2022 – NIO. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa 23.08.2021: <https://www.adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021.html> [Academic subjects. on Classes V–XI 2021/2022] Retrieved 23.08.2021 from: <https://www.adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021.html>.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.Е. Долбик,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: dolbikee@gmail.com

В статье описываются трудные случаи синтаксической квалификации фразеологизмов. Выявлена специфика анализа фразеологизмов, которые построены по модели двусоставных предложений, имеющих типовое значение «субъект и его признак», «субъект и его состояние». Даны рекомендации по синтаксическому разбору предложений, включающих фразеологизмы, в практике преподавания русского языка в учреждениях общего среднего и высшего образования.

Ключевые слова: фразеологический оборот; фразеологизм-предложение; член предложения; синтаксическая функция; семантическая структура предложения.

SYNTACTIC FUNCTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS: METHODOLOGICAL ASPECT

E.E. Dolbik,

Associate professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology
of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: dolbikee@gmail.com

The article describes difficult cases of syntactic qualification of phraseological units. The specificity of the analysis of phraseological units, built on the model of two-part sentences and having the typical meaning of "subject and his sign", "subject and his state", is revealed. Recommendations are given on the syntactic analysis of sentences with phraseological units for practical teaching of the Russian language in secondary and higher educational establishments.

Key words: phraseological unit; fixed phrase-sentence; part of the sentence; syntactic function; the semantic structure of the sentence.

Введение

Одной из важнейших задач обучения русскому языку в учреждениях общего среднего образования является формирование языковой компетенции учащихся, умения опознавать, классифицировать и анализировать языковые факты и явления. При изучении такого раздела языка, как синтаксис, ключевым становится умение производить синтаксический разбор словосочетания и предложения. Основные требования к результатам учебной деятельности учащихся предусматривают сформированность у выпускника умения «вычленять словосочетания из предложения, в том числе несвободные словосочетания; определять синтаксическую функцию несвободных словосочетаний» [7]. Зону повышенной трудности составляют нестандартные способы выражения членов предложения, в частности, их выражение несвободными словосочетаниями, включая фразеологизмы.

Цель исследования – выявить своеобразие синтаксических функций разных типов фразеологизмов. Задачи исследования: 1) проанализировать теоретические сведения о синтаксической функции фразеологизмов в учебных пособиях по русскому языку для средней и высшей школы; 2) описать трудные случаи синтаксической квалификации фразеологизмов; 3) дать рекомендации по синтаксическому разбору предложений, включающих фразеологизмы.

Методы и материал исследования

Материалом исследования послужили фразеологизмы, которые построены по модели двусоставных предложений, имеющих типовое значение «субъект и его признак», «субъект и его состояние». При изучении материала использовались контекстологический метод и метод компонентного анализа семантической структуры высказывания.

Результаты и их обсуждение

Анализ учебных пособий показал, что уже в 5 классе учащиеся получают представление о фразеологических оборотах, их отличии от свободных словосочетаний, особенностях их функционирования в составе предложения: «Фразеологические обороты – устойчивые сочетания слов, близкие по значению одному слову: *как в воду глядеть* – предвидеть; *зуб на зуб не попадает* – замерз. В предложении фразеологические обороты являются одним членом предложения. Их можно заменить одним словом. Например: *Глеб у доски повесил нос* (расстроился)» [3, с. 122–123]. Аналогичные сведения воспроизводятся в учебном пособии для 10 класса [5, с. 79–80].

В учебных пособиях для 8 и 11 классов, где изучается систематический курс синтаксиса, подчеркивается, что любой член предложения может быть выражен несвободным словосочетанием, в том числе фразеологически связанным.

При изучении фразеологии в учреждениях высшего образования внимание уделяется прежде всего особенностям фразеологизмов, их классификации по степени семантической слитности компонентов, экспрессивно-стилистическим свойствам, источникам русской фразеологии, системным отношениям во фразеологии (явления многозначности, синонимии, антонимии), лексико-грамматическим разрядам. В связи с последним вопросом делаются и замечания о синтаксической роли фразеологизмов: «Каждый фразеологизм грамматически оформлен: он входит в тот или иной грамматический разряд (соотносится с той или иной частью речи) и в зависимости от этого обладает полным или неполным набором парадигматических форм, выступает в свойственной для этой части речи синтаксической функции» [6, с. 284].

Структура словарной статьи некоторых фразеологических словарей, в частности «Школьного фразеологического словаря русского языка» В. П. Жукова, предусматривает наличие грамматических помет фразеологизмов, включая их синтаксическую функцию: «В словаре школьного типа существенное внимание уделяется синтаксической роли тех фразеологизмов, которые закрепились в функции того или иного члена предложения, например в функции сказуемого, обстоятельства и т. д., например: *как пить дать*, обст.; *не от мира сего*, сказ. и опр.; *ни с места*, в знач. глаг. сказ.; *нож острый* к о м у, сказ. и т. д. Роль именного сказуемого присуща в первую очередь именным фразеологизмам. Соответствующие фразеологизмы употребляются лишь в форме именительного и отчасти творительного падежей, так что синтаксическая помета здесь одновременно указывает на полное (или частичное) отсутствие парадигматических форм» [1, с. X]. Например:

«Шапку в охапку – ‘быстро собравшись, отправился куда-либо’. *Пантелей шапку в охапку – и вон из дверей*» [1, с. 423] – осложненное простое глагольное сказуемое.

«Задним умом крепок – ‘не способен вовремя принять нужное решение’. *Начальство в этих случаях всегда крепко задним умом*» [1, с. 126] – составное именное сказуемое.

«Что есть мочи – ‘очень быстро’. *Поспешаю я что есть мочи*» [1, с. 419] – обстоятельство степени.

«Чуть свет – ‘самым ранним утром, когда начинает светать’. *Осматривать переметы поднимались чуть свет*» [1, с. 421] – обстоятельство времени.

Анализ словаря показывает, что синтаксические пометы даются не во всех словарных статьях. В одних случаях это объясняется тем, что данный фразеологизм не закрепился в какой-то одной синтаксической функции и может выполнять роль разных членов предложения, о чем свидетельствуют сопровождающие словарную статью примеры употребления фразеологизма в художественных или публицистических текстах. Так, для фразеологизма *авгиевы конюшни* приводится следующий иллюстративный материал: «*Письменный стол наш представляет авгиевы конюшни; Давай-ка вместе очистим твои авгиевы конюшни*». В первом примере – именная часть сказуемого, во втором – прямое дополнение. Можно добавить пример употребления этого фразеологизма в функции подлежащего: *Авгиевы конюшни на твоём письменном столе были наконец, расчищены*.

В других случаях синтаксическая функция фразеологизма однозначно предопределена его принадлежностью к определенному лексико-грамматическому разряду. Это касается прежде всего глагольных фразеологизмов, выступающих в роли глагольных сказуемых, и оценочных именных фразеологизмов, выступающих в роли именных сказуемых:

«*Читать между строк – ‘угадывать скрытый смысл чего-либо недосказанного’*. *Кто умеет читать между строк, тот понимает, что к чему*» [1, с. 419] – составное глагольное сказуемое.

«*Шут гороховый – ‘смешно, старомодно или некрасиво одетый человек’*. *Ты шутом гороховым ходишь*» [1, с. 424] – часть составного именного сказуемого.

Но и здесь возможны нюансы. Так, например, для фразеологизма *отводить (отвести) душу* ‘находить для себя утешение, успокоение в чем-либо’ дается помета «употребл. при подлежащ. со значением лица», а среди примеров, иллюстрирующих употребление фразеологизма, находим безличное предложение: *Вот где можно душу отвести!* [1, с. 258]. Аналогичную помету имеет фразеологизм *чужими руками жар загребать* ‘пользоваться результатами чужого труда’. Но функционировать он может не только как сказуемое, но и как дополнение (объектный инфинитив): *А то приучили их жар-то чужими руками загребать*» [1, с. 421]. Сравните также: «Шагу негде ступить – ‘крайне многолюдно и тесно’». *В здании чайной негде было шагу ступить*» [1, с. 422] – сказуемое (единственный главный член односоставного безличного предложения). – «Шагу ступить (нельзя) – ‘кто-либо не дает кому-либо свободно действовать, поступить’». *Он шагу ступить не позволяет*» [1, с. 422] – дополнение.

Всегда ли применимо правило «Фразеологизмы выступают в роли одного члена предложения»? На наш взгляд, ответ отрицательный. Во-первых, функционируя в составе высказывания, некоторые фразеологизмы не являются членами предложения.

Так, междометные фразеологизмы формируют нечленимые предложения (в другой терминологии → слова-предложения, коммуникаты, «относительно независимые высказывания, непосредственно не опирающиеся на грамматические образцы простого предложения» [4, с. 419]). Использование термин «нечленимые предложения» в школьном курсе русского языка представляется нам наиболее корректным: в таких предложениях нельзя выделить члены предложения. *Как бы не так! Вот тебе раз! Поди ж ты*.

Отдельные фразеологизмы употребляются в функции обращений: «*Эх, голова садовая, ведь ты себя погубишь и товарищей поставишь под удар*» [1, с. 93].

Некоторые фразеологизмы используются для выражения субъективно-модальных значений и в предложении выступают в роли вводных слов: «*Я вот тоже, грешным делом, частенько пребываю не в пути, а за письменным столом и поругиваю себя за это*» [1, с. 95]; «*Ясное дело, тут затевается что-то неладное*» [1, с. 428].

Во-вторых, в целом ряде случаев квалификация фразеологизма как единого члена предложения вызывает значительные затруднения. Сравним несколько фразеологизмов: *язык заплетается (заплетался)* – ‘кто-либо не может внятно, ясно сказать что-либо’

[1, с. 426], *язык проглотить, как будто язык проглотил* – ‘перестать говорить, замолкнуть’, употребл. при подлежа. со значением лица [1, с. 306], *прикусить (закусить) язык* – ‘внезапно замолчать, воздержаться от разговора’, употребл. при подлежа. Со значением лица [1, с. 302], *язык не поворачивается* – ‘у кого-либо нет решимости сказать, спросить о чем-либо’ [1, с. 426], *как язык поворачивается (повернулся), язык отнялся, язык прилип к гортани* – ‘кто-либо внезапно потерял способность говорить (обычно от удивления, страха и т. п.’ [1, с. 427], *язык подвешен* – ‘хорошо умеет говорить’ [1, с. 427], *язык проглотишь* – ‘очень вкусен’, употребл. при подлежа., обознач. названия чего-либо съестного [1, с. 427], *язык развязывается (развязался)* – ‘кто-либо становится излишне болтливым’ [1, с. 428], *язык ломаешь* – ‘трудно произнести какое-либо слово, фразу’, в обобщ.-личном знач. [1, с. 428], *язык чешется (зачесался)* – ‘неудержимо хочется что-либо сказать, заговорить’ [1, с. 428].

Как видим, для большинства этих фразеологизмов синтаксическая функция в словарных статьях не названа, для некоторых даны косвенные указания: если фразеологизм употребляется при подлежащем, значит, он является сказуемым: *Он как будто язык проглотил; Она поняла, что проговорилась, и закусила язык* (осложненное простое глагольное сказуемое). Причем структурно одинаковые фразеологизмы *язык проглотишь* и *язык ломаешь* предлагается квалифицировать по-разному: *Пирожки – язык проглотишь* (сказуемое) в двусоставном предложении; *Имя – язык ломаешь* (главный член односоставного обобщенно-личного предложения).

Наибольший интерес представляет функционирование в составе предложения следующих фразеологизмов: *У него язык заплетается; Ни у кого язык не поворачивается такое сказать; Как у тебя язык повернулся такое сказать; У нее язык прилип к гортани от волнения; Хорошо у комментатора язык подвешен; Через некоторое время у него язык развязался; У соседки прямо язык зачесался.*

С точки зрения семантической структуры все эти конструкции имеют типовое значение «субъект и его признак (характеристика)» или «субъект и его состояние». Семантический субъект репрезентируется существительным или местоимением в форме родительного падежа с предлогом *у*: *у него, у нее, ни у кого, у тебя, у комментатора, у соседки*. «Русская грамматика-80» квалифицирует подобные словоформы как распространители предложения в целом – субъектные детерминанты [4, с. 150]. Г. А. Золотова рассматривает их как синтаксемы в функции преддицируемых компонентов [2, с. 110]. Соответственно анализируемые фразеологизмы могут быть охарактеризованы как семантические предикаты (преддицирующие компоненты). А как поступать при традиционном разборе по членам предложения в практике школьного преподавания?

Очевидно, что однозначно ответить на этот вопрос нельзя. На наш взгляд, возможны, по крайней мере, три пути решения проблемы: 1) признать, что не всегда можно выполнить синтаксический разбор в терминах традиционно выделяемых членов предложения; 2) в отдельных случаях можно обратиться к значению фразеологизмов и считать анализируемые конструкции главным членом (в некоторых учебных пособиях для 8 класса дается понятие о едином главном члене односоставных предложений): *язык чешется (зачесался)* – ‘неудержимо хочется что-либо сказать, заговорить’; *язык не поворачивается* – ‘у кого-либо нет решимости сказать, спросить о чем-либо’; 3) разбирать компоненты фразеологизма как самостоятельные члены предложения.

Для этого есть все основания: наличие существительного в именительном падеже в роли подлежащего (*язык*) и глагола в спрягаемой форме или в форме причастия, употребленных в переносном значении, в роли простого глагольного (*заплетается, не поворачивается, повернулся, прилип, развязался, зачесался*) или составного именного сказуемого (*подвешен*). Такие предложения построены по двукомпонентным схемам N_1 –

V_f , N_1 – Part_{кр. страд.}, допускают парадигматические изменения (язык заплетался, заплетается, будет заплетаться, заплетался бы, если бы заплетался).

Можно привести аналогичные примеры с разными способами выражения семантического субъекта:

1) именная синтаксема «у + сущ. (мест.) в Р. п.:

У него сердце кровью обливается; У матери сердце не на месте; У отца сердце (душа) болит за сына; У свекрови сердце (душа) не лежит к невестке; У него сердце мохом обросло; У нее сердце обрывается; У матери сердце (душа) радуется за сына; У них земля из-под ног уходит; У него слова не идут с языка; У всех слюнки потекли; У наших уши на макушке; У него ветер в голове гуляет; У них ветер в карманах свистит; У него волосы дыбом встают; У вас кишка тонка; У меня глаза на лоб полезли; У нее глаза на мокром месте; У них наконец глаза раскрылись; У посетителей глаза разбегаются; К вечеру у детей глаза слипаются; У нас голова кругом идет; Голова у него хорошо варит; У тебя губа не дура; У нас зуб на зуб не попадает; У них искры из глаз посыпались; У него каша в голове; У нее кошки на душе скребут; У меня душа уходит в пятки; У него молоко на губах не обсохло; У всех мороз по коже; У меня мурашки по спине бегут; У тебя нос не дорос; У родителей руки опускаются; У меня душа в пятки ушла; У нас уши вянут; У него ноги заплетаются; У меня хлопок полон рот; До генеральной уборки у меня руки не доходят;

2) именная синтаксема «от + сущ. (мест.) в Р. п.:

От него кожа да кости остались; От тебя мокрое место останется;

3) именная синтаксема «для + сущ. (мест.) в Р. п.:

Для вас законы не писаны;

4) именная синтаксема «сущ. (мест.) в Д. п.:

Вам медведь на ухо наступил; Нам море по колено; Ему небо с овчинку показалось; Вам все двери открыты; Отольются тебе мои слезы; Ему вожжа (шляя) под хвост попала; Вам и карты в руки; Ему кусок в горло не идет;

5) именная синтаксема «сущ. (мест.) в В. п.:

Его страх берет; Меня зло берет; Его бес (черт) попутал, Его как корова языком слизала; Его и след простыл;

6) именная синтаксема «перед + сущ. (мест.) в Т. п.:

Перед выпускниками все двери открыты;

7) именная синтаксема «на + сущ. (мест.) в П. п.:

Как будто на мне свет клином сошелся.

Опосредованно указывать на субъект могут притяжательные местоимения: **Ваша** песенка спета; **Наши** пути-дороги разошлись.

Выводы

Таким образом, определяя синтаксическую функцию фразеологизмов и отвечая на вопрос «Всегда ли фразеологизмы выступают в роли одного члена предложения?», необходимо иметь в виду следующее: 1) некоторые фразеологизмы используются в роли обращения, вводного слова, нечленимого предложения; 2) фразеологизмы, построенные по модели двусоставных предложений и с точки зрения семантической слитности компонентов представляющие собой фразеологические единства, отличаются образностью, метафоричностью и, несмотря на наличие общего переносного значения, сохраняют признаки семантической раздельности компонентов; поэтому есть все основания выделять в них подлежащее и сказуемое.

За пределами нашего внимания остались другие фразеологизмы-предложения, например: *бабушка надвое сказала, куры не клюют, кот заплакал, лед тронулся, мухи*

дохнут, сам черт ногу сломит, точки над «и» поставлены; комар носу не подточит; конь не валялся и под. Особого внимания заслуживают также фразеологизмы, представляющие собой сравнительные конструкции.

Но даже рассмотренные примеры и их анализ позволяют сделать вывод о необходимости корректировки постулата «Фразеологизмы выступают в роли одного члена предложения».

Литература

1. Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1980. – 447 с.
2. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
3. Мурина, Л. А. Русский язык : учебное пособие для 5 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения : в 2 ч. / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Национальный институт образования, 2019. – Ч. 2. – 144 с.
4. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
5. Русский язык : учебное пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / В. Л. Леонович [и др.]. – Минск : Национальный институт образования, 2020. – 296 с.
6. Современный русский язык : учебник. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Л. А. Новиков [и др.] ; под ред. Л. А. Новикова. – СПб. : Лань, 2001. – 864 с.
7. Учебные программы по учебному предмету «Русский язык» для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3803-russkij-yazyk.html>. – Дата доступа: 30.07.2021.

References

1. Zhukov, V. P. (1980). *Shkol'nyj frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka: posobie dlja uchashhihsja*. [School phraseological dictionary of the Russian language: a guide for students]. – Moscow : Education (In Russ).
2. Zolotova, G. A. (1988). *Sintaksicheskij slovar': Repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa*. [Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. – Moscow : Nauka (In Russ).
3. Murina, L. A. & Ignatovich T.V. & Zhadejko Zh.F. (2019). *Russkij jazyk: uchebnoe posobie dlja 5 klassa uchrezhdenij obshhego srednego obrazovanija s belorusskim i russkim jazykami obuchenija: v dvuh chastjah. Chast' 2*. [Russian language: a textbook for grade 5 institutions of general secondary education with Belarusian and Russian languages of instruction: in two parts. Part 2]. – Minsk : National Institute of Education (In Russ).
4. *Russkaja grammatika. T. II. Sintaksis*. (1980). [Russian grammar. T. II. Syntax]. – Moscow : Nauka (In Russ).
5. Leonovich, V. L. (Ed.) (2020). *Russkij jazyk: uchebnoe posobie dlja 10 klassa uchrezhdenij obshhego srednego obrazovanija s belorusskim i russkim jazykami obuchenija* [Russian language: a textbook for grade 10 institutions of general secondary education with Belarusian and Russian languages of instruction]. – Minsk : National Institute of Education (In Russ).
6. Novikov, L. A. (Ed.) (2001). *Sovremennyj russkij jazyk: uchebnik. Fonetika. Leksikologija. Slovoobrazovanie. Morfologija. Sintaksis*. [Modern Russian language: textbook. Phonetics. Lexicology. Word formation. Morphology. Syntax]. – St. Petersburg : Lan' (In Russ).
7. *Uchebnye programmy po uchebnomu predmetu «Russkij jazyk» dlja uchrezhdenij obshhego srednego obrazovanija s belorusskim i russkim jazykami obuchenija i vospitanija*. [Curriculum for the academic subject "Russian language" for institutions of general secondary education with the Belarusian and Russian languages of instruction and upbringing]. Retrieved July 30 2021 from: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3803-russkij-yazyk.html> (In Russ).

МОЎНАЯ АСОБА Ў СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

К.М. Матусевіч,

магістр дзяржаўнага кіравання сацыяльнай сферы,

г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

E-mail: Katarina.kovalchuk@gmail.com

Мова дапамагае адлюстроўваць навакольны свет, культуру, дзякуючы ёй усе гэта пераходзіць ад пакалення да пакалення. Мова – прылада культуры, якая фармуе само жыццё. Не важна, на якой мове размаўляе чалавек, важна, што ён кажа. Калі мова складаецца з дрэнных слоў, гэта значыць, што і сам чалавек мае брыдкі характар. Зпачатку было слова і слова было Бог. Толькі валоданне гісторыяй мовы дапаможа чалавеку зразумець сэнс жыцця. Перад той формай мовы, якая зараз існуе была мова з літарамі АЗ, БУКІ і ВЕДЗІ, якія прыдумалі Кірыл і Мефодзіі.

Ключавыя словы: моўная асоба, соцыум, білінгвізм, кітабы, мова, камунікацыя

A LANGUAGE PERSONALITY IN THE MODERN WORLD

E.N. Matusevich,

master of government management of the social sphere

The applicant in Mozyr State Pedagogical University named after L. P. Shamyakin

Minsk, the Republic of Belarus

E-mail: Katarina.kovalchuk@gmail.com

A language helps to reflect the around world, the created by a person culture, saves it, and transfers it from a generation to a generation. A language is a gun of culture, which forms a person's life style. It is not very important in which language a person speaks it is important what he says. If an emotional coloured speech is used use bad words it means that a person has also bad character. Firstly the word was. And this word was the GOD. Only the deep language history knowing can help to understanding its being. Because before the modern Russian language form the old church language was. Saint Kirill and Mefodiy created first letters Az, Buki, Vedi.

Key words: a language personality, society, bilingualism, kitap, language, personality, communication.

Уводзіны

У сучасных умовах развіцця дзяржавы і народу, вяртанне да паняцця роднай мовы неабходным пад час сацыяльных катаклізмаў, калі родная мова стала абарончай нацыянальнай самастойнасці, носьбітам каштоўнасцяў. Паняцце роднай мовы нясе ў сбе перш за ўсё маральны сэнс агульнасці. Праз мову адбываецца далучэнне да багацця тэкстаў, якім шмат стагоддзяў, фармуецца пачуццё нацыянальнай самасвядомасці.

Родная мова раствараецца ў светапоглядзе дзіцяці. Калі мова школы адрозніваецца ад мовы сям'і, тады хучэй за ўсё, школа і хатняе жыццё не будуць у гарманічных зносінах, яны будуць сутыкацца і будзе барацьба.

У двухмоўных супольнасцях індывіды валодаюць больш, чым адной мовай, тады мовы адрозніваюцца па тым ролю, які здзяйсняюць у жыцці білінгва

Мэтаі артыкула з'яўляецца аналіз ролі мовы ў жыцці чалавека. А таксама абазначыць рэчы, якія ўсплываюць на думкі і на мову. Адной з мэт таксама з'яўляецца вывучэнне гісторыі мовы і праблем нацыянальнасцяў.

Вынікі даследавання

Мова з'яўляецца інструментам думкі. Калі чалавек мала чытае, тады ў яго і мала думак, тады ён ужывае дрэнныя словы.

Кожнае слова непадзельна звязана з паняццем, якое яно абазначае, так і беларуская мова непадзельна звязана з духоўнай сутнасцю беларусаў, якія яе стварылі і карыстаюцца ёю. Прыродныя ўмовы і геаграфія краіны, узровень народнай гаспадаркі і ход гістарычнага развіцця, характар грамадскай думкі, навукі, мастацтва – усе вялікія і малыя асаблівасці

жыцця нашага народа адлюстраваліся ў мове. Яна своеасаблівая форма сацыяльнай памяці народа, яго духоўны скарб. Родная мова духоўна яднае народ, кансалідуе яго ў нацыю. Яна звязвае мінулае з сучасным і будучым. Авалодваючы роднай мовай, мы засвойваем адлюстраваныя ў ёй гісторыю і грамадскі вопыт народа, яго сацыяльны інтэлект, далучаемся да маральных, эстэтычных каштоўнасцей, створаным народам за стагоддзі, спасцігаем яго думкі, погляды, яго псіхалогію, філасофію, мастацкія вобразы.

Родная мова даецца кожнаму з нас для ўдасканалення свайго духоўнага свету, для ўсведамлення свайго ўласнага этнічнага «я» ў агульна сусветнай супольнасці людзей.

Як дрэва расце з караня, ствол яго мацнее і галініцца, так і сучасныя славянскія мовы, карані якой ідуць у глыб вякоў, да мовы праіндаеўрапейскай.

Літаратурная мова ВКЛ склалася ў актыўнай пісьменнасці на аснове паўночна-заходніх беларускіх гаворак. Была афіцыйнай мовай ВКЛ. Статут ВКЛ быў напісаны на ёй. Валоданне гэтымі звесткамі памагаюць ганарыцца моладзі і жыхарам краіны сваёй гісторыяй. Таксама вельмі важна ведаць, што Мілецый Смятрыцкі і Пля Капіевіч нарадзіліся на тэрыторыі беларускай зямлі. Менавіта гэтыя людзі з'яўляюцца аўтарамі граматыкі сучаснай формы рускай мовы.

Мова народа – лепшы, бо ніколі не вяне і вечна развіваецца, цвет усяго яго духоўнага жыцця, што пачынаецца далёка за межамі гісторыі.

Мова ёсць самая жывая, самая багатая і трывалая сувязь, якая злучае пакаленні, што аджылі, жывуць зараз і будуць жыць, у адну велічную, гістарычную, жывую цэласць. Яна не толькі выражае сабою жыццёнасць народа, але ёсць іменна само гэта жыццё.

Фальклор – гэта тое, што вельмі дапамагае не толькі ў выхаванні дзяцей, а нават і дарослых. Фальклор можна назваць тым фактарам, які таксама фарміруе светапогляд грамадзян.

Які з аднаго боку цікавы зараз час: адчыняюцца дагэтуль забароненыя тэмы і мы можам набыць сведкі нават аб тым, што было шмат гадоў таму. Пасля вайны прайшло амаль 8 дзесяцігоддзяў і мы навучыліся думаць не толькі, як набыць грошы, каб было за што есці. Больш таго, нам дазволілі хадзіць у царкву – мы пачалі думаць не толькі пра матэрыяльнае, нават шырэй пачалі разумець сучаснае. На жаль, калі чалавек хвалюецца толькі пра грошы, ён усіх грошай не заробіць, але можа згубіць вечнае – душу. Зараз бацькі не бачаць дзяцей, таму што трэба не толькі працаваць – “пахаць”. Лепей бы ў прамым сэнсе гэтага слова. Раней, калі не было школ, дзякуючы фальклору і праходзіла выхаванне дзяцей. Ніжэй бачым, чым адрозніваецца сучаснае становішча – бацькам няма часу, а падчас і жадання нават самім пашырыць свае веды.

Сямейнае і пазасямейнае выхаванне	Выхавацелі і настаўнікі	«Дысцыпліны», выхаваўчая і навучальныя накірункі	Узроставы перыяд
Сямейнае	Маці (найперш)	Родная мова і выхаванне, для дзяўчынак – дамаводства (кухарства, рукадзелле, агародніцтва...)	Падлеткі
	Бацька	Мараль, для хлопчыкаў – працоўнае навучанне	Пераважна – падлеткі
	Бабуля і дзядуля	Дападлеткавае выхаванне, вусная літаратура і гісторыя	Падлеткі
	Старэйшыя дзеці	Дападлеткавае выхаванне, гульні	Блазніюкі
Пазасямейнае выхаванне і навучанне	Хросныя	Аўтарытэт, дапамога, падарункі	Ад нараджэння да наваселля
	Бабка-павітуха	Патранаж, лячэнне, падарункі	Падлеткі
	Скамарохі, народ	Эстэтычнае выхаванне праз абрады, святы, звычаі	Падлеткі
	Дырэктар	Навучанне грамаце	Падлеткі

Уладзімір Караткевіч у рамане «Каласы пад сярпом тваім» распавядае пра звычай «дзядзькаванне», які быў пашыраны ў XVI–XVIII стагоддзях, калі заможныя шляхцічы аддавалі ў простыя сялянскія сем’і на выхаванне сваіх дзяцей.

У розных творах апісаны звычаі пастушаўства, леснікоўства, беларускай рабінзанады, калі дзеці былі пастаўлены ў жорсткія ўмовы выжывання, без апекі бацькоў, самі набывалі неабходныя жыццёвыя навыкі. А дзеці сучасныя хвалююцца, што ў іх бацькоў не такія аўтамабіль, а ў іх не такія тэлефон.

Такім чынам, менавіта на нашай зямлі ўпершыню было такое выхаванне.

Дзяцінства многіх нашых бабуль і дзядуль, нават усіх, адсутнічала, таму што была вайна. Прыклад знакамітых пісьменнікаў распавядае аб тым жа.

Дзяцінства У. Караткевіча было апалена вайной. Вайна застала хлопца ў Маскве, дзе вучылася яго сястра, да якой ён прыехаў на летнія канікулы. Разам з іншымі маскоўскімі дзецьмі ён быў эвакуіраваны на Разаншчыну. Уладзімір Караткевіч хваліваўся за лёс бацькоў, шукаў іх. Ён лічыў сябе дарослым і хацеў змагацца з ворагам. Некалькі разоў спрабаваў уцячы на фронт, але гэтыя спробы заканчваліся тым, што яго вярталі ў інтэрнат.

Пасля вызвалення Беларусі ўся сям’я Караткевічаў вяртаецца на Радзіму ў Оршу. У лісце да Максіма Танка, У. Караткевіч так пісаў пра свайго дзёда: «Які гэта быў цікавы чалавек! Яго мова – гэта каскад досціпаў, прыказак, старых пахучых анекдотаў, яскравых, як вясёлка жартаў... Трэба было паслухаць, як ён распавядае байкі пра нашых пашыхонцаў – маркавічан. Публіка рагатала да рэзі ў жываце. Больш за ўсё я шкадую, што ён так рана памёр, што я быў малы і мала што памятаю, што запісаў гэткага цуду. Але менавіта ад яго я палюбіў прыроду, гісторыю (ён калісь рабіў раскопкі курганоў і шмат чаго цікавага распавядаў), навучыўся лавіць самоў і іншае».

Раней, задоўга да рэвалюцыя існавалі дзіцячыя дамы, але ў грамадстве не было нават і думкі, каб ганьбіць жанчыну. Калі было сапраўднае цяжкае становішча, яна аддавала ў такія дзіцячы дом дзіця, вырашала праблемы, потым з поспехам забірала. І дзяржава ў цяжкі момант на самой справе дапамагала. А зараз што?! Існуюць, канешне, не так шмат, як раней дзіцячыя дамы, але ж мноства з іх з’явілася пад час вайны. Прабачце, мы ў гэтым не павінны. Зараз цяжкасць у тым, што гарэлка вышэй за ўсё. Гэта сапраўдная трагедыя. Нават асноўная прычына ўсіх асацыяльных сямей – гэта алкаголь.

Найбольш распаўсюджаны тэрмін білінвіяльная моўная асоба. Такім чынам, большая частка жыхароў Рэспублікі Беларусь, валодаючы дзвюма мовамі, з’яўляюцца білінгвамі.

Мовазнаўцы, літаратураведы, сацыёлагі, культурологі пагадзіліся, што беларускі менталітэт – нацыянальная сістэма, злучэнне хрысціянства і паганства, праваслаўя і каталіцызму, славянскага і савецкага.

Заклучэнне

Генетычны код беларусаў лічыцца, што пачаўся шмат тысячагоддзяў раней, але заўсёды пачынаецца ізноў, таму што адбывалася шмат войнаў. Мала хто ведае і пра кітабы – кнігі, якія напісаны словамі беларускай мовы, але ж арабскай вяззю.

Неабходна і падкрэсліць, на колькі адрозніваецца мова беларусаў з розных абласцей, уплыў моў краін, з якімі Беларусь знаходзіцца побач.

У наш час моўная асоба ўключае ў сябе сацыяльныя і культурныя рысы краіны. Моўная асоба – гэта сукупнасць моўных асаблівасцяў, якія залежаць ад сацыяльных абставін. Існуюць розныя тыпы моўнай асобы: віртуальная, прафесійная, нацыянальная, народная, гістарычная.

Сучасныя ўмовы паказалі, што ўвесь свет размаўляе на адной мове – мове барацьбы з пандаміяй, лакдаўнам.

Неабходна памятаць, што слова можа акрыліць, але можа і ўбіць. Каб была прыгожая мова, неабходна каб быў унутраны мір. Мова – інструмент думкі.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Ю. Муратова,

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания,
профессор кафедры философии и социальных наук
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mouratova@tut.by

В статье исследуется языковая личность современного студента на материале двух альманахов студенческих работ ВГУ имени П.М. Машерова (рассуждения, рассказы, стихи) «Общежитие – мой дом» и «Остановись, мгновенье...». На основании их анализа мы попытались смоделировать языковую личность студента, его мировоззрение, жизненные ценности и приоритеты, эмоции, отношение к учебе, друг другу и под. В статье доказывается, что языковой личности современного студента характерно следующее: открытость, готовность помочь, свобода языкового выражения, молодежный жаргон, желание учиться, умение жить сообща, понимание важности получения высшего образования, достаточно высокая степень образованности, желание дружить и любить, радостное восприятие жизни, уважение к требованиям и правилам университета и общежития, постоянное проявление иронии и самоиронии.

В студенческих текстах нет языковой игры или языковых экспериментов. Все предельно открыто, просто, даже наивно. Исследуемые стихи скорее напоминают «зарифмованные» факты текущей жизни. В данных текстах предельно выражены личностные истоки творчества, т. е. наблюдается явный изоморфизм языкового портрета и портрета психологического.

Ключевые слова: общежитие, студент, свобода, дружба, университет, интеллект.

LANGUAGE PERSONALITY OF THE STUDENT IN MODERN SOCIETY

E.Yu. Muratova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics,
Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences
Vitebsk State University named after P. M. Masherova,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: mouratova@tut.by

The article examines the linguistic personality of a modern student on the basis of two almanacs of student works (reasoning, stories, poems) VSU named after P.M. Masherov "The hostel is my home" and "Stop, a moment ...". Based on their analysis, we tried to model the student's linguistic personality, his worldview, life values and priorities, emotions, attitude towards learning, each other and so on. The article proves that the linguistic personality of a modern student is characterized by the following: openness, willingness to help, freedom of language expression, youth jargon, a desire to learn, the ability to live together, an understanding of the importance of obtaining a higher education, a sufficiently high degree of education, a desire to be friends and love, a joyful perception of life, respect for the requirements and rules of the university and hostel, a constant display of irony and self-irony.

In student texts, there is no language game or language experiments, everything is extremely open, simple, even naive. The poems under study are rather reminiscent of "rhymed" facts of current life. In these texts, the personal origins of creativity are expressed to the utmost, i.e. there is a clear isomorphism between the linguistic portrait and the psychological portrait.

Key words: hostel, student, freedom, friendship, university, intellect.

Введение

В настоящее время в рамках антропоцентрической парадигмы язык понимается не как замкнутая в себе система знаков, а как форма жизнедеятельности человека. Такое понимание языка находит свою реализацию в понятии языковой личности, в которой на передний план выходит социальная природа и интеллектуальные характеристики человека.

«...Языковая личность обладает совокупностью знаний о языке, его лексико-грамматическом строе и знаниями о мире, полученными в ходе непосредственного взаимодействия с ним. Кроме того, деятельность языковой личности опосредована прагматическими целями и установками» [2, с. 771]. Ю. Н. Караулов писал: «Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [3, с. 38].

Такая личность существует не в безвоздушном пространстве, а в пространстве определенной культуры, в системе ценностей нации, в поведенческих стереотипах, в предметах материальной культуры и под. «Человеческому существу, чтобы жить... необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь» [4, с. 250].

Цели и задачи

В настоящее время изучение языковой личности представляет серьезный научный интерес для исследователей. Изучается языковая личность писателя, учителя, политического деятеля, ученого и т. д.

Как думается, не меньший интерес представляет языковая личность современного студента, изучение которой и является целью нашего исследования.

Методы и материал исследования

Мы изучили два альманаха студенческих работ (рассуждения, рассказы, стихи) ВГУ им. П. М. Машерова «Общежитие – мой дом» [5] и «Остановись, мгновенье...» [6]. На основании их анализа попытаемся смоделировать языковую личность студента, его мировоззрение, жизненные ценности и приоритеты, эмоции, отношение к учебе, друг другу и под.

Результаты и их осуждение

Конечно, студенческое творчество в своем большинстве не является высокой поэзией, но оно ценно как отражение мира, выражение себя, как понимание, что любит, ценит, к чему стремится в жизни студенческая молодежь, какие эмоции и почему вызывает у нее окружающая жизнь и т. д.

Название первого альманаха «Общежитие – мой дом» достаточно символично. Каков этот дом, как в нем живется, что нравится, что не нравится? Какова при этом лексика, стиль изложения, структура произведений? Приведем отрывки из стихотворения, которое называется «Гимн общежития № 3»:

*Ты – душа компаний.
В универ ты поступил,
И в общагу к нам направлен,
Раз студентом стать решил.
Мы в «соседи» принимаем.
Ты, салага, не робей.
Если что, тебя поправим
Здесь найдешь ты сто друзей.
Круто ты в общагу попал.
Ты – студент.*

...

*Мамы нам подкинут сала,
За учебу поедим,
И прогулов будет мало,
И зачеты все сдадим.*

Как видим, по тону и настроению в стихотворении наблюдается полное дружелюбие и желание помочь. По стилю – явный молодежный жаргон: *универ, общага, салага, круто*. И при этом передаются очень важные бытовые детали: почти каждый белорусский студент (как практически студенты во все времена) не может прожить без помощи родителей, которая выражается не только (а часто и не столько) в деньгах, а в передаче детям овощей с огорода, сала, варенья, домашней выпечки.

Общежитие – это и университет жизни, приобретение умения жить сообща, понимания не только своей свободы, но и свободы рядом живущего. Такие отношения, по сути, подтверждают и иллюстрируют взгляды М. Бубера, который открыл новый объект исследования Я – Ты-отношения, т. е. человек познается через деятельность, предполагающую существование «другого». При таких отношениях без Ты невозможно Я, а путь человека – это всегда путь с другим человеком, это жизнь в общности [1].

Милана Синица пишет: «У каждого из нас есть свой маленький мир, так вот общежитие – это не просто наш дом...это объединение этих наших маленьких миров». А Жук Юлия рассуждает: «Наше общежитие напоминает мне соты. Вроде бы у каждого есть свой уголок, но вместе мы – одно целое. И трудимся мы вместе, и отдыхаем вместе, и переживаем друг за друга».

*Дух коммуны здесь витает –
Все общественным бывает:
Книга, флэшка и расческа,
Ноутбук, конспект и ложка.*

Стефанович Елена находит прекрасную метафору, передающую эмоциональное состояние радости в таком доме, когда на душе хорошо и спокойно, как у родителей, когда солнце в прямом и переносном смысле проникает и во все уголки комнаты, и во все уголки твоего внутреннего мира:

*В общежитие наше прекрасное
По утрам и средь белых деньков
Забегает солнышко ясное
Через вахту, без пропусков.
Освещает оно наши комнаты,
Согревает студенческий дом.
Ну, а мы его, в свою очередь,
Угостим ароматным чайком.*

Такое восприятие солнца и жизни искусственно не придумаешь, его можно только ощутить, почувствовать изнутри своего собственного внутреннего мира, в котором царит свет, гармония, счастье. И такому восприятию веришь, понимая, что для этой девочки ее общежитие – это ее любимый дом, в котором ей действительно хорошо и спокойно.

Важным наблюдением, на наш взгляд, является то, что студенческая поэзия показывает высокий уровень интеллекта и образованности молодого поколения, что доказывает стихотворение «Возлюбленный из общежития»:

*Взор пал мой на тебя,
Что озарило разум мне,
А сердце стало тяжелее,
Как будто камень у меня в груди.
Все стало мелодично,
Как голос твой,
Подобный Афродите.
Ты Ахиллсова моя пята!*

*Я как Тесей,
Пропаший в лабиринте,
А ты та нить,
Что вывела наружу.
Но знай! Я не Геракл!
А ты не Афродита!
Мы те, кто есть,
И больше мне не надо.
Я твой, а ты моя.
Что может быть прекрасней!
Мы есть. Мы существуем!
А значит, есть любовь!*

Образование и серьезную начитанность студента показывают используемые им прецедентные имена древнегреческой мифологии. Личное имя, по мнению П. Флоренского, в литературном произведении является «категорией познания личности» [7, с. 28], поскольку сам выбор личных имен персонажей, способ подачи этих имен в тексте, формы употребления отражают специфическую организацию творящего сознания. При употреблении известных мифологических или библейских имен не требуется каких-либо комментариев или расшифровки, имя оказывается «самодостаточным» и выражает нечто большее, чем непосредственное значение знака. Например, *Иуда* – символ предательства, *Каин* – символ братоубийства, *Соломон* – символ мудрости.

Голос своей возлюбленной лирический герой сравнивает с голосом богини любви в греческой мифологии Афродиты, которая, рожденная в пене морской, покоряла и очаровывала всех, кого встречала на своем пути. Где ступала нога Афродиты, там расцветали травы. В удел Афродите были даны, как пишет Гесиод: «Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы, сладкая нега любви и пьянящая радость объятий».

Он также считает возлюбленную своей Ахиллесовой пятой. Общеизвестно, что выражение «Ахиллесова пята» обозначает слабую сторону (физическую или моральную) чего-либо или кого-либо. Основывается это выражение на древнегреческом мифе: мать Ахилла хотела сделать тело своего сына неуязвимым, для этого она окунула младенца в священные воды реки Стикс, держа его за пятку, и пятка стала единственным уязвимым местом Ахилла, именно в нее попал своей стрелой Парис.

Себя при этом лирический герой сравнивает с Тесеем, а возлюбленную – с волшебной нитью, всем известную как нить Ариадны, уходящую своими корнями в древнегреческий миф о Тесее и Ариадне. Когда Тесей со своими спутниками был заключён в лабиринт на Крите, где обитал чудовищный Минотавр, Ариадна, влюбившись в Тесея, спасла его. Она дала ему клубок нити, разматывая который, он нашёл выход из лабиринта.

Как видим, прецедентные собственные имена выступают в стихотворении как совокупность свойств, когда не надо дополнительно что-то объяснять, каждое такое имя – исторически сложившийся символ любви, слабости, верности, преданности и т. д., и в этом состоит механизм уникального воздействия этих слов.

Но смысл, который автор вкладывает в свое произведение, лежит значительно глубже мифологических имен. В конце стихотворения лирический герой отрицает то, о чем говорил вначале, утверждая: *Но знай! Я не Геракл! / А ты не Афродита!* Возникает вопрос: а кто они? Ответ гениально прост: *Мы те, кто есть, / И больше мне не надо. / Я твой, а ты моя. / Что может быть прекрасней!* Прожить свою собственную жизнь, а не жизнь Тесея или Геракла, испытать свою настоящую любовь, восхищаться своей возлюбленной, а не мифологической Афродитой – это и есть, как утверждает автор, настоящая жизнь.

Конечно, юность – это пора взаимных симпатий, влюбленностей, а часто – и настоящей любви и молодежных браков. Вот как об этом пишет Юлия Киселевич:

*Зимней сказкой очарует
За ночь созданный узор.
Как волшебник тот рисует!
Отвести не можем взор.
Околдованной зимою...
Снег сверкает, как алмаз.
Лишь с единственным с тобою
Быть желаю в этот час.*

....

*Хочу любви безбрежной, чистой,
Как солнце светлой и лучистой!
Хочу я быть с тобой навек,
Ты мой любимый человек!*

Студентов всегда и везде, в разных жизненных обстоятельствах, в проблемах, материальных трудностях, бедности всегда спасало чувство юмора. На все: на «хвосты», несданный экзамен, неустроенный быт – студент умеет посмотреть сквозь призму смеха, сквозь призму оптимизма и радости. Наверное, у большинства из нас в юности тоже была такая призма – незамутненная мелкими заботами быта, своими гранями уменьшающая их, и, наоборот, увеличивающая все настоящее, чистое и светлое в жизни.

Вот, например, как увидела первых в истории мира студентов Людмила Щерблюк:

*В первые минуты
Бог создал институты.
Адам студентом первым был.
Он ничего не делал,
Ухаживал за Евой –
И Бог его стипендии лишил.*

*У Адама драма,
Драма у Адама,
Вызвали Адама в деканат.
И на Землю прямо
Бог спустил Адама.
Так о том студенты говорят.*

*От Евы и Адама
Пошел народ упрямый,
Нигде не унывающий народ.
От сессии до сессии
Живут студенты весело,
А сессия всего два раза в год.*

Пройдемся по общежитию вместе с Анной Бородулькиной: «Кто же это нам навстречу бодро и уверенно шагает, как будто повысили стипендию и причем только им?.. Ах, да, конечно, это будущее нашей юриспруденции, великие деятели юридической

науки, местные авторитетные адвокаты!... А вот как там наши биологи? Всех мышей уже попереловили и попереизучали? ...Ах, как мы могли забыть наших математиков? Кто нам будет подсчитывать, сколько осталось денег до конца месяца? Или на сколько походов в «Энергию» хватит стипендии?... Осталось побывать в гостях у наших всезнаек истории родного края. Историки ведут себя весьма спокойно. Ну да, зачем им беспокоиться – историю ведь не изменить!»

Выводы

В каждой языковой личности существует «некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, ...и она-то обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части» [3, с. 37]. При существующей доминанте в любом типе языковой личности (учителя, космонавта, писателя и т. д.) проявляется вариативная часть, которая порождается особенностями деятельности, образа жизни, воспитания, возраста и под.

На основании исследованных двух альманахов студентов ВГУ им. П. М. Машерова можно утверждать, что языковой личности современного студента характерно следующее: открытость, готовность помочь, свобода языкового выражения, молодежный жаргон, желание учиться, умение жить сообща, понимание важности получения высшего образования, достаточно высокая степень образованности, желание дружить и любить, радостное восприятие жизни, уважение к требованиям и правилам университета и общежития, постоянное проявление иронии и самоиронии.

В студенческих текстах нет языковой игры или языковых экспериментов, все как раз предельно открыто, просто, даже наивно. Исследуемые стихи скорее напоминают «зарифмованные» факты текущей жизни: учеба, дружба, повседневные заботы, любовь, мечты. В данных текстах предельно выражены личностные истоки творчества, т. е. наблюдается явный изоморфизм языкового портрета и портрета психологического.

Литература

1. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер. – Киев : Ника-Центр, 1998. – 96 с.
2. Георгинова, Н. Ю. К вопросу о творчестве языковой личности / Н. Ю. Георгинова // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. : к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 944 с.
3. Кураулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Кураулов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
4. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – М. : Ваклер, 1997. – 304 с.
5. Общежитие – мой дом : Альманах. Выпуск 1 / сост. В. Н. Баранок. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 50 с.
6. Остановись, мгновенье... : Выпуск 3 / сост. В. Н. Баранок. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – 73 с.
7. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский. – М. : Эксмо, 2006. – 320 с.

References

1. Buber, M. (1998) *Problema cheloveka*. – Kiyev : Nika-Tsentr (In Russ).
2. GeorGINOVA, N. Yu. (2013). K voprosu o tvorchestve yazykovoy lichnosti. *Lingvistika XX veka*. – Moscow : Flinta (In Russ).
3. Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost*. Moscow : Editorial (In Russ).
4. Maslou A. (1997). *Psixologiya bytiya*. Moscow: Vakler (In Russ).
5. *Obcshezhitie – moy dom: Al'manax* (2013). – Vitebsk (In Russ).
6. *Ostanovic', mgnoveniye...: Al'manax* (2017). – Vitebsk (In Russ).
7. Florenskiy P. (2006). *Imena*. – Moscow : Eksmo (In Russ).

СПОСОБЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР

И.М. Потоцкая,

преподаватель кафедры иностранных языков
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: irochka.ru@mail.ru

В статье рассматриваются трудности и проблемы, которые возникают при обучении английскому языку студентов из КНР, а также анализируются способы оптимизации обучения английскому языку данной группы студентов. Рассмотрение проблем и трудностей, с которыми сталкиваются китайские студенты, и их детальное изучение поможет избежать ошибок в обучении английскому языку студентов из КНР. В данной статье предлагаются пути решения данных трудностей, такие как создание трёхязычных учебных материалов, а также билингвальный перевод.

Ключевые слова: оптимизация, обучение английскому языку, принципы, китайские студенты, трудности в обучении, билингвальный перевод, трёхязычные учебные материалы.

WAYS OF OPTIMIZATION IN TEACHING OF ENGLISH TO CHINESE STUDENTS

I. Pototskaya,

Lecturer of the Department of Foreign Languages
of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: irochka.ru@mail.ru

The article examines the difficulties and problems in teaching of English to students from the People's Republic of China, as well as analyzes ways how to optimize the teaching of English to this group of students. Examination of the problems and difficulties faced by Chinese students, and their detailed study will help to avoid mistakes in teaching English to students from China. This article suggests the ways of solving these difficulties, such as the creation of trilingual educational materials, as well as bilingual translation.

Key words: optimization, English language teaching, principles, Chinese students, learning difficulties, bilingual translation, trilingual educational materials.

Введение

На сегодняшний день в условиях интернационализации образования и растущей конкуренции на рынке образовательных услуг задача интеграции белорусских высших учебных заведений в мировое академическое сообщество и обеспечение благоприятных условий для привлечения иностранных абитуриентов приобретает особую актуальность.

Развитие образовательного сотрудничества позволяет увеличить рост академической мобильности студентов из разных стран мира, которая рассматривается как важнейший принцип формирования мирового пространства высшего образования, предусматривающий свободное перемещение студентов и получение качественного образования [1]. Более того, расширение парадигмы академической мобильности ведет к совершенствованию национальных образовательных систем и увеличению их вклада в социально-экономическое и культурное развитие. Из года в год отечественные вузы принимают на обучение на коммерческой основе тысячи иностранных студентов. В количественном отношении китайские студенты, получающие образование в белорусских вузах, занимают лидирующее место после студентов из государств – участников СНГ.

Поступая в зарубежные вузы, китайские студенты сталкиваются с проблемами в изучении английского языка, в связи с тем, что методы преподавания в европейском (в том числе белорусском) образовании кардинально отличаются от традиционных

методов, используемых в Китае. Начальный этап обучения в условиях иноязычной образовательной среды является наиболее сложным для адаптации китайских студентов к новым условиям жизни и учебы в Беларуси.

В связи с этим **целью** данной статьи является анализ специфики адаптации и определение путей усовершенствования при обучении английскому языку студентов из КНР.

Китайские студенты испытывают значительные трудности при адаптации к условиям белорусской социокультурной среды. Перед обучающимися встают проблемы универсального характера, связанные с обучением на неродном языке и изменившимися условиями проживания, а также специфические проблемы, обусловленные этнопсихологическими особенностями представителей китайской и белорусской этнокультур и существенной разницей в образовательных системах двух стран, в особенности в процессе изучения иностранного языка (английского) студентов.

Китайские студенты, оказавшиеся в новой социокультурной и образовательной среде, испытывают не только естественный дискомфорт, связанный со сменой привычной для них обстановки и образа жизни, но и изменение психофизиологических процессов личности, таких как восприятие, воспроизведение, мышление, эмоции и воля. Изменение этих процессов происходит под влиянием многочисленных трудностей, которые возникают в процессе первичной адаптации иностранных студентов.

Как показывает практика, китайские студенты, приезжая в Беларусь с недостаточной языковой подготовкой, в дальнейшем слабо усваивают образовательную программу. По мнению Тимофеевой Е. К., сущность проблемы сводится еще и к тому, что белорусскому преподавателю в условиях обучения китайских студентов, не владеющих его собственным языком, и ввиду незнания самим преподавателем китайского языка, приходится на протяжении всего процесса обучения преодолевать трудности в выборе таких методик, которые позволят ему оптимизировать овладение студентами английским языком и сделать процесс обучения более эффективным [3].

Особый менталитет, социокультурные и этнопсихологические особенности данной категории студентов предполагают некоторую специфику в определении содержания и технологий в обучении. Незнание системы организации культурной и учебно-познавательной деятельности китайских студентов, невосприимчивость преподавателей к лингвистическим проблемам студентов и несоответствие между стилем преподавания и стилем обучения являются частыми причинами проблем обучения китайских студентов.

Коммуникативные трудности, возникающие в процессе межличностного общения на различных уровнях – с администрацией факультета, сотрудниками и преподавателями, с одной стороны, и внутри многонациональной учебной группы, учебного потока, в общежитии, на улице, в общественных местах и т. д. – с другой, и их причиной, на наш взгляд, является языковой барьер. В принципе, такой барьер в той или иной мере изначально существует между студентами-иностранцами и их местными сокурсниками. Процесс его преодоления требует большого труда, а главное, желания обеих сторон принять участие в коммуникации.

При моделировании педагогических ситуаций нужно считаться со специфическим менталитетом обучающихся. Наибольшие трудности возникают на этапе довузовской подготовки – в период адаптации и социализации иностранных студентов к новым условиям проживания и обучения [1]. Организация межкультурного общения требует от преподавателя соответствующей психолого-педагогической подготовки и достаточных знаний в области этнопсихологии и этнопедагогики как основы совершенствования учебно-воспитательного процесса [4].

Важно также подчеркнуть, что следуя конфуцианским традициям, китайцы в то же время стараются избегать неприятностей, конфликтов и проблем. Самое страшное для них – это «потерять лицо», то есть репутацию. Поэтому китайские студенты очень болезненно реагируют на прилюдные замечания преподавателя, тем более на повышение голоса [5].

Нельзя не отметить, что многие китайские студенты очень исполнительны, дисциплинированы и работоспособны, что помогает им усваивать большой по объему лексический и грамматический материал [6], однако проблемой является уровень владения китайскими студентами не только английским языком, но и русским. Низкий уровень владения языками часто не позволяет студентам понять преподавателя, в то время как у преподавателя нет возможности опереться на языковые реалии китайского языка [3].

Обучение китайских студентов английскому языку в Беларуси является нелегкой задачей, поэтому преподавателям необходимо учитывать в подготовке своих занятий принципы обучения иностранному языку. Для построения эффективной системы обучения китайских студентов иностранному языку необходим учет и применение в практике преподавания широкого диапазона дидактических, обще- и конкретно-методических принципов, а также принципов, которые лежат в основе современных подходов обучения иностранным языкам.

В практике преподавания английского языка китайским студентам белорусскому преподавателю следует обратить особое внимание на конкретно-методические принципы формирования языковой, межкультурной и межкультурной компетенций. Среди наиболее эффективных стоит отметить принцип речевой направленности процесса обучения, принцип адекватности упражнений особенностям речевой деятельности на английском языке, принцип моделирования ситуации межкультурного общения, принцип рационального использования второго иностранного языка (в нашем случае – русского), принцип модульности, принцип посильности, системности и достаточности упражнений, принцип учета личностных потребностей китайских студентов [2].

Одной из слабых сторон языкового образования китайских студентов в Беларуси является невозможность реализации одного из базовых принципов обучения иностранному языку. Этим принципом является опора на родной язык. В данной ситуации перед преподавателем стоит задача всё-таки постараться хотя бы частично реализовать этот принцип. Для решения данной задачи рекомендуется создавать трёхязычные учебные материалы, в которых параллельные списки слов, параллельные тексты и некоторые задания представляются на трёх языках – русском, английском и китайском. Это позволит студентам не только лучше понять содержание обучения, но и одновременно совершенствовать коммуникативные иноязычные компетенции на русском и английском языках.

Вторым методическим приемом, который может использовать преподаватель, является билингвальный перевод. Так, студентам на занятии предлагается осуществлять последовательный перевод текста или диалога с английского на русский и на китайский языки.

Учёт рассмотренных особенностей и использование предлагаемых нами методических приемов будет способствовать более глубокому усвоению языкового материала китайскими студентами, их более комфортной адаптации к условиям обучения, а также повышению интереса к образовательным программам республики Беларусь.

Литература

1. Баранова, И. И. Особенности обучения и адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде вузов Российской Федерации / И. И. Баранова, К. М. Чуваева // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 67–72.

2. Оглуздина, Т. П. К вопросу о принципах обучения иноязычной языковой компетенции в теории и методике обучения иностранным языкам / Т. П. Оглуздина // Известия ПГУ им. В. Г. Беллинского. – 2012. – № 28. – С. 922–926.

3. Тимофеева, Е. К. Трехсторонняя интерференция: лингвокультурологический и фонетический аспекты обучения китайских студентов английскому языку в России / Е. К. Тимофеева // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. – 2008. – № 1. – С. 229–232.

4. Особенности работы со студентами иностранцами из стран Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки (довузовский этап) : учеб. пособие / Н. Ю. Филимонова [и др.]. – Волгоград : ВолгГТУ, 2008. – 80 с.

5. Hu, G. Potential cultural resistance to pedagogical imports: The case of communicative language teaching in China / G. Hu // *Language, Culture and Curriculum*. – 2002. – № 15 (2). – P. 93–105.

6. Мясникова, С. В. Особенности обучения китайских студентов английскому языку в высшей школе / С. В. Мясникова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2017. – № 3 (20). – С. 152–153.

References

1. Baranova, I. I., Chuvaeva K.M. (2011). Features of training and adaptation of Chinese students in the multicultural educational environment of universities in the Russian Federation. *Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social sciences*, No. 1, P.67–72.

2. Ogluzdina, T. P. (2012). To the question of the principles of teaching foreign language competence in the theory and methodology of teaching foreign languages. *Izvestia PSU im. V.G. Belinsky*, No. 28, S. 922–926.

3. Timofeeva, E.K. (2008). Tripartite Interference: Linguocultural and Phonetic Aspects of Teaching English to Chinese Students in Russia. *Bulletin of St. Petersburg University*, No. 1, S. 229–232.

4. Filimonova, N. Yu., Romanyuk E. S., Tulupnikova T. Yu., Shchukina N. V. (2008). *Features of work with foreign students from Africa, Asia, the Middle East, Latin America (pre-university stage): textbook. allowance* Volgograd, VolgGTU, 80 p.

5. Hu, G. (2002). Potential cultural resistance to pedagogical imports: The case of communicative language teaching in China. *Language, Culture and Curriculum*, No. 15 (2), P. 93–105.

6. Myasnikova, S. V. (2017). Features of teaching English to Chinese students in higher education. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, No. 3 (20), S. 152–153.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗАГАДКИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ

А.В. Солохов,

кандидат филологических наук, доцент кафедры спецпедагогики и методик
дошкольного и начального образования
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: solakhau@yandex.ru

Д.Ю. Минаш,

студентка 4-го курса факультета дошкольного и начального образования
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: dinoz-o@mail.ru

Познавательные загадки – это тексты-описания лиц, представителей животного и растительного мира, других предметов и явлений. В них речь идёт от имени самого предмета, который нужно отгадать.

Познавательная загадка состоит из двух частей: описания загаданного предмета и ключа для разгадки. Ключ представляет собой рамку с несколькими предложениями из текста загадки. Отдельные слова в рамке заменены точками (по количеству букв пропущенного слова). Если вместо точек правильно вписать слова, в выделенном вертикальном столбце можно прочесть правильный ответ.

Разгадывание познавательных загадок увеличивает плотность урока, способствует развитию речи учащихся.

Ключевые слова: познавательные загадки, текст-описание, ключ для разгадки, первичный синтез, повторение.

EDUCATIONAL RIDDLES IN THE LITERARY READING LESSONS

A.V. Solakhau,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Special Pedagogy and Methods of Preschool
and Primary Education of Mozyr State Pedagogical I. P. Shamyakin University,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: solakhau@yandex.ru

D.J. Minash,

4th year student of the Faculty of Preschool and Primary Education
of Mozyr State Pedagogical I. P. Shamyakin University,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: dinoz-o@mail.ru

Cognitive riddles are texts that describe persons, representatives of the animal and plant world, other objects and phenomena. They speak on behalf of the subject itself, which has to be guessed.

The cognitive riddle consists of two parts: a description of the hidden object and a key to solve it. The key is a frame that is made up of several sentences from the text of the riddle. Individual words in the frame are replaced with dots (according to the number of letters in the missing word). If you replace the dots with letters correctly, you can read the right answer in the highlighted vertical column.

Solving cognitive riddles increases the density of the lesson, and promotes the development of students' speech.

Keywords: cognitive riddles, descriptive text, key for solving, primary synthesis, repetition.

Введение

Младшие школьники охотно увлекаются разгадыванием загадок и поисковой деятельностью. Учитывая эту особенность мы решили создать для них особый вид загадок – познавательные, т. е. тексты-описания лиц (писателей, героев литературных и фольклорных произведений), представителей животного и растительного мира,

других предметов и явлений. В них от имени предмета загадки сообщается о его основных приметах, приводятся наиболее интересные факты из его жизни, полезности человеку, но сам предмет не называется, его нужно отгадать.

Цель исследования – разработать познавательные загадки и приёмы их использования на уроках литературного чтения.

Задачи исследования: разработать познавательные загадки в соответствии с учебной программой по литературному чтению; описать их содержание и структуру; раскрыть приёмы использования познавательных загадок на уроках литературного чтения; определить их возможности на уроке и отношение к ним младших школьников.

Методы и материалы исследования

В процессе исследования нами использовались методы конструирования, эксперимента, анкетирования, статистический, обобщения и описания.

Материалом исследования послужили составленные нами познавательные загадки. Для разработки загадок использовались научные и научно-познавательные издания, а также учебные пособия для начальной школы.

Результаты и их обсуждение

Познавательная загадка состоит из двух частей. Первая часть – описание загаданного предмета, вторая – ключ для разгадки, представляющий собой рамку с несколькими предложениями из текста загадки, в которых отдельные слова заменены точками (по количеству букв пропущенного слова).

Работа с познавательными загадками организуется следующим образом. Учитель говорит детям, что вначале необходимо прочитать первую часть текста загадки, которая находится перед рамкой. Чтобы получить правильный ответ или проверить его, надо прочитать в рамке предложения и вместо точек вставить буквы пропущенных в предложениях слов. Если учащийся не помнит нужного слова, необходимо обратиться к тексту загадки и найти в нём соответствующее предложение, а в предложении – слово, которое надо вписать вместо точек в рамке. Если это сделать правильно, то в выделенном вертикальном столбце и будет находиться правильный ответ.

Познавательные загадки можно использовать на уроках по разным предметам, в т. ч. и на уроках литературного чтения: на этапе первичного синтеза, на уроках обобщения и повторения пройденного материала. При этом на уроках обобщения и повторения познавательные загадки используются дифференцированно: более сильные получают тексты загадок с большим количеством слов, учащиеся среднего уровня подготовки – с немного меньшим количеством слов, слабые – ещё с более меньшим количеством слов. Учащимся предлагаются познавательные загадки о писателях, о героях, о которых будет идти речь в изучаемом произведении, о жанровых видах произведений, о праздниках и названиях произведений.

При изучении творчества Н. Н. Носова в 3-м классе, например, на этапе первичного синтеза мы использовали загадку о писателе, предваряя её следующими словами:

– Сегодня мы познакомимся с произведением писателя, чьи повести и рассказы очень любят дети. Фамилию этого писателя вы наверняка знаете, а если и не знаете, то узнаете, разгадав загадку, текст которой распечатан на карточках, лежащих на партах перед вами:

Писать для детей я начал совершенно случайно. Сперва просто рассказывал сказки своему маленькому сынишке и его друзьям.

Первый мой рассказ назывался «Затейники». Потом были написаны рассказы «Живая шляпа», «Огурцы», «Чудесные брюки» и др.

Полюбили дети мою повесть «Витя Малеев в школе и дома». В 1954 г. по ней снят художественный фильм «Два друга».

Дети охотно читают и сказки о Незнайке. Первая из них – «Винтик, Шпунтик и пылесос». Затем появились «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе», «Незнайка на Луне».

Кто же я?

Первая из сказок — « , Шпунтик и пылесос».
Писать для детей я начал случайно.
Первый мой назывался «Затейники».
Дети читают и сказки о Незнайке.
Полюбили дети мою «Витя Малеев в школе и дома».

Разгадав загадку, учащиеся называют автора, а учитель демонстрирует его портрет, показывает книги писателя. Он обращается к учащимся с вопросом: «А что вы узнали о писателе из загадки?». Если учащиеся упускают какие-то детали, отмеченные в загадке, учитель обращается с вопросами:

- Как начал писать Носов для детей?
- Кому он сперва рассказывал сказки?
- Как назывался его первый рассказ?
- Какие ещё рассказы были написаны Носовым?
- Как называется повесть Носова о Вите Малееве?
- Какой художественный фильм был снят по повести Носова «Витя Малеев в школе и дома»?

– Кто является героем серии сказок Носова, первая из которых называлась «Винтик, Шпунтик и пылесос»?

– Читали ли вы произведения Носова? Если читали, то какие и чем они понравились.

На чтение текста и разгадывание загадки затрачивается до 5 минут урока. Но эти минуты проходят очень активно, так как учащиеся работают все: они читают и запоминают содержание загадки, а также правописание пропущенных в рамке слов, развивают свою речь, внимание, мышление, память. Это значит, что увеличивается плотность урока, а значит и польза для младших школьников. Из 27 учащихся класса, в котором мы проводили урок, самостоятельно справились с заданием 25 учащихся, двоим понадобилась помощь учителя.

Для более глубокого восприятия рассказа Л. Н. Толстого «Акула» предлагаем учащимся разгадать познавательную загадку об этом грозном морском хищнике:

Меня называют морской разбойницей. Врываюсь, например, в косяк сельди и бью её своим большим хвостом. Оглушённой и убитой рыбой потом лакоплюсь. Часто моей добычей становятся пингвины. Опасна я и для человека.

Могу очень долго жить без еды. В это время организм «работает» на масле, хранящемся в печени. Печень моя большая. Она составляет до 35 % массы тела.

В каждой челюсти у меня от 5 до 15 рядов зубов. Они часто выпадают. На месте старых зубов вырастают новые. За десять лет может вырасти и выпасть более 20 тысяч зубов.

Кто я?

За десять лет может и выпасть более 20 тысяч зубов.
Меня называют разбойницей.
На месте старых вырастают новые.
Врываюсь, например, в косяк и бью её своим большим хвостом.
Часто моей добычей пингвины.

Загадку разгадали все 27 учащихся. На это было затрачено также до 5 минут урока. После разгадывания загадки проводится беседа с использованием следующих вопросов:

- О ком была загадка?
- Почему акулу называют морской разбойницей?
- Кто становится добычей акулы?
- Какая у акулы печень?
- Сколько у акулы выпадает и вырастает зубов за десять лет?
- Почему она опасна для человека?

Учитель сообщает, что акула – самая большая рыба на нашей планете, длина её достигает 16–18 м – это больше, чем длина класса.

Познакомившись с такой информацией, дети с большим интересом слушают, а затем читают рассказ и работают над его анализом и синтезом.

В 4-м классе перед чтением стихотворения Б. Заходера «Сморчки» предлагаем учащимся загадку о весеннем грибе сморчке. Каждый учащийся получает карточку с текстом познавательной загадки и ключом к ней.

Я — весенний съедобный гриб. Распространён в умеренной зоне северного полушария. Известен также в Австралии. Меня можно найти в лесу, в парке, в саду. Расту с середины апреля до июня. Особенно обильно развиваюсь после тёплых дождей.

Шляпка моя яйцевидная, коническая. На ней продольные и поперечные складки, часто косые. Окраска её бывает от жёлто-бурой до бурой. Края шляпки сростаются с ножкой. Ножка буроватая, бороздчатая, внутри полая.

Назовите меня.

<i>Я – весенний</i>	<i>.</i>	<i>гриб.</i>
<i>Распространён в</i>	<i>.</i>	<i>зоне северного полушария.</i>
<i>Особенно</i>	<i>.</i>	<i>развиваюсь после тёплых дождей.</i>
<i>Расту с середины</i>	<i>.</i>	<i>до июня.</i>
<i>Ножка буроватая,</i>	<i>.</i>	<i>, внутри полая.</i>
<i>Шляпка моя яйцевидная,</i>	<i>.</i>	
<i>На ней продольные и поперечные.</i>	<i>.</i>	<i>, часто косые.</i>

- О чём шла речь в загадке?
- Почему гриб так называется?
- Когда собирают сморчки? – Где растут эти грибы?

Изучение литературы в 4 классе начинается с изучения отдельных произведений устного народного творчества. Учащиеся знакомятся с легендами, былинами, сказаниями. Перед тем как прочитать сказание «Ярило» [1, с. 11–14], предлагаем детям отгадать познавательную загадку:

Я – Бог солнца, источника света и тепла. От меня человек получил огонь. Отвечаю за основы земледелия и плодородия земного.

Являюсь в образе молодого прекрасного юноши. Ношу одежды белого цвета. На голове – венок из весенних цветов. В руке – горсть ржаных колосьев. Езжу верхом на белом коне. Мой конь ретивый. Он бежит по лесам, холмам и долам. Вслед ему пробуждается природа, возрождаясь после зимней спячки. А куда я ступлю босыми ногами, там тотчас вырастает густая рожь.

В старину в мою честь устраивали шумные игрища, пиры, ярмарки и кулачные бои. Меня встречали с приходом Масленицы и провожали во время летнего праздника Купалы.

Кто я?

Отвечаю за основы	и плодородия земного.
Являюсь в образе молодого юноши.
На голове – венчик из цветов.
Ношу одежды цвета.
Езжу верхом на коне.

Беседу по содержанию загадки проводим по вопросам:

- Кто такой Ярило?
- От кого человек получил огонь?
- За какие основы отвечает Ярило?
- Как выглядит Ярило?
- Какого цвета он носит одежды?
- Что у него на голове?
- Что он держит в руке?
- На ком ездит Ярило?
- Что в старину устраивали в честь Ярило?
- Когда встречали его?
- Когда его провожали?

В учебнике дан небольшой рисунок Ярилы. Предлагаем учащимся рассмотреть его и сказать, соответствует ли рисунок тому, о чём они узнали из текста загадки. Какие представления дополняет рисунок?

Затем мы знакомимся с текстом, помещённым в учебном пособии.

Познавательные загадки можно использовать при повторении разделов в конце учебного года. Так, в 3-м классе при повторении в конце учебного года можно предложить следующие познавательные загадки:

1. Я родился 2 апреля 1805 года в Дании. Вырос в бедной семье. В 14 лет поехал в Копенгаген. Там из жалости был принят в Королевский театр Дании. Некоторое время исполнял второстепенные роли. Но актёр из меня не вышел. Я стал писателем. Являюсь автором 3381 произведения. Наибольшую известность мне принесли сказки. Среди них – «Гадкий утёнок», «Дюймовочка», «Снежная королева», «Принцесса на горошине». Мои сказки переведены на 150 языков мира. Героиня сказки «Русалочка» стала символом столицы Дании. В Копенгагене ей поставлен памятник.

Кто я? (84 слова, высокий уровень.)

Героиня сказки « »	стала символом столицы Дании.
Вырос в	семье.
Мои сказки	на 150 языков мира.
В 14 лет	в Копенгаген.
Являюсь	3381 произведения.
Наибольшую	мне принесли сказки.
Я родился 2	1805 года в Дании.
Некоторое время	второстепенные роли.

Ответ: Андерсен.

2. Я – герой шведской народной сказки. Мечтал увидеть южные страны. Однажды на берегу океана мне встретился лебедь. Он согласился показать мне свой рай. Я увидел большие зелёные равнины, леса, горы. Мы пролетали над великолепными замками с парками. Серебристые ручьи превращались в маленькие озёра. Этот рай оказался и моим раем. Лебедь научил меня любить родину.

Кто я? (55 слов, средний уровень.)

<i>Однажды на</i>	<i>. . . океана мне встретился лебедь.</i>
<i>Он согласился</i>	<i>. . . мне свой рай.</i>
<i>Мы</i>	<i>. . . над великолепными замками с парками.</i>
<i>Лебедь</i>	<i>. . . меня любить родину.</i>
<i>Я увидел большие</i>	<i>. . . равнины, леса, горы.</i>
<i>Серебристые</i>	<i>. . . превращались в маленькие озёра.</i>
<i>Я – герой</i>	<i>. народной сказки.</i>

Ответ: *Гаральд.*

3. Я – герой одного из стихотворений Самуила Маршака. «Расшумелся первый класс и бушует целый час. Поднял шум дежурный Миша». Все кричали: – Тише, тише! Некоторые выкрикивали, орали. Учительница пеня даже убежать хотела из класса. Тут и я явился. «И сказал ученикам: – Не учи молчать другого, а молчи побольше сам!»

Кто я? (49 слов, низкий уровень.)

<i>Расшумелся первый класс и</i>	<i>. целый час.</i>
<i>Не учи молчать</i>	<i>. . . , а молчи побольше сам!</i>
<i>Я – герой</i>	<i>. из стихотворений Самуила Маршака.</i>
<i>Поднял</i>	<i>. . . дежурный Миша.</i>
<i>Некоторые выкрикивали,</i>	<i>.</i>
<i>Учительница</i>	<i>. даже убежать хотела из класса.</i>

Ответ: *Угомон.*

Проведённое анкетирование учащихся показало, что разгадывать познавательные загадки им интересно, большинство из них хотели бы работать с такими загадками почаще.

Выводы

Разгадывание познавательных загадок увеличивает плотность урока, вызывает интерес к изучению предмета, содействует развитию речи учащихся: дети читают и запоминают лексику, данную в загадках, расширяя свой словарный запас, правописание слов, чему способствует неоднократное обращение к тексту познавательной загадки.

Литература

1. Воропаева, В. С. Литературное чтение : учеб. пособие для 4 кл. учреждений общ. средн. образ. с белорус. и русс. яз. обучения : в 2 ч. / В. С. Воропаева, Т. С. Куцанова, М. Н. Стремек. – Минск : Нац. ин-т образования, 2018. – Ч. 1. – 142 с.

References

1. Voropaeva, V. S. (2018). Literaturnoe chtenie: ucheb. posobie dlja 4 kl. ucherezhdений obshh. sredn. obraz. s belorus. i russ. jaz. Obuchenija : v 2 ch, Minsk, Nac. in-t obrazovanija, Ch. 1.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СКАФФОЛДИНГА В ДИСТАНЦИОННЫЙ КУРС ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.И. Суббота,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: k.subbota@yandex.ru

В статье анализируются основные принципы предоставления педагогической поддержки учащимся на занятиях иностранного языка, изучаются аспекты, типы и методы скаффолдинга в контексте онлайн обучения, предлагаются способы реализации стратегий педагогической поддержки на онлайн занятиях. Статья направлена на выявление эффективных методов применения скаффолдинга при синхронном и асинхронном дистанционном обучении. На каждом этапе гибридной модели дистанционного обучения предложены и описаны технологии внедрения скаффолдинга. Делается вывод о том, что технология педагогической поддержки при онлайн обучении иностранному языку является одним из самых важных компонентов, создает ситуацию успеха, повышает мотивацию учащихся и их заинтересованность к изучаемому языку.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, скаффолдинг, дистанционное обучение, синхронное и асинхронное обучение.

SPECIAL FEATURES OF SCAFFOLDING IMPLEMENTATION IN AN ONLINE ENGLISH COURSE

E.I. Subbota,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Foreign Languages
of Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: k.subbota@yandex.ru

The article analyzes the basic principles of providing scaffolding to students in foreign language classes, studies the aspects, types and methods of scaffolding in the context of online learning, suggests ways to implement strategies for pedagogical support in online classes. The article is aimed at identifying effective methods of using scaffolding in synchronous and asynchronous distance learning. At each stage of the hybrid distance learning model, technologies for implementing scaffolding are proposed and described. It is concluded that the technology of pedagogical support in online learning a foreign language is one of the most important components, creates a situation of success, increases the motivation of students and their interest in the language being studied.

Key words: scaffolding, pedagogical support, online learning, synchronous and asynchronous learning.

Потребность в формировании качественных знаний постоянно растет. Дистанционное обучение в последние годы остается одним из самых перспективных направлений модернизации образования. В процессе формирования навыков и развития умений студенты проходят промежуточный этап, на котором им нужна поддержка в виде опор – скаффолдинг (англ. *scaffolding* – опоры, строительные леса). Особенно важны опоры в условиях дистанционного обучения, где мотивация студентов во многом зависит от используемых ресурсов и технологических инструментов, которые помогают обеспечить педагогическую эффективность учебного процесса.

Целью данной статьи является выявление эффективных инструментов скаффолдинга при синхронном и асинхронном онлайн обучении иностранному языку. Это исследование направлено на понимание природы онлайн обучения, изучение аспектов, типов и методов обеспечения поддержки в контексте онлайн обучения, предложение способов реализации стратегий создания педагогической поддержки на онлайн занятиях.

Как отмечалось ранее, «результативность дистанционного обучения во многом зависит от преподавателя, от того, насколько он сумеет оптимально выстроить процесс обучения, взаимодействие обучающегося с эффективными ресурсами и систему формирования конкретных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции» [2, с. 277]. Кроме того, эффективность дистанционного обучения иностранному языку зависит от качества взаимодействия преподавателя с учениками. Именно технология педагогической поддержки (скаффолдинг) способствует повышению мотивации учеников, создает ситуацию успеха на занятиях, помогает получить конструктивную обратную связь преподавателю от студентов, а также студентам от преподавателя. Технология учебного скаффолдинга основана на идее когнитивного психолога Дж. Брунера, которая заключается в использовании опор на занятиях, которые помогают решить проблему, заведомо превышающую возможности ученика. Стоит отметить, что базовой характеристикой данной технологии является «угасающая помощь», где по мере формирования компетенций опоры убираются, и ученик способен выполнить задание самостоятельно [6, с. 93].

Технология педагогической поддержки является широко исследуемой темой в контексте традиционных занятий в классе. В связи с растущей потребностью в высококачественных дистанционных курсах преподавателям необходимо понимать природу среды онлайн-обучения, чтобы можно было внедрить педагогическую поддержку в данный формат обучения.

По мнению Х. ван де Пол, можно выделить шесть видов средств и приемов оказания педагогической поддержки ученику, которые включают обратную связь, подсказки, инструктаж, объяснения, моделирование и вопросы. Подбор комбинации средств зависит от использования типа стратегии скаффолдинга – дозирование, постепенное уменьшение, передача ответственности от преподавателя ученику [5, с. 283].

В. Н. Гречина выделяет следующие виды скаффолдинга при обучении иностранному языку: строгий (предопределение сопровождения обучения) и умеренный (поддержка относительно индивидуальных потребностей обучающихся). Средства скаффолдинга включают ресурсы, задания в соответствии с уровнем владения иностранным языком, а также примеры, образцы, руководства и инструкции [1, с. 57].

Онлайн обучение требует определенных стратегий, позволяющих эффективно решать задачи урока, в том числе и реализацию скаффолдинга. Понятие технологически усовершенствованного скаффолдинга впервые было предложено М. Ханнафином, а также доработано Д. Гаррисоном и Т. Андерсоном, которое включает следующие интерактивные функции технологии педагогической поддержки: стимуляция, проработка, подтверждение, навигация и запрос [4, с. 115]. Первая функция выполняет роль синхронизации процесса обучения в группе. Также скаффолдинг способствует проработке информации, где существующий материал дополняется новым. Функция подтверждения связана с предоставлением обратной связи, которая может быть получена с помощью опросников. Навигационная функция помогает студентам ориентироваться в большом количестве внедряемых технологий, учебном контенте, а также способствует взаимодействию друг с другом. Кроме того, компьютерные системы и интернет используются для повышения интереса учащихся к изучаемому предмету, побуждают к поиску информации, таким образом, формируется запрос на знания [3, с. 32].

При дистанционном обучении средства педагогической поддержки можно разделить на два типа в зависимости от формата преподавания – асинхронного и синхронного. Асинхронное обучение является неотъемлемым компонентом дистанционного курса, которое обычно реализуется на базе систем управления обучением (LMS), электронной почты и доски обсуждений. Данный формат позволяет обучающимся

заходить в систему обучения, выполнять задания, задавать вопросы, получать обратную связь в удобное время. Учитывая характер асинхронного режима, высокий уровень автономности обучающихся, скаффолдинг необходим для успешного прохождения курса. М. Ханнафин предлагает использовать такие технологии поддержки, как вопросы-подсказки, экспертное и равноправное моделирование, инструменты обработки данных для улучшения концептуального понимания изучаемого материала, метапознания [4, с. 118]. Создание непрерывного присутствия преподавателя (инструктора) во время обучения, которое достигается с помощью усовершенствованных технологий, используется на протяжении всего курса, соответствует темпу обучения студентов и удовлетворяет их учебные потребности.

В начале дистанционного курса необходима поддержка в виде инструкций, руководства пользования системой управления обучением. Подробное описание ожиданий от курса, программы курса, этикета обсуждения, расписания и других инструкций поможет студентам ощущать себя более уверенными, обрести чувство безопасности перед прохождением самих модулей. Инструкции могут быть оформлены в виде онлайн брошюры или презентации, к которой студент может вернуться всякий раз, когда сталкивается с проблемой. Следующий этап асинхронного обучения, на котором может быть предложена педагогическая поддержка, – это предоставления глоссария или списка терминологии и определений по курсу, концептуальные карты и дополнительные материалы, на которые предоставлены ссылки для перехода или скачивания. Еще одним важным аспектом при асинхронной форме обучения является динамическая поддержка, которая включает персонализированный подход к каждому студенту, альтернативное объяснение ключевых понятий, использование ключевых инструментов и ресурсов для дифференцированного обучения [4, с. 121].

Чтобы сохранять высокую мотивацию студентов, преподаватель может участвовать в обсуждениях (discussion board), давать постоянную обратную связь. Важным компонентом асинхронного обучения является мониторинг успеваемости учащихся, где основной стратегией педагогической поддержки может стать предоставление шаблонов, рабочих примеров, как следует выполнять задание. После предоставления материала преподаватель может предложить пройти тест или викторину на проверку понимания темы. Для того, чтобы студент мог оценить собственный прогресс и возможно улучшить успеваемость, необходимо разместить на LMS контрольный список задач, с помощью которого студенты смогут следить за своим прогрессом и успеваемостью.

Дистанционное обучение может проходить не только асинхронно: студенты могут собираться в определенное время на согласованной заранее онлайн платформе для обучения синхронно. Данный формат способствует вовлечению студентов в учебную среду, обеспечивает социальное взаимодействие учащихся. Синхронное обучение помогает преподавателю оказывать педагогическую поддержку через обсуждения, а также интерактивную обратную связь. При синхронном обучении скаффолдинг может быть реализован через интерактивное общение с преподавателем курса, а также с одногруппниками. Конструктивная обратная связь, который осуществляется в синхронном режиме, может побудить студентов к более активному участию в обсуждениях. Таким образом, чтобы наладить социальное взаимодействие между участниками курса, преподавателю следует активно участвовать в обсуждениях, поощрять взаимодействие и сотрудничество студентов через обратную связь.

Важно отметить, что педагогическая поддержка направлена на постепенное повышение автономии студента, поэтому скаффолдинг активно используется в начале курса. По мере его прохождения объем предоставляемой поддержки сокращается. Предоставляемая поддержка может корректироваться на протяжении всего курса

в соответствии с учебными потребностями студентов, что подразумевает предоставление опор на случай непредвиденных обстоятельств. Когда студенты могут усвоить концепцию обучения, принять собственное решение об обучении и отрегулировать свое мышление, происходит передача ответственности от преподавателя к ученикам.

Саморегуляция и автономия в обучении – важнейшие факторы проектирования успешного онлайн-курса. Таким образом, для преподавателей (инструкторов) важно разработать дистанционный курс таким образом, чтобы студенты могли регулировать свое обучение. Пошаговое использование стратегии педагогической поддержки помогает студентам создать автономию при обучении онлайн. Как и занятия в классе, скаффолдинг в онлайн-контексте состоит из трех аспектов: дозирования, постепенного уменьшения помощи, передачи ответственности от преподавателя ученику. Данные типы педагогической поддержки применимы как в синхронном, так и в асинхронном обучении. В режиме синхронного обучения поддержка предоставляется в основном за счет динамического взаимодействия между преподавателем и учениками. Результаты этого исследования предполагают, что стратегии создания педагогической поддержки должны учитываться и применяться при проектировании дистанционного курса по иностранному языку. Следовательно, необходимо проводить дальнейшие исследования структуры скаффолдинга.

Литература

1. Гречина, В. Н. Применение стратегии скаффолдинга в обучении профессиональному иностранному языку / В. Н. Гречина // Педагогические чтения имени А. А. Куманева: Повышение профессиональной компетентности педагогических работников: вызовы, задачи, перспективные решения. – Лукоянов : Изд-во Лукояновский пед. колледж им. А. М. Горького, 2018. С. 56–59.
2. Кондрахина, Н. Г. Специфика технологий современного дистанционного обучения иностранным языкам / Н. Г. Кондрахина, Н. Е. Южакова // Образование и право, 2020. – № 9. – С. 274–280.
3. Anderson, T. *E-Learning in the 21st Century: A Framework for Research and Practice* / T. Anderson, D.R. Garrison. – New York : RoutledgeFalmer, 2003. – 167 p.
4. Hannafin, M. *Open learning environments: Foundations, methods, and models. Volume II: A New Paradigm of Instructional Theory* / M. Hannafin, S. Land, K. Oliver. – London, 1999. – 140 p.
5. Van de Pol, J. *Scaffolding in teacher – student interaction: A decade of research* / J. Van de Pol, M. Volman, J. Beishuizen // *Educational Psychology Review*. – 2010. – Vol. 22, № 3. – P. 271–296.
6. Wood, D. *The Role of Tutoring in Problem Solving* / D. Wood, J. S. Bruner, G. Ross // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 1976. – № 17 (2). – P. 89–100.

References

1. Grechina, V. N. (2018) *Primenenie strategii skaffoldinga v obuchenii professional'nomu inostrannomu jazyku* [Application of the scaffolding strategy in teaching a professional foreign language]. *In: Pedagogical readings named after A. A. Kumanev: Improving the professional competence of teaching staff: challenges, tasks, promising solutions*, Lukoyanov, 2018 (pp.56–59) (In Russ).
2. Kondrahina, N. G. (2020) *Specifika tehnologij sovremennogo distancionnogo obuchenija inostrannym jazykam* [The features of technologies of modern distance learning foreign languages]. *In: Education and Law*, 2020 (pp. 274–280) (In Russ).
3. Anderson, T., & Garrison, D. R. (2003). *E-Learning in the 21st Century: A Framework for Research and Practice*. – New York : RoutledgeFalmer.
4. Hannafin, M., Land, S., & Oliver, K. (1999). *Open learning environments: Foundations, methods, and models*. In C. M. Reigeluth (Ed.), *Instructional-Design Theories and Models: A New Paradigm of Instructional Theory*.
5. Van de Pol, J., Volman, M., & Beishuizen, J. (2010). *Scaffolding in teacher-student interaction: A decade of research*. *Educational Psychology Review*, 22 (3), 271–296.
6. Wood, D., Bruner, J. S., & Ross, G. (1976). *the Role of Tutoring in Problem Solving*. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 17 (2), 89–100.

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Т.И.Татарина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tativ58@inbox.ru

Н.Ф. Перепечина,

директор государственного учреждения образования «Средняя школа №1 г. Мозыря»
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tativ58@inbox.ru

В статье анализируются возможности применения кейс-технологии в образовательном процессе, представлена образовательная модель, описаны основные стадии ее применения. Делается вывод об эффективности использования данной технологии при изучении предметов гуманитарного профиля. Суть данной технологии – анализ какой-либо реальной практической проблемы с неоднозначным решением, предполагающим совместную деятельность с использованием ранее полученных знаний и самостоятельно полученной дополнительной информации. Предназначение кейс-технологии – развивать способность находить решения практической задачи через совместную деятельность по актуализации знаний, т. е. в ней реализуется субъектно-субъектный тип взаимоотношений учителя и учащихся в обучении. Технология может быть использована в преподавании предметов, среди целей которых можно выделить развитие навыков критического мышления. Особое место здесь занимают такие предметы, как русский язык и литература, так как именно они ориентированы на сотворчество учителя и ученика, принятие решений независимого характера, формирование образа мышления, позволяющего думать и действовать в рамках компетенций, развивать творческий потенциал обучаемых. Данный метод эффективен как в групповой работе учащихся (или работе в парах), так и в индивидуальных заданиях. Кейс-метод совмещает в себе хорошо зарекомендовавшие себя и широко используемые методы: проектный, игровой, ситуативный анализ и многие другие, которые помогают развивать важнейшие для дальнейшей жизни учащихся качества: коммуникабельность, социальную активность, умение представить и отстоять своё мнение и выслушать мнение других.

Ключевые слова: образовательные технологии, новые образовательные технологии, виды образовательных технологий, кейс-технологии, педагогическая модель.

APPLICATION OF NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN

T.I. Tatarinova,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tativ58@inbox.ru

N.F. Perepechina,

Director of the State Educational Institution "Secondary School No. 1 of Mozyr"
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tativ58@inbox.ru

The article analyzes the possibilities of using case technology in the educational process, presents an educational model, describes the main stages of its application. The conclusion is made about the effectiveness of the use of this technology in the study of subjects of the humanitarian profile. The essence of this technology is the analysis of any real practical problem with an ambiguous solution involving joint activities using previously acquired knowledge and independently obtained additional information. The purpose of the case technology is to

develop the ability to find solutions to practical problems through joint activities to update knowledge, i.e. it implements the subject-subjective type of relationship between the teacher and students in teaching. The technology can be used in teaching subjects, among the goals of which one can single out the development of critical thinking skills. A special place here is occupied by such subjects as the Russian language and literature, since they are focused on the co-creation of a teacher and a student, making decisions of an independent nature, forming a way of thinking that allows you to think and act within the framework of competencies, and develop the creative potential of students. This method is effective both in group work of students (or work in pairs) and in individual assignments. The case method combines well-proven and widely used methods: design, play, situational analysis and many others, which help to develop the most important qualities for the future life of students: communication skills, social activity, the ability to present and defend one's opinion and listen to the opinion of others.

Key words: educational technologies, new educational technologies, types of educational technologies, case technologies, pedagogical model.

Введение

Совершенствование современного образования предполагает развитие личности обучающихся, способной к саморазвитию, самооценке, самоанализу. В связи с этим всё чаще учителя используют интерактивные технологии обучения, в том числе и кейс-технологии. Педагогические технологии в настоящее время находятся на этапе развития и объединения в единую научную дисциплину, поэтому вопрос о раскрытии сущности педагогической технологии, определении ее основных признаков и элементов является для нас интересным.

Актуальность темы нашего исследования несомненна, т. к. перед современной школой стоит задача поиска новых, более прогрессивных форм обучения.

Мы ставили **целью** статьи исследовать необходимость и возможность применения кейс-технологии для активизации познавательной деятельности учащихся.

Этой целью обусловлено последовательное решение следующих **задач**:

- показать роль инновационных технологий в развитии современного образования;
- охарактеризовать кейс-технологии как альтернативный путь организации образовательного процесса;
- разработать управленческо-педагогическую модель применения кейс-технологии.

Таким образом, **объектом исследования** является кейс-технология.

Предметом исследования – возможность изучения предметов гуманитарного цикла в школе с использованием кейс-технологии.

В ходе исследования нами были использованы следующие методы: метод анализа теоретических трудов по исследуемой теме, описательный метод, метод типологизации, системный метод. Также были задействованы экспериментальный, сравнительный методы и метод количественного анализа.

Теоретическая значимость работы определяется актуальностью и новизной полученных в ходе исследования данных.

Практическая значимость заключается в том, что результаты могут быть успешно использованы в процессе преподавания русского языка вообще и темы «Жанр характеристики человека» в частности.

Гипотеза: применение кейс-технологии при изучении темы «Жанр характеристики человека» будет способствовать более высоким результатам усвоения данной темы.

Среди новых образовательных личностно-ориентированных технологий, одной из самых эффективных может быть признана кейс-технология в которой объединяются элементы других инновационных методик. Организационно-управленческая модель применения новых образовательных технологий, а именно кейс-технологии, в процессе организации учебно-познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка в 7 классе. Личный вклад авторов состоит в создании организационно-управленческой

модели применения новых образовательных технологий, а именно кейс-технологии, в процессе организации учебно-познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка в 7 классе; в разработке теста «Жанр характеристики человека» для учащихся экспериментальной и контрольной групп. Результаты исследования были апробированы в образовательной деятельности ГУО «Средняя школа № 1 г. Мозыря».

Сам термин, возникший в сфере информационных технологий, распространился в сфере образования не случайно. Его использование в педагогике имеет под собой серьезные объективные причины. В любой сфере деятельности человека создание и широкое применение технологий ведет к усилению возможностей и повышению потенциала данной сферы, а также к опосредованному развитию других смежных сфер человеческой деятельности. Педагогика не является исключением. Педагогические технологии – качественно новая ступень в развитии «производственного аппарата» педагогики. Понятие технология (от греческого *techne* – искусство, мастерство, умение, *logos* – учение) имеет множество трактовок. Исторически понятие «технология» возникло в связи с техническим прогрессом и представляет собой совокупность знаний о способах и средствах обработки материалов. С целью более эффективного усвоения темы «Жанр характеристики человека» нами была разработана модель применения кейс-технологии, представленная в таблице 1.

Таблица 1. – Модель применения кейс-технологии

Структурные компоненты	Содержание структурных компонентов
Цель	Более эффективное усвоение темы «Жанр характеристики человека»
Базовые ценности	ЧЕЛОВЕК ЗНАНИЕ (наука – ценность знания, стремление к истине, научная картина мира, труд и творчество – уважение к труду, творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость; искусство и литература – красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие).
Основные принципы воспитания	Индивидуально-личностное развитие. Нравственный пример педагога.
Основные направления	<ul style="list-style-type: none"> • воспитание нравственных чувств, убеждений, этического сознания; • воспитание трудолюбия, сознательного, творческого отношения к образованию
Создание условий для развития личности	<ul style="list-style-type: none"> • Педагогический коллектив стремится создать в школе условия для духовно-нравственного гармонического развития личности. • Педагогически целесообразно используется предметно-эстетическая среда школы. • Имеется необходимая учебная и учебно-методическая база.
Приоритетные виды деятельности	<ul style="list-style-type: none"> – познавательная деятельность; – художественно-эстетическая деятельность; – социально-ориентационная деятельность; – ценностно-ориентировочная деятельность; – творческая; – исследовательская; – поисковая.
Формы работы	Исследовательская деятельность.

Продолжение таблицы 1

Субъекты воспитания	<ul style="list-style-type: none"> • администрация школы, в лице директора и его заместителей; • работники школы: учителя; • учащиеся школы: 7-е классы.
Ведущие образовательные технологии	Кейс-технология.
Типы взаимодействия учителя и обучающегося	<ul style="list-style-type: none"> • сотрудничество; • сотворчество; • соуправление.
Управление образовательным процессом	Контроль осуществляет учитель. Учащиеся осуществляют самоуправление.
Ожидаемый результат реализации модели	Применение экспериментального изучения с помощью кейс-технологии жанра характеристики человека должно способствовать более высоким результатам усвоения темы «Жанр характеристики человека».

Одной из задач нашего исследования явилась разработка модели урока русского языка на тему «Жанр характеристики человека» с применением кейс-технологии, которая изучается как жанр в 7 классе. Выбор темы не случаен, т. к. в подростковом возрасте учащиеся особенно чутки к оценке личности и к самооценке, остро воспринимают критику, а потому способны выделить положительные и отрицательные качества как в окружающих, так и в себе. На диагностическом этапе с целью определения уровня владения темой «Жанр характеристики человека» было проведено анкетирование учащихся 7 «А» и 7 «Б» классов ГУО «Средняя школа № 1 г. Мозыря». Анкета включала 10 тестовых заданий. В день заполнения анкеты в 7 «А» классе присутствовало 24 человека, в 7 «Б» классе – 19 человек. Т. е. общее количество участников составляло 43 человека.

В анкету были включены следующие вопросы: 1. Что вы знаете о жанре «характеристика человека»? 2. Дайте определение. 3. Какие виды характеристики существуют? 4. Кого/что может описывать характеристика? 5. В каких случаях может быть использована самохарактеристика? 6. К какому типу речи может быть отнесена характеристика? 7. В каком стиле может быть представлена характеристика? 8. Соотнесите противоположные разновидности характеристики. 9. Какова композиционная схема характеристики внешности? Обозначьте цифрами последовательность. 10. Как вы считаете, знание жанра характеристики пригодится вам в будущем?

В 7 «Б» классе было 33 % правильных ответов, 25 % – частично правильных, 42 % – неправильных. Наибольшее затруднение вызвали тестовые задания № 8 и 9.

Констатирующий эксперимент, проведенный в тестовой форме, показал, что учащиеся недостаточно хорошо знают особенности данного жанра, а оглашение результатов тестов позволило пробудить интерес к данной теме. Результаты эксперимента были предсказуемы, т. к. в соответствии с действующей программой на изучение данной темы отводится лишь 4 часа. Предусмотрено рассмотрение таких вопросов: «Содержательные особенности портретной характеристики», «Композиционное строение портретной характеристики», «Языковые особенности портретной характеристики» и «Внутренний мир человека и его внешность. Написание портретной характеристики».

Цель нашего эксперимента – показать, что с помощью использования кейс-технологии можно сделать изучение темы «Жанр характеристики человека» более привлекательным, интересным и продуктивным и разработать оптимальный вариант работы над темой с использованием кейс-технологии.

Урок, отведённый на изучение темы с использованием кейс-технологии, на наш взгляд, должен стать итоговым обобщающим уроком, на котором учащиеся представят результаты своих исследовательских заданий по теме.

В формирующем эксперименте предполагается участие 7 «А» класса. В качестве контрольного класса был представлен 7 «Б» класс, в котором урок предполагалось провести с использованием традиционных методов и форм работы.

Задачи:

- 1) определить эффективность усвоения материала с помощью кейс-технологии;
- 2) построить систему изучения жанра с помощью кейс-технологии;
- 3) апробировать данную систему при изучении жанра характеристики.

Гипотеза: применение кейс-технологии при изучении жанра характеристики человека должно способствовать более высоким результатам усвоения данной темы. Нами был разработан следующий **план эксперимента:**

1. Констатирующий эксперимент – определение уровня владения учащимися темой «Жанр характеристики человека» в форме тестирования.
2. Формирующий эксперимент – распределение групповых и индивидуальных заданий по теме «Жанр характеристики человека».
3. Апробация результатов применения кейс-технологии в экспериментальном классе.
4. Контрольный этап – сравнение результатов изучения жанра характеристики с использованием традиционной методики и с использованием кейс-технологии.
5. Обобщающий этап – внедрение разработанной модели изучения жанра характеристики человека с использованием кейс-технологии в 2020–2021 учебном году в ГУО «Средняя школа № 1 г. Мозыря».

В рамках эксперимента мы предложили учащимся несколько **кейс-задач**, решение которых носило как групповой, так и индивидуальный характер:

- 1) отметить основные особенности разновидностей жанра характеристики (индивидуальное задание);
- 2) оформить кластер систематизирующий информацию о жанре «Характеристика человека» (групповое задание);
- 3) представить характеристику человека и самохарактеристику в разных стилях (индивидуальные задания);
- 4) отобрать стихотворения А. С. Пушкина с образами рафаэлевских мадонн (групповое задание);
- 5) сопоставить литературные (словесные) и художественные портреты кисти великих живописцев во время «посещения» необычной портретной галереи в форме компьютерной презентации картин с ликами Мадонн (Сикстинская Мадонна, Мадонна Темни, Мадонна Конестабиле Рафаэля и др.) (групповое задание);
- 6) доказать, что сонет А. С. Пушкина «Мадонна», посвящённый Н. Н. Гончаровой, можно считать художественной характеристикой (индивидуальное задание).

В результате представления решённых кейс-задач учащимися под руководством авторов проекта (Т. И. Татариновой, доцента кафедры белорусской и русской филологии; Н. Ф. Перепечиной, директора школы, учителя высшей категории ГУО «Средняя школа № 1 г. Мозыря») получился интересный интегрированный урок по теме «Жанр характеристики человека», сочетающий несколько инновационных технологий: РКМЧП, проектный метод, интегрированное обучение, что позволило сделать урок ярким, необычным, эффективным.

По окончании формирующего эксперимента было проведено итоговое анкетирование. Вопросы для него разрабатывались в точном соответствии с содержанием анкеты, предложенной на этапе констатирующего эксперимента, но с измененной последовательностью. Оценка результатов проводилась по той же системе. Обобщая полученные данные по всем 10 тестовым заданиям контрольного этапа, мы получили следующие результаты: в 7«А» классе – 93 % правильных ответов, 6 % – частично правильных, 3 % – неправильных. В 7«Б» классе – 60 % правильных ответов, 26 % – частично правильных, 24 % – неправильных. Таким образом, по результатам контрольного эксперимента, зафиксирован более высокий уровень владения темой «Жанр характеристики человека» в обеих группах по сравнению с результатами констатирующего среза. Рост показателей экспериментальной группы по количеству правильных ответов на 33 % выше показателей контрольной, что подтверждает эффективность реализованного нами проекта. Итак, применение кейс-технологии в изучении жанра характеристики человека позволило повысить интерес учащихся к проблеме, сформировать ключевые образовательные компетенции, создать авторский «продукт» в результате совместной деятельности по освоению знаний и приобретению навыков действий в новой ситуации для решения проблем (сбор и осмысление информации, умение работать с текстом, соотнесение теоретических знаний и практических навыков, опыт принятия решений и т. д.).

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Совершенствование современного образования предполагает развитие личности учащегося, способной к саморазвитию, самооценке, самоанализу, в связи с чем всё чаще учителя используют интерактивные технологии обучения.

2. Технологию можно определить как процесс последовательного, пошагового осуществления разработанного на научной основе решения какой-либо проблемы.

3. Рассмотрев существующие классификации педагогических технологий, мы выяснили, что все они носят личностно-ориентированный характер, переводя процесс обучения из субъектно-объектного в субъектно-субъектное.

4. Среди интерактивных технологий всё большую популярность получает кейс-технология – интерактивная технология обучения, которая на основе реальных или вымышленных ситуаций направлена не столько на освоение знаний, сколько на формирование у учащихся новых качеств и умений.

5. Кейс-метод совмещает в себе несколько зарекомендовавших себя методов для решения общей проблемы и применим в преподавании любых предметов, среди основных задач которых обучение навыкам критического мышления, принятия решений независимого характера. Самыми удобными для использования данной технологии являются предметы гуманитарного цикла, в частности уроки русского языка и литературы, поскольку на них при работе с текстом обучающиеся учатся мыслить и доказывать свою точку зрения на решение какой-либо проблемы.

6. Выбрав для решения проблему изучения жанра характеристики, мы провели экспериментальное исследование, выявившее недостаточную степень владения обучающимися данной темой.

7. Проект «Жанр характеристики человека» был представлен как решение ряда кейс-задач, предполагавших применение нескольких методов: РКМЧП, ролевою игру, интеграции и др.

8. Презентованный проект доказал, что применение кейс-технологии способствует развитию умения анализировать ситуации, оценивать альтернативы, выбирать оптимальный вариант и составлять план его осуществления и может быть средством формирования ключевых компетенций учащихся на уроках русского языка и литературы.

Литература

1. Бершадский, М. Е. Дидактические и психологические основания образовательной технологии / М. Е. Бершадский, В. В. Гузеев. – М. : Центр «Пед. поиск», 2003. – 256 с.
2. Бордовская, Н. В. Педагогика : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Н. В. Бордовская, А. Л. Реан. – СПб. : Питер, 2011. – 299 с.
3. Гузеев, В. В. Познавательная самостоятельность учащихся и развитие образовательной технологии / В. В. Гузеев. – М. : НИИ шк. технологий, 2004. – 123 с.
4. Загрекова, Л. В. Теория и технология обучения : учеб. пособие для студентов пед. вузов / Л. В. Загрекова, В. В. Николина. – М. : Высш. шк., 2004. – 157 с.
5. Ильин, Е. Н. Путь к ученику. Раздумья учителя-словесника : кн. для учителя / Е. Н. Ильин. – М. : Просвещение, 1988. – 224 с.
6. Селевко, Г. К. Технологии развивающего образования / Г. К. Селевко. – М. : НИИ шк. технологий : Нар. образование, 2005. – 185 с.
7. Селевко, Г. К. Традиционная педагогическая технология и ее гуманистическая модернизация / Г. К. Селевко. – М. : НИИ шк. технологий, 2005. – 144 с.

References

1. Bershadskiy, M. E. (2003). *Didakticheskiye i psihologicheskiye osnovaniya obrasovatelnoy tehnologii*. [Didactic and psychological foundations of educational technology]. Moscow, Center "Ped. search". (School Administration Library) (In Russ).
2. Bordovskaya, N. V. (2011). *Pedagogika uchebnoye posobiye*. [Pedagogy: textbook. manual for higher. study. Institutions]. SPb. : Peter. (Tutorial) (In Russ).
3. Guzeev, V. V. (2004). *Posnavatel'naya samostoyatel'nost uchashihsya i razvitiye obrazovatel'noy tehnologii*. [Cognitive independence of students and the development of educational technology]. Moscow, Research Institute School. Technologies (In Russ).
4. Zagrekova, L. V. (2004) *Teoriya i tehnologiya obucheniya uchebnoye posobiye*. [Theory and technology of teaching: textbook]. Moscow, Higher. School (In Russ).
5. Ilyin, E. N. (1988) *Put k ucheniku. Razdumya uchitelya-slovesnika*. [Path to the student. Reflections of a teacher-literature teacher: book. for the teacher]. Moscow, Education.
6. Selevko, G. K. (2005). *Tehnologii razvivayushhego obrazovaniya*. [Technologies of developing education]. Moscow, Research Institute School. technologies: Nar. Education. (Encyclopedia of educational technologies) (In Russ).
7. Selevko, G. K. (2005). *Tradisionnaya pedagogicheskaya tehnologiya I yeyo gumanisticheskaya modernizaciya*. [Traditional pedagogical technology and its humanistic modernization]. Moscow, Research Institute school. Technologies. (Encyclopedia of Educational Technologies) (In Russ).

МЕТАСИСТЕМНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ: СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Т.Н. Чечко,

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

В статье представлена характеристика метасистемных компетенций студентов-филологов и алгоритм их формирования средствами литературоведческих дисциплин. Установлено, что с учетом основных положений компетентностного и интегративно-модульного подходов в аспекте формирования компетенций особым образовательным потенциалом обладает механизм разноуровневой интеграции, на основании которого и разработаны компоненты интегрально-модульной методики поэтапного формирования метасистемных компетенций. При разработке интегрально-модульной методики использованы методы моделирования профессиональных ситуаций, укрупнения дидактических единиц, драмогерменевтический метод освоения произведений литературы, что позволило оптимизировать содержание образования, интенсифицировать формирование метасистемных компетенций и образовательный процесс в целом.

Ключевые слова: ключевые компетенции, студент-филолог, литературоведческие дисциплины, метасистемные компетенции, операциональный механизм разноуровневой интеграции.

METASYSTEM COMPETENCES OF STUDENTS OF PHILOLOGY: ESSENCE AND METHODS OF THEIR FORMATION

T.N.Chechko,

Cand. Ped. D., Head of the Chair of Belarusian and Russian philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

The article presents the characteristics of the metasystem competencies of philology students and the algorithm of their formation by means of literary disciplines. It is established that, taking into account the main provisions of the competence-based and integrative-modular approaches in the aspect of competence formation, the mechanism of multi-level integration has a special educational potential, on the basis of which the components of the integral-modular methodology for the gradual formation of metasystem competencies are developed. When developing the integral-modular methodology, the methods of modeling professional situations, enlarging didactic units, and the dramogermeneutic method of mastering literary works were used, which made it possible to optimize the content of education, intensify the formation metasystem competencies and the educational process as a whole.

Key words: key competencies, student of philology, literary disciplines, metasystem competencies, the operational mechanism of multilevel integration.

Введение

Информационное общество XXI века выдвигает особые требования к современному педагогу, тем более учителю-филологу. В последние годы в научной литературе все чаще встречается понятие «*миссия педагога*». Это значит, что сегодня учитель-филолог должен не просто транслировать знания, а работать на формирование *метасвойств* воспитанности: активной жизнедеятельности человека-созидателя; способности и готовности к постоянному самосовершенствованию; перспективности мышления и ответственности за результаты своего труда [1, с. 165]. Чтобы быть готовым к реализации этой особой миссии в профессиональном будущем, уже в условиях высшей педагогической школы студент должен не только получить предметные знания,

но стать сильной языковой личностью, эффективным коммуникантом, компетентным специалистом. Компетентным, в трактовке Л. В. Хведченя, значит обладающим *знанием как пониманием, знанием как действовать* – применять знания в условиях педагогической инноватики и широкого социума – *и знанием как быть, поступать* – в соответствии с личностными морально-этическими установками [2, с. 176].

В образовательных стандартах Республики Беларусь требования к профессионально-педагогической подготовке студента-филолога именуется как компетентностные. Профессиональная подготовка в условиях педагогического вуза нацелена, соответственно, на формирование ключевых компетенций студентов [3].

В научной литературе представлено целое множество классификаций компетенций (И. А. Зимняя, А. В. Хуторской, В. И. Байденко, О. Л. Жук) с учетом специфики предметной области, этапа их формирования и психолого-педагогических целей профессиональной подготовки [4], [5], [6].

В аспекте формирования сильной языковой личности, способной к продуктивной коммуникации, нас заинтересовал потенциал литературоведческих дисциплин. Ведь уникальный опыт гениальных мыслителей, классиков литературы, учит нас способам эффективного интеллектуально-коммуникативного воздействия на личность: как достичь единства мысли и действия; как вызвать интерес к актуальной проблеме посредством верных акцентов, «задействовав» не только рациональные, но и эмоционально-образные механизмы психики, используя как понятийные, так и образные возможности языка, «рацио» и «эмоцио» [7, с. 115]. Литературно-образный язык благодаря своей наглядной убедительности и эмоциональности способствует уяснению абстрактных категорий, выступая в качестве дополнительной опоры и конкретизации научных обобщений. Только логическое освоение явлений «убивает» эмоции и, как следствие, воображение – залог развития творческого мышления.

Цели и задачи статьи

С учетом образовательного потенциала этой предметной области мы разработали систему ключевых компетенций будущих учителей-филологов, выделив в особую группу компетенции *метасистемные*. Цель данной статьи – охарактеризовать содержательно-функциональный состав метасистемных компетенций и способы их формирования.

Материал и методы

Комплексный анализ научной литературы и учебно-программной документации позволил определить содержательно-функциональный состав метасистемных компетенций. На основании выделенного в исследовании проблемного поля, предметной области и профессионально-целевых научных положений в качестве концептуального основания формирования метасистемных компетенций была выделена интегративная целостность компетентностного обучения. Данное концептуальное основание явилось методологической основой разработки механизма разноуровневой интеграции и основных компонентов интегрально-модульной методики формирования данной группы компетенций. При разработке основных компонентов интегрально-модульной методики использованы методы моделирования профессиональных ситуаций, укрупнения дидактических единиц, драмогерменевтический метод освоения литературы.

Результаты и их обсуждение

Аналитический обзор исследований в области коммуникативно-деятельностного, системного, историко-генетического и историко-функционального подходов (В. В. Давыдов, Е. С. Антонова, Г. С. Завацкая, Е. Н. Ильин) позволяет утверждать, что важным аспектом научного поиска сегодня является содержание и структура компетенций студентов-филологов, способствующих актуализации культурно-исторических, нравственно-социальных норм и ценностей; интерпретации литературной классики в современном социокультурном контексте; готовности будущих педагогов

к проектированию и решению актуальных социально-педагогических задач. Решение этих стратегически важных для педагога задач обеспечит, с нашей точки зрения, формирование в условиях вуза метасистемных компетенций.

Данная группа компетенций представляет собой дидактический эквивалент общенаучного метода познания, основанного на системном подходе к явлениям и процессам окружающего мира. Она требует освоения мыслительных приемов и операций (сравнение-сопоставление, анализ-синтез), умений группировать и классифицировать объекты на основе тех или иных признаков, прежде всего, в междисциплинарной области.

Системный подход, как известно, вызван потребностью в объединении, синтезе обособившихся аспектов и drobных разделов научного знания. Его применение направлено против односторонне закрепленного и возведенного едва ли не в единственную и конечную цель научного познания метода аналитического разложения предмета изучения на части.

У каждого человека по мере взросления потребность в систематизации предметов и явлений возрастает. Будущему учителю литературы профессионально необходимо интегрировать drobные разделы научного знания, устанавливая связи филологического (между литературой и языком) и искусствоведческого (между литературой и смежными видами искусства) характера [8]. Овладение данными компетенциями отвечает принципам культуросообразности и культуроемкости образования, его высокой насыщенности разнообразными элементами культуры.

Умение применять системный метод на внутридисциплинарном уровне помогает приводить весь сложный и разноликий мир литературы к целостному единству, освобождать анализ литературных произведений от излишнего академизма, избыточного соотношения «всего со всем».

На междисциплинарном – внутрицикловом (филологическом) – уровне это позволяет рассматривать литературу и язык как две взаимосвязанные, целостные и динамически развивающиеся системы, определять между ними четкие связующие звенья, в частности, формировать целостную картину развития русской словесности, начиная с X по XXI век [9, с. 212–214]. В границах учебных дисциплин, изучаемых на филологическом факультете, два основных потока информации лингвистического и литературоведческого характера «движутся», как правило, параллельно, находят применение в разных учебных контекстах и на разных курсах. Так, охватывающая семь веков «История древнерусской литературы» изучается на первом курсе, а «История русского языка», которая насчитывает всего на три века больше, на одном из последних. Вместе с тем развитие древнерусского литературного языка теснейшим образом связано с развитием и преобразованием древнерусской литературы и наоборот. При изучении художественных текстов данного периода следует исходить из представлений не просто о параллелизме языкознания и литературоведения, как, впрочем, и гражданской истории, но и об их синтезе. Много общего обнаруживается в содержании процессов, связанных, с одной стороны, с эволюцией стилистических норм и практикой языкового употребления, а с другой – с развитием литературных стилей как таковых. Таким образом, лингвистический и литературоведческий уровни изучения и преподавания русской словесности X–XVII вв. при всей их специфике тесно связаны между собой и представляют разные аспекты ее освещения. Единство изучаемого предмета (в данном случае это текст художественно-литературного произведения) не должно теряться в многообразии изучающих его дисциплин, эти дисциплины должны представлять собой целостную систему.

На междисциплинарном – межцикловом (искусствоведческом) – уровне это способствует тому, чтобы внутридисциплинарные задачи освоения литературоведческих дисциплин не входили в противоречие с задачами общеэстетическими и обще-

образовательными. Студент-филолог как будущий учитель гуманитарного цикла в общеобразовательной школе должен обладать большой широтой знаний, во-первых, в той отрасли знания, которое преподает, во-вторых, во всех смежных научных областях. Он тем успешнее решает свои профессиональные задачи, чем полнее ориентируется на общую художественно-эстетическую культуру школьника (включая аудиовизуальную, визуальную и аудиальную).

Будущие учителя литературы должны учиться постигать искусство слова как в статике, в отвлечении от динамизма его реального существования (как часть жанрово-видовой системы искусства, например), так и в динамике художественно-исторического процесса (закономерности литературного развития как части закономерностей развития художественной культуры в целом). Также, учителям-словесникам необходимо обладать способностью рассматривать литературные произведения в контексте художественной культуры той или иной эпохи, а также в контексте коммуникативно-эстетической культуры современности. Студента необходимо учить «устанавливать моменты сходства и связи между элементами, и на этой основе характеризовать объект – описывать и объяснять его сущность, обобщать и классифицировать изучаемые объекты на основе междисциплинарных связей, раскрывая при этом такие художественно-эстетические закономерности, которые оставались бы для читателя скрытыми, если бы он изучал каждый вид искусства изолированно друг от друга.

Овладение группой метасистемных компетенций способствует более полному приобщению студентов к такому универсальному средству выявления неповторимой характеристики каждого явления, которая устанавливается путем сопоставления изучаемого явления с другими аналогичными или близкородственными. В основе сравнительно-сопоставительных умений лежат обобщенные уметвенные аналитико-синтетические действия или операции, протекающие в условиях широкого переноса знаний, установления связей и синтеза элементов из разных предметных областей. Познать предмет – означает поставить его в нужную связь с другими предметами, научить чувству общего в отдельном и единичном. Нет и не может быть познания в себе – всякое определение предполагает соотнесение, сравнение с аналогичными явлениями. Для того, чтобы учитель объективно оценивал и трактовал произведения классической литературы, использовал вечные идеи для формирования нравственно-социальных норм и ценностей школьников особую значимость в условиях педагогического вуза обретают формирование: способности и готовности студентов действовать с позиций системного подхода к процессам и явлениям; умения систематизировать, структурировать, классифицировать, а затем, синтезировать объекты в соответствии с заданными признаками; умение устанавливать связи внутри-, междисциплинарного (межциклового) характера.

Таким образом, *метасистемные компетенции – это сложные интегративно-целостные дидактические единицы*. Для их формирования нужны соответствующие педагогические условия и арсенал специализированных дидактических средств. С этой целью нами предложена интегрально-модульная методика поэтапного формирования метасистемных компетенций студентов-филологов. Она разработана на основе *принципа комплексности*, позволяющего включать студентов в различные виды учебной деятельности (аналитико-синтетические, коммуникативно-речевые, материально-предметные) и *принципа профессионально-ценностных ориентаций*, связанных с актуализацией духовно-нравственных ценностей студентов в процессе обучения. В основу процесса поэтапного формирования метасистемных компетенций положен *операциональный механизм разноуровневой интеграции*, который реализован во всех компонентах методики.

На уровне *мотивационно-целевом* он предполагает выстраивание системы учебно-профессиональных целей-мотивов. Например, читать классику, чтобы: установить и проанализировать закономерности развития литературного процесса; выявить образовательные доминанты художественного текста и использовать их в учебно-воспитательном процессе; овладеть мастерством стихосложения; научиться создавать поэтические, эпические, эпистолярные тексты и режиссировать образовательные проекты на материале литературной классики и др. Таким образом происходит активизация мотивационно-потребностной перспективы в личностном коммуникативном развитии и обучении в целом. Студенты получают ответы на важные для их профессионального становления вопросы: чему учит исторический опыт предыдущих поколений; каковы функции литературы как искусства слова в развитии личности, в становлении самодостаточного, прогрессивно мыслящего и успешного человека; как литература влияла (влияет) на формирование общества и становление государственности и т. д.

На *содержательном* уровне методики нами предусмотрена инкрустация в образовательный процесс системы интегративных понятий, полихудожественных образовательных ресурсов. Это значительно усиливает перспективы формирования метасистемных компетенций студентов посредством освоения ведущих категорий в широком историко-культурологическом контексте. Предлагается укрупнение ведущих литературоведческих понятий (например, «стиль эпохи», «прогрессивные линии в истории развития русской литературы») искусствоведческим, историческим материалом с целью формирования способности и готовности будущих учителей-филологов ассоциативно и перспективно мыслить («мыслить веками»), устанавливая актуальные причинно-следственные связи между процессами и явлениями – литературоведческими, искусствоведческими, лингвистическими, филолого-педагогическими, а в итоге и социокультурными [8]. Такой способ оптимизации учебного материала позволяет наглядно продемонстрировать студентам образцы перспективного мышления. Студент осваивает укрупненное знание, понимая причины и закономерности его дальнейшего развития. В таком случае поражение князя Игоря в XII веке мыслится студентами как событие исторической ретроспективы с далекой перспективой (события истории Нового времени). Состоится верное понимание основной идеи, например, «Слова о полку Игореве» – сила славян в единстве. С учетом положений системного подхода эта идея иллюстрируется не только событиями XI века, но и сюжетами и образами А. Блока (цикл «На поле Куликовом»), К. Бальмонта («Славяне, вам светлая слава») и др. Студенты овладеют арсеналом средств эмоционально-художественной выразительности, механизмами создания текста былины, поучения, басни, исторической повести; установят и проанализируют элементы романтизма, реализма в произведениях древнерусской литературы; определяют прогрессивные линии в развитии русской литературы.

Использование таких интегративных понятий, как *принцип художественной идеализации, принцип конкретно исторической типизации, прогрессивные линии развития литературы* способствует:

- освобождению учебного материала от избыточной фактологичности и формированию умений работать с большими объемами научной и художественной информации;
- развитию способности к обобщению, выделению главного в совокупности явлений; развитию перспективного мышления будущего учителя-филолога;
- активизации междисциплинарных связей между литературоведческими, лингвистическими и искусствоведческими дисциплинами.

На уровне *организационно-деятельностном* операциональный механизм разноуровневой интеграции реализуется следующим образом. Происходит упаковка

содержания образования в *интегрированные мультимодули*. Это позволяет структурировать учебный материал с учетом основных закономерностей развития, н-р, древнерусской литературы, обогатить его мультимедийными образовательными ресурсами (гиперссылки на образовательные порталы и платформы, QR-коды и т. д.). Каждый модуль содержит комплекс диагностических средств, что позволяет обеспечить качественный и оперативный контроль качества освоения учебного материала в пределах темы, раздела. Такое структурирование литературоведческих курсов обеспечивает не просто диагностику, а мониторинг сформированности метасистемных компетенций студентов; способности и готовности студентов применять интегральные знания в образовательной практике. Дополненное же содержание образования транслируется посредством *интерактивных форм обучения*. С учетом специфики и объема учебного материала проводятся: лекция-аудиовизуализация («Предпосылки возникновения литературы. Темы и сюжеты литературы Киевской Руси»), лекция-пресс-конференция («Эмоционально-экспрессивный стиль. Эпоха Русского Предвозрождения»), лекция-аналитическое чтение («Трансформация агиографического жанра (на материале «Жития Александра Невского»)), лекция-панорама («Образовательные доминанты в произведениях древнерусской литературы»), экспресс-коллоквиум на знание художественных текстов.

Эффективность формирования компетенций как интегративно-целостных дидактических единиц достигается еще и посредством использования *интерактивных методов обучения*, таких как: моделирование профессиональных ситуаций (подготовка фрагмента урока, посвященного «Повести о Петре и Февронии Муромских»), разработка художественно-образовательных проектов (сценарий праздника «День семьи, любви и супружеской верности»), создание видеомы эмоционально-экспрессивного стиля, алгоритм целостного эстетического анализа художественного текста (на материале «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного»).

Интегрально-модульная методика формирования метасистемных компетенций апробирована в образовательном процессе специальности 1-02 03 04 Русский язык и литература. Иностранный язык (английский) УО МГПУ им. И. П. Шамякина. В результате установлено, что внедрение компонентов данной методики значительно интенсифицирует процесс формирования метасистемных компетенций будущих учителей-филологов на всех его этапах:

– *адаптивном этапе* – проектирование системы учебно-профессиональных целей-результатов компетентного филологического образования; формирование положительной мотивационно-потребностной перспективы овладения метасистемными компетенциями; формирование системы интегративных понятий (принцип художественной идеализации, принцип исторической типизации, усиление личностного начала в литературе и др.). Данный этап реализуется во вводных разделах цикла литературоведческих дисциплин («Эстетическая сущность древнерусской литературы», «Художественное сознание древних славян», «Исследование контактных взаимосвязей слова и изображения»);

– *основном этапе* – выполнение интегративных заданий, инновационных художественно-образовательных проектов; работа с полихудожественными образовательными ресурсами, папкой первокурсника, опорными конспектами лекций, интерактивными читательскими дневниками; формирование основного объема интегративных понятий (эмоционально-экспрессивный стиль, фольклорный синкретизм, принцип художественного обобщения и др.) в рамках основных разделов цикла литературоведческих дисциплин («Система фольклорных жанров: ведущие компоненты народной педагогики», «Эпохальные стили древнерусского искусства», «Исследование типологических связей в литературе и изобразительном искусстве»);

– *интегральном этапе* – выявление опыта деятельности в решении учебных задач, имитирующих социально-профессиональные ситуации, профессионально-ценностных ориентаций будущих учителей-филологов; создание индивидуального художественно-образовательного пространства в процессе разработки видеомы стилиа эпохи, написания сочинения-эссе; внедрение результатов учебно-профессиональной деятельности в образовательную практику вуза и школы. Данный этап реализуется в итоговых разделах цикла литературоведческих дисциплин («Народная этика и эстетика», «Прогрессивные линии в истории развития древнерусской литературы», «Исследование художественно-интерпретационных взаимосвязей литературы и живописи»), в рамках пассивной педагогической практики.

Как показывает практика, формирование метасистемных компетенций, как интегративно-целостных дидактических единиц, возможно с помощью способов адекватных целям, например, реализации операционального механизма разноуровневой интеграции на всех уровнях образовательного процесса: мотивационно-целевом, содержательном, организационно-деятельностном, результативно-оценочном.

Выводы

Таким образом, реализация стратегий и механизмов успешной профессиональной деятельности в школе – миссии современного учителя – возможна в случае определения профессиональных приоритетов и перспектив филолого-педагогической деятельности в педагогическом вузе. Время предъявляет повышенные требования к качеству высшего педагогического образования. Соответствовать этим требованиям невозможно без овладения ключевыми компетенциями, в частности, метасистемными, которые являются главной конституирующей характеристикой будущего преподавателя-филолога. Данная группа компетенций способствует обогащению всех каналов и способов художественной коммуникации, овладению опытом творческой коммуникации, приемами эффективного взаимодействия. Компетенции, с учетом их интегративно-целостной природы, могут быть сформированы в условиях интерактивного образовательного пространства. С этой целью на всех уровнях интегрально-модульной методики формирования метасистемных компетенций реализован механизм разноуровневой интеграции. Это позволило оптимизировать содержание образования посредством укрупнения дидактических единиц, интенсифицировать формирование данной группы компетенций и образовательный процесс в целом. Именно таким образом в условиях педагогического вуза можно обеспечить соблюдение единства трех составляющих «компетентностные требования – компетентностно-ориентированное содержание образования – социально-профессиональная компетентность специалиста».

Литература

1. Научно-методические инновации в высшей школе : сб. ст. / Респ. ин-т высш. шк. ; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск : РИВШ, 2008. – 186 с.
2. Хведченя, Л. В. Проектирование учебной программы по иностранным языкам на основе компетентностного подхода / Л. В. Хведченя // Научно-методические инновации в высшей школе : сб. ст. / Респ. ин-т высш. шк. ; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск, 2008. – С. 172–185.
3. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин = Вышэйшая адукацыя. Першая ступень. Цикл сацыяльна-гуманітарных дысцыплін : РД РБ 02100.5.2272006 : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 01.09.2006 г., № 89. – Введ. 01.09.2006 – (Образовательный стандарт) // Республиканский институт высшей школы [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : nihe.niks.by. – Дата доступа : 27.08.2021.
4. Жук, О. Л. Качество педагогической подготовки в классическом университете в контексте современного менеджмента качества образования / О. Л. Жук // Управление качеством образования: теория и практика : сб. ст. / А. Г. Архипенко [и др.] ; под ред.: А. И. Жука, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск, 2009. – С. 446–467.

5. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Нар. образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.
6. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высш. образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–39.
7. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск : Нац. ин-т образования, 1999. – 240 с.
8. Маслова, Н. В. Ноосферное образование: Научные основы. Концепция. Методология, технология / Н. В. Маслова ; Рос. акад. естеств. наук. – М. : Ин-т холодинамики, 2002. – 339 с.
9. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы: смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. – СПб. : Алетейя, 2001. – 566 с.

References

1. Nauchno-metodicheskie innovacii v vysshej shkole. (2008). [sb. st.]. *Resp. in-t vyssh. shk.* [Scientific and methodological innovations in higher education. [collection of articles] *Rep. in-t higher school*]. Minsk. 186 (In Russ.).
2. Hvedchenja, L. V. (2008). Proektirovanie uchebnoj programmy po inostrannym jazykam na osnove kompetentnogo podhoda. *Nauchno-metodicheskie innovacii v vysshej shkole [sb. st.] Resp. in-t vyssh. shk.* [Designing a foreign language curriculum based on a competency-based approach. *Scientific and methodological innovations in higher education [sat. art.]. Rep. in-t higher school*]. Minsk, 2008. 172–185 (In Russ.).
3. Vysshee obrazovanie. Pervaja stupen. Cikel socialno-gumanitarnyh disciplin = Vyshhejšhaja adukacija. Pershaja stupen. Cykl sacyjalna-gumanitarnyh dycyplin : RD RB 02100.5.2272006 : [utv. postanovleniem M-va obrazovanija Resp. Belarus" ot 01.09.2006 g., № 89]. – Vved. 01.09.2006 – (Obrazovatelnyj standart) // Respublikanskij institut vysshej shkoly [Jelektronnyj resurs]. – 2006. – Rezhim dostupa : nihe.niks.by. – Data dostupa : 27.08.2021 (In Russ.).
4. Zhuk, O. L. (2009). Kachestvo pedagogičeskoj podgotovki v klassičeskom universitete v kontekste sovremennogo menedzhmenta kachestva obrazovanija. *Upravlenie kachestvom obrazovanija: teorija i praktika.* [The quality of pedagogical training at a classical university in the context of modern quality management of education. *Quality management of education: theory and practice*]. Minsk. 446–467 (In Russ.).
5. Hutorskoj, A. V. (2003). Ključevye kompetencii kak komponent lichnostno orientirovannoj paradigmy obrazovanija. *Nar. obrazovanie.* [Key competencies as a component of the personality-oriented paradigm of education. *Public education*]. 2. 58–64 (In Russ.).
6. Zimnjaja, I.A. (2003). Ključevye kompetencii – novaja paradigma rezultata obrazovanija. *Vysshe obrazovanie segodnja.* [Key competencies are a new paradigm of educational outcomes. *Higher education today*]. 5. 34–39 (In Russ.).
7. Anisimov, V. I. (1999). Integrativnye osnovy modelirovanija sodержanija literaturnogo obrazovanija v pedagogičeskom vuze. [*Integrative foundations of modeling the content of literary education in a pedagogical university*]. Minsk : Nac. in-t obrazovanija (In Russ.).
8. Maslova, N. V. (2002). Noosfernoe obrazovanie: Nauchnye osnovy. Konceptija. Metodologija, tehnologija. *Ros. akad. estestv. nauk.* [Noosphere education: Scientific foundations. Concept. Methodology, technology. *Russian Academy of Sciences. natures. sciences'*]. M. : In-t holodinamiki (In Russ.).
9. Lihachev, D. S. (2001). Istoričeskaja poetika russkoj literatury: smeh kak mirovozzrenie i drugie raboty. [*Historical Poetics of Russian Literature: laughter as a worldview and other works*]. SPb. : Aletejja (In Russ.).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Гурьянова Л.Б.	Лексические особенности произведения В.И. Даля «Письма к друзьям из похода в Хиву»	3
Даниленко И.А., Даниленко К.С.	Дейктические средства как основа построения текстового мира (на материале романа В. В. Быкова «Сотников»)	8
Дашкевич Г.М.	Жанрава-стыльёвая адметнасць паэзіі Алеся Разанава ў перыяд творчага станаўлення	12
Дзігадзюк В.П.	Віды маркераў і прыёмы актуалізацыі праспектыўнай прасторы ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай	17
Зайцева И.П.	О своеобразии драматургического диалога в пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных»	21
Колоколова Л.П.	К проблеме исследования оксюморона	27
Кошман П.Р.	Рэпрэзентацыя Радзімы: увасабленне сюжэтаў народных паданняў у літаратурнай баладзе пачатку XIX ст.	32
Кузьмич В.В.	Концепт «Я» и его репрезентация в трагических текстах	36
Ланская О.В.	Художественное пространство в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».....	39
Мазуркевич Л.М., Белягова Ю.В.	Функцыянаванне звароткаў у тэкстах беларускіх чарадзейных казак	44
Николаева С.Ю.	Мотивы «Шестоднева» в сознании героев А.П. Чехова	48
Огнева Е.А.	Моделирование текстовых когнитивных конструктов (на материале произведения Л.Н. Андреева «Весной»)	53
Приходько С.А.	Риторический вопрос как инструмент экспрессивного синтаксиса в полемическом трактате В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (к 100-летию учреждения Советского Союза)	57
Прохоренко Л.В.	Сопоставительная характеристика оригинала и перевода (на материале произведений В. Быкова)	63
Редькин В.А.	Православный календарь в прозе А. П. Чехова и И. С. Шмелева (проблема преемственности)	69
Сергушкова О.В.	Специфика собственно риторических вопросов: семантика, структура, функции (на материале текстов художественных произведений И.С. Тургенева)	79
Соловьёва Н.В.	Глаголы со значением речевой деятельности в «Повести временных лет»: <i>речи vs. глаголати</i>	84
Судибор И.Л., Жамойдик Д.Е.	«Пушкинские штудии» Анны Ахматовой	88
Сузько Е.В.	Специфика отражения духовного мира женщины в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»	94

Татарина Т.И.	Лексическое наполнение концепта «душа» в стихотворениях А. Вознесенского	99
Трощинская-Степушина Т.Е.	Специфика речевого портрета литературного героя	104
Чикиль М.	Особенности вербализации негативных эмоциональных значений в тексте романа И.С. Тургенева «Накануне»	109
Ючко О.Л.	О языковом выражении эмоциональных состояний литературных персонажей (на материале повести И.А. Бунина «Митина любовь»)	114

ТЕКСТ, ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Жук В.І.	Рэпрэзентацыя альфакторных ад'ектываў у англійскай мове	119
Кураш С.Б., Хакамы О.Н.	Русско-немецкие поэтические взаимосвязи: от перевода к интертексту	122
Маметджумаев Х.А.	Речевой портрет туркмена в русскоязычном коммуникативном пространстве (по материалам интернет-источников)	127
Масленникова С.С.	Сопоставительный анализ русских, белорусских и немецких фразеологизмов и паремий с вокальными компонентами	130
Мусяенко В.А.	Лексічная парадыгма дзеясловаў руху з актуалізацыяй ментальнага працэсу (на матэрыяле беларускай і англійскай моў)	134
Рогова Ю.В.	Глаголы деструктивной семантики (на материале итальянской газеты «La Repubblica»)	139
Седых А.П., Нарыжная Д.С.	О статусе австрийских диалектов	143
Старычонок В.Д.	Метафарычная сфера дзеяслоўных дэструктыўных намінацый беларускай мовы	148
Аль-Базечий Талиб Сахиб Дохан	Структурно-семантические виды предложных конструкций в немецком и арабском языках	153
Шиманская О.Ю.	Семантические и морфологические особенности метафоры «змея» в различных языках	159

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО И ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Ахраменко П.Е., Кураш С.Б., Мохорева Н.В.	Организация работы филиала кафедры белорусской и русской филологии в рамках сотрудничества «гимназия – университет» на базе государственного учреждения образования «Гимназия г. Калинковичи»	164
Долбик Е.Е.	Синтаксическая функция фразеологизмов: методический аспект	169

Матусевіч К.М.	Моўная асоба ў сучасным свеце	175
Муратова Е.Ю.	Языковая личность студента в современном обществе.....	178
Потоцкая И.М.	Способы оптимизации обучения английскому языку студентов из КНР	184
Солохов А.В., Минаш Д.Ю.	Познавательные загадки на уроках литературного чтения.....	188
Суббота Е.И.	Особенности внедрения скаффолдинга в дистанционный курс по иностранному языку	194
Татарина Т.И., Перепечина Н.Ф.	Применение новых образовательных технологий в процессе организации учебно-познавательной деятельности учащихся	198
Чечко Т.Н.	Метасистемные компетенции студентов-филологов: сущность и способы формирования	205

МГПУ им. И. П. Шамякина

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 2

Оригинал-макет *Л. Н. Добрянская*

Подписано в печать 29.11.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 27. Уч.-изд. л. 18,23.

Тираж 26 экз. Заказ 25.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 24-61-29.